

Э. КОЛЬЕР
ТРОЕ
ПРОТИВ ДЕБРЕЙ

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

ЭРИК КОЛЬЕР
ERIC COLLIER

ТРОЕ ПРОТИВ ДЕБРЕЙ
THREE AGAINST
THE WILDERNESS

www.dmitriyzhitenyov.com

Э. КОЛЬЕР
ТРОЕ
ПРОТИВ ДЕБРЕЙ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ» • МОСКВА • 1973

57(069)
К 62

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Eric Collier

THREE AGAINST THE WILDERNESS

London 1964

Перевод с английского К. МЕЛЬНИКОВА

Научная редакция, послесловие и примечания
доктора биологических наук Е. Е. СЫРОЕЧКОВСКОГО
и кандидата биологических наук Э. В. РОГАЧЕВОЙ

Художник Г. Е. НИКОЛЬСКИЙ

Глава I

Весь мир, казалось, был охвачен пламенем, когда я увидел впервые Мелдрам-Крик. С холма, где я пока находился в безопасности, было слышно, как пожар движется с севера в сторону ручья. Когда пламя достигло поляны у подножия холма, оно с треском и ревом набросилось на сухую, словно трут, траву. Не прошло и двух минут, как вся поляна ярко пылала. Огонь легко перепрыгнул русло ручья и метнулся к соседним зарослям. Через какие-нибудь пять минут поляна превратилась в черное дымящееся пепелище. И хотя на пихтах еще горели иголки, я знал, что деревья умирают. Невольно мелькнула мысль: «Умирает ручей, умирают деревья, умирает весь этот край».

И все же именно в этом краю мне пришлось вскоре делить свою судьбу с Лилиан. Здесь, в бесплодной, выжженной дикой глуши, которая затем на тридцать лет стала нашим домом, нам предстояло вырастить нашего сына Визи. Здесь мы испытали палящий зной лета и беспощадность пронизывающей холодом зимы. Здесь мы узнали наших единственных соседей: лосей, медведей,

волков и других диких обитателей мшаников и лесов. Некоторые из них, казалось, всегда были готовы оспаривать наше право на существование в их краю. Здесь мы научились мириться с комарами и слепнями, нередко доводившими почти до бешенства своей ненасытной жаждой крови и нас, и наш рабочий скот, и наших верховых лошадей. Мы приняли все это так же, как и радости жизни среди окружавшей нас дикой природы.

Здесь мы делили с Лилиан мгновения покоя, ночлеги в глубине заросшего мхом леса или на берегу какого-нибудь сверкающего пруда, покой которого нарушался до этого лишь стойкой перелетных водяных птиц или разбушевавшимся лосем. Все это было довольно приятно летом, но зимой требовалась спартапская выдержка, чтобы жить в лесах или около прудов, когда земля погребена под снежным саваном толщиной в три фута или более того, когда выдыхаемый воздух замерзал почти сразу же после выхода из легких, когда холод вонзался в наше тело с остротой отточенного охотничьего ножа. И именно тогда, когда зима держала этот дикий край в своих жестких тисках, Лилиан простаивала немало времени в напряженном ожидании у входа в хижину. Она стояла с непокрытой головой, залитая лунным светом, не замечая предательских уколов минусовой температуры, стояла очень тихо, прислушиваясь, не шуршат ли по льду мягкие канадские лыжи-снегоступы, не слышится ли тяжелая поступь верховой лошади, ломающей мерзлую корку на снегу, стояла с немым вопросом на губах: «Почему их нет до сих пор? Что держит их в снегах в этот ночной час?»

Здесь, в этом краю, который сейчас, на моих глазах, превращался в обуглившееся, дымящееся пепелище, нам предстояло пережить немало минут мрачного отчаяния, когда, казалось, катастрофически рушились все наши надежды. И здесь же нам предстояло насладиться благодатными мгновениями невыразимого счастья и удовлетворения достигнутым, когда усилия, наконец, начинали приносить плоды.

Это был Мелдрам-Крик — ручей, куда в те времена, когда бабушка Лилиан — индианка — была ребенком, приходили утолять жажду стада оленей, где шлепали своими хвостами бобры, а форель выскакивала из воды в погоне за мухами, где тысячи уток и гусей копошились среди прибрежных зарослей. Но теперь вода застоялась, а кое-где и вовсе исчезла. Огонь сметал лес с лица земли, деревья уже были мертвы, и, наблюдая с безопасной точки на холме за агонией всего окружающего, я думал лишь о том, что этот край умирает и что нет никого, кто мог бы его спасти.

Этот ручей или, вернее, его истоки я впервые увидел в конце весны 1922 года, и только осенью 1926 года я побывал в том ме-

сте, где он впадает в реку Фрейзер¹ в трехстах с лишним милях к северу от Ванкувера (Британская Колумбия²), если следовать в направлении полета диких гусей.

Я ехал на шестилетнем пегом мерине, глуповатом и смирном на вид, но коварном, как тонкий лед на реке. И хотя сейчас мерин лениво и неуклюже трусил по тропинке медленным шагом, отведя назад уши и полузакрыв глаза, он мог превратиться в ураган неудержимой, яростной энергии, если бы внезапно у его ног вспорхнул тетерев или неосторожно выскочил из зарослей молодого сосняка олень. Случалось, он вставал подо мной на дыбы, этот негодий, и дважды сбрасывал меня с седла. И я понимал, что если бы здесь, где почти на тридцать миль вокруг нет ни одного человека, ему удалось удрать от меня, не скоро удалось бы мне увидеть хоть кончик его хвоста. Поэтому, крепко зажав в левой руке поводья, я держал правую руку над лукой седла, чтобы в крайнем случае вцепиться в нее изо всех сил.

Прожив здесь, в Чилкотинском округе, в глубине Британской Колумбии, уже целый год, я немало узнал об этом странном диком крае. И я с тревогой подумал, что причиной лесного пожара, беспрепятственно охватившего такую большую часть этого края, был не промысл божий, а коробка спичек в руках человека. Здесь все привыкли к тому, что, если нужно накопист для скота свежего болотного сена на какой-нибудь еще несхощенной поляне, следует прежде всего очистить ее от прошлогодней травы. Надо выехать на поляну в солнечный день в конце весны и бросить в траву зажженную спичку, для того чтобы позже, летом, когда придет пора косьбы, сухая трава не цеплялась и не застревала в раме косилки. Возможно, сотни акров леса стали жертвой пламени лишь потому, что кому-то понадобилось освободить от старой травы какие-нибудь двадцать акров земли, предназначенной для покоса.

Впрочем, это не имело значения. В краю, где хвойные леса простираются на многие мили и им не видно конца, древесина не представляет экономической ценности. И идет она здесь разве лишь на то, чтобы поставить забор, наскоро сложить из бревен хижину с покрытой дерном крышей или заготовить на зиму дрова.

Думаю, что впервые эта мысль пришла мне в голову, когда я верхом на лошади переправился через ручей у его истоков и поехал вдоль него вниз по течению. Так бывает, когда человек, мечтающий о собственном доме, видит свободный участок на какой-нибудь улице или проспекте и говорит себе: «Вот где я хотел бы построить дом». В подсознании у меня тогда мелькнула мысль: «Когда-нибудь я сюда приеду и поселюсь у этого ручья». Несколько лет спустя, когда эта случайная мысль уже стала

реальностью, я не раз в бессонные ночи, беспокойно ворочаясь в постели, думал об одном и том же: «Разумно ли я поступил? Стоило ли делать это?» Но тогда со мной была Лилиан. И Визи. Они, как якорь, держали меня у ручья и в ведро, и в ненастье.

На противоположном берегу ручья был окаймленный тонкими ивами луг, занимавший, вероятно, не более половины акра. За ивами вновь царили вечнозеленые сосны Банкаса³. Выехав на луг, я спустился с седла, привязал лассо к концу повода, расстегнул и снял уздечку, чтобы конь мог свободно пастись в траве, доходившей мне до колен. На лугу недавно лежали олени. Еще подъезжая к ручью, я несколько раз видел их свежие следы. Я также спугнул там большого черного медведя⁴, который с таким увлечением обдирает колоду в поисках сочных личинок, что не учуял и не услышал, как я подъехал к нему. Когда же мишка, наконец, почувствовал мое присутствие, я остановил пегого и замер в седле, наблюдая, как неуклюжий зверь несется во всю прыть, чтобы спрятаться в ближайших зарослях молодого сосняка. Тогда медведь не вызвал у меня особого интереса. Еще не настал день, когда убить толстого, облитого жиром черного медведя было для меня поистине вопросом жизненной необходимости. Куда важнее были замеченные мной следы оленей: они говорили о том, что здесь не будет недостатка в мясе, если только умешь охотиться.

Когда пегий подкрепился травой, я проехал полмили вверх по ручью. Он вытекал из озера, протянувшегося узкой полоской в полмили шириной и около трех миль длиной. Ручей еле сочился, как бы стыдясь того, что оказался на видном месте. Уровень озера был так низок, что вода не вытекала из него, а капала. Время близилось к полудню, и казалось, что кроваво-красный шар солнца держится на плотном дыму горящего леса. Я ощутил на языке резкий привкус дыма и понял, что надо повернуть обратно: огонь был уже далеко.

Любопытство потянуло меня вниз по течению ручья. Вода сочилась через песок и гальку, как будто потеряв надежду когда-нибудь достигнуть цели своего движения. Примерно в миле от брода ручей струился по лугу, где некогда жили бобры⁵. Здесь застоявшаяся, вонючая вода едва покрывала черную грязь на дне русла. Я выехал на луг. Сбившаяся, сухая, как порошок, трава шуршала бумагой под копытами моего мерина.

В конце дуга маячили остатки плотины, построенной бобрами. И дальше русло ручья терялось в чаще крепких старых елей. После того как вода проходила через пробойну в плотине, от ручья почти ничего не оставалось. Она просто булькала в песке и медленно стекала в маленький прудик. Передо мной был больной, гибнущий ручей. И гибель его не вызывала никаких сомнений.

Именно тогда я и услышал, как с севера к ручью идет пожар. Инстинкт самосохранения подсказал мне, что нужно уходить с луга и что лучше всего выехать на высокий холм, откуда можно видеть приближение пламени и в то же время быстро ускользнуть, что мне и пришлось сделать через несколько минут.

Там, наверху, в сосновом бору, у подножия деревьев было мало горючего материала, и пламя не могло подняться так высоко, чтобы охватить верхушки сосен. Разрушительная сила пожара проявилась в полной мере, лишь когда огонь достиг луга с его пересохшей травой.

Тогда я не знал, сколько времени нужно Природе, чтобы вырастить одну могучую ель в шестьдесят футов высотой и диаметром в двенадцать дюймов; по ту сторону луга было много таких елей, и из каждой, если бы понадобилось, можно было напилить полторы сотни футов хороших досок. Смолистые ветви спускались до самой земли, и деревья росли так густо, что олень или лось, которому захотелось бы укрыться в их прохладной тени, лишь с трудом пробрался бы между стволами.

Когда огонь дошел до елей, пламя охватило их верхушки. Искры ракетами взлетали в клубящийся вверх дым и, гонимые ветром, падали на землю в сотне с лишним ярдов. И там, где падала искра, вскоре вспыхивало пламя. Я наклонился в седле, ухватившись за луку обеими руками и всматриваясь сквозь дым в остатки плотины, построенной бобрами. И дыра в плотине, через которую тек ручей, показалась мне проемом в ограде, закрывавшимся когда-то воротами.

Мгновение назад луг зеленел, а теперь передо мной было черное пепелище. Его обнажившаяся торфянистая почва осталась незащищенной от капризов погоды. Я сидел в седле не шевелясь, не сводя глаз с дыры в плотине. «Если бы,— думал я,— на лугу сохранилась хоть одна пара бобров, ворота были бы закрыты и перед плотиной во всю длину и ширину луга была бы вода, а не легко воспламеняющаяся трава. Огонь остановился бы и отступил перед водяной преградой, и ели на той стороне луга не загорелись бы». Но в плотине не было ворот, так как бобры давно покинули луг, и казалось, что вместе с ними край покинули все надежды.

Глава II

Девушку, которой предстояло делить свою судьбу с моей в этой глуши, я встретил у грубо сколоченного прилавка затерянной в лесной глуши фактории. Она вошла в лавку вместе с неправдоподобно старой индианкой, которую вела за руку. И эта индианка,

слепая и неграмотная, но знавшая природу своего дикого края, как никто из белых людей, рассказала мне о ручье Мелдрам, о том, каким был этот ручей прежде, до того, как его впервые увидел белый человек. Именно она убедила нас с Лилиан отправиться к ручью и попытаться вернуть туда бобров.

Я работал тогда у англичанина по фамилии Бечер. Лет за пятнадцать до моего рождения он пересек океан в погоне за легкой наживой, рассчитывая получить у североамериканских индейцев ценные меха в обмен на дешевые безделушки. Когда я начал у него работать, ему было уже за шестьдесят. Этот широкоплечий человек в шесть футов два дюйма высотой был худощав, несмотря на крупную мускулистую фигуру, и бремя лег не мешало ему держаться очень прямо. Коленные усы закрывали его верхнюю губу, и, когда я впервые увидел его, я решил, что этот человек лишь недавно расстался с гвардейской формой. У Бечера был большой постоянный двор и фактория на берегу Риск-Крика — несколько деревянных строений, разбросанных по обе стороны единственной государственной дороги, обслуживающей все огромное плато Чилкотин. Риск-Крик представлял собой бурный поток, берущий начало в глубине лесной чащи, примерно в тридцати милях к северу от фактории, и впадавший в реку Фрейзер.

На фактории наряду с прочими обязанностями я должен был следить за кормежкой лошадей и торговать за прилавком, когда англичанин занимался другими делами. За этим деревянным прилавком я приобрел первые навыки в торговле мехами. Начиная с поздней осени и в течение всей зимы индейцы из ближайшей резервации несли сюда шкуры койотов и обменивали их на муку, чай, табак, ситец и другие товары. Время от времени какой-нибудь индеец вытаскивал из своего рогожного мешка связку ондатровых шкурок. В такой связке их редко бывает больше дюжины. В годы, когда я начал торговать пушниной, в тех местах оставалось уже мало ондатр.

И лишь в очень редких случаях на прилавке появлялась блестящая темная шкурка норки. «Что давай за этот штук?» — спрашивал ее смуглый владелец. Я получил инструкцию от хозяина никогда не платить на норковую шкурку деньгами. Это было разумно, так как любой индеец, получив плату за меха, немедленно тратил всю ее до последней монеты на покупку товаров. Деньги были бесполезны для индейца, если он не мог тут же потратить их.

У Бечера я стал работать спустя всего два года после того, как покинул Англию. Даже такой «зрелый» возраст, как девятнадцать лет, имеет свои преимущества. Как увлекательно, например, отказаться в этом возрасте от привычного образа жизни, окунуть-

ся в совершенно новую обстановку и быстро приспособиться к ней. Почти безлюдный дальний край в глубине Британской Колумбии имел для меня такую же притягательную силу, какую имеет солнце для цветка подсолнуха. Зеленые изгороди садов и ручейков сельской Англии всегда привлекали меня гораздо больше, чем скучные предметы вроде алгебры и латыни, которые не менее скучные учителя Нортгемптонской средней школы пытались вбить в мою непонятливую голову.

Четырнадцать лет я уже был владельцем старинного шомпольного дробовика; его сомнительный механизм я знал как свои пять пальцев. Этот дробовик скорее мог свалить меня с ног, чем убить кролика или зайца, в которого я целился. Но это меня не смущало. Охота на кроликов, зайцев, а иногда и на случайно подвернувшегося фазана стала моей подлинной школой. И мне нужна была только эта школа, и только в ней я мог чему-нибудь научиться.

Если бы мое будущее зависело от отца, он сделал бы из меня юриста. В 1919 году он законтрактовал меня в солидную нотариальную контору, и в течение двенадцати месяцев я напрасно тратил свое время и отцовские деньги и истощал терпение двух владельцев конторы, уделяя крохотную частицу своего внимания вопросам передачи имущества, правилам оформления закладов и разводов или делам незаконнорожденных.

Но даже сидя в городском суде и слушая, как адвокат истца пускает в ход все свое красноречие, пытаюсь доказать, что ответчик действительно является отцом внебрачного ребенка, — даже тогда я думал лишь о том, как улизнуть под любым благовидным предлогом в открытые поля или просто побродить у зеленой изгороди садов.

Однажды утром в середине мая 1920 года отец вызвал меня для беседы в свой просторный кабинет. Нортгемптон славился производством обуви, а мой отец был управляющим компании, выпускавшей машины для обувных фабрик.

Я взобрался на мягкий кожаный стул напротив стула отца и сидел тихо и спокойно. Несколько секунд отец молча смотрел на меня.

— Мы с Тимом Кингстоном недавно говорили о тебе, — начал он с напускной небрежностью.

Видно было, что он огорчен и не знает, как начать неприятный разговор. Я сидел не шевелясь. Вильямс и Кингстон были владельцами конторы, куда я был отдан учеником.

— Он сказал мне, — продолжал отец, — что, по его мнению, продление твоих занятий юриспруденцией было бы абсолютно

бесполезной тратой времени. У тебя нет ни малейшего интереса к этой профессии.

Я готов был разрыдаться от досады, но лишь крепче сжал губы и молчал. Отец потратил значительную сумму денег, стремясь сделать из меня юриста, и вряд ли он был виноват, что у меня не было склонности к этой профессии.

— Ты, конечно, мог бы работать здесь, — продолжал отец без особого энтузиазма, — однако не думаю, что и это тебе понравится.

Я прекрасно знал, что это мне не понравится. Два моих старших брата работали на предприятии отца, но у меня производство машин не вызывало ни малейшего интереса.

После недолгого размышления отец продолжал:

— Твой двоюродный брат Гарри Марриот живет в Канаде. Он уехал туда в 1912 году, изучил фермерское дело, и теперь у него своя скотоводческая ферма.

Тут я сразу же вышел из неподвижного состояния, оживленно наклонился вперед, обхватил подбородок обеими руками и оперся локтями о конторку.

— Гарри Марриот в Британской Колумбии, да? — спросил я, еще больше подавшись вперед.

У меня было смутное представление о самой западной провинции Канады, но я еще в школе увлекался описаниями путешествия Маккензи⁶ через всю Канаду к Тихому океану и опасного похода Саймона Фрейзера⁷ вдоль реки, носящей теперь его имя.

Почувствовав, что его слова вызвали у меня внезапный интерес, отец решил не упускать момента. Он утвердительно кивнул головой.

— Он в Британской Колумбии, в Клинтоне, у озера Биг-Бар. Там ты сможешь охотиться сколько угодно. И ловить рыбу. Вокруг его фермы великолепная охота на оленей. Кажется, там есть и медведи. Форель в ручье прямо у его дверей. И конечно, ты станешь сам фермером, а там, через четыре-пять лет... — он остановился, прикрыл один глаз, размышляя (отец никогда не упускал из виду финансовую сторону), затем открыл его и быстро закончил: — Обеспечить тебя практикой юриста стоило бы мне недешево. Возможно, скотоводческая ферма и небольшое стадо не обойдутся слишком дорого, если затраты будут гарантированы.

С тех пор прошло два года, хотя мне казалось, что прошло двадцать два. Год я прожил у Гарри Марриота. Его маленькая ферма была расположена в двадцати пяти милях от Клинтона, небольшого зажатого горами фермерского поселка с деревянными домами, гостиницей и сараем для фуража. Приблизительно в три-

дцати милях южнее Клинтона находился Ашкрофт — ближайшая станция главной линии Канадской Тихоокеанской железной дороги.

Я достаточно потруился у Гарри Марриота для того, чтобы ладони мои покрылись волдырями, а потом затвердели от рукоятки битенга — канадского обоюдоострого топора, достаточно для того, чтобы овладеть сложным искусством погрузки клади на вьючную лошадь, чтобы знать, как укрепить эту кладь на спине лошади с помощью великолепного узла на веревке, достаточно для того, чтобы узнать следы оленя на топких берегах ручья Биг-Бар, и, наконец, достаточно для того, чтобы понять, что и у озера Биг-Бар, и в любом другом месте фермерская деятельность была не для меня. Не то чтобы я возражал против работы — но просто к скотоводству, как и к юриспруденции, у меня не было интереса. Вот почему в конце весны 1921 года я оседлал своего пегого, погрузил почти все свои пожитки на вьючную лошадь, сказал Гарри Марриоту «будь здоров» и направился на север. Я чувствовал, что в этой бескрайней глуши найдется уголок, где я смогу обосноваться и пустить корни и где я по-настоящему увлекусь чем-нибудь. И вот в сотне миль севернее озера Биг-Бар, к западу от реки Фрейзер, в округе Чилкотин⁸, в глубине Британской Колумбии я, наконец, нашел все, что искал.

На девушке была синяя юбка из набивного ситца. Такую юбку нельзя было купить на какой-либо фактории или выписать по каталогу почтовых заказов. Она была явно сшита своими руками, прекрасно облегал фигуру и была аккуратна и безупречно чиста. Блузка же была такой, какие обычно выписывают по почте. Она была, видимо, из креп-жоржета, и ее белизна подчеркивала черноту коротко подстриженных волос девушки. Я заметил, что она слегка прихрамывает, и подумал тогда, что, возможно, одна из ее черных кожаных туфельек натерла ногу. Но как я узнал позже, дело было не в этом. У девушки было слегка удлиненное лицо, напоминающее по форме яйцо ржанки и покрытое веснушками, похожими на пятнышки этого яйца. Девушка была так привлекательна, что я не мог отвести глаз от ее лица.

Затем я так же беззастенчиво стал рассматривать старую индианку. Несомненно, передо мной было самое старое человеческое существо, которое мне когда-либо приходилось видеть. Лицо было сморщено, как чернослив, и почти так же черно. На ее голове вместо шляпы был черный шелковый платок. Две длинные пряди седых волос, выбившихся из-под платка, свисали почти до пояса. На ней было черное ситцевое платье и ситцевая кофточка. Несмотря на теплую погоду — на календаре в нашей лавке в то утро значился первый день июня, — ее плечи покрывал тяжелый

шерстяной платок. Вместо кожаных туфель на ее маленьких, почти детских, ногах были зашнурованы грубые индейские мокасины.

Я снова взглянул на девушку.

— Кто она? — спросил я с бесцеремонным любопытством.

Девушка внимательно посмотрела на меня, прежде чем ответить.

— Моя бабушка.

— Ваша бабушка! Но ведь она чистокровная индианка, — выпалил я, не в состоянии ни удержать то, что вертелось у меня на языке, ни отобрать нужные слова.

Девушка не спускала с меня испытующего взгляда карих глаз.

— Да, — услышал я спокойный ответ. — У меня тоже есть чаштица индейской крови.

И с легкой улыбкой, притаившейся в уголках рта, она добавила:

— Я сама на одну четверть индианка.

Я внимательно рассматривал сморщенное лицо старухи.

— Она, должно быть, очень стара, — сказал я.

Слегка кивнув головой, девушка ответила:

— Лале девяносто семь лет.

— Лала? — Какая-то звенящая музыка слышалась в этом непривычном имени.

— Лала — индейское имя, — тут же разъяснила мне девушка.

Взяв с прилавка карандаш, я сделал на обрывке промокашки несложный подсчет. Выходило, что Лала родилась приблизительно в 1830 году. Тогда в этом краю почти не было белых, да и теперь их немного.

У молодости есть свои смелые пути, своя манера вторгаться в неизвестное. В девушке было что-то такое, что не только вызывало у меня любопытство, но и требовало поближе познакомиться с ней. И я продолжал свои вопросы:

— А где вы с Лалой живете?

— За две мили отсюда, на холме, — ответила она, показав на склон холма к северу от лавки.

Я снова посмотрел на Лалу. Все это было загадочно, ибо индейская резервация находилась в трех милях южнее фактории.

Однако внучка старухи, по-видимому, легко читала мои мысли.

— Белый человек, — спокойно продолжала она, — увел Лалу из ее семьи, когда ей было пятнадцать лет. С тех пор она не живет среди индейцев.

У меня была на пастбище своя верховая лошадь, которой не мешало поразмяться. Старая индианка могла быть удобным предлогом, и я ухватился за него.

— Нельзя ли мне навестить Лалу как-нибудь вечером после работы?

— Я думаю, что Лала не будет возражать. Она слишком стара, чтобы возражать против чего бы то ни было. Вы даже можете ей понравиться, если иногда прихватите с собой мешочек с табаком.

Так я впервые встретился с Лилиан, которая потом делила со мной все трудные часы (а их было немало) и с одинаковым терпением принимала все хорошее и плохое, что нам посылала судьба. Чем больше я узнавал эту девушку, тем чаще я вспоминал о ручье, который увидел весной 1922 года. Я хотел вернуться к этому ручью и остаться там. И я хотел, чтобы со мной была Лилиан, и у меня были некоторые основания полагать, что она мне не откажет. Решающую роль в этом деле сыграла Лала.

В голове у мудрой старой Лалы был неистощимый запас сведений об этом крае, каким он был до появления там первого белого человека. Хотя Лала не имела представления о книжной биологии, ей, как и ее соплеменникам, приходилось в повседневной жизни сталкиваться с законами природы. Здесь, в этой глуши, люди целиком зависели от запасов дичи в лесах. Лала хорошо знала «Семь лет изобилия и семь лет голода», хотя она и не читала библии. Периодические изменения в природе, с которыми так тесно связана жизнь диких племен, были ей так же хорошо знакомы, как алфавит детям цивилизации. Лала училась биологии у самой природы, и лучшей школы ей нельзя было бы и пожелать.

Мне нелегко было говорить с Лалой и вытягивать из нее все, что она знала. Ведь на бесконечное множество моих пытливых вопросов она могла отвечать лишь на упрощенном, ломаном английском языке. Когда мы с Лилиан беседовали со старой индианкой у костра, беспорядочный поток ее слов лился рекой и память ее не знала усталости. Хотя у Лалы была своя бревенчатая избушка, она часто просила Лилиан развести огонь на открытом воздухе. Она подолгу просиживала у угольков костра, дымя своей трубкой, мечтательно устремив в огонь невидящие глаза: уже двенадцать лет Лала была слепа.

Сидя у костра, Лала часто и много рассказывала мне о ручье, о том, каким он был в дни ее детства, задолго до того, как там появился англичанин Мелдрам, давший ручью его теперешнее название.

— Вапити⁹ ходи,— вспоминала она.— Очень много вапити. Моя смотри, вапити стой в бобер вода и пей.

Да, когда-то в этом краю были вапити, целые стада вапити. Я своими глазами видел в лесу выцветшие и гниющие рога,

сброшенные ими. Казалось, никто не знает, куда и почему исчезли стада чилкотинских вапити, но Лала объясняла это по-своему:

— Моя помни один зима. Моя маленький девочка. Снег ходи целый два луна. Два месяц дерево нету, только маленький вер-хушка выше снег...— И она показала высоту снега, вытянув над головой свою костлявую руку.— Много индеец голодный умирай та зима. Сухой рыба, сухой ягода скоро кончай, и олень никто найди. Снег таять нету пять луна. Когда теплый погода ходи, половина индеец умирай.

Я решил, что эта небывало долгая и лютая зима зажала здешний край в свои железные тиски примерно в 1835 или в 1836 году. Так это или не так, но когда год или два спустя в Чилкотин начали просачиваться белые, там уже не было никаких следов вапити.

С особенным воодушевлением Лала рассказывала о ручье. В дни ее детства, согласно обычаям племени, каждая индейская семья имела закрепленные за собой места для охоты. Там индейцы расставляли капканы на пушного зверя и охотились на чернохвостых оленей¹⁰, спускавшихся большими стадами с холмов на зимовку у реки Фрейзер. Истоки ручья Мелдрам были наследственными охотничьими землями Лалиной семьи, и ни время, ни события долгих последующих лет не могли изгладить из ее памяти хотя бы частицу воспоминаний о местах, связанных с ее детством.

Она ворошила самые далекие страницы прошлого, хранившиеся в тайниках ее неиссякаемой памяти. Она рассказывала нам о крике пролетных канадских казарок¹¹, о том, как они, сложив свои мощные крылья, отдыхали на поверхности озера, о том, как тучи крякв и других диких уток закрывали собой небо в час заката, когда птицы поднимались с болот. За плотипой, построенной бобрами, ручей кишел огромными форелями. В течение нескольких мгновений они отдыхали, набирая силы для того, чтобы одним броском переправиться через плотину в более спокойную часть ручья. Когда речь шла о бобрах, она, втягивая в себя воздух и прищелкивая языком, имитировала шумные удары их хвостов по прохладной поверхности вечерней заводи. Она пыталась с помощью жестов дать нам представление о норах ондатры на берегу ручья, о том, как греются на солнце, забравшись на хатки, построенные бобрами, пушистые норки и выдры.

Однажды, примостившись у костра и рассматривая морщинистое лицо старой индианки, я сказал:

— Теперь, Лала, нет форелей, только чукучаны¹² да рыба-скво¹³. И теперь индейцы больше не приносят в лавку шкурки бобров.

Она покачала головой. Ее костлявые пальцы нащупали мою руку и впились мне в тело. Подняв на меня свои невидящие глаза, она быстро сказала:

— Ничто теперь нету. — Она слегка ослабила пальцы и внезапно спросила: — Почему, знай?

Я немного подумал и наугад спросил: «Из-за бобров?» — «Айя, бобер!» — ответила она.

Я наполнил ее трубку табаком, который принес из лавки, передал Лале и поднял горящий прутик. Лала взяла в рот черенок трубки, глубоко затянувшись, задержала дым во рту и затем стала медленно выдыхать его.

— Когда белый люди ходи нету, — продолжала она объяснять мне, — индеец убей бобер, когда мясо надо, одеяло, шкура надо. Мало убей. Много бобер в ручей есть. Белый люди ходи, табак дай, сахар дай, плохой вода дай, когда индеец бобер шкура носи. Индеец сумасшедший ходи. Весь бобер убей в ручей.

Ее пальцы снова вонзились мне в руку. Хриплым голосом она спросила:

— Почему белый люди индеец скажи нету: «Немного бобер оставляй надо, маленький бобер второй год ходи»? Почему белый люди скажи нету: «Бобер нету, вода нету»? Вода есть, форель есть, мех есть, трава есть.

И после минутного раздумья она сказала:

— Почему ты ходи к ручей нету, почему ты пускай опять бобер в ручей нету? Ты молодой, охота, капкан люби. Ручей есть, много бобер опять есть, форель ходи опять. Утка, гусь ходи опять, большой болото полны ондатра опять, как когда моя маленький девочка есть. Айя! Почему ты и Лили ходи к ручей нету? Почему ты пускай в ручей бобер нету?

Таким был разумный совет этой старой индианки, которая видела, как в ее край пришел первый белый человек, и делила ложе с одним из белых людей, когда ей было только пятнадцать лет, и которая умерла через двенадцать месяцев после того, как ей исполнилось сто лет, не потеряв ни одного зуба и не узнав, что такое зубная боль. Когда смерть свела ее пальцы, Лала этого не почувствовала: боль не коснулась ее старого сморщенного тела. Она умерла, как умирает старый дуб, слишком долго простоявший в лесу. Мгновение назад она спокойно отдыхала на своем соломенном тюфяке, безмятежно дымя трубкой. Когда табак перестал дымиться и чубук остыл, она бережно положила трубку на табурет у кровати и вздохнула: «Моя теперь устай. Моя скоро спи». Вот как умерла Лала.

Ее похоронили на краю заросшего травой обрыва над маленькой бревенчатой избушкой, где она уже в старости прожила так

много лет. Маленькая индианка отделилась от группы индейцев, невозмутимо стоявших у могилы, когда грубый деревянный гроб спуускали туда на веревках. Ребенок подбежал к могиле, заглянул в нее и просто сказал: «Лала совсем уходит теперь». Я стоял у могилы и читал выдержки из похоронной службы по молитвеннику, который привез из Англии: «Земля земле, пепел пеплу, прах праху...» Принцесса королевской крови не могла бы пожелать большего.

В то время, когда умерла Лала, в Чилкотине было мало постоянных линий капканов. Не много их было и во всей округе. Поэтому ловля пушных зверей велась по принципу «лови, сколько можешь» и по пословице «каждый за себя, а черт за всех». Выражение «охрана природы» тогда еще не существовало в лексиконе торговцев пушшиной. Всем было ясно, что площадь водоемов в этом крае медленно, но неуклонно сокращается, но ни у кого не было достаточной проницательности, чтобы связать эту беду с поголовным уничтожением бобров. Это понимала только Лала и, может быть, еще кое-кто из стариков ее племени. Но никого не интересовало мнение индейцев по этому вопросу. И меньше всего этим интересовалось правительственное учреждение, ведавшее водными ресурсами в этом округе. И конечно, никто не прислушался бы к их совету, даже если бы они его дали, никто, кроме меня и Лилиан.

Мы вместе взвесили все «за» и «против» этого рискованного мероприятия. Меня в нем привлекал тот образ жизни, который я всегда любил (я уже понемногу расставлял капканы, хотя попался туда только койоты, спускавшиеся по ночам из леса и рыскавшие в поисках добычи вдоль ручья поблизости от фактории). Лилиан привлекала возможность иметь свой собственный дом и все, что у женщины с ним связано. Хотя на фактории я получал только сорок долларов в месяц и харчи, я мог бы за два-три года скопить достаточно денег и купить все необходимое, для того чтобы отправиться к ручью. Препятствий было немало, но молодость не боится препятствий. Итак, мы поставили себе цель: вместе отправиться к ручью и предоставить судьбе все остальное.

Я обратился в департамент, ведавший вопросами охоты в Британской Колумбии, и получил монопольное право расставлять капканы в окружающих ручей лесах на площади около ста пятидесяти тысяч акров, от истоков Мелдрам-Крика до точки, находящейся примерно в миле от устья. Казалось бы, это была неплохая сделка. За это я должен был платить департаменту огромную сумму — десять долларов в год плюс кое-какие отчисления в пользу государства с каждой шкурки пойманного зверя. И я же должен был содействовать «охране и размножению всех пушных зверей в округе».

ге». Но увь, скоро мы с Лилиан увидели, что там уже почти нечего было охранять.

На какое-то мгновение я позволил себе вспомнить об Англии и подумать о возможной финансовой помощи оттуда. Отец прозрачно намекнул, что он мог бы дать необходимую сумму денег для покупки небольшой скотоводческой фермы в Британской Колумбии. Скотоводческая ферма! Это было нечто солидное. Это могло бы при разумном ведении хозяйства ежегодно давать определенные доходы. А планы, с которыми я носился, были столь же причудливо запутаны, как следы ласки, охотящейся за мышью. Отец всегда был очень осторожен во всем, что касалось фунтов, шиллингов и пенсов. Крайне неохотно согласился бы он вложить хоть один фартинг в малонадежное предприятие с сомнительными видами на будущее. И я тут же отбросил мысль о том, чтобы обратиться в Англию за финансовой поддержкой.

В сентябре 1928 года английский священник, выезжающий по вызову в отдаленные места провинции, обвенчал нас с Лилиан. Добродушный парень был этот священник — коротышка и толстяк с такой довольной миной, как у иглошерста¹⁴, взобравшегося на верхушку дерева и греющего спину на солнышке. От начала церемонии венчания и до ее конца улыбка не сходила с его гладкого округлого лица... Венчание происходило в просторной гостиной фактории и шло без сучка, без задоринки, за исключением того момента, когда рыжий кокер-спаниель Бечера стал парापаться и визжать под дверью в поисках хозяина. Бечер с женой присутствовали на свадьбе, одетые по-праздничному.

Лилиан обдумала свой наряд с большой тщательностью. Она надела свадебное платье из какого-то легкого кружева, перехваченное у пояса бледно-голубой лентой. На ней была белая прозрачная фата, и я слышал, как миссис Бечер шепнула мужу: «Бог мой, как она очаровательна и мила!»

Повар китаец Джо превзошел себя в кулинарном мастерстве, стараясь устроить пир, достойный такого важного события. Были поданы холодные жареные цыплята, салат, картофель и сладкая кукуруза прямо с огорода. Подали также большую нерку¹⁵, которая не стала менее вкусной от того, что ее противозаконно вытащили из реки Чилкотин, когда она, не ведая беды, путешествовала вверх по течению к местам нереста. Был и пирог с голубикой, и пирог с тыквой. Был также большой свадебный торт, поданный после цыплят, лососины и десерта и оставшийся почти нетронутым. Бечер откуда-то выкопал две бутылки хереса, и, после того как мы выпили за всех и за все, священник сиял уже, как два иглошерста, греющих спины на солнышке.

В 1906 году, когда Лилиан было два года, одна из ее старших сестер привязала подушку к спине кроткой низкорослой верховой лошадки, примостила на ней Лилиан, взяла конец повода в свои детские ручки и зычно крикнула: «Но, но!» Лошадка, на которой в свое время привезли из лесу немало оленей, пошла легким шагом, а затем, когда девочка дала ей как следует по крупу ивовым прутом, неохотно перешла на рысь. Все было бы хорошо, если бы из-за ближайшего холма не показались два верховых индейца, несущихся во весь опор. Увидя двух всадников, лошадка Лилиан насторожила уши и резко остановилась, сбросив крохотную путешественницу. Лилиан перелетела через холку лошади и шлепнулась спиной оземь. Удар нежного детского тельца о твердую почву не прошел даром. Девочка стала заметно прихрамывать, но вовремя никто не обратил на это внимания. К тому же ближайший врач практиковал за полторы сотни миль, в Апкрофте. Чтобы добраться туда, требовалось по крайней мере двенадцать дней, а также лошади и возок.

И хотя со временем хромота стала менее заметной, она не исчезла. В результате ушиба у Лилиан были повреждены позвоночник и правая бедренная кость. И когда вскоре после нашей свадьбы мы обратились к врачам и специалистам-остеологам, уже ничего нельзя было сделать с последствиями травмы, полученной в детстве. Хромота осталась у Лилиан на всю жизнь.

Этот-то незначительный дефект в позвоночнике Лилиан и помешал немедленному исполнению наших планов. Мы не смогли отправиться к истокам ручья весной 1930 года и отложили путешествие на год. По нашим подсчетам выходило, что, если я останусь работать на Риск-Крике до апреля 1930 года и буду экономить каждый цент из моего жалованья, мы сможем накопить достаточно денег, чтобы купить все необходимое для осуществления наших планов. Но через шесть недель после свадьбы случилось событие, заставившее нас потратить немалую долю наших сбережений: Лилиан забеременела.

Трезво обдумав эту сногшибательную новость, я сказал:

— Тебе придется отправиться в больницу и посоветоваться с хорошими врачами.

— Это будет стоить слишком дорого, — спокойно ответила она. — В конце концов большинство женщин в этом краю рожают дома и...

— Но ты не будешь рожать дома, — прервал я ее и, безуспешно поискав более осторожные слова, добавил:

— Разве ты не понимаешь, что с твоей спиной тебе будет трудней рожать, чем другим здешним женщинам.

Вскоре после этого разговора я отправил Лилиан в Кенель —

маленькую деревушку, взгромоздившуюся на высоком берегу реки Фрейзер в девяносто милях к северу от Риск-Крика. Кенель могла похвалиться не только хорошим врачом, но и достаточно современной больницей. Совет врача, осмотревшего Лилиан, был дан в категорической форме: в течение месяца перед родами Лилиан должна находиться под наблюдением врача в Кенеле; из-за деформации позвоночника и бедренной кости роды будут нелегкими; возможно, придется делать кесарево сечение.

И все же по милости судьбы и благодаря искусству врача Визи Эрик Кольер появился на свет естественным путем. Осенью того же года я встретился с врачом Лилиан, приехавшим в Риск-Крик поохотиться на уток и гусей. Поговорив немного о здоровье Лилиан и ребенка, он посмотрел мне прямо в лицо и сказал: «Молодой человек, вам повезло». И затем очень серьезно добавил: «Я советовал бы вам ограничиться одним ребенком».

Появление Визи на белый свет стоило нам почти полторы сотни долларов; но, несмотря на то что пришлось отложить осуществление наших планов на целый год, мы стали после этой отсрочки намного богаче.

Второе июня 1931 года. Ровно одиннадцать лет прошло с тех пор, как Англия стала для меня лишь воспоминанием. Солнце, уже поднявшееся, хотя было только четыре часа утра, безразлично смотрело с почти безоблачного неба. Под крышей сарая для фуража взад и вперед сновали ласточки. Они вили новые гнезда и поправляли прошлогодние. Поодаль, на просеке, в тени одинокого тополя¹⁶ дремало несколько еще не остриженных овец. Среди них копошились и карабкались им на спины неуклюжие агнята. В загоне за свинарником корова вылизывала новорожденного теленка. Напротив лавки стоял высокий фургон, доверху нагруженный провиантом, инструментами и всем тем, что мы так долго готовили для поездки. Бечер сидел на крыльце, поглаживая своего кокер-спаниеля.

— Если тебе понадобится работа, приходи ко мне, — любезно сказал он.

— Ну, там, куда мы направляемся, у меня не будет недостатка в работе, — отпарировал я.

Он понимающе кивнул головой.

— Ну, а как насчет денег?

Вот этого я и сам как следует не знал.

Я впряг лошадей в оглобли, подбросил в фургон Визи Эрика, помог Лилиан взобраться на высокое сиденье, уселся рядом с ней, крикнул «но, но» и стегнул кнутом по лошадям. Выгнув шею, лошади неохотно натянули постромки. Колеса завизжали, как бы не желая двигаться с места, и фургон медленно тронулся. Около мили

я ехал по чилкотинскому тракту, затем свернул с хорошо укатанной гальки и стал править прямо на север в дикую глушь по едва заметной тропе, почти полностью заросшей травой и сорняками. Мы с Лилиан обернулись и посмотрели в последний раз на оставшиеся внизу, в долине, домики фактории, расставаясь с ними на многие месяцы. Затем снова уселись на свои места и устремились на север.

Глава III

Открытые места с густозаросшими склонами и стадами пасущегося белоголового скота были позади. Бескрайние леса на земле, покрытой валунами, древесными корнями и буреломом, приняли нас в свои жесткие объятия и держат до сих пор.

После того как луга уступили место лесу, я должен был без конца спрыгивать со своего сиденья впереди фургона и, орудуя тяжелым топором, расчищать дорогу от деревьев, сваленных резкими апрельскими ветрами. И все же, несмотря на бурелом и валуны, мы благодарили судьбу за то, что была хоть такая дорога. Сначала индейцы проложили в чаще тропу, чтобы провести лошадей и фургоны в глубь лесов, к хорошим местам для охоты. Затем белые пошли в лес этим же путем в поисках нетронутых лугов, где можно было свободно накосить и наскирдовать сколько угодно сена на корм скоту. И хотя на этих лугах теперь каждый год косили сено, постоянных селений там не было.

В конце июля группа людей из окрестных скотоводческих ферм приходила на луга косить и скирдовать сено, затем, обычно в декабре, туда пригоняли табуны скота на зимовку. С декабря до конца марта в маленькой деревянной хибарке среди лугов жили два ковбоя (обычно холостяки). Они кормили скот и присматривали за ним. А в промежутке между шестью неделями летней косовбы и тремя зимними месяцами луга цвели и зеленели без какого-либо вмешательства со стороны людей.

У нас не было часов, по которым мы могли бы узнать время. Где-то в недрах фургона, тикая, отсчитывал секунды дешевый будильник, если он еще не развалился от резких толчков и тряски фургона. Солнце, в тот момент склонившееся к закату, было для нас единственным хронометром. И по сути дела лишь оно имело значение: ведь солнце вставало на востоке и садилось на западе задолго до того, как на свете появилось такое изобретение, как будильник.

Пот капал с лошадей на землю. В известном смысле лошади тоже были для нас немаловажной приметой времени. Они могли

тащить перегруженный фургон на протяжении определенного количества миль, и ни на йоту дольше. Мускулы лошадей нельзя было завести, как механизм остановившихся часов.

Я обернулся назад и посмотрел на Визи. Среди постельных принадлежностей мы устроили ему что-то вроде гнездышка. Ребенок примостился там, просунув ручонки между веревками, связывающими багаж. Он лежал на спине лицом к солнцу. Его лоб был мокрым от пота. Глаза были закрыты, и я не мог понять, как он умудряется спать, несмотря на тряску и шум.

Я взглянул на Лилиан. Левой рукой она держала рукоятку кнута, который волочился по земле у колеса фургона.

— Ты устала, да? — спросил я.

— Немного, — призналась она и добавила с грустной улыбкой: — Хотя бы здесь было немного поменьше камней!

Камни и корни. Колеса фургона то с трудом взбирались на них, то опять срывались на землю. Так обстояло дело на протяжении нескольких последних миль. Я обмотал вожжи вокруг пояса и держался обеими руками за подпрыгивающее сиденье.

— Мы могли бы ехать так сотни миль и все же не встретить свежих следов человека, — сказал я, обращаясь к Лилиан.

Но она не слышала моих слов. Перегнувшись через сиденье, она уже в течение нескольких минут смотрела на левое переднее колесо.

— Могу объявить тебе, что оно разваливается, — внезапно сказала она, — обод колеса разъехался.

Я натянул вожжи. Фургон был далеко не первоклассным. Я купил его у какого-то индейца за пятнадцать долларов наличными и прекрасную койотовую шкуру. Я и тогда знал, что надо было бы заменить шины и кое-где поставить новые ободья, но у меня не хватило духу расстаться с той суммой, которую кузнец взял бы за необходимый ремонт. Еще один валун, еще пара корней — и, наверное, колесо разлетелось бы, а его шина весело покатилась бы вперед, пока не стукнулась о какое-нибудь дерево.

— Проволока! — закричал я. — Куда мы засунули проволоку?

Здесь, в чилкотинских лесах, вы можете отлично просуществовать несколько дней, если у вас есть хоть какое-нибудь ружьишко и вы умеете им пользоваться. Можно прекрасно обойтись без какой-либо другой пищи, кроме той, что вы добудете при его помощи. Если не встретится олень, то почти всегда можно напасть на след иглошерста или выследить табун одичавших лошадей и застрелить жеребенка, чье нежное мясо по вкусу не уступает телятине. Неплохо иметь с собой какую-нибудь посуду, но вполне можно обойтись и без нее. Кусок оленьей грудинки, поджаренный на вертеле над костром, будет, пожалуй, повкусней, чем такой же кусок, толь-

ко что вынудить из печки. Но если вы хотите просуществовать в дикой глуши в течение долгого времени, вам необходимо иметь где-нибудь в своем рюкзаке проволоку и пассатижи. При помощи небольшого кусочка проволоки можно поправить потрескавшийся верх фургона, починить расколовшееся топориче, стянуть развалившееся вьючное седло, сделать крючок для удочки. А если вам уж очень не повезет и бедам не будет конца, у вас всегда есть еще один последний выход: вы можете отрезать несколько футов хорошей гибкой проволоки, сделать на конце петлю и повеситься на крепком суку ближайшего дерева.

— Проволока, — повторял я. — Куда мы засунули проволоку?

— Она здесь под сиденьем. — И Лилиан протянула мне проволоку.

— Пассатижи, — захныкал я. — Ну куда же мы могли деть пассатижи?

— Конечно, они у тебя в кармане, — засмеялась Лилиан.

Я взял проволоку и в течение десяти минут упорно и терпеливо трудился над починкой колеса.

Когда я, наконец, сделал все, что можно сделать при помощи проволоки, я покосился на солнце и сказал:

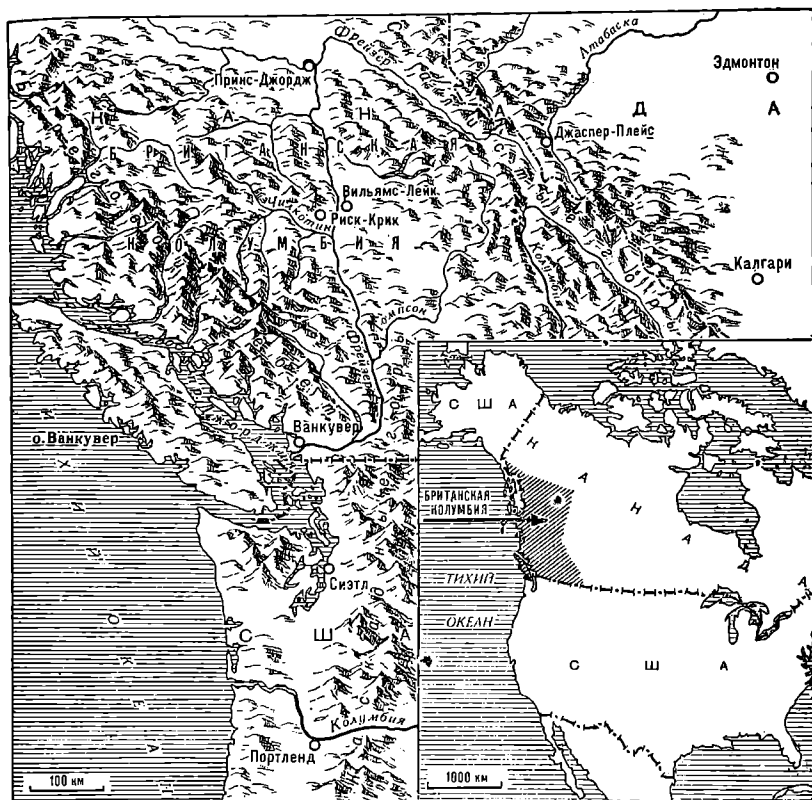
— За пару миль отсюда есть озеро, где можно заночевать. Там мы сможем снять колесо с втулки и опустить его в воду на всю ночь. Деревянное колесо разбухнет и будет плотно прилегать к шине. И пока не высохнет, оно будет работать как новое.

Озеро было более мили длиной. На его северной стороне, там, где кончается открытая вода и начинается заросшее травой болото, возвышался длинный песчаный мыс. Указав на него кнутом, я сказал Лилиан:

— Мы расположимся там на подветренном месте. Как только сядет солнце, миллионы комаров поднимутся с болота, но, если мы разобьем палатку на этом мысу, ветер отгонит их от нас. Если ветер стихнет, нам придется разжечь дымокур и поддерживать его всю ночь, чтобы дым отгонял насекомых. Иначе мы не очень-то уснем.

Весна была поздней, и май оказался холодным. В лесу еще не разрослись чина и вика¹⁷. Мы думали начать постройку хижины в середине мая, чтобы она была хоть частично пригодна для жилья к началу июня, когда застоявшийся ручей и заводь покроются миллионами комаров. Однако из-за холодной поздней весны мы застряли у Риск-Крика. Там мы переждали, пока потеплеет и в лесу появится достаточное количество зеленого корма для лошадей.

С наступлением июня погода изменилась. Отступили ночные заморозки, и воздух стал теплым и влажным. Замшелая почва ле-

сов была еще сырой от зимнего снега. Чина, вика, водосбор, кипрей и болотные лилии, цепляясь за деревья, жадно тянулись к солнцу, по которому они так соскучились в эту весну.

Из мхов появились не только растения — это была пора комаров и слепней. В течение последующих двух месяцев огромные массы жаждущих крови насекомых оспаривали друг у друга право быть там, где появлялся хоть малейший след человека или какого-либо еще живого существа. И нам надо было научиться их терпеть, если мы хотели сами стать частицей окружающей нас дикой природы.

На мысу ветер с озера отгонял комаров, летевших с болот. Когда мы добрались до края озера, я снял упряжь с лошадей, стреножил их и отпустил пастись на воле. Затем вытащил палатку и поставил ее около фургона. Пока Лилиан готовила ужин, я под-

пня на домкрате фургон, снял неисправное колесо, скатил его в воду, и оно опустилось на дно.

В фургоне были все наши пожитки, но, если бы мы захотели продать его содержимое, то, хотя он был нагружен доверху, мы получили бы за него не больше трех сотен долларов. Там была провизия, одеяла, палатки, горшки и кастрюли, топоры и тесла, молотки и подковы, пилы и гвозди, ружья и капканы, плита для готовки и обогреватель. Все это множество пужных нам вещей, которые мы больше двух лет готовили для поездки, полностью заполняло фургон. Большая часть инструментов была подержанной. Но там, у истоков ручья Мелдрам, на двадцать пять миль северней ближайшего торгового пункта и более чем за семьдесят миль от ближайшей железной дороги, ценность этих инструментов вряд ли могла быть выражена в долларах и центах.

Винтовка в футляре из оленьей кожи была пропуском, открывавшим нам путь к запасам мяса, когда я мог выкроить какое-то время для охоты. Топоры и тесла, гвозди и пилы были незаменимыми инструментами для постройки хижины.

Там, куда мы направлялись, нас не ждали соседи, у которых можно было бы одолжить предметы домашнего обихода. Ближайшее жилье находилось на расстоянии полусотни миль, и, чтобы добраться туда, нужна была верховая лошадь или повозка. К тому же, если бы какой-нибудь из наших драгоценных инструментов испортился или потерялся, мы не смогли бы купить новый, так как у нас почти не было денег. Покупка предметов первой необходимости почти полностью истощила наш кошелек. Когда я отдал его на хранение Лилиан, там было всего лишь тридцать долларов и несколько центов, и неизвестно было, сколько времени нам придется довольствоваться этой скудной суммой и когда у нас заведутся еще какие-нибудь деньги.

Пока мы обсуждали финансовые вопросы, колеса фургона стучались о встречные камни и корни, и каждый толчок уносил нас все дальше от Риск-Крика, приближая к цели нашего путешествия.

— Если исключить возможность, что кто-то из нас заболит или случится еще какая-нибудь беда, — сказал я, — этих денег хватит нам до осени. Там, где мы будем жить, деньги вряд ли понадобятся. К первому ноября у нас будет изба, сарай и сено, заготовленное на зиму лошадям.

Лилиан переменяла позу и уперлась ступней левой ноги о конец ящика под сиденьем.

— У меня начинает побаливать бедро, — пожаловалась она. И, немного подумав, сказала: — Эрик, я уверена, что мы пробьемся. Похоже, — продолжала она после краткой паузы, — что прой-

дет немало времени, прежде чем в наш капкан попадет что-нибудь, кроме койотов¹⁸.

— Возможно, что три или четыре года, — ответил я.

Хотя в результате поднявшегося спроса на меха были истреблены бобры, а это в свою очередь привело к исчезновению других пушных зверей, но койоты сохранились. Капканы и западни, винтовки и охотничьи собаки — все теперь использовали в погоне за шелковистыми серыми шкурками койотов как белые, так и индейцы. Конечно, это после того как шкурками заинтересовались торговцы. До этого в лесах было так много более ценных пушных зверей, что за койота давали лишь те два доллара, которые правительство платило за его скальп. Но с тех пор как положение изменилось, на любом торговом пункте в обмен на первосортную шкурку можно было получить бакалейных и прочих товаров на восемь — десять долларов. И несмотря на то что все охотники и фермеры охотились здесь на койотов, они не исчезли из этого края.

В нашем фургоне было около сорока или пятидесяти хорошо налаженных капканов и сотня патронов для ружья. К концу октября койоты сменяют свои жесткие летние космы и их шкурка станет первосортной.

Я рассчитывал расставить оснащенные капканы по первому ноябрьскому снегу. А до тех пор у нас не было никакой надежды пополнить скудное содержимое кошелька.

Наполнив ведра водой, я уложил около костра распиленные дрова и растянулся у огня головой к передней части фургона. Я видел, как Лилиан делает пресные лепешки и кладет их на сковородку у костра. Откуда-то с озера слышался тоскующий птичий крик, печальный, как песня об одиночестве. Возможно, что здесь, на расстоянии многих миль от населенных пунктов, остававшихся все дальше и дальше позади нас, кто-нибудь и почувствовал бы себя одиноким, но только не я.

Отдыхая, я прислушивался к перезвону колокольчиков на лошадях. С чувством удовлетворения и душевного покоя я наблюдал, как Лилиан готовит ужин. На следующий день нам предстояло добраться до истоков Мелдрам-Крика, перебраться на другую сторону и немного спуститься вниз по ручью. К концу дня мы рассчитывали быть дома. Хотя этот предполагаемый дом и представлял собой лишь разбитую в тени деревьев палатку размером десять на двенадцать футов, все равно это был наш дом: ведь я знал, что там у меня будут Лилиан и Визи и сто пятьдесят тысяч акров нетронутой природы. А раз мы трое собирались делить свою судьбу в этой глуши, об одиночестве не могло быть и речи. В этом я был полностью уверен.

Когда на следующее утро я разжег костер, солнце уже взошло. С озера еще дул сильный ветер и отгонял комаров от нашей стоянки. Я спустился в воду и выловил колесо. Обод разбух в воде и снова мог хорошо держаться, плотно прилегая к шине и спицам.

Когда я пригнал и запряг коней, Лилиан провозгласила: «Завтрак!» Ветер стихал, и огромные тучи звенящих кровожадных комаров двинулись на нас с болота. Нам пришлось есть и пить, действуя одной рукой: другая отгоняла насекомых. Было только два возможных способа избавить нас и наших лошадей от комаров: разжечь огромный дымокур, чтобы дым покрыл весь песчаный мыс, или поскорее убраться с озера. Мы выбрали последнее.

К десяти часам мы достигли истоков ручья. Хотя снег в лесу стоял за шесть-семь недель до нашего появления, в русле ручья булькала лишь тоненькая струйка воды, едва достаточная для того, чтобы смочить шины колес, когда фургон переезжал на противоположный берег.

— Если еще пару недель не будет дождей, весь ручей пересохнет, — предсказал я.

На этой стороне ручья была полоса леса, где не сохранилось ни одного невысохшего старого дерева. Пожары предшествовавших лет уничтожили здесь почти всю растительность, оставив после себя лишь хаос сваленных деревьев. Проехать там было невозможно.

В марте этого года, когда бурелом был покрыт слоем снега более двух футов толщиной, здесь прошли сани и скот с зимних пастбищ. Теперь же путь фургону нужно было расчистить топором. Я разжег около фургона дымокур, предоставив Лилиан поддерживать огонь, распряг лошадей и начал прорубать проход через бурелом.

Деревья были пересохшими и твердыми. В лесу стоял палящий полуденный зной, и, когда я прерывал работу, чтобы передохнуть, в каждую частицу моей открытой кожи впиталось по меньшей мере полдюжины комаров. Я упорно расчищал проход, проклиная про себя пожары, навалившие кучи деревьев, ворча на комаров и почти жалея, что мы вернулись в эти унылые и негостеприимные места. Однако, когда два часа спустя я подошел к фургону, комары и бурелом были забыты, и я посвистывал, подсаживая Визи на его место в фургоне.

Лишь в конце дня я остановил фургон у края заросшей осинами и ивняком поляны, где мы рассчитывали построить наш будущий дом. В то время в Чилкотине можно было захватить несколько акров свободной земли, сколотить там избушку, распахать участок для огорода и отложить заботу о легализации своих прав на землю до какого-нибудь удобного момента в отдаленном буду-

щем. И хотя эти права не были узаконены никаким государственным учреждением, они не вызывали сомнений у других жителей этого края. Со своего высокого места в передней части фургона я оглядывал полдюжины акров земли, расстилавшейся передо мной, считая ее своей собственностью, как если бы соответствующие документы были уже подписаны, скреплены печатью и лежали в заднем кармане моих брюк.

Нашим было право очищать эту землю от сорняков, распахивать и засеивать ее. Нашим было право построить на этой земле дом, как только нам удастся нарубить нужное количество деревьев и притащить их из леса. Земля принадлежала нам с того момента, как здесь остановились колеса нашего фургона. И нашим было право взять эту землю и владеть ею «ныне и приспо и во веки веков, аминь».

Я соскочил со своего места. Одной рукой я отгонял комаров, другой рукой начал снимать упряжь с лошадей.

— Не очень-то гостеприимно нас здесь встретили! Не правда ли? — сказал я с кислой миной, обращаясь к Лилиан.

Но она была слишком занята, чтобы обратить внимание на мое ворчанье. Она носилась, как белка в колесе, собирая топливо для дымокура, который в тот момент был крайне необходим.

Теперь, когда Лилиан садится весной за кухонный стол и составляет список предметов, который надо закупить для следующей зимы, она никогда не забывает включить туда почти все имеющиеся в продаже средства против насекомых. Но в тот момент, когда мы больше всего нуждались в таких средствах, когда мы даже не могли спрятаться от комаров за закрытым окном или закрытой дверью, у нас не было ничего. Дым, от которого перехватывало дыхание и слезились глаза, был нашим единственным средством борьбы с комарами. И неизвестно, что было хуже — комары или дым.

Третий член нашей семьи по-своему решал этот вопрос. Лилиан могла шлепками загнать Визи туда, куда шел дым от костра, но удержать его там было невозможно. Стоило Лилиан отвернуться, как Визи вылезал из полосы дыма в звенящую гущу комаров, а так как Лилиан должна была в тот момент помогать мне разгружать фургон и натягивать палатку и одновременно готовить ужин, она разумно решила предоставить Визи его собственной судьбе. Что можно было сделать, если ему больше нравились комары, чем дым?

Обычно в глубине Британской Колумбии перед рассветом бывает краткий промежуток времени, когда комары садятся на мох и травы, по-видимому, для того, чтобы передохнуть и набраться сил для новых нападений на живые существа. Но, увы, нет пра-

вила без исключения. К сожалению, так было и тогда. От нашего дымокура остались лишь серые угольки, и мы давно уже лежали в палатке, но заснуть было невозможно. Мы слышали шум крылышек, бьющихся о стены палатки, и это было почти так же мучительно, как комариные укусы.

Прежде чем лечь, мы связали края расходившейся парусины, однако изрядное количество комаров все же каким-то образом проникало в палатку, и, несмотря на духоту, нам пришлось с головой укрыться одеялами.

Это была почти бессонная ночь. Лилиан следила за тем, чтобы Визи не раскрылся, а меня мучило другое: я слышал странный прерывистый перезвон колокольчиков на наших лошадях.

Внезапно я вскочил и сел на кровати.

— Лошади! — воскликнул я. — Они обезумели от комарья.

С вечера я стреножил всю пятерку лошадей и отпустил их свободно пастись, вместо того чтобы оставить их на привязи. Теперь звон их колокольчиков доносился откуда-то из леса, но это был не тот ритмичный звон, который мы слышим, когда лошади спокойно пасутся на траве. Это был дребезжащий резкий звук колокольчиков на шеях бегущих лошадей.

— Если они напали на путь, по которому прошел фургон... — испуганно пробормотал я, зажигая фонарь и глядя на Лилиан.

Она достаточно разбиралась в характере лошадей, чтобы понять мой испуг. Если лошади вышли на проторенный фургоном путь, к рассвету они будут уже за несколько миль от нашей стоянки. Не менее двух суток уйдет на то, чтобы найти их и вернуть обратно.

Эта мысль выбросила меня из постели.

— Я постараюсь поймать и привязать их, пока не поздно и пока не рассвело, — сказал я.

Лилиан тоже встала.

— Раз я все равно не сплю, лучше сложу дымокур. — И она начала одеваться.

Я покачал головой.

— Предоставь это мне. Комары съедят тебя живьем, если ты выйдешь.

Я развязал полотнища, закрывавшие вход в палатку. До восхода солнца оставалось еще около двух часов. Предрассветная ночь была сырой и непроницаемо темной. В приоткрывшуюся щель с нарастающим непрерывным шумом летели комары.

Звон колокольчиков стал слабей. Десять — пятнадцать минут назад этот звон доносился с западной стороны, теперь же было слышно лишь слабое позвякивание откуда-то с юга.

— Они напали на проторенный путь! — воскликнул я.

Любая стреноженная лошадь, приспособившаяся к этому своему положению (как было и с пашинными лошадьми), если уж пустился в путь, может передвигаться со скоростью четырех миль в час. Судя по звуку колокольчиков, лошади находились на расстоянии двух миль к югу от нашей палатки.

Лилиан протянула мне фонарь.

— Лучше возьми его,— сказала она,— и ступай за лошадьми, а я разведу дымокур.

Я сказал:

— Мне не нужен свет. Тебе он больше понадобится, чтобы собрать топливо для костра.

И, взяв из фургона поводья, я выскользнул в темноту.

Из еловой чащи по ту сторону ручья послышался вой филина¹⁹. Несколько секунд спустя оттуда донеслось верещание зайца-бееляка.

Трагедия, разыгравшаяся тогда в сльнике, повторялась снова и снова в чаще лесов с первых дней их существования. Иногда в период между восходом и заходом солнца здесь наступало нечто вроде перемирия, но оно всегда было недолгим.

«Уу-хуу, уу-хуу!» На этот раз звуки неслись не с елей, а с сосен, стоявших позади палатки. Из темноты над нашей головой послышалось шуршание крыльев, летящих по направлению к ручью. Несколько мгновений я прислушивался к вою двух филинов, дерущихся из-за убитого зайца. И тут же я забыл о филинах и зайце, поглощенный собственными заботами.

Небо серело на востоке, когда я привел назад лошадей. Я привязал их к тополям с подветренной стороны дымокура и уселся на бревно рядом с Лилиан.

Мы молча сидели рядом и смотрели, как сероватый оттенок неба уступает место нежно-розовому. Краски, напоминающие цвет розового бутона, сменились золотистыми тонами, и вдруг на верхушки деревьев хлынул солнечный свет. В воздухе не было ни малейшего ветерка, и дым поднимался вверх прямой вертикальной струей. Теперь комары получили возможность возобновить свои атаки.

Тогда я нарушил молчание.

— Знаешь, Лилиан,— сказал я полусерьезно с легким оттенком горечи,— у меня странное чувство: мне кажется, что бог не хочет, чтобы мы были здесь.

Моя жена повернулась ко мне, посмотрела на меня в упор и сказала со всей искренностью, на какую она была способна, придавая серьезное значение каждому слову:

— Может быть, он посылает нам испытание и хочет знать, достойны ли мы оставаться здесь.

И мы пережили эту насыщенную комарами ночь, как пережили потом множество трудностей, посылаемых нам судьбой, когда мы боролись за свое право существовать на полутора сотнях тысяч акров дикой природы, ставших надолго нашим домом. Вспоминая прошлое, мы теперь оба признаемся друг другу, что в долгие часы мучительной первой ночи были мгновения, когда каждый из нас лежал без сна, думая об одном и том же: «Разве мало на свете более легких способов заработать на жизнь? Стоит ли все это начинать?» Но, взглянув утром на пламя костра и на блеск солнечных лучей, золотивших верхушки деревьев, мы оба вздохнули с облегчением. Мы были здесь и никуда не собирались уходить отсюда. И мы готовы были трудиться в поте лица, чтобы вернуть этому краю все, чем была богата его земля в давно прошедшие дни детства Лалы.

Глава IV

— Падает! — громко закричала Лилиан, но упрямое дерево не желало падать. Когда хочешь свалить дерево, надо действовать со знанием дела. Если дерево упадет в лощину, оно переломится пополам, и можно считать его пропавшим. А мы не могли себе позволить лишиться хоть одного спиленного дерева. Если спилить дерево не по правилам, оно будет падать прямо на вас и так зажмет пилу, что вы не сможете ее вытащить. Если дерево слегка не наклонится во время пилки, а будет стоять прямо, как отвес, вы можете пропилить его насквозь, и все-таки оно не упадет.

Так было и с деревом, над которым мы трудились в тот момент. Оно было пропилено насквозь и все-таки не шевелилось. Лилиан, слегка задышавшись, отступила от него на несколько шагов и с полным недоумением смотрела на верхушку дерева, не понимая, почему оно не валится. Визи, оставленный нами на расстоянии, равном высоте нескольких таких деревьев, а следовательно в полной безопасности, тоже с недоумением смотрел на дерево, которое не желает падать. У меня был десятифутовый шест, который я приставил одним концом к дереву, чтобы использовать его как рычаг. Я навалился на него, кряхтя и глядя на место последнего надреза, в надежде, что щель приоткроется и я смогу вытащить пилу.

Шест соскользнул с коры, и я чуть не плюхнулся вниз лицом. Выпрямившись, я приставил конец шеста еще выше и, набрав дыхание, надавил на шест изо всех сил.

— Падает! — снова закричала Лилиан. Я увидел, наконец, что

щель приоткрывается, и одним рывком вытащил пилу. Дерево грохнулось на землю как раз там, где ему полагалось упасть. Лилиан подошла и села на ствол дерева. Потирая лоб перепачканными смолой руками, она спросила:

— Сколько еще нам понадобится?

Я положил на землю шестифутовую двуручную пилу и сел рядом с Лилиан:

— Если я не ошибаюсь, это дерево даст нам сорокапятифутовое бревно.

Затем я почесал затылок и продолжал:

— Если считать, что двенадцать таких бревен пойдет для каждой стены и два бревна для поддержки крыши, нам понадобится пятьдесят таких деревьев. Нам нужны хорошие бревна, прямые, как стрела, крепкие, как серебряный доллар. Они не должны суживаться к одному концу, как бревна в некоторых хижинах, какие мне приходилось видеть.

— Боже мой, как я буду рада, когда мы свалим последнее дерево! — вырвалось у Лилиан.

— Я тоже, — усмехнулся я. — А теперь ты, может быть, снимешь комбинезон и снова наденешь юбку? Комбинезоны предназначены для мужчин, а не для женщин. Разве тебе это неизвестно?

Лилиан упрямо поджала губы.

— До тех пор, — сказала она, — пока не поставлен сруб и не сделана крыша и хотя бы одно окно, я не расстанусь с комбинезоном и не вспомню о юбке и блузке. — И тут она расхохоталась: — Ну и вид у меня. Могу себе представить!

— Если не обращать внимания на смолу на лбу и на пятна от комариных укусов на щеках и подбородке, то можно сказать, что ты выглядишь неплохо. В сущности, — заверил я ее, — со смолой или без смолы, с комарами или без комаров для меня ты всегда выглядишь хорошо.

— Смола, — поморщилась Лилиан. — Терпеть я не могу эту смолу. Пила, ручка топора — все измазано ею. Нельзя на минутку сесть на бревно, чтобы не оказаться в смоле.

Внезапно она вскочила, огляделась и закричала:

— Визи! Куда девался этот ребенок?

— Все в порядке, — ответил я. — Я следил за ним. Он там, за кучей старого бурелома. Загнал белку²⁰ в нору и старается расширить вход, чтобы влезть за ней туда. Это займет его на некоторое время.

Если бы все зависело от меня, я рубил бы деревья для хижины топором, а не пилил бы их двуручной пилой. Пила — это мужской инструмент, особенно если производится пилка деревьев. Тот, кто делал эту пилу, рассчитывал, что ею будут пользоваться мужчины,

а не женщины, и тем более не такие женщины, которые весят всего сто пятьдесят фунтов в одежде. Но когда дело касалось Лилиан, я далеко не всегда мог поступать по-своему. Очень часто она настаивала на своем.

У нас не было недостатка в материалах для постройки дома: в лесу имелось для этого почти все необходимое. Нужно было просто пойти в лес и взять там все, что нам требовалось. Я считал, что мне лучше было бы одному пойти в лес и рубить деревья топором, но Лилиан сказала:

— Возьми пилу, и я буду тебе помогать. Вдвоем мы сделаем это быстрее.

Такова была ее упрямая логика.

— Конечно, это будет быстрее, — ответил я, — но пилить деревья шестифутовой двуручной пилой не женское дело.

— Почему?

— Ну, напрягаться, вытягивая пилу, вряд ли будет полезно для твоего позвоночника.

Она ответила просто и ясно:

— Я хочу иметь крышу над головой, и, чем скорее, тем лучше.

Итак, мы вместе валили деревья, а затем распиливали их, чтобы получить бревна нужной длины. Я на лошадях вывозил их из леса и складывал на нашей поляне. А затем мы очищали их от коры.

Визи (традиционное имя в нашей семье) решил, что он тоже должен участвовать в очистке бревен. Мы снабдили его тупым ножом, которым вряд ли можно было бы разрезать даже перетопленное сало, и он с увлечением и гордостью начал скрести и счищать им кору. Однако через минуту или две ему это надоело, и он отправился к муравьиной куче и начал ковырять палочкой муравейник, пугая его обитателей.

Желая скорее построить хижину, мы вставали и ложились с солнцем — начинали работать на рассвете и не расставались со своими инструментами до заката. Мы тужились изо всех своих сил и обливались потом, аккуратно укладывая сырые тяжелые бревна одно на другое так, чтобы они плотно прилегали друг к другу.

Наша первая избушка, может быть, и была немного грубовата по сравнению с некоторыми современными зданиями, но после пыльной, пропитанной дымом палатки и бесконечных комариных укусов она нас вполне удовлетворяла.

Прошло шесть дней, как мы начали пилить деревья, — и четыре белые смолистые стены уже блестели на солнце. Теперь надо было уложить верхние балки и сделать крышу. Когда и это было закончено, я привез в фургоне густую грязь. Я наложил на расколотые бревна крыши слой этой грязи в восемь дюймов толщи-

ной, для того чтобы в хижине летом было прохладно, а зимой тепло. Лилиан наколола и настрогала тонкие и прямые сосновые шесты, и я вбил их между бревнами. Мы вместе выпилили в срубе отверстия для двух окон и двери, вставили оконные рамы, навесили дверь и замазали щели густой грязью. Затем мы отступили от хижины на несколько шагов и с гордостью оглядели наше творение.

Прошло десять суток со времени первого ночного нападения комаров, и наконец у нас появилось настоящее жилье. Наш дом имел всего восемнадцать футов в ширину и двадцать четыре в длину. Утрамбованная земля служила нам полом. Но мы могли закрыть окна и дверь и не бояться комаров. Пусть неистовствует в лесу зимняя вьюга! За крепкими стенами нашей хижины будет удобно и тепло.

— Когда-нибудь, — пообещал я, — когда у нас заведется немного денег, я привезу доски из Риск-Крика и настелю настоящий пол.

Но до этого «когда-нибудь» нам было еще очень далеко.

Когда изба была готова и мы разместились в ней, перед нами тут же встала новая неотложная забота: необходимо было сделать что-то вроде ограды, чтобы не разбегались лошади. С ними с самого начала было много хлопот. Лошади эти родились и выросли в открытой местности на юге Британской Колумбии в районе скотоводческих ферм. И им был совсем не по вкусу лесной край с его комарами, оводами и еще более опасным врагом — черными крупными слепнями, почти такими же большими, как шершень. Говорят, что каждый раз, когда эти насекомые садятся на шкуру животного, они выгрызают у него немалую толку мяса.

После описанной выше попытки наших лошадей удрать из этих мест неприятности такого рода повторялись еще дважды. Во второй раз я поймал их за семь миль от хижины. Они шли по дороге, ведущей к Риск-Крику, и поэтому найти их было нетрудно. Но при следующей попытке к бегству они, казалось, бесследно исчезли, и я вернул их на нашу планету, лишь когда совершенно выбился из сил и чуть не погиб.

В тот день на рассвете совсем не было слышно звона колокольчиков. Обычно в это время я выходил из хижины и, прежде чем разводить костер, прислушивался, чтобы по звону определить, где находятся лошади.

Но в то утро, кроме трескотни белок, ничего не было слышно. Да время от времени раздавался крик скопы²¹. Она кружила высоко над ручьем и, широко раскрыв зоркие, как телескоп, глаза, следила за движением рыбы-скаво.

Я вернулся в хижину, развел огонь, поставил на плиту кофейник и сказал Лилиан, которая, едва проснувшись, протирала глаза:

— Они опять добрались до проторенного пути. Но особенно далеко они не могли уйти. Я бегу за ними и думаю, что вернусь, как только кофе будет готов.

Я пустился в путь по дороге, проторенной фургоном, сначала быстрым шагом, а затем еще более быстрым аллюром. Предварительно я обмотал вокруг пояса три повода. Я пристально смотрел на дорогу в поисках следов. И только когда я уже находился на расстоянии трех миль от хижины, у меня, наконец, мелькнула неприятная мысль, что на этот раз лошади не вышли на дорогу, а отправились в каком-то совершенно другом направлении. Но в каком же? Бурундук²², сидевший на камне в задумчивой позе, свесив хвост и положив морду на передние лапы, быстро взглянул на меня, но ответить на этот вопрос не смог.

Я рысью пробежал весь обратный путь до хижины и, когда Лилиан, подойдя к двери, встревоженно взглянула на меня, отрицательно покачал головой.

— Ушли,— сказал я и уныло добавил: — Мы остались без лошадей.

Но Лилиан всегда надеялась на лучшее.

— Они, наверное, где-нибудь недалеко. Иначе ты нашел бы их следы на дороге.

Она вышла из хижины и прислушалась.

— Может быть, они здесь поблизости и просто стоят спокойно.

И мы оба стали слушать, не донесется ли откуда-нибудь звон колокольчиков.

Итак, я стоял, напряженно прислушиваясь, Лилиан стояла, напряженно прислушиваясь, и Визи, почувствовав значительность происходящего, вылез из хижины голышом (Лилиан не успела одеть его) и тоже стал напряженно прислушиваться. Но колокольчиков не было слышно.

— Лошади не летают,— сказал я с напускной небрежностью, стараясь скрыть свою тревогу.— Куда бы они ни отправились, они оставят следы.

С печки потянуло запахом кофе, и тут я почувствовал, как голоден.

— Поджарь-ка мне горку блинчиков,— попросил я,— дюжины две, и приготовь с полдюжины ломтей бекона. Я так голоден, что, кажется, мог бы съесть вареную крысу.

Покончив с завтраком, я снова затянул потуже поводья вокруг пояса и ринулся в лес, с тем чтобы обыскать всю округу на расстоянии мили от хижины. Уже недалеко от намеченной мною гра-

пицы я, наконец, напал на следы копыт. Мне было ясно, что следы оставлены незадолго до рассвета и что лошади шли одна за другой, как это обычно бывает, когда они пускаются в дальний путь. Теперь, когда я нашел следы, нужно было умерить шаг и держаться за них с цепкостью пиявки, впившейся в тело. Если бы я их потерял, мне пришлось бы потратить не меньше, а то и больше часа, чтобы вновь их отыскать.

Лошади шли прямо на восток через чащу из толстых сосен. На этом пути они должны были неизбежно наткнуться на водную преграду реки Фрейзер, но это меня мало утешало. Для крылатого существа река находилась на расстоянии не меньше сорока миль, а для бескрылого — вдвое дальше.

Передо мной теперь был барьер из тополей вокруг какого-то озера. Я остановился, прислушиваясь, в надежде, что лошади напились воды и теперь спокойно пасутся где-нибудь поблизости. Но ни один колокольчик не звенел на расстоянии нескольких миль. Во всяком случае ни один такой звук не доносился до меня. Я слышал лишь шелест листьев, как бы говоривший мне: «Теперь вы остались без лошадей: и ты, и твоя жена, и ребенок, которые ждут тебя в хижине. Лошади умней тебя. Такой край им не нужен».

Лошади прошли за пятьдесят ярдов от озера и не подошли к нему напиться. Это подтвердило мои опасения: лошади ушли ночью и напились где-нибудь еще до рассвета. Теперь они могли обойтись без воды, и лишь всевышний знал, где они находятся, а он это мне не открывал.

Я оторвался от следов, углубился в гущу тополей и обошел вокруг пруда, внимательно осматривая его рыхлый берег. Следов лошадей не было, но зато там на сырой почве были другие следы — раздвоенных копыт. Сначала мне показалось, что за час до меня туда приходило на водопой не меньше полдюжины оленей. Но потом я увидел, что это были следы одного оленя, к тому же самца. По моим предположениям, ему было три-четыре года. Возможно, что пастбище этого оленя находилось в близлежащем лесу, и он приходил сюда два-три раза в день на водопой. Я наморщил брови, раздумывая, сумею ли снова найти дорогу к пруду. Отложив помыслы об олене на будущее, я снова углубился в лес и снова сосредоточил все свое внимание на следах лошадиных копыт.

Около мили восточнее пруда эти следы слегка отклонились на юго-запад, а затем, милою спутя, пошли прямо на юг. Теперь я убедился, что лошади хотят добраться до открытой местности и в конце концов придут туда, если я не поймаю их.

В старом сосновом бору, густо заросшем травой, я мог идти быстро, со скоростью почти трех миль в час. Примятая трава служила мне достаточным ориентиром. Но в чаще осин или в молодом сосняке я с трудом обнаруживал следы на песчаной почве. Здесь мне приходилось идти медленно, чтобы не упустить их из виду.

Как далеко я был теперь от дома? Не просто было ответить на этот вопрос. Но положение солнца, склонявшегося к западу, подсказало мне, что я ушел от хижины миль на двенадцать. А что теперь с Лилиан и Визи? Ну, Визи был еще слишком мал, чтобы думать об удравших лошадях и о том, вернется ли его отец или бесследно пропадет в лесу во время погони за этими лошадьми. Не так обстояло дело с Лилиан. Эта женщина прекрасно понимала, какой коварной может быть бескрайняя чаща. Она знала, как легко после заката, когда ночь изменит все очертания, сбиться с пути и начать кружить в поисках верного направления, не отличая восток от запада, север от юга и уже не думая об этом.

Человек, который сбился с пути в лесной чаще и все больше и больше теряет ориентацию, легко переходит грань между трезвой рассудительностью и лихорадочной паникой. Обезумев, мечется он по лесу, спотыкается о кучи бурелома, падает и, поднявшись, снова спешит вперед, уже не думая о верном направлении, и наконец, когда физическое и умственное напряжение доходит до предела, он останавливается, не в силах сделать ни шагу.

Лилиан знала об этом, и на закате она будет стоять у двери хижины, стоять очень тихо, напряженно прислушиваясь, не доносится ли звон колокольчика, не хрустнет ли ветка у меня под ногами, не слышно ли, как я споткнулся о свалившееся дерево. И надолго запомнится ей этот тревожный вечер.

Я споткнулся об усеянную камнями кочку, перелетел через нее и, встав на ноги, застыл на месте при виде большого черного силуэта между соснами в пятидесяти ярдах от меня. Одна из наших лошадей была темно-коричневой, почти черной, и существо между елками тоже было черным и размером походило на наших лошадей.

— Вот они! — закричал я с облегчением.

Но это оказалась вовсе не лошадь, а лишь старая лосиха²³ без детеныша. Лосиха простояла целых десять секунд, затем отвернулась от меня, пригнула уши и пустилась наутек между елками; и лишь по стуку ее копыт о валежник я мог судить, куда она умчалась.

Солнце уже садилось, когда я, наконец, услышал отдаленный звон колокольчиков. Я остановился и прислушался, чтобы убедиться, что лесная чаща не морочит меня, что это не «звоночек»

какой-нибудь летяги²⁴. Иногда резкий писк летяги звучит, как отдаленный звон колокольчика.

Убедившись, что это действительно колокольчики лошадей, я пустился бежать. Лошади вышли на небольшой лужок пощипать травы. При моем приближении они подняли головы и тут же опустили их, узнав меня. Одна из лошадей порвала веревку, которой была стреножена. Это, несомненно, был вожак; он и увел так далеко лошадей. Растреножив одну лошадь, я связал веревки в длинную полосу и обвязал ее конец вокруг шеи животного. Затем я поймал трех оставшихся коней, привязал голову одного к хвосту другого и всю получившуюся привязь — к хвосту третьего, на котором я собирался ехать. Я вскочил на неоседланную лошадь и взглянул на последние отблески уже скрывшегося солнца. До полной темноты оставалось не больше часа, и я погнал лошадей быстрой рысью на северо-запад, рассчитывая, что это направление рано или поздно приведет меня к ручью.

Было темно, как в преисподней, когда я подъехал к хижине. Визи спал уже не меньше трех часов, а Лилиан стояла в нескольких ярдах от хижины. Я соскочил с лошади почти у ее ног и слышал, как она прошептала:

— Слава богу, ты вернулся.

— Ты ведь не беспокоилась, не так ли? — посмеивался я, обнимая и целуя ее.

И если когда-нибудь мужчина и женщина имеют право поцеловаться, то именно в такой момент.

— Немного беспокоилась, — призналась Лилиан.

— Не о чем было беспокоиться. Я просто ознакомился со здешними лесами. И к тому же нашел водоем, — и затем, уже более серьезно, добавил: — Будь хоть потоп, а завтра утром мы во что бы то ни стало начнем ставить ограду.

Вскоре после этого решилась проблема пастбища для лошадей. В двухстах ярдах от хижины ручей впадал в озеро размером в двести акров. В конце озера еще сохранились развалины бобровой плотины. На несколько ярдов ниже ручей, прорвавшийся через плотину, встречал на своем пути еще одно озеро, носившее название Мелдрам. Это озеро тянется с севера на юг, но в полумиле от места впадения ручья делает отчетливый поворот к востоку. Мы построили деревянную ограду от ближайшего к нашему дому озера до изгиба озера Мелдрам и таким образом отгородили полтораста акров хорошего пастбища для коней. И это было сделано из-за жизненной необходимости, а не в силу каких-либо юридических прав, о которых мы и не помышляли. Теперь эта ограда стоит уже двадцать семь лет, и наши лошади пасутся там в летнее время. С появлением ограды отпала необходимость треножить лошадей.

Мы отпускали их свободно пастись и могли теперь спать спокойно, не думая о том, где окажутся наши кони поутру.

Если вам будут давать один раз в день, скажем на завтрак, тоненький ломтик бекона вместе с яйцом или парой яиц, этот вид свинины будет усваиваться весьма неплохо. Но если бекон, и только бекон, будет лежать на вашей тарелке три раза в день в жареном, вареном, печеном и любом другом виде, вы скоро не захотите смотреть ни на свиней, ни на свинину. В течение двух недель единственным мясом, из которого Лилиан могла что-либо приготовить, был бекон. У нас не было даже воротничкового рубчика²⁵ или зайца-беляка. Бекон надоел мне, надоел Лилиан, и даже Визи отталкивал ломтик бекона, как только он появлялся на тарелке.

Решив принять какие-то меры, чтобы изменить это положение дел, я спросил Лилиан:

— Ты ничего не имела бы против жаркого из настоящего мяса, не правда ли?

Лилиан посмотрела на полбрикета бекона, возвышавшегося на полке, потерла нос и сказала:

— Все что угодно, кроме бекона.

— Ну, а как насчет оленины?

— Конечно, мне хотелось бы почувствовать запах оленьего бифштекса на горячей сковородке. Четвертую часть оленя мы оставили бы свежим, а остальное засолили бы в глиняных горшках. Конечно, если бы у нас был олень.

— Я знаю, где искать следы,— и поделился своим секретом, вспомнив котловину, наполненную водой.

На Лилиан это не произвело особого впечатления.

— Я не могу поджарить следы,— сказала она.

— Может быть, мне и не удастся снова найти эту лужу,— продолжал я и, рассказав Лилиан об озерке, заключил: — Так или иначе, я попытаюсь сделать это. Сегодня же вечером отправлюсь туда верхом, и, если удастся разыскать это место, засяду в чащу тополей, и, может быть, убью оленя.

— Можно мне поехать с тобой? — спросила Лилиан.

Я хотел, чтобы она поехала, но сделал вид, что обдумываю этот вопрос, и затем сказал:

— Думаю, что да. Но тебе придется сидеть очень тихо.

Лилиан обиженно надула губы.

— Я могу сидеть так же тихо, как и ты. А может быть, еще тише. По правде говоря, ты не можешь и минуты просидеть спокойно, тут же начинаешь ерзать.

— Могу, когда выслеживаю зверя,— сказал я и, взглянув на третьего члена нашей семьи, спросил: — А как быть с Визи?

— Самая пора приучать его к охоте,— разумно ответила Лилиан.

Мы отправились из дома в пять часов дня. Я — на своем каштановом мерине, Лилиан — на одной из рабочих лошадей. Позади нее, на крупной лошади, обхватив мать ручонками, ехал Визи, засунув ножки под узловатые тесемки седла. Время от времени он высовывал ножки и бил ими лошадь по животу, покрикивая: «Но, но!»

— Шш...— унимала его Лилиан,— так ты распугаешь всех оленей.

Поскольку давно не было дождей, песок сохранил следы, по которым я шел за пять дней до нашей поездки, и мне нетрудно было найти дорогу к заполненной водой котловине. За сто ярдов от озера я привязал лошадей к двум соснам и, положив пять пуль в магазинную коробку винтовки, стал медленно подбираться к воде. За мной так же медленно шла Лилиан, крепко держа Визи за руку. По озеру плавал только самец-чирок. Возможно, что самка сидела на яйцах где-нибудь поблизости. Я присел за кустом, а Лилиан примостилась около меня. Чирок уплыл к противоположному берегу, расправил крылья и затем, описывая полукруги на воде, стал осторожно приближаться к нам. Он подплыл так близко, что Визи стал вырываться из крепких рук Лилиан, чтобы побежать в воду и поймать его.

— Тихо,— предупредила его Лилиан.— Папа сейчас убьет оленя.

Откуда-то из леса послышалось токование воротничкового рябчика. Было необычно, что он токует так поздно. Все самки уже сидели на яйцах. Но может быть, он сидел на одной и той же валежине еще с тех пор, как стоял снег, и, токуя с утра до вечера, призывал самку, которая захотела бы стать его подругой.

— Сиди тихо,— сказала Лилиан.

Ей было нелегко удерживать мальчика: ведь сидеть за ивовым кустом и смотреть, как заходит солнце, не было ни интересным занятием, ни веселой игрой. Куда интереснее было бы развалить муравейник или броситься в воду, чтобы поймать чирка.

Прошло больше часа, когда, наконец, появился олень. Лилиан услышала приближение зверя за несколько секунд до того, как я его увидел. Она вдруг застыла в одной позе и прошептала: «Хрустнула ветка». Без единого лишнего движения я взял винтовку и загал патрон в ствол.

— Где?

Она указала на противоположную сторону пруда:

— Где-то там.

Легкой поступью олень вышел из кустов и начал спускаться в пруд. Ружье было уже у плеча, но я не дотрагивался до курка, пока олень не вошел в воду по колено. Утолив жажду, он стоял, глядя в пространство и думая о том, о чем обычно думают олени после водопоя. Жаль было убивать такое безвредное и грациозное животное, но если бы не я его убил, то на следующую же ночь он мог попасть в зубы волка или койота. А нам так нужно было мясо!

Моя пуля попала ему в основание черепа в тот момент, когда он повернул голову и хотел выйти из воды. Лилиан помогла мне снять шкуру с брюха оленя и выпотрошить его. Затем, отделив печень, почки и сердце, мы сложили их в чистый мешок из-под муки, взвалили убитое животное на мое седло, привязали и отправились в обратный путь.

Пока мы освежевали оленя, разрезали его на части и повесили мясо остывать на елях за хижинкой, пора было зажигать керосиновую лампу, чтобы Лилиан могла раздеть и уложить Визи. Через несколько секунд ребенок уже крепко спал, и, наверное, ему снились олени, бегущие по лесной тропе, и белые куропатки²⁶, токующие на валежнике.

Лилиан вскипятила кофе, и мы не спеша смаковали его, усевшись за стол.

— Завтра, — сказала она, — я засолю в горшках три четверти оленины. — И, вопросительно глядя на меня, добавила: — А затем?

— Расставить капканы, — быстро ответил я. — Послезавтра мы павьючим снаряжение на лошадь и двинемся в лес, чтобы выяснить, какие сокровища таят в себе эти сто пятьдесят тысяч акров леса, болот и воды.

Глава V

— Не очень-то приятно пахнет, не правда ли? — сказала Лилиан, когда ветер донес до нас запах с болот.

Я люблю называть вещи своими именами и, сморщив нос, проворчал:

— Вояет, как из помойки.

Все обмелевшее русло ручья, насколько можно было окинуть взглядом, было усеяно увядшими водорослями в различной стадии разложения вперемешку с болотной грязью и гниющими трупами животных, погибших в трясине во время неудачной попытки добраться до лужицы застойной воды, чтобы утолить жажду. Хотя трава еще не поднялась, кое-какой скот с ферм уже бродил здесь, пощипывая чину и вику, буйно зеленеющие в лесу у ручья. И я

подумал: «Такое ужасное положение дел будет иметь место до тех пор, пока каждый акр протухшей поверхности болот не покроется снова свежей прохладной водой».

— Что же нам делать, черт возьми, чтобы вернуть воду на эти болота и наполнить пересохшие озера? — по сложившейся привычке обо всем советоваться с Лилиан, спросил я.

Я часто получал от нее разумные советы, но на этот раз она только покачала головой и ответила:

— Не знаю.

В течение предшествовавших двадцати минут все внимание Лилиан было сосредоточено на починке башмачков Визи, и она не могла думать ни о чем, кроме своей работы. Мальчик всегда бегал с мокрыми ногами, так как он без конца возился в лужах и на мелководье в ручье. Башмаки совсем не были предназначены для таких занятий, и теперь нитки в швах прогнили, и подметки отстали от верха. После нескольких попыток починить башмаки Лилиан убрала иголку и нитки в свою рабочую коробку и, посмотрев с сожалением на развалившуюся обувь, сказала:

— Я попробую выделать шкуру оленя и затем сделаю из нее для Визи мокасины.

Блузка и юбка опять уступили место комбинезону. Лилиан называла его брюками, но для меня рабочий комбинезон оставался рабочим комбинезоном, как там его ни называй. Комбинезон — или иначе брюки — не шел Лилиан. В юбке и блузке она выглядела (как это и должно быть) гораздо более женственной. Однако мне пришлось согласиться, что в юбке не очень удобно ездить на лошади верхом. «Ну, что ж, — решил я, — когда Лилиан отправляется куда-нибудь верхом, пусть надевает комбинезон, если это ей нравится».

В течение пяти дней мы бродили, как цыгане, просто чтобы посмотреть, какими возможностями располагает та часть дикой местности, где мы получили право расставлять капканы. Следы животных были нашими тропинками, лошади — нашим транспортом, палатка — нашей крышей. Любые следы были для нас загадкой, так как мы не знали, откуда и куда они ведут. Мы шли по этим следам и в конце концов приходили к какой-нибудь поросшей травой котловине или к маленькому озерку. Если день склонялся к вечеру, мы оставляли лошадей пастись на привязи, а сами разбивали на ночь палатку. А если, судя по положению солнца на небе, было еще только два или три часа дня, мы мысленно брали на заметку этот лужок или озерко, а сами опять пныряли по лесу в поисках следов, как гончая в поисках запаха зверя. Следов было достаточно.

За четыре дня мы исходили огромное пространство, узнали много мест, неизвестных почти никому из белых людей. Результаты наших наблюдений не были многообещающими.

— Во всяком случае разбогатеем мы не так уж скоро, — поделился я опасениями с Лириан.

Было две дюжины бобровых плотин без бобров. Было несколько сот (а может быть, и несколько тысяч) акров вонючих, наполовину высохших болот. Если изредка и попадались кое-где следы ондатры, вряд ли можно было рассчитывать на стоящую добычу в наших капканах, так как для массового размножения ондатр нужна вода, которой не было в этом краю. У нас было значительное количество запруженных озер (когда-то там тоже стояли бобровые плотины), почти полностью пересохших. Требовалась вода, чтобы поднять уровень этих озер к их прежним берегам. Вот и все, что у нас было, кроме бескрайней чащи лесов, и вот на чем мы могли строить свои надежды на относительную безопасность и относительное благополучие. Если были у какого-нибудь человека более скромные возможности при вступлении в новую жизнь, я не хотел бы быть на его месте.

Если бы в болота и озера вернулась вода, быстро увеличилось бы количество ондатр и других пушных зверей. Несмотря на нашу общую уверенность, что когда-нибудь мы вернем бобров в ручей Мелдрам, ни один из нас не знал, каким образом мы сможем это сделать. Бобров нельзя купить на аукционе, как лошадь или корову. Насколько нам было известно, бобров совсем не было в Чилкотине и почти не было во всей Британской Колумбии. На время мы отложили заботу о бобрах и занялись вопросом о том, каким образом наполнить водой по крайней мере одно или два заболоченных русла, по которым несмело струились остатки воды. Ибо жизнь не иссякнет там, где есть необходимые условия для существования и размножения обычных обитателей дикого края. При наличии этих условий и при соблюдении хотя бы самых элементарных принципов охраны животных можно быть уверенным, что природа не останется в долгу.

В 1931 году за шкурку ондатры платили от восьмидесяти центов до доллара. Если бы удалось снова оросить высохшие болота, здесь можно было бы развести сотни ондатр, но в теперешнем состоянии эти болота ни для кого не представляли практической ценности.

В природе все живое существует за счет уничтожения других животных или растений. Если бы заболоченные места этого края вновь наполнились водой, сохранившиеся в почве семена и клубни водных растений послужили бы пищей для ондатр, водяных птиц и рыб. Эти последние стали бы в свою очередь приманкой для по-

рок, выдр и других хищников, которые пришли бы сюда в поисках добычи. Если шкурка ондатры оценивалась лишь в восемьдесят центов, то шкурка норки стоила от пятнадцати до двадцати долларов.

Все дело было в том, чтобы создать необходимые условия для существования одного из видов животных, и эти животные стали бы пищей для других. Однако претворить эти рассуждения в жизнь было не просто.

Мы столкнулись с настоящей необходимостью решить эти вопросы. Ключом к их решению были бобровые плотины. В конце каждой полосы заболоченной почвы, будь она длиннее или короче, находилась бобровая плотина. Во многих котловинах почти высохших озерков еще виднелись в воде жилища бобров. Хотя в Мелдрам-Крике уже полстолетия или более того не было бобров, остатки их плотин и хаток свидетельствовали о том, что когда-то здесь существовали во всей красе шестидесятифунтовые грызуны, чье терпение и мастерство создали сооружения, не только изменившие русло ручья, но и обеспечившие ему полноводность.

Починить бобровые плотины и снова сделать этот бесплодный край изобильным! Поставить ворота там, где зияла брешь, обуздать ручей, как когда-то его обуздали бобры! Сделать все, чтобы вода снова затопила сохнувшие болота! Не позволить ей растекаться по капелькам и теряться в реке! И не только мы были жизненно заинтересованы в полноводном ручье. Тем, кто жил внизу, в долине, так же как и нам, была необходима вода. И иссякающие водные ресурсы не могли их удовлетворить.

Пришельцы из Азии были первыми, кому понадобилась вода ручья Мелдрам. В середине XIX века они появились здесь с кирками и лопатами и выкопали канавы, отводившие воду ручья к песчаным террасам чуть выше реки Фрейзер, на шесть миль южнее того места, где в нее впадает ручей. Копая песок, китайцы извлекали на поверхность рассыпное золото. Для того чтобы промыть его и отделить золото от песка, требовалось огромное количество воды. Ближайшим водным резервуаром был безымянный ручей, расположенный несколько северней.

В течение полдюжины лет вся вода ручья текла по канаве, вырытой китайцами. В том месте, где они вели свои работы, вода проходила через промывочные лотки, унося с собой грязь и оставляя в лотках драгоценный золотой металл. Китайцы вычерпывали его деревянными ложками, клали в мешки из оленьей кожи и зарывали эти мешки в землю, чтобы никакой вор, будь то белый или индеец, не мог их украсть. Часть этих мешков до сих пор лежит в

земле, так как много китайских золотоискателей умерло от оспы, а с ними умерла и тайна спрятанного золота.

В конце концов золотые россыпи истощились, и те китайцы, которых не тронула оспа, отправились искать золото в другие края. Тогда ручей обнаружили европейцы, и их внимание привлекла узкая долина, расположенная у его устья. Смытая сюда с холмов почва была плодородной и могла дать хороший урожай овощей и фруктов; а если ее вспахать, то можно было выращивать сено и злаки. На несколько миль ближе к истокам ручья, где холмы уступали место обширному плато, были тысячи акров некошенной травы. Землей можно было завладеть безвозмездно. Полноводный ручей круглый год снабжал водой каналы, ведущие к посевам. Снова ручей Мелдрам дал свои воды людям, и приблизительно в 1860 году здесь было положено начало скотоводству, процветающему до сих пор.

В стране, которую четыре месяца в году покрывает слой снега не менее трех футов толщиной, солидный запас сена в сараях или под навесом так же необходим на зиму скоту, как весенние, летние и осенние пастбища. Практические возможности фермы определяются вместимостью построек для хранения сена зимой, когда скот не может находиться на пастбищах.

Почва в долине была плодородна, и ее было достаточно, чтобы обеспечить зимним кормом столько лошадей и коров, сколько могло пастись на летних пастбищах, не истощив их. Но Мелдрам-Крик расположен в «сухой» части Британской Колумбии, где недостаточно найти свободную землю для посевов. Надо еще, чтобы была вода. В 1860 году и в предшествовавшие десятилетия ручей был полноводным. Вода была там потому, что в течение столетий многочисленные поколения бобров трудились над тем, чтобы ручей не обмелел. С исчезновением последнего бобра уровень ручья начал снижаться, но лишь несколько лет спустя фермеры, поселившиеся в долине, заметили, что вода понемногу убывает. А когда ручей заметно обмелел и летом уже едва хватало воды, чтобы оросить один акр почвы там, где раньше орошалось полдюжины акров, никто не смог диагностировать причину несчастья, а тем более найти от нее лекарство. Причина болезни заключалась в снижении уровня озер и высыхании окружающих их болот. Они были источником и запасом всей воды, которая текла в ручьях и затем сливалась с рекой. В горах вечный лед служил источником, питающим летние ручьи. И если бы ледники сползли в океан и исчезли, исчезли бы и горные ручьи.

У истоков Мелдрам нет ледников, но, пока там жили бобры, ручей был полон сил. И лишь с исчезновением последней колонии бобров появились признаки недуга.

Спеша опередить друг друга в охоте на бобров, как белые, так и индейцы ломали плотины и в пробоинах ставили капканы, зная, что даже самый осторожный бобр проберется в темноте к пробоине, чтобы починить ее и предотвратить утечку драгоценной воды, которую сдерживает плотина. Ни один пушпой зверь так легко не ловится в капканы, как бобр. Он не может скрыть свое местопребывание: бобра выдают плоды его труда. Первая задача, которую должен решить бобр в борьбе за существование,— сохранить воду. А он не может это сделать, не оставив видимых следов своей работы. Сооружения бобра всегда указывали, где надо его искать. За последнее десятилетие XIX века у ручьев и озер здешнего края побывало немало пришлых звероловов, жадно искавших с капканами в руках красноречивые признаки присутствия бобров.

У ручья Мелдрам истребление бобров шло быстро и легко. Резервации больших индейских племен находились на расстоянии примерно двух дней пути от ручья. Подстрекаемые алчностью белых торговцев пушниной, эти индейцы прочесали местность от истоков до устья ручья в поисках свежесваленных деревьев, свидетельствующих о том, что где-то поблизости есть бобры. Индейцы были не единственными охотниками поживиться остатками добычи. Белые также не упустили ни одного зверя, чью шкурку можно было превратить в деньги или товар. Но вскоре и индейцы, и белые перестали появляться в этих местах в поисках пушнины: бобров здесь не стало.

Ручей Мелдрам питался не только за счет прудов, созданных бобрами, но и за счет естественных озер. Он получал от них значительное пополнение, когда уровень этих озер поднимался. Когда исчезли бобры и созданные ими плотины перестали сдерживать воду, ручей пришел в такое жалкое состояние, что это грозило обмелением ирригационных каналов. Тогда фермеры стали подумывать об использовании озер, расположенных неподалеку от истоков ручья. От размышлений перешли к действиям, и вскоре от озер к полям были прорыты каналы, значительно снизившие уровень озерной воды. Получилось по пословице: «Вор у вора дубинку украл».

Но бобровые запруды пересохли. Теперь вода не просачивалась непрерывно через плотины, пополняя озера в то время года, когда испаряется значительное количество влаги. А ведь как раз в это время особенно много воды расходовалось на поливку посевов. По отводным каналам из озер шло такое количество воды, что ее расход в летние месяцы не покрывался ежегодным пополнением в период таяния и дождей. Вопрос о нехватке воды встал перед скотоводами со всей остротой.

Осенью 1926 года, когда я впервые увидел эту долину, там было всего шесть или семь ферм, и заготовка зимнего корма для скота целиком зависела от количества воды в отводных каналах. Но лишь владелец основного канала, идущего от озера к долине, имел немного воды, чтобы обеспечить первые всходы люцерны. О поливке вторых всходов не могло быть и речи.

Забота правительства выразилась в том, что отдел использования водных ресурсов департамента земельных и лесных угодий послал своих чиновников для обследования положения дел. Они измерили величину озер, записали цифры в свои блокноты и уехали. А департамент продолжал взимать ренту, дающую скотоводам право пользоваться несуществующей водой. Сохранилось достаточно плотин, которые можно было бы использовать для задержки воды и накопления водных запасов, но нужна была практическая деятельность, чтобы починить хоть некоторые из бобровых плотин и поднять уровень воды в запрудах. Скотоводы же, по-видимому, были так заняты спорами об исчезнувшей воде, что у них не хватало времени подумать о возвращении ее в иссякшие водоемы.

Таково было положение дел в Мелдрам-Крике в тот июньский день, когда мы обследовали эту болотистую местность, чтобы узнать, что мы сможем получить от нее; и нам трудно было отделаться от мысли, что вряд ли здесь имелась возможность вернуть природе хоть частицу того, чем она была богата в дни детства Лалы.

— Прежде всего мы должны починить плотины и превратить болота в озера, — сказала Лилиан.

— А как ты рассчитываешь сделать это, если нам не пойдет навстречу отдел использования водных ресурсов и сами скотоводы? — возразил я.

Лилиан молчала. Ей, как и мне, было хорошо известно, что мы не сможем ни отводить, ни перекрывать ручей, пока скотоводам в долине не хватает воды. Если мы это сделаем, у нас будет масса неприятностей.

Теперь, после того как мы пять дней рыскали верхом на лошадях по лесам и болотам в поисках следов и не обнаружили никаких признаков пушных зверей, исключая койотов (следы койотов были повсюду), я обобщил результаты наших наблюдений, заявив: «Это безнадежно».

Лилиан смотрела в пламя костра. Повинуясь внезапному порыву, она взглянула мне прямо в лицо и спокойно сказала:

— Эрик, я не желаю никогда больше слышать от тебя слово «безнадежно». Мы лишены многого в этой дикой глуши. Но мы не можем позволить себе лишаться надежды.

Было так жарко, что пот выступал у нас, даже когда мы лежали в тени тополей, занятые только своими мыслями. Это была не насыщенная влагой предгрозовая жара, а сухой, палящий зной. От него засыхали чина и вика. Болотная трава, лишившись своих соков, из зеленой становилась блекло-желтой, а голубизна на кустах превращалась в сухие сморщенные комочки, прежде чем успевала созреть. Для Лилиан потеря голубики была настоящей трагедией. Голубика прекрасно цвела в июне, обещая редкий урожай, и, пройдя в июле один-два ливня, кусты голубики были бы усеяны крупными сочными ягодами, которые она предполагала нарвать, а затем законсервировать и наварить варенье на зиму. Но ни в июле, ни в августе не выпало ни капли дождя. День за днем, неделя за неделей стояла беспощадная изнуряющая жара. А это значило, что у нас не будет ни консервированных ягод, ни варенья на зиму, если мы не привезем и то и другое с торгового пункта.

Но отсутствие зрелой голубики было не единственной бедой, поразившей Мелдрам-Крик летом 1931 года. Прерии превратились в пустыни. Люцерна на полях засыхала, не успев расцвести, и казалось, даже соснам и елям не хватало влаги, чтобы освежить свои иголки.

Русло ручья Мелдрам от истоков до устья было так же сухо, как и ведущие к нему следы животных, как и почти все небольшие озера. И в грязной тине, вскоре превращавшейся в пересохшую корку, видно было множество запутанных утиных и гусиных следов. Это были следы птенцов, слишком слабых, чтобы летать, слишком неповоротливых, чтобы бегать, но уже понимавших, что надо где-то искать воду. Койоты стаями спускались вниз по руслу, пользуясь легкой возможностью поохотиться за дичью. Все русло было устлано утиными и гусиными перьями в тот страшный период летнего зноя.

Гибли не только водяные птицы. Животные со скотоводческих ферм бродили вдоль берегов с высунутыми от жары языками в поисках воды. У полуразрушенной бобровой плотины оставалось около одного или двух дюймов застоявшейся воды, или, вернее, какой-то жидкой грязи, которая отделяла от сухой почвы несколько ярдов глубокой и тонкой трясины. Стремясь добраться до этой лужицы, измученные жаждой животные пробирались через болото, и многие из них застревали в трясине и погибали. Это была медленная смерть, так как иногда конец наступал лишь на четвертый или пятый день. И когда пришла осень, многие из фермеров сокрушались по поводу разорительной потери скота и подумывали, что если положение дел не изменится, то недалеко время, когда

животные, чтобы утолить жажду, вынуждены будут отправиться в дальний путь к реке.

Местом гибели животных было не только заболоченное русло ручья Мелдрам. Другие ручьи пребывали в таком же состоянии. Опасны были любые низины на полях, где весной застаивалась талая вода. Положение стало настолько угрожающим, что отдел пастбищ департамента земельных и лесных угодий поставил ограды вокруг высохших водоемов, чтобы животные не гибли в трясины, пытаясь добраться до жалких остатков воды. Но ограды были лишь временным средством предотвратить несчастные случаи, а не радикальным способом лечения недуга. Со временем столбы, поддерживающие проволоку или ограду, должны были подгнить и повалиться, их пришлось бы ставить вновь. И какая была польза скоту от окружающих пастбищ, если для него были закрыты многие существующие водопой?

Единственным выходом на будущее из создавшегося бедственного положения было попытаться собрать и сохранить достаточное количество воды в «годы изобилия», чтобы ее хватило на все «годы голода». Вот что нужно было и, вероятно, можно было сделать. Эта мысль сначала зародилась у меня в виде неясной идеи, но, чем больше я думал об этом, тем отчетливей рисовался мне выход из создавшейся беды. И когда мне все стало окончательно ясно, я поделился своим мнением с Лилиан.

— Отдел охраны водных ресурсов,— внезапно заявил я.— Я напишу туда письмо.

— А как будет с голубикой? — смеясь ответила Лилиан.— Сейчас у меня в мыслях только голубика.

— Хорошо, что она есть хоть у тебя в мыслях,— ответил я,— в лесу ее не найти.

Лилиан ответила мне шутливой гримаской, и я продолжал:

— Я напишу им о ручье Мелдрам и о бобровых плотинах.

Лилиан посмотрела на меня скептически.

— Что понимает в бобрах отдел охраны водных ресурсов?

— Вероятно, чертовски мало. Но они должны все-таки знать кое-что о плотинах.

— Например?

— Ну, они должны знать, что чем больше в ручье плотин, тем больше в нем воды.

Лилиан презрительно фыркнула, и это было достаточно красноречиво.

— Почему же в таком случае они не строят плотины на нашем ручье?

— У них не доходят до этого руки, а может быть, им вообще не до нас.

— Тогда почему ты хочешь им писать?

— Потому что, — начал я терпеливо объяснять, — мы проделаем всю работу сами, если они дадут нам разрешение.

— Понятно.

Несколько мгновений Лилиап сидела молча, сложив руки и не шевелясь, а затем сказала:

— Садись и пиши. Но я думаю, что это пустая трата времени.

Итак, я написал в отдел охраны водных ресурсов департамента лесных и земельных угодий длинное письмо. Я обрисовал ситуацию, сложившуюся в районе ручья Мелдрам, и подчеркнул свою уверенность в том, что единственным плодотворным решением проблемы нехватки воды была бы починка бобровых плотин, расположенных в отдаленных местах верхней части ручья, и орошение болотистой почвы. Мы брались самостоятельно выполнить всю работу, не обращаясь ни к кому за помощью и не требуя вознаграждения за труд, если департамент санкционирует наше начинание и обеспечит охрану запруженной воды после починки плотин. Было бы глупо начинать работу, если, прежде чем она будет доведена до конца, фермеры отведут запруженную воду.

Письмо было отправлено, и в соответствующий срок пришел ответ: «Мы считаем, что ваш план ничего не даст для увеличения ежегодного количества воды в ручье Мелдрам». Так нам и заявили — вежливо, кратко и холодно. Обычная для всех таких случаев трафаретная отписка. Вот как «ободрил» нас отдел по охране водных ресурсов.

Но если это письмо и испортило на какой-то момент наше настроение, оно не выбило нас из колеи. Был еще один человек, к которому мы могли обратиться за поддержкой, и Лилиан напомнила мне о нем.

— Почему бы тебе не познакомить со своим проектом мистера Муна? — предложила она, когда мы переварили отказ министерства и забыли о нем.

— Чарли Мун! — Я поднял брови. — Черт возьми, Чарли Мун! — Я начал бегать от стола к двери и обратно. — А почему бы и нет?!

Чарлз Мун был самым крупным землевладельцем в долине. Его ферма у ручья Мелдрам была одной из полдюжины ферм, разбросанных по пастбищам нижнего Чилкотина. Он слегка сутулился при ходьбе, как это обычно бывает с людьми в возрасте, приближающемся к седьмому десятку, особенно когда пятьдесят из них отданы нелегкому, но честному труду. Англичанин по рождению, Мун приехал в Чилкотин в конце XIX века и начал работать на одной из существовавших тогда скотоводческих ферм за тридцать долларов в месяц и харчи. Начав с такой скромной деятель-

ности, он кончил тем, что создал нечто вроде маленькой скотоводческой империи, где в 1931 году уже насчитывалось три тысячи голов хертфордского скота и несколько тысяч акров обработанной и огороженной земли. Своим успехом он был обязан не счастливой случайности, а тяжелой работе, трезвому уму и умению хорошо вести хозяйство.

У него было неограниченное право использования водных ресурсов в Мелдрам-Крике, и никто не мог получить здесь воду, пока требования Муна не были удовлетворены. Вот к этому фермеру мы и обратились за поддержкой, которую нам не захотел или не смог оказать отдел охраны водных ресурсов.

И это привело к совсем иному результату. «Что бы вы ни делали там у истоков ручья,— писал Мун в ответ на наше письмо,— это не может ухудшить положение дел здесь, в долине. Я всегда считал, что уничтожение бобров в Мелдрам-Крике является основной причиной того безвыходного положения, в которое мы попали. Мое мнение таково: начинайте то, что вы задумали; посмотрим, что из этого выйдет».

В тот момент его ответ вполне нас устраивал. Если крупнейший землевладелец в районе ручья благословлял наше начинание, что нам можно было еще желать? Разве только, чтобы всемогущий послал нам снежную зиму и одно или два дождливых лета.

Впоследствии снежных зим было больше чем достаточно. Но все это время мы должны были как-то на что-то жить. А у нас не было других источников существования, кроме леса. Его дары не были богаты, но он щедро делился с нами тем, что имел. Изобретательность стала лейтмотивом всей нашей жизни. Мы старались практически использовать все, что попадало в наше поле зрения. Мясо оленей шло нам в пищу, а шкура служила материалом для одежды. Шкура оленя, убитого у пруда в лесу, еще висела высоко на дереве, где ее не могли достать койоты. Она была грязной и вонючей. На шкуре запеклись комочки крови, и по ним ползали личинки мясных мух. Но шкура от этого не пострадала. После того как мы с Лилиан выскоблили ее, там остались какие-то крошечки мяса, но его было недостаточно даже для насекомых.

Некоторое время Лилиан в раздумье смотрела на шкуру, а затем напомнила мне:

— У Визи нет обуви.

Думая, что продолжения не будет, я молчал, вопросительно глядя на Лилиан, но она тут же добавила:

— Я попытаюсь выдубить оленью шкуру.— Это было сказано таким тоном, как будто выдубить шкуру не составляет никакого труда.— И сделаю Визи пару мокасин,— сказала она так же просто.

— А ты когда-нибудь дубила шкуры? — скептически спросил я, не сомневаясь в том, что получу отрицательный ответ.

— Нет, но я видела, как это делала Лала.

— Ах, Лала!

Это было сказано таким тоном, что у Лилиан на лице появилось выражение упрямства, и ее подбородок слегка выдвинулся вперед.

Я полузакрыв глаза и забыл:

— Лала расставляла силки для дымчатых тетеревов²⁷, и они попадались туда. Она выкапывала корень дикого подсолнуха отточенной палочкой и жарила его на углях, как мы жарили картошку.

Я слегка приоткрыл глаза.

— Как думаешь, ты могла бы поймать дымчатого тетерева?

— Если бы это понадобилось, могла бы, — отпаривала она.

Тогда я сказал примирительным тоном:

— Конечно, ты могла бы, но теперь нет дымчатых тетеревов, только белые куропатки и дикуши²⁸. И я могу их убить малокалиберной винтовкой.

— У Лалы не было винтовки. У нее были только силки, — и, высказав это, Лилиан вдруг смягчилась и улыбнулась.

Я воспользовался переменной ее настроения и миролюбиво сказал:

— Завтра мы начнем дубить кожу, как это делала Лала, но тебе придется руководить мной. Я ведь не видел, как Лала обрабатывала шкуры.

Оказалось, что это не так уж трудно. Мы намочили шкуру в баке с теплой водой и оставили ее там на три дня. Затем повесили ее на очищенное бревно тополя и соскоблили с нее шерсть, остатки мяса и грязь ножом, сделанным из лезвия старого серпа. В результате шкура стала почти снежно-белой. После этого мы подержали шкуру еще два дня в густой мыльной пене и затем высушили ее. Теперь можно было смазать ее жиром. Лала пользовалась для этого медвежьим жиром, но у нас его не было, и пришлось смазать шкуру драгоценным свиным салом.

Мы еще раз опустили шкуру в мыльную пену, чтобы очистить ее от жира. После этого шкуру нужно было как следует растянуть. Мы привязали ее края к прочной деревянной рамке и натягивали веревки до тех пор, пока они не стали тугими, как скрипичные струны. Затем мы провозились целый день, терпеливо растирая всю шкуру. При этом мы пользовались закрепленным в расщепленную палку камнем с острыми краями. После такой обработки шкура стала мягкой и гибкой, как топчайший бархат. Теперь она была готова для окуривания. Для того чтобы получить ровно

столько дыма, сколько необходимо, я вырыл яму, развел там костер и прикрыл огонь пихтовыми шишками. Мы построили над ямой сооружение в виде вигвама, натянули на него шкуру и закрыли ее попонами. Через несколько часов окуривания шкура приняла золотисто-коричневый оттенок, и из нее можно было делать перчатки, мокасины или пальто.

Лилиан трудилась над мокасинами для Визи целых два дня, но уже с первых стежков было видно, что они будут хороши.

— Теперь моя очередь, — сказал я. — Когда ты сошьешь пару мокасин мне?

Лилиан бросила оценивающий взгляд на остатки шкуры.

— Я хочу сделать Визи еще пару варежек. И тогда уже на мокасины не хватит шкуры.

— Мне придется убить еще оленя, — ответил я.

Лилиан оглядела каменные горшки с мясом и покачала головой.

— У нас еще много мяса. Пока нам не нужен олень. Подожди, пока у нас не кончится оленина. Тогда ты убьешь оленя, и я сделаю тебе мокасины.

Не кто иной, как Лилиан со свойственной ей изобретательностью придумала, как выгодно использовать рыбу-скво. Мы сидели втроем на берегу озера и смотрели, как плещется в воде рыба. Ее было много. Казалось, что на каждый фут водной поверхности приходится по одной рыбе.

Вдруг Лилиан заявила:

— Нам надо выращивать для себя овощи.

— Овощи? — Я постучал о землю носком сапога. — На этой земле и без удобрений кое-какое сено мы, может быть, и вырастим, но только не овощи.

— А еще я собираюсь развести цветник, — не смущаясь, продолжала она. — Что это за дом без цветника!

Тут я расхохотался.

— Ну конечно, у нас будут розы, орхидеи, гладиолусы и все, что угодно. Но подумай только — я не говорю уже о высоте (а мы находимся на высоте примерно трех с половиной тысяч футов над уровнем моря, и заморозки бывают тут почти каждый месяц): ведь почва здесь настолько бесплодна, что я сомневаюсь, чтобы ты смогла вырастить на пей даже одну картофелину. А если бы это удалось, то она была бы размером с маленький шарик.

Лилиан топнула ножкой.

— Мы вырастим здесь картошку, и к тому же хорошую. И кроме того, у нас будет морковь и свекла, горох и капуста... Неужели тебе не ясно, что здесь все дело в удобрениях.

— Все дело в удобрениях, — передразнил я и продолжал: — Во-первых, от нас очень далеко до мест, где продаются удобрения; во-

вторых, если бы мы и могли туда добраться, такая покупка была бы нам сейчас не по карману. Конечно, к следующей весне у нас будет в сарае какое-то количество лошадиного навоза, но...

— Его будет слишком мало,— перебила меня Лилиан. И затем, показав на озеро, сказала: — Вот где все удобрение, которое нам нужно, и к тому же самое лучшее.

«Озеро, удобрение» — все это было совершенно непонятно. Но Лилиан лишь кивнула головой.

— Рыба-скво.

Теперь это звучало не так уж странно.

— Ах, черт возьми, кому бы это могло прийти в голову! Ты что-то придумала?

Лилиан села и с минуту помолчала, наслаждаясь своим торжеством, и лишь затем продолжала:

— Весной, когда они уйдут из озера и направятся вверх по ручью к местам нереста, мы сможем ловить их целыми мешками. А затем надо будет разложить их в несколько слоев на земле и вспахать с почвой. И тогда мы сможем выращивать почти все необходимые нам овощи.

Мне никогда не приходило в голову, что рыба-скво можно использовать как удобрение. Лилиан как-то пыталась поджарить ее, но из этого ровно ничего не вышло. Не то чтобы было очень уж невкусно, но в ней оказалось так много острых костей, что можно было успеть умереть с голоду, пока их отделишь от мяса.

Следующей весной Лилиан сплела из бечевки большую рыболовную сеть, и, когда рыба-скво двинулась к местам нереста, мы построили в русле ручья каменную плотину, оставив отверстие посередине. Лилиан держала сеть у этого отверстия, а мы с Визи поднялись выше и затем пошли вброд назад, по направлению к плотине, ударяя палками по воде и крича. Мы спотыкались о скользкие камни и падали в воду, но зато нам удалось загнать в сеть целую стаю рыб. Когда на берегу накапливалось большое количество рыбы, нагружали ею джутовые мешки и перетаскивали на очищенный от леса акр земли. Затем мы покрывали почву слоем рыбы и перепаживали ее. В течение трех недель после посева этот участок земли вонял на всю округу, но, когда запах исчез, сквозь темную рыхлую почву стали пробиваться молодые всходы, и к середине лета у нас был огород, которому мог бы позавидовать любой огородник, растивший овощи на продажу.

Лала никогда не упоминала о рыбах-скво, так как в ее время их почти не было. Но зато тогда не было недостатка в форели. Она рассказывала мне, как индейцы забрасывали свои рыболовные сети через узкое устье ручья Мелдрам и вытаскивали их

на следующее утро тяжелыми от жирных розовых форелей. Позднее, когда мы осматривали берега ручья в поисках следов норки или других пушных зверей, мы не раз встречали разбухшие от воды остатки деревянных плотов, на которых плавали когда-то индейские рыбаки. Но все это было в золотые для бобров времена, когда озера не мелели и каждое лето быстрый холодный поток бежал через плотины, а в ручье от его истоков до устья всегда было сколько угодно свежей, проточной воды. После истребления бобров и оскудения запасов воды в запрудах ручей обмелел и русло его во многих местах пересохло. Исчез чистый прохладный поток, и форель погибла. С исчезновением форели размножилась рыба-скво, заполнив освободившееся место.

Однажды вечером, примостившись на бревне у хижины и думая все о том же, я небрежно спросил Лилиан:

— Как ты думаешь, наступит ли день, когда мы с тобой сможем спуститься к ручью, забросить удочку и вытащить много форелей?

Лилиан расчесывала волосы, аккуратно заплетая их на ночь. И только закончив этот труд и будучи вполне удовлетворенной его результатами, она, наконец, ответила:

— Да, если вернутся бобры.

Что-то в тоне ее ответа заставило меня внимательно посмотреть на нее и сказать:

— Ты действительно думаешь, что бобры когда-нибудь вернутся?

Она ответила мне с глубокой серьезностью:

— Конечно, да. А разве ты этого не думаешь?

Глава VII

Был ясный жаркий июльский полдень. Визи стоял у высохшего тополя в нескольких ярдах от хижины и смотрел, как дятел то скрывался в дупле, то вылетал из него за личинками и всякой другой пищей для птенцов. Внезапно он отвернулся от дерева и опрометью бросился к хижине. Он подбежал к двери, пыхтя и задыхаясь, с выпученными глазами. Затем, посмотрев назад через плечо, произнес:

— Какой-то приехал.

Из леса показался всадник. Он постоял несколько секунд у края поляны, как бы раздумывая, ехать дальше или вернуться в лес. Я решил за него этот вопрос, махнув ему рукой и закричав: «Алло!» Успокоив лошадь, которая, увидев меня, встала на дыбы, всадник подъехал к хижине.

Наш посетитель был чистокровным индейцем, которого я когда-то встречал в Риск-Крике. Как я узнал позже, он жил в анигамской резервации, расположенной далеко к западу от озера Мелдрам. На нем были лосевые штаны и куртка из оленьей кожи с бахромой на плечах и рукавах. Куртка была безупречно чистой, если не считать одного или двух пятен крови на правом рукаве. Происхождение этих пятен было вполне понятно, так как позади его седла висела туша только что убитого оленя. Это был низкорослый коренастый человек с непроницаемым выражением лица.

Улыбнувшись в знак приветствия, я показал на дерево и сказал: «Скоро будем есть. Привяжи лошадь сюда и садись с нами».

Сфинксоподобное лицо индейца расплылось в улыбке.

— Спасибо,— пробормотал он, слезая с седла.

По-видимому, наш гость был не из болтливых. Индейцы из Чилкотина не слишком словоохотливы, когда им приходится объясняться хотя бы на очень примитивном английском языке. Наша отнюдь не оживленная беседа была ограничена вопросами охоты.

— Много следы койот есть на дно ручья,— начал я, пытаюсь развязать язык моего гостя.

— Твоя правильна! Койот-шлюха убивай маленький гусь, утка, когда вода в ручей нету.

Хотя индеец не понимал подлинного значения слова «шлюха», которое белые ввели в его словарь, он чувствовал, что это что-то плохое.

После нескольких секунд глубокого раздумья индеец спросил:

— Тебе думай, сколько мех продавец давай за койот шкура, когда очень хороший шкура?

Я усмехнулся.

— Продавец обманывай охотник, как черт. Если светлый гладкий шкура стоит десять доллар, торговец в лавка товар давай на семь доллар.

Теперь засмеялся индеец.

— Да, да. Мех торговец-шлюха, многа обманывай.

Взглянув на убитого оленя, я спросил:

— Твоя много смотри следы олень в лес, где твоя ходи?

Он утвердительно кивнул головой:

— Очень много. Он ходи по ручей. Ищи вода. Муха, черт, кусай олень. Он ходи в вода. Весь там, один голова смотри. Муха кусай нету.

Даже в беседе с индейцем нельзя избежать слова «вода», если речь идет о жизни в лесной глуши. Только в воде может олень спастись летом от мух. Почти целый день он лежит в ручье или озере, выставив из воды лишь нос и уши. И только когда стуга-

ются сумерки и палящий зной сменяется вечерней прохладой, олень вылезает из воды и идет пастись в лес.

Индеец наелся до отвала и пробормотал «спасибо», когда я протянул ему через стол табак и папиросную бумагу. Он долго и сосредоточенно дымил, а в редких паузах между его затяжками мы перебросились еще несколькими словами об оленях, о лосях и о всякой другой добыче охотников в здешних лесах. Мясо — основа всей жизни чилкотинских индейцев. Без денег он может обходиться неделями, однако мясо нужно ему и его семье на каждой ночной стоянке. Поэтому все его мысли были сосредоточены главным образом на мясе. Мы сами понемногу усваивали жизненную философию индейцев. И такой образ мыслей имел вполне достаточные основания.

Теперь, когда индеец познакомился с нами, он не торопился уходить. Выкурив папиросу, он вышел из хижины и примостился на бревне, бросая беглые взгляды на хижину и фургон, на меня, Лилиан и Визи. Может быть, его и интересовало, почему мы здесь живем и чем занимаемся, но он не удосужился спросить об этом. Наконец он поднялся и сказал:

— Теперь моя лагерь ходи.

Тут у меня прорвалось любопытство, присущее белым.

— Где же твой лагерь? — спросил я.

Ткнув пальцем куда-то на север, он пробормотал: «Там». И поскольку это «там» было окружено несколькими сотнями тысяч акров леса, болот и изрытых котловинами лугов, его ответ несколько не удовлетворил мое любопытство.

Мы не могли полностью порвать связь с внешним миром. Это было бы несправедливо по отношению к Визи. Он имел право знать, что на свете есть другие люди, кроме его отца и матери. Поэтому раз в месяц я снимал с пастбища рабочих лошадей, впрягал их в фургон, и мы ехали в Риск-Крик.

Наши редкие поездки на почту доставляли Визи огромное удовольствие, так как с ними всегда была связана покупка конфет. Мы никогда не отказывали ему в этом, хотя это и было в ущерб нашим и без того скудным средствам. Детство имеет свои права, и даже индейские ребята хорошо знали большие деревянные банки с конфетами, стоявшие у торговца под прилавком. Покупка производилась следующим способом: малыш засовывал налечь в рот и со стуком клал другой рукой на прилавок пяти- или десяти-центовую монету. Зимой монету могла заменить шкурка ласки.

Сначала я занимался покупками Визи. Затем покупались фунт чая и пара коробок табака. И лишь после этого я получал свою корреспонденцию. Если какие-нибудь письма обещали быть интересными (а это случалось нечасто), я тут же прочитывал их

и тут же, пользуясь трескучей пишущей машинкой лавочника, отвечал на них. Затем, усевшись на прилавок, я просматривал газеты. Наиболее крупные из ежедневных провинциальных газет уделяли несколько строк австрийцу по имени Гитлер. Но кто же, черт его побери, был этот Гитлер?

— Маляр,— буркнул Бечер в ответ на мой вопрос.— Да, сэр, проклятый маляришка из Австрии, вообразивший себя вторым Бисмарком.

В конторе у Бечера был радиоприемник, который между длительными периодами молчания выдавал немного музыки или краткие сообщения о последних событиях. Обладание приемником превратило торговца в настоящий кладезь премудрости. Индейцы узнавали у него, можно ли ожидать лунную ночь для хорошей охоты. Если у фермера отбились стада и потерялись девять годовалых бычков, он спрашивал совета у торговца, где нужно их искать. Если жена местного поселенца с верхних берегов ручья, родившая за семь лет шестеро детей, ожидала седьмого, она допытывалась у торговца, будет на этот раз мальчик или девочка. Радиоприемник отвечал на все вопросы.

Да, в газетах писали мало утешительного. Несколько тысяч безработных подняли бунт на улицах Ванкувера. В Соединенных Штатах было несколько миллионов безработных. Если такова жизнь в цивилизованном мире, то, чем скорей мы вернемся в свой лес, тем лучше.

Вопрос о том, когда возвращаться домой, обычно решала Лилиан. Мы приезжали в Риск-Крик не чаще одного раза в три или четыре недели, и, когда мы были там, мне не хотелось торопить Лилиан с отъездом. Однако, проведя пару дней в Риск-Крике за чаепитием с миссис Бечер, беседуя о тех таинственных вещах, которые обычно обсуждают две женщины, оставшиеся наедине, Лилиан решительно заявляла:

— Я хочу домой.— И, как будто этого было не достаточно, добавляла: — Пора подумать о заготовке сена.

Без всякого преувеличения можно сказать, что, едва закончив одну работу, Лилиан уже думала о другой. И пожалуй, это было хорошо, так как сам я иногда был склонен отложить дела на денек или два.

Но она была права. Нужно было обеспечить зимний корм скоту до наступления осенних заморозков. Без лошадей мы лишились бы связи с внешним миром, если бы не захотели проделать пятидесятимильную прогулку на лыжах или пешком.

Сено, как и все остальное, было здесь бесплатным. На маленьком лугу, где когда-то жили бобры, или несколько ближе к истокам ручья мы могли накопить полдюжины тонн болотной травы,

которая, хотя и уступала по качеству тимофеевке или клеверу, все же не давала отощать нашим лошадям, пока не спадут жесткие оковы зимы и не зазеленеет новая травка.

У нас не было ни косилки, ни прицепных грабель. И не у кого было их одолжить, так как все косилки и грабли были на ходу в жаркую пору заготовки зимнего корма для лошадей; но у нас было снаряжение, состоявшее из косы, больших и неуклюжих ручных граблей и вил. И к тому же у нас было четырнадцать часов дневного света для работы. Я орудовал косой. Хотя такая замена косилки была для меня непривычна, нужда быстро заставила научиться обращаться с косой. После двухдневной боли в спине я начал ловко ею пользоваться, и каждый раз, когда лезвие косы сверкало в воздухе, на землю ложился рядок ярко-зеленой травы. Когда сено высыхало, Лилиан сгребала его в копны. И нередко, как только копна была готова, Визи начинал кувыркаться на ней, и сено разлеталось во все стороны.

Вдвоем с Лилиан мы сделали из сухих жердей решетку и укрепили ее на деревянных полозьях, а затем впрягли лошадей в это примитивное, но удобное сооружение, отвезли на нем копны сена и заскирдовали его у избы.

Лето шло к концу, и незаметно подкралась осень. Осины и ивы сменили зеленый наряд на темнеющее золото. Сентябрь подарил нам несколько дней морозящего дождика, и в ручье снова забулькала вода.

Сырая и ветреная погода октября пригнала с песчаных холмов стаи журавлей²⁹ и массу канадских казарок, которые с оглушительным шумом кружили над озером у нашего дома. Журавли и гуси летели на юг. Журавли редко спускались передохнуть в наших местах. Гуси вели себя иначе. Они садились на воду большими шумными стаями и задерживались там на одну-две недели, чтобы отдохнуть и пощипать низкорослую траву на солончаковых берегах озера.

В наших местах любое мясо зверя или птицы, убитых в середине октября, замерзало и не портилось до конца марта. И если наш дикий край не мог подарить нам к рождеству индейки, мы могли все же получить рождественского гуся.

Я снял со стены дробовик, оседлал пару лошадей, посадил Визи на круп лошади Лилиан, и мы отправились на охоту за гусями. Это предприятие требовало большого взаимопонимания между мной и Лилиан. Необходимо было также на несколько минут умирить бурную активность Визи, чтобы он не спугнул гусей раньше времени. Прежде всего нам необходимо было установить направление ветра, так как канадские казарки никогда не взлетают с воды по ветру, а всегда — против него. Решив эту задачу,

я в течение нескольких минут изучал обстановку, соображая, куда могут полететь гуси, когда они снова поднимутся в воздух. Затем тихонько шепнул Лилиан:

— Я постараюсь неслышно проскользнуть и спрятаться вон в том кусочке леса на южном берегу озера. Подожди десять минут, пока я доберусь туда, а затем беги во всю прыть из леса к озеру. Это заставит гусей тут же подняться с воды.

— Как я узнаю, что прошло десять минут, когда ни у кого из нас нет часов? — возразила она.

В тот момент я заметил, что гуси начинают беспокойно переговариваться друг с другом, как это у них бывает перед полетом. Нужно было торопиться.

— Положись на свое чутье, — бросил я Лилиан, уже пробираясь украдкой между деревьями.

Но Лилиан любила действовать наверняка. Пауза, которую она выдержала, скорей приближалась к получасу, чем к десяти минутам. И лишь затем Лилиан выбежала из леса, вспугивая гусей. Неизвестно, как ей удалось заставить Визи сидеть тихо в течение такого долгого времени.

Лилиан бежала к озеру то рысцой, то галопом, внося смятение в птичью стаю и заставляя ее лететь прямо над моей головой. Это была великолепная цель для любого стрелка.

— Пиф-паф — и гуся падают, — прошепелявил бегущий за Лилиан бледнолицый Гайавата, когда мой дробовик убил сразу двух гусей. Вскоре дюжина гусей уже висела на елках позади нашей избушки. За ночь они как следует промерзли, и в ту осень мы больше не трогали гусей. Я еще задолго до того отказался от охоты ради спортивного удовольствия. Охота и убийство любого живого существа, пернатого или непернатого, уже не была для меня спортом, как в давние времена, когда я жил в Англии. Охота была для нас теперь одним из основных средств существования. А если без нее можно было обойтись, мое ружье спокойно висело на стене хижины.

Последние дни октября промелькнули, как слабые вспышки угасающей свечи. Замерзающие озера огрызались и ворчали, когда лед все плотней и туже сковывал водную поверхность. А когда замерзли озера, исчезли и последние отставшие стайки гусей. С их исчезновением нас охватило какое-то тоскливое ощущение одиночества. Птичий гомон вносил некоторое оживление в нашу жизнь. После отлета можно было рассчитывать лишь на кратковременные проблески тепла, прежде чем зима окончательно скует лесные дебри морозом.

Однако насущные заботы не оставляли нам времени для размышлений об унылых днях наступающей зимы. Нужно было про-

варить капканы в кипящем отваре пихтовой хвои, чтобы уничтожить любой запах, который мог бы отпугнуть зверей. Нужно было проверить и смазать все части зимней упряжи, нужно было прочистить дымоходы, чтобы исключить возможность пожара, когда в печь будут положены дрова, чтобы оградить нас от зимних холодов. Редкая зима проходила в Чилкотине без того, чтобы два или три дома не сгорели почти со всеми находившимися там пожитками. Лишь немногие из домовладельцев смогли бы платить страховые взносы, даже если бы удалось застраховать постройку из отбеленных на солнце бревен, с дерновой крышей и ржавыми дымоходами. Единственной страховкой от пожара была чистота наших дымоходов.

У нас ушла целая неделя на то, чтобы расставить и оснастить капканы, и, едва мы закончили эту работу, выпал снег в шесть дюймов глубиной. Первый снег напомнил мне еще об одной задаче, которую мы должны были решить, прежде чем осматривать капканы. Речь идет о рискованном и необходимом деле. И хотя у нас к нему не лежала душа, мы не могли обойтись без него, так как наш кошелек был почти пуст.

Глава VIII

Бросить зажженный факел в медвежью берлогу — дело далеко не безопасное. Но нам нужен был запас жира на зиму, и другого выхода у нас не было. Мы не имели ни необходимых больших запасов жира, ни хотя бы незначительных запасов денег. И мы предпочитали не покупать жир на торговом пункте, раз его можно было получить бесплатно в лесу.

В конце сентября я потратил целых три дня на поиски «жилой» медвежьей берлоги. «Жилой» можно было назвать берлогу, которую медведь вычистил и приготовил для зимней спячки. Наконец я нашел такую берлогу и сделал зарубки на пути оттуда к хижине, чтобы легко найти это место, когда в берлоге поселится ее хозяин.

Теперь установилась зима, и медведь должен был находиться в берлоге. Надеясь на это, мы по зарубкам отыскивали туда путь и осторожно приблизились к входу в берлогу. С первого взгляда я понял, что берлога обитаема. Медведь забрался туда через узкий проход и прикрыл отверстие ветками и мхом. Я осторожно поднял их и обнажил вход в берлогу.

У Визи, сидевшего на крупе лошади, глаза готовы были выскочить из орбит от волнения. Теперь я уже слышал запах медаведя и его медленное дыхание.

Я выпрямился и бросил Лилиан ободряющую улыбку.

— Ты думаешь, что сможешь сделать это? — спросил я таким тоном, как будто «это» означало сущие пустяки.

Думаю, что у нее, наверное, отчаянно билось сердце и какой-то комок подступал к желудку, так как то, что предстояло сделать Лилиан, было большим риском для любой женщины. Но она направилась ко мне и сказала, покусывая губу:

— Я попытаюсь.

Какая-то нотка сомнения прозвучала в ее голосе, заставив меня на минуту остановиться и задуматься. Я стоял очень тихо, не сводя глаз с отверстия, ведущего в берлогу. Стоит ли это затевать? Не слишком ли это отчаянный поступок? Вдруг промахнусь? Вдруг медведь вылезет из берлоги сейчас, когда мы с Лилиан стоим всего в какой-нибудь паре футов от нее? Я взглянул на свою винтовку, и мне показалось, что она говорит мне: «Все будет в порядке».

А что если винтовка подведет?.. Чепуха, я не промахнусь, я почти без промаха попадаю в бегущего оленя, почему бы мне не попасть в медведя, стоящего против дула винтовки на расстоянии нескольких футов. И как бы то ни было, нам очень нужен жир.

Я сказал: «Давай привязывать лошадей». Мы увели и привязали их. Лилиан сняла Визи с крупа лошади и посадила его на седло. «Сиди тихо,— приказала она ему,— не смей и глазом моргнуть».

Вернувшись к берлоге, я заложил патрон в свою винтовку. Затем чиркнул спичкой о длинную смолистую щепку. Мелькнула искра — и факел запылал. Я вручил его Лилиан, давая ей последние, предельно точные указания.

— Когда я крикну «бросай», всунь факел в отверстие и беги к лошадям. — И через секунду добавил: — Смотри, не сядь мимо седла.

Я стал за дерево на расстоянии полдюжины ярдов от входа в берлогу и смахнул с ресниц снежинку. Сердце у меня слегка участило. Но винтовка, казалось, говорила: «Нечего скромничать!» Я в последний раз осмотрел винтовку, особенно прицел. Мушка слегка обледенела, но я тут же очистил ее. Затем я сделал глубокий вдох, задержал воздух на одну-две секунды, и у меня вырвалось с каким-то хриплым рычанием: «Бросай!»

Без колебаний Лилиан подошла почти к самому краю отверстия. Зияющая пасть берлоги скрыла от меня голову и плечи Лилиан, когда она нагнулась, бросая факел. Все произошло с быстротой молнии. Огромный медведь появился как раз в тот момент, когда я этого ждал. Он выкарабкался из берлоги, сердито ворча, оцетинив густую шерсть на спине. Он был черным, как кусок

отполированного угля, толстым, как откормленная свинья, и огромным, как и полагалось быть черному медведю.

Бах! Медведь опрокинулся, как только пуля попала в цель.

— Стреляй еще! — закричал Визи, который был в восторге от происходящего.

Медведь лежал на снегу, пытаясь ударить воображаемых врагов правой передней лапой. Затем он поднялся. Голова его перекачивалась из стороны в сторону. У меня уже не было ни страха, ни волнения. Да их и не могло быть, раз я имел такую винтовку. Я снова прицелился и — бах! Медведь приподнялся и упал за-
мертво.

Мы с Лилиан свеживали тушу, а Визи отправился в берлогу посмотреть, что там делается. Сначала отделили жир от мяса и внутренностей и наполнили ими свои джутовые мешки. Теперь мы были обеспечены жиром на всю зиму. Оставалось только смешать его с жиром лося. Визи выполз из берлоги:

— Там тепло, — сказал он.

Я взвалил мешки на вьючную лошадь и уже был готов усесться в седло, когда меня поразила внезапная мысль.

— Койоты тоже любят медвежье мясо, — сказал я.

Примерно в сотне ярдов от нас стояли две большие ели. Накинув петлю на шею медведя, я обмотал конец веревки вокруг луки седла и, оттащив тушу в сторону елей, оставил ее на расстоянии нескольких футов от деревьев. Лилиан удивленно посмотрела на меня, и я сказал:

— Через некоторое время койоты обгрызут весь остов. Завтра я вернусь сюда и расставлю капканы под деревьями. У нас ничто не должно пропадать зря.

Пронизывающий северный ветер дул нам в лицо, когда мы возвращались с добычей домой. Пока я снимал поклажу, пойм лошадей и кормил их сеном, Лилиан все подбрасывала дрова в железную печку, и ее бока стали красными, как вишня. Пусть воет ветер! Пусть метет метель! Теперь у нас был жир, и мы могли уделить почти все время капканам.

К концу третьей недели декабря двадцать пять койотовых шкурок висело на внешней стене хижины. Пятнадцать горностаев и одна норка попались в маленькие капканы, которые расставила Лилиан в нескольких шагах от хижины в елях параллельно ручью.

— Капиталистка, — посмеивался я, глядя, как Лилиан снимает шкурку с норки. — Что ты собираешься купить на эти деньги?

— В каталоге заказов есть столовый сервиз, — она остановилась и отрицательно покачала головой. — Нет, пока не это! Мы потратим эти деньги на доски, чтобы у меня был пол.

В течение первой зимы это была единственная норка, оставившая след на снегу.

«Пора,— размышлял я,— подумать о продаже нашего товара». До святок оставалось всего четыре торговых дня, а у нас не хватало многого, чтобы приготовить святочное угощение. И Лилиан тут же согласилась со мной. Надо было немедленно продать меха. Итак, мы впрягли лошадей в сани и отправились на юг к торговому пункту.

Чтобы продать шкуры в нашей лавке, требовалось много времени и не меньше терпения. Наваливая шкурки Бечеру на прилавок, я начал издадала: «Сколько вы обычно платите за хорошие койотовые шкурки?»

Бечер посопел, затем вздохнул, затем опять посопел. Он встряхивал и рассматривал шкурки с почти скучающим безразличным видом. Затем он откусил кончик сигары и зажег ее. Потом он покосился на меня из-под своих густых седых бровей и начал потирать ладонью подбородок. Он не спеша попыхивал своей сигарой, глядя сквозь массивное оконное стекло, и, казалось, мысль его блуждала где-то в Англии, или Индии, или где угодно, но только не в Чилкотине Британской Колумбии. Наконец он снова взглянул на меха.

— Наличными или товаром? — спросил он.

— И тем, и другим.

Сидя на прилавке и слегка постукивая о его стенки каблуками, он задержал в руке свежую сигару и затем протянул ее мне (я тоже сидел на прилавке, постукивая о его стенки каблуками). Я взял сигару, откусил кончик, крепко зажал ее в зубах и попросил спички.

Он вздохнул. «Э-э, я вижу, ты вошел во вкус»,— и протянул мне спичечную коробку.

В лавку вошла индианка. На вид ей можно было дать и двадцать лет, и все пятьдесят. Не мне было судить о ее возрасте. Лавочник обратил ко мне раздраженный взгляд.

— У нее нет и медной монетки, ни одного завалящего цента.

Но я достаточно долго работал у лавочника и прекрасно знал, что он отпускал индейцам товар в кредит, когда у них не было ни гроша, а затем умел получить с них все сполна либо мехами, либо работой.

— Тебе что-нибудь нужно, Салли? — Бечер бегло взглянул на индианку, а затем снова устремил взгляд в окно.

На голове у женщины был кроваво-красный шелковый платок. Грудь индианки облегал старый шерстяной свитер. Фигура у нее была почти квадратная. Дешевая ситцевая юбка обтягивала ее бедра и почти не закрывала колен. У нее были желтые от та-

бачного сока зубы, плоский нос и глаза рыбы-скво, только что вытащенной из воды. Но, несмотря на эти мелкие недостатки, она совсем не показалась мне дурнушкой.

В ответ на вопрос лавочника она захихикала и сказала: «Табак».

На лице у лавочника появилось скучающее выражение. «Ни одного завалящего цента». Это было сказано не мне, не женщине, а окпу. Но затем он взглянул на меня и сказал:

— У них пять сосунков, а в доме нет и ломаного гроша. Муж болен и не может охотиться.

Сказав это, он распахнул стеной шкаф и взял с полки мешочек табака.

— Как ты плати, если моя табак дай? — обратился он к женщине.

На это у нее был готовый ответ:

— Вчера моя капкан поймай два ондатра. Скоро шкура сухой, моя приноси в лавка.

Итак, лавочник дал ей табак, двухфунтовую банку сиропа, две книжечки папиросной бумаги, коробку замешанного на соде печенья и маленький пакетик конфет.

— Когда шкура готов, — сказал он, — твоя приноси ондатра, плати твой «челюсть» (это означало «долг»). — И только тогда он снова обратил внимание на мои шкурки.

— Эта депрессия, — проворчал он, — сильно подкачала меховую торговлю. Возьмем, например, койотов. — И он начал перебирать мои койотовые шкурки. — Почти невозможно сбыть хорошую койотовую шкурку.

Не говоря ни слова, я рассматривал кончик сигары. На этот раз Бечер встряхивал и рассматривал шкурки в медленном темпе. Затем он взял карандаш и начал делать какие-то выкладки на обрывке бумаги. Закончив свои вычисления, он выпрямился и заявил:

— Вот что я тебе скажу. Я дам тебе двести долларов за все это, половину наличными, половину товаром.

Я начал собирать шкурки с прилавка.

— Слишком дешево. Эти шкурки мне дадут чистых двести сорок долларов, если я отправлю их на аукцион.

— Продажа с молотка! — буркнул лавочник. — Эти аукционеры — они обдерут тебя как липку! Комиссионные, правительственные пошлины, оплата перевозки! — И, сделав паузу для большего впечатления, он продолжал: — Да они просто украдут твою норку, эти аукционеры. Между прочим, шкурка неплохая.

Он поднял норковый мех и подул на ворс.

— Вот что я тебе скажу. Я дам тебе товаров на двести двадцать долларов.

Но нам нужны были деньги, а не только товары.

— Дай мне двести двадцать пять. Половину наличными, половину товаром.

— Я несу большие убытки на этой проклятой сделке, — проворчал Бечер, сгребая мои шкурки с прилавка.

Итак, меха были проданы, и мы покатили по снегу домой. Звенели цепочки, скрипели полозья, в кармане у меня было больше сотни долларов, а в санях — запас продуктов на всю зиму.

— Черт возьми, мы разбогатели! — сказал я лошадям, хлестнув их по крупам.

В санях, в холщовом мешке лежало два таинственных ящика, тщательно спрятанных от любопытных взглядов Визи. Содержимое этих ящиков предназначалось для рождественской елки, которую мы собирались срубить по дороге домой. Лишь несколько лет спустя Визи догадался, каким образом Санта-Клаус умудряется протиснуть свой круглый животик через наш шестидюймовый дымоход. Но так или иначе, Деду Морозу это удавалось.

День рождества был ясным и солнечным. Термометр показывал двенадцать градусов ниже нуля. Одетые инеем ели и ивы у ручья сверкали на солнце. Покончив с завтраком, мы занялись рождественскими подарками, лежавшими под елкой. Для Визи Санта-Клаус положил игрушечную скрипку, чулок, набитый конфетами, орехами и апельсинами, и пугач. Для Лилиан под елкой лежала пара домашних туфелек на меху и музыкальная шкатулка с нитками и иголками. Каждый раз, когда открывалась крышка шкатулки, слышалась короткая мелодия. Для меня там были карманные часы, которые перед этим лежали у торговца на полке под ярлычком с надписью: «Два доллара пятьдесят центов». Я завел часы, дабы убедиться, что они в самом деле начнут тикать, и бросил на Лилиан подозрительный взгляд. Я ничего не мог прочесть на ее лице, но тем не менее я мысленно связал мой рождественский подарок с воспоминанием о деньгах, полученных ею за норку.

Это были недорогие подарки, но все-таки это были подарки. Их ценность заключалась не в долларах и центах, хотя доллары и центы были нам очень нужны. Ценным в этих подарках были прежде всего забота и внимание тех, кто их дарил. Все это сближало нас, хотя сами подаренные вещи могли вскоре сломаться или оказаться ненужными.

К девяти часам утра у игрушечной скрипки уже не хватало двух струн, а пугач остался без заряда. Так как термометр показывал минус двадцать, я надел куртку и меховую шапку, закутал Визи в толстый шерстяной свитер, натянул ему на уши и щеки капюшон парки и сказал:

— Пойдем-ка к ручью, расставим ловушки для кроликов.

Нам вовсе не нужны были кролики. У нас было мясо лося и оленя, а под елями у хижины лежали замороженные утки и гуси. Но я знал, что в тот момент Лилиан предпочитала остаться одна. Еще за месяц до рождества, когда Лилиан начала делать пудинги и кексы, я понял, что она уже обдумывает рождественский обед. Она вообще любила готовить, конечно, когда у нас были продукты. А это было рождественское утро, то есть единственное утро в году, когда ей нужно было остаться одной в хижине хотя бы на час.

Я шел по берегу замерзшего ручья, а Визи семенял ножками за мной, стараясь не отставать. Заметив следы кролика, пересекающие ручей, я остановился и поставил ловушку в зарослях ивняка. Мы подошли к озеру, в котором обычно плескалась вода до первого сильного снегопада. Теперь его снова покрывал толстый ледяной панцирь. Мы прошли к центру озера по гладкому льду, прочному, как застывший цемент, осмотрели две хатки ондатр и долго с интересом разглядывали следы волка, пробежавшего ночью по замерзшему озеру. Затем мы вернулись в лес и посидели на стволе свалившейся ели, наблюдая, как белка лущит шишку на суку ближайшего дерева.

Интересно, подумал я, знает ли белка, что сегодня рождество? Вероятно, нет. Белке наплевать, какой это день, были бы только шишки, которыми можно полакомиться.

Лилиан вся раскраснелась, когда мы с Визи вернулись домой. У нее пылало лицо оттого, что она долго стояла у плиты, склонившись над гусятницей, оттого, что она без конца поднимала крышку кастрюльки, пробуя, не готов ли рождественский пудинг, оттого, что она не раз открывала дверку духовки, глядя, не достаточно ли зарумянилась корочка пирога с мясом.

— Я так голоден, что мог бы съесть вареную сову, — заявил я, услышав аппетитный запах ее стряпни.

— Гусь будет готов не раньше чем через двадцать минут, — заворчала Лилиан. — Ну, что бы вам было поставить еще пару ловушек для кроликов.

Подхватив намек, я сказал, обращаясь к Визи:

— Пойдем, прибавим сена лошадям. Они ведь тоже голодны.

Лютый январь! Восемь часов дневного света, шестнадцать часов ночной темноты. Снег в тридцать дюймов глубиной скрывает след любого зверя или птицы. Толстый слой снега лежит на деревьях, сгибая и круша мощные ветви. Снег глушит молодые всходы. Северный ветер колет лицо подобно иголкам дикобраза. Ветер недостаточно силен, чтобы сдуть с деревьев глыбы снега. Но он щиплет и обжигает щеки, если вы пойдете ему навстречу. Верховые кони, привязанные у хижины, фыркают, прижав уши к гривам. В нетерпении они бьют снег передними копытами.

Я натягиваю толстый шерстяной свитер и тулуп, застегиваю высокие боты и всовываю ноги в поношенные длинные штаны из медвежьей шкуры. Эти старые штаны защитят меня от снега. Лилиан суетится, приготавливая мне завтрак. Затем она кладет его в квадратный пакет из прорезиненной парусины и вручает мне, стараясь сделать вид, что она совершенно спокойна. Но это ей плохо удается.

— Ради бога, будь осторожен! — даже тон голоса красноречиво свидетельствует о ее волнении.

И страх ее не напрасен, так как я иду навстречу испытанию не менее суровому, чем беспощадный северный ветер.

После Нового года к нам в капканы не попал ни один койот. Конечно, не без причин. В северных широтах почти невозможно поймать койота после рождества. В январе все койоты, как самки, так и самцы, ни за что не прикоснутся к добыче, пойманной кем-то другим. И конечно, в этот период их не проведешь никаким искусственно созданным запахом, никакой приманкой. Считают, что лисица — самое умное животное в северных лесах, но лисица — просто дура по сравнению с койотом. Если койот — единственный из хищных зверей, которого человеку не удалось истребить на континенте Америки, не значит ли это, что он умней человека?

Я хорошо знаю койотов. В первые годы нашей жизни у истоков ручья все наше благосостояние зависело от того, удастся ли мне всегда иметь свежую койотовую шкуру на наших распалках в период, когда их мех полноценен. Весной, летом и ранней осенью у нас были только расходы и никаких доходов. А нам многого не хватало. Нам нужны были доски для пола. Нам нужна была косилка и грабли, и я знал, где можно было дешево купить подержанные, то есть за шестьдесят долларов. Шестьдесят долларов! Скрамная сумма — нечего сказать! Мне также нужны были еще капканы, а Лилиан — еще горшки и сковородки. Нам

нужен был линолеум, чтобы покрыть будущий пол. Койоты должны были заплатить за все.

Вскоре после рождества я снял капканы и повесил их на елки, под которыми они до этого стояли. Капканы уже были бесполезны, и это значило, что надо удвоить Мистеру Бинксу его ежедневную порцию овса. Теперь многое зависело от Мистера Бинкса. Это был каштановый мерин ростом в пятнадцать ладоней. Мать его была арабской кобылицей-полукровкой, а отец — диким неклеямым конем. До семи лет этот мерин бегал в табуне диких лошадей. И когда охотник за дикими конями поймал весь табун, каштановому мерину пришлось пережить двойной позор: кастрацию и выжигание клейма. Вскоре после этого я приобрел его за четыре первосортные койотовые шкурки и начал постепенно приучать к подпруге и поводьям.

С рождества начался период частых снегопадов. Пока шел снег, койоты не отходили далеко от логова, разжигая свой хищный аппетит спрятанными поблизости объедками кожи и костей. Пока шел снег, я тоже не отходил далеко от своей берлоги. На любом охотничьем участке в это время лишь вопрос жизни и смерти мог заставить человека выйти из хижины туда, где бушевала зимняя непогода.

Три дня и три ночи с севера несло снег, крепкий, похожий на песок. И вдруг серый небосвод стал проясняться, и луна, похожая на серебряную тарелку, улыбнулась, глянув на заснеженную землю. Ручкой от топора я смерил глубину снега. Оказалось, тридцать дюймов. Когда койот выходит на охоту по свежему снегу такой глубины, ему приходится идти по протоптанному кроличьему следу в зарослях молодых деревьев. Если выгнать койота из зарослей на прогалину, где нет кроличьих следов, каждый шаг будет стоить ему огромных усилий. Теперь, когда небо прояснилось, мы с Мистером Бинксом должны были сбить койота с кроличьих следов, выгнать из чащи на прогалины и идти за ним по пятам, пока зверь окончательно не выбьется из сил. Это был адский труд, изматывающий как охотника, так и его жертву. Но труд этот был необходим, если мы не хотели погибнуть в нашей лесной глуши.

Часто койоту удавалось при помощи хитрых уловок провести меня или Мистера Бинкса и на время спасти свою шкуру. Но иногда он делал промах и расплачивался за это.

Каштановый мерин игриво изогнул спину, почувствовав стягивающую его подпругу. Он игриво подпрыгнул разок-другой, когда я осторожно сажусь в холодное седло. Но по мере того как мы удалялись от хижины, у мерина пропадало игривое настроение и, наострив уши, он принимался за свой тяжелый труд.

Когда охотишься на койота верхом на лошади, идущей по брюху в снегу, излишняя спешка может только навредить. Победа или поражение в значительной мере зависят от последней вспышки силы и скорости у коня в решающее мгновение. Я предоставил Мистеру Бинксу свободно идти медленным шагом сквозь редкий хвойный лес, ведущий к зарослям молодых деревьев в верхней части холма. Местами гладкая поверхность снега была пропахана следами лося. Один раз на какую-то долю секунды на горизонте показался силуэт лосихи с лосенком и тут же исчез. Я подъехал к первой группе молодых деревьев (у нас на родине их называют перелесками) и не обнаружил там никого, кроме кроликов и пары горностаев, поэтому я направил своего каштанового мерина вперед, к более обширным зарослям.

Деревца были в пять — семь футов вышиной. Они росли плотной чащей, подобно колосьям нескошенного овсяного поля. Каждая веточка на них сгибалась под тяжестью снега. Я объехал почти всю чащу и внезапно увидел следы одинокого койота, оставленные, как я полагал, вскоре после заката. Я вздохнул, застегнул потуже воротник моего тулупа и направил Мистера Бинкса в чащу. Куски мерзлого снега сыпались на седло, когда мы задевали ветки. И когда я приподнялся на стременах, чтобы смахнуть снег, я поймал себя на мысли о том, как чертовски трудно человеку заработать доллар честным трудом.

Было невозможно, пробираясь сквозь чащу, не промочить седло. Вскоре оно заледенело, и подо мной скрипела и визжала его промерзшая кожа. Мой тулуп и меховые штаны набухли водой, так как снег на них таял от тепла моего тела. Блага тут же превращались в лед.

В глубине чащи вблизи отчетливого кроличьего следа я увидел место, где койот поймал кролика. Я наклонился в седле, пошевелил окровавленный снег взятой для этого палочкой и внимательно рассматривал на ней следы крови. Она была более или менее свежей, хотя и успела замерзнуть. Это значило, что кровь была пролита не так давно, скорей всего в то же утро на заре, так как койот охотится на рассвете и в сумерках, а спит в течение дневных часов короткого зимнего дня.

По размеру следов было видно, что я имел дело не с молодым, а со старым и опытным зверем. «Йо-хо! — предупредил я Мистера Бинкса. — На этот раз нам придется побегать».

Сойдя с седла, я подтянул подпругу, чтобы быть уверенным, что седло не перевернется, когда мы будем прыгать через бурелом, снова сел на коня, и мы двинулись по следу.

Проехав полмили, я приметил под ветками низкорослой елки нечто похожее на свежий след лежавшего на снегу койота. Да,

здесь действительно недавно отдыхал койот. Следы, идущие от этого места, стали не похожи на следы зверя, делающего пробежку по лесу для собственного удовольствия. В сущности совсем не было отчетливых отпечатков лап. Вместо этого виднелись провалы в снегу на расстоянии десяти футов друг от друга, глубокие и беспорядочные, свидетельствующие о том, что койот бежит по более чем двухфутовому слою снега, спасая свою шкуру. «Эй-яа!» — как только у меня вырвался охотничий сигнал, Мистер Бинкс перешел на рысь. «Эй-яа!» Казалось, все силы ада устремились в погоню за койотом, чтобы заставить его удирать, не разбирая дороги, чтобы сбить его с толку и лишить сообразительности, чтобы не дать ему спрятаться в каком-нибудь укромном местечке.

Следы снова привели меня в глубину заснеженной чащи. Здесь была кроличья тропа, и койот мог без задержки бежать по утрамбованному снегу. Мистер Бинкс слегка насторожил уши и закусил удила. Но я сдерживал нетерпение коня, приберегая его энергию и силы для решающей схватки со зверем в нужный момент.

В течение нескольких последующих минут в зарослях шла беспрерывная игра в кошки-мышки. Медленная, но упорная погоня каштанового мерина заставляла койота перебегать с одного кроличьего пути на другой. Койот петлял на север, на юг, на запад, на восток. И как только мне удавалось его увидеть сквозь редкую чащу, он сворачивал на свои прежние следы и затем находил еще какой-нибудь проторенный путь, где мог не проваливаться в снег.

Я думаю обо всем этом теперь, когда уже нет практической необходимости прибегать к таким крайним способам заработка и когда преклонный возраст мешает мне сделать это, даже если бы такая необходимость существовала. И у меня возникают тяжелые воспоминания о случаях, когда койоту удавалось перехитрить меня и я не мог выгнать его из зарослей, в которых он упорно старался скрыться. Так могла бы кончиться и эта охота, если бы зверь не сделал ошибки и, таким образом, не помог бы мне добиться необходимой победы.

У северного края чащи в гущу старых деревьев вклинилась тонкая полоска соснового молодняка. Плотная утоптанная кроликами тропка углом сворачивала к этой полосе и внезапно обрывалась у ее дальнего края. Потому ли, что я уже настигал койота, потому ли, что на него подействовали мои крики, но койот сделал отчаянный прыжок в полосу молодых деревьев.

«Мистер Бинкс!» — это была скорей мольба, чем приказ, и конь понял меня. Он бросился вперед, и мягким, но настойчивым движением поводьев я направил его в чащу. Кусты впереди меня еще

качались, и с них сыпался снег после того, как там пробежал койот, и это достаточно ясно свидетельствовало о том, что расстояние между мной и зверем было не больше длины нескольких лошадей. Но, выехав из чащи и увидев перед собой редящие сосны и открытую снежную поверхность, я понял по длине прыжков койота, что у него достаточно энергии и силы, чтобы выдержать еще милю или две такой же погони.

«Эй-яаа!» Я слегка прижал коня коленями, и он полетел вперед. У меня было большое искушение дать ему волю и попытаться закончить охоту, прежде чем зверь сумеет ускользнуть от меня еще в какие-нибудь заросли. Но опыт предостерег меня: «Нет, надо беречь энергию каштанового мерина, пока прыжки койота не станут короче». Нужно было не только уверенно разбираться в уловках койота, но и рассчитать с предельной точностью силы моего коня.

Я осмотрелся в поисках какого-нибудь ориентира, чтобы выяснить, где же, черт возьми, я нахожусь. Зарубки на некоторых деревьях напомнили мне о месте, где три месяца назад я подобрал маленького лосенка за один или два акра от сгоревшего леса. Пожарище было направо от меня, на расстоянии одной или двух миль. Точное представление о своем местонахождении вызвало у меня неприятную мысль. Я подумал, что, если койот будет бежать в том же направлении еще минут пятнадцать, он доберется до озера Мелдрам.

Я знал, что озеро подтаяло под затвердевшим снегом. И пока вода снова не промерзнет до глубинного льда, я не рискнул бы пустить Мистера Бинкса на озеро, тогда как койот мог удержаться на промерзшем снегу. Добежав до озера, он перебрался бы на противоположный берег и скрылся в лесу задолго до того, как мой конь обошел бы озеро и снова напал на его след. Я низко пригнулся в седле и дал волю Мистеру Бинксу. Теперь уже не было смысла идти по следу койота. Вместо этого нужно было опередить зверя у озера, преградить ему дорогу и загнать его назад на холм.

Копыта каштанового мерина уже бороздили снег вблизи озера. Я повернул коня и поехал вдоль озера. Я проехал по берегу почти милю, не обнаружив следов койота. Тогда я повернул Мистера Бинкса назад и пустил его рысью по направлению к холму. Отрезанный от озера, койот теперь напрягал все свои силы, чтобы вернуться на утоптаный кроликами снег, туда, где густые заросли могли задержать погоню.

Возвращаясь на холм, я думал о нашей хижине, о Лиллан, о Визи. Мальчик, конечно, не представлял себе, как рискованна была охота на лесистом склоне к западу от озера Мелдрам. Он хорошо понял это несколько лет спустя, когда сам принял участие

в такой охоте. Зато Лилиан прекрасно знала о грозившей мне опасности, хотя ей самой не приходилось охотиться за койотами. Нёсясь галопом по заснеженному бурелому, любая лошадь могла споткнуться и полететь вверх копытами, подмяв под себя седока. Всегда можно было сломать ногу, протискиваясь на коне сквозь густую сосновую чащу. Можно было поранить глаз веткой. Какой-нибудь сук мог выбить седока из седла. Все это знала и всего этого боялась Лилиан. Но она знала также, что в это время года капканы бесполезны и что охота для меня была единственным способом получить койотовый мех.

Когда я снова попал на след, то увидел, что койот чуть не обогнал меня на пути к озеру и что он повернул назад к холму только тогда, когда понял, что я его опередил. Теперь его прыжки стали заметно короче, и он старался идти по бурелому или под пим, пользуясь любой возможностью избежать рыхлого снега и этим облегчить бег. Наконец-таки он начал уставать.

Опытный койот, спасая свою шкуру, подчас обнаруживает подлинный ум. Если ему не удастся сбить охотника со своего следа, он иногда ложится на снег, чтобы передохнуть и собрать силы. Однажды, пытаясь выгнать почти совершенно обессиленного койота из сосняка, где он хотел скрыться, я увидел, что он лежит на плоском камне всего в нескольких ярдах от меня, наблюдая за каждым моим движением. И не успел я нацелить на него винтовку, как он исчез с камня и скрылся в ельнике.

На этот раз я был почти уверен, что мой койот, наконец, не выдержит напряжения и начнет сдавать. Теперь все дело было в выдержке. Нужно было предельно точно рассчитать, когда и где понадобится весь последний запас сил коня, чтобы пустить его на койота.

Лес впереди становился все гуще. На склоне и в лощинах поднимались неизбежные заросли молодняка. Мы возвращались в кроличьи места. Прыжки койота стали короче. Их уже можно было измерить дюймами. Следы зверя стали совсем свежими. Это означало, что койот был от нас на расстоянии полета брошенного камня. По движению мышц коня между моими коленями я мог судить, сколько сил осталось у моего каштанового мерина. Мне было ясно, что он может продержаться еще с полмили.

«Мистер Бинкс!» — Я хлестнул мерина по ляжкам арапником, и он помчался вперед. Я низко пригнулся в седле, чтобы не налететь на какой-нибудь сук. Мы петляли здесь и там, как пара, танцующая падекатр. Конь шел по следу прыжков койота на снегу. А прыжки становились все короче и короче.

Наконец желанная картина! Двадцатипятифунтовый, почти полностью обессиленный койот поднимается и снова падает в снег,

как щепка в волнах озера. Наверное, следовало почувствовать жалость, когда моя рука скользнула к чехлу и я вытащил винтовку и загнал пулю в ствол. Может быть, у меня и шевельнулось чувство жалости, но я не мог дать ему волю. Сколько раз в феврале или марте, когда мерзлый снег выдерживает тяжесть койота, но проваливается под оленем, я видел в лесу страшные следы разыгравшейся трагедии: там, где койот настиг оленя, он медленно растерзал его. Сколько бы я ни загнал койотов в глубоком снегу, койоты будут убивать оленей и будут этим заниматься, когда меня уже не будет в лесу.

«Мистер Бинкс!» — теперь это был всего лишь шепот. И конь щедро отдал мне последнюю вспышку своей энергии. Ни прочищать прицел, ни целиться уже было не надо. Я наклонился в седле, приставив холодное дуло к уху койота, и спустил курок.

Натравливать одно живое существо на другое (в данном случае лошадь на койота) бесчеловечно по отношению к ним обоим. Никогда, ни на одно мгновение, я не смотрел на это как на развлечение. Охота была для нас в тот момент жизненной необходимостью, такой же, как еда и питье. В свое время я затравил множество койотов, но это никогда не доставляло мне удовольствия. И я перестал делать это, как только отпала необходимость.

Фитиль керосиновой лампы горел уже более двух часов, когда я подъезжал к хижине. Его слабый огонек в окне действовал на мой измученный организм как бодрящее средство. Я надавил каблуком на бока моего почти совсем выбившегося из сил коня и сказал ему: «Еще сто ярдов, и мы с тобой снова узнаем, что значит отогреться».

Конь посерел от замерзшего пота. В хвосте у него запутались ледяные сосульки, и с каждым шагом они с резким звоном стучались друг о друга. Я низко пригнулся в седле, приложил одетые в варежки руки к холке мерина, как бы стараясь украсть у него немного тепла и тем облегчить собственные муки. В течение последнего часа мне казалось, что все мои мускулы превратились в лед.

Таким всегда было возвращение с охоты на койотов в заснеженном лесу независимо от того, была эта охота успешной или нет. Волнение и бешеная скачка, казалось, разогревали мою кровь на какой-то период времени, и я нередко обливался потом. Но когда волнение и азарт охоты исчезали, я коченел от почти непереносимого холода. Особенно мучительно было возвращение домой.

Дверь хижины была открыта. Я увидел это еще на расстоянии пятидесяти ярдов и подумал: «Она стоит у входа, вглядываясь, ожидая, прислушиваясь».

Вырвавшийся у нее крик облегчения и радости я услышал, когда очертания ее фигуры были еще еле видны в темноте. Я направил к дому коня и стал нащупывать окаменевшими пальцами узлы веревки, на которой висела безжизненная туша койота.

— Погоди, дай мне! — Лилиан быстро развязала узлы и опустила койота на снег.

Я осторожно слез с седла и прижал свои холодные губы к горячим губам Лилиан. Затем она сняла уздечку, взяла повод и сказала:

— Пойди отогрейся, я отведу и накормлю лошадь.

Я взялся за повод.

— Я сейчас...

— Ты немедленно войдешь в дом и согреешься, — оборвала она меня. Это уже был приказ, а не просьба. — На сегодня ты достаточно промерз. — И она повела лошадь в конюшню, а я лишь растерянно посмотрел ей вслед.

Я втащил койота в хижину и начал расстегивать боты. Визи осмотрел добычу и пропищал:

— Папа, когда я вырасту настолько, чтобы охотиться на койотов?

— Я надеюсь, — серьезно ответил я ему, — что, когда ты вырастешь, никому из нас не нужно будет травить койотов в снегу.

Я горячо надеялся, что это будет так.

Глава X

В течение целых пяти минут я, не отрываясь, смотрел на блюдце. Это было блюдце, из которого мы кормили кошку. Оно лежало на земле у хижины, перевернутое вверх дном. Неизвестно было, кто так бесцеремонно с ним обошелся. Может быть, тут были виновны пожки Визи, может быть, кошачья возня. Но дело было не в этом. Представление о перевернутом блюдце вторглось в ход моих мыслей и сплось с ними, как сливаются краски оленя с общим колоритом лесного пейзажа.

Зима почти кончилась, хотя кое-где и лежали еще остатки снега. Накануне пробудился ручей; началось половодье. В тот же день над хижинкой пролетел первый эшелон гусей. Правда, они летели где-то очень высоко, но все-таки они уже летели. А гуси никогда не обманывают ни самих себя, ни других. Когда они пролетали над хижинкой головами на север, хвостами на юг, можно было не сомневаться, что пришла весна.

У сарая для сена Визи охотился на воображаемого оленя. У него были лук и стрела, которые я сделал ему. Сейчас Визи под-

крался к зверю. Он пригнулся, приложил древко стрелы к тетиве и, выпрямившись, пустил стрелу в цель. Затем он испустил охотничий клич. Конечно, он убил самца с четырьмя ответвлениями на рогах. Он не признавал менее крупную добычу вроде молодых оленей с двумя ответвлениями на рогах или оленят, у которых рога едва намечаются. И конечно, он никогда не охотился на самок или детенышей.

Мы с Лилиан сидели у хижины, бездельничая и радуясь, что прошла зима. И по всему Чилкотину скотоводы и звероловы, лесорубы и охотники за дикими лошадьми, их подруги и их малыши сидели в тот момент на бревнах у своих хижин, бездельничая и радуясь, что прошла зима.

В конце концов зима обошлась с нами не так уж плохо. За январь и половину февраля я выследил и убил тринадцать койотов. Насколько мне помнилось, лишь пять койотов перехитрили и обошли меня. Это был неплохой счет в мою пользу. Тринадцать койотов в переводе на язык денег могли равняться ста тридцати долларам.

Но в середине февраля круглосуточный ветер чинук³⁰ и последующие глубокие заморозки образовали на снегу твердую, как железо, корку, и койот мог весело помахать мне хвостом. Только глупец или совсем неопытный охотник стал бы надеяться, что лошадь обгонит койота на затвердевшем снегу.

В течение последующих шести недель нам пришлось потратить почти все свое время на дальнейшее освоение двуручной пилы. Дрова, как деньги: их всегда не хватает. Только похоже, что дрова испаряются при температуре -45° , а деньги при любой температуре.

Итак, прилетели гуси, ручей бурлил водой, лед ломался и таял, а блюдце лежало в грязи, перевернутое вверх дном. И глядя на воду, струящуюся в ручье, я одновременно думал о блюдце. Вода и блюдце — эти два представления прекрасно сочетались друг с другом.

Я подошел к хижине и поднял блюдце. Затем я снова сел на бревно и стал вертеть блюдце в руках. Визи сделал перерыв в охоте, ибо любой охотник в конце концов устает. Он подошел к хижине и стал наблюдать за блюдцем.

— Ты убил его? — спросил я.

Он утвердительно кивнул головой.

— Это был жирный олень?

Еще один кивок головой.

— У него была печенка?

Он нахмурился.

— У всех оленей есть печенка.

Я сказал:

— Это хорошо. Мне до смерти хочется свежей оленьей печенки.

Мои мысли вернулись к блюдцу. Какие-то соображения зрели у меня в голове, и я внезапно воскликнул:

— Промокашка! Мне пужен кусочек промокашки!

Лилиан подняла брови.

— Ну, зачем она тебе?

Я нетерпеливо повторил:

— Принеси мне промокашку, сделай милость! И капельку воды!

— Перо и чернила? — спросила она, уходя в хижину.

— Конечно, нет, — ответил я. — Только промокашку и воды.

«Какие глупые вопросы иногда задают женщины», — подумал я.

Лилиан вернулась. Я оторвал кусочек промокашки и положил его на дно блюдца. Затем я по капелькам накапал туда немного воды и перевернул блюдец.

— Куда девалась вода? — заинтересовался Визи, увидев, что она не капает с перевернутого блюдца. Визи еще не знал свойств промокательной бумаги.

Я снова стал капать воду на промокашку. Через некоторое время в блюдце показалась вода; я продолжал капать, и вода заполнила половину блюдца. Я все капал и капал, пока вода не побегала через край.

Я посмотрел на Лилиан поверх блюдца с видом учителя, стоящего перед классом, и начал объяснять:

— Каждое пересохшее болотце у ручья похоже на это блюдо с промокашкой. Болотистая почва подобно промокашке впитывает влагу от дождей и тающего снега. Если бы болота пропитались водой, как промокашка в этом блюдце, то дожди и талая вода постепенно заполнили бы их и вода снова потекла бы из них в ручей. Это ясно, не правда ли?

— Когда слушаешь тебя, это кажется ясным, но... — Лилиан покачала головой, как если бы это совсем не было ей ясно.

— Никаких «но». Давай подумаем, как бы наполнить одно или два таких блюдца.

Я встал и обратился к Визи, вытаскивая из кармана ножик.

— Теперь давай освежаем оленя и доберемся до его печенки.

Но у Визи уже пропал интерес к оленю. Мальчик наливал воду в блюдец и переворачивал его вверх дном.

Ручей Мелдрам течет от истоков до устья прихотливым и извилистым путем. Он берет свое начало у безымянного озера, затем течет на северо-восток, образуя множество поворотов, и на десять миль ниже впадает в озеро Мелдрам. Из этого озера ручей течет на восток еще десять миль, а затем проходит через цепочку озер-

ков, идущую с севера на юг. Вот из этих озерков фермеры отводили воду в свои оросительные каналы.

Пройдя сквозь цепочку озерков, ручей течет оставшиеся девять миль прямо на восток, как бы стремясь скорее закончить путь, и вливается в реку.

Лишь с того места, где уже почти видна река Фрейзер, становится заметным падение русла ручья. Слабый уклон русла в сочетании со спокойным течением ручья создают здесь много мест, где бобрам удобно строить свои плотины.

Через несколько дней должна была оттаять земля, и тогда нам предстояло заменить собой бобров и заняться их работой.

Опираясь на моральную поддержку фермера Муна, мы были готовы предпринять первые пробные шаги в осуществлении нашего грандиозного проекта — постепенно заполнить водой каждый акр болотистой почвы у ручья. При этом мы должны были действовать так, чтобы наши мероприятия не нанесли никому никакого ущерба. Я не сомневался в правильности действий, основанных на опыте с блюдцем и промокашкой. Но у нас было слишком много «блюдцев» и «промокашек». В тот момент мы ничего не могли предпринять в отношении больших «блюдцев». Значит, нужно было попытаться заполнить водой маленькие.

Успех или провал нашего плана зависел от того, насколько нам удастся уменьшить утечку воды, не снизив ее и без того невысокий уровень в оросительных каналах. Сначала это казалось невозможным. Да это и было бы невозможно, если бы мы не воспользовались другими «блюдцами» и их «промокашками». А если наполнить водой одно или два небольших «блюдца» у истоков ручья, не потечет ли вода в более обширные болота, минуя ирригационные каналы? И если хоть одно из этих «блюдцев» наполнить так, чтобы вода потекла через его края, не повысит ли это уровень ручья в его нижней части? Таковы были вопросы, которые мы собирались решать.

Восстанавливая первую бобровую плотину, мы заимствовали у бобров их метод строительства. Осмотрев остатки плотин, мы увидели, что вместо цемента там были прутики и всякая мелочь. Это нам подходило. Мы нарубили елок и других хвойных деревьев, ветви и сучья свалили у плотины, а затем расположили их на развалинах в виде сетки, причем тонкие концы веток и сучьев были направлены к истокам ручья.

Снова, несмотря на мой протест, Лилиан настояла на том, чтобы помогать мне пилить деревья двуручной пилой. Как только дерево падало на землю, она бросала ручку пилы и начинала обрубать топором ветви и сучья. Длина разрушенной плотины со-

ставляла в свое время триста футов, и, когда мы начали ее восстанавливать, казалось, что работе не будет конца.

Наложив на остатки плотины слой веток, мы привезли на тачке грязь из ближайшей канавы и распластали ее на ветках. Сначала слой веток, затем слой грязи — ветки и грязь, грязь и ветки, час за часом, день за днем, пока нам не стало казаться, что мы опустошили весь лес и вдобавок своротили верхушку холма. Но наконец работа была окончена, и мы знали, что, когда скопится достаточное количество воды, на месте застойного болота образуется озеро не менее пяти футов глубиной. Ветки, составлявшие, пожалуй, половину массы плотины, сыграли двойную роль. Во-первых, нам пришлось копать и возить меньше грязи и песка. Во-вторых, можно было не опасаться, что вода сметет все это сооружение, когда она будет переливаться через плотину. По такому принципу были построены бобровые плотины, а что было хорошо для бобров, было хорошо и для нас.

Поднять уровень воды до пятифутовой глубины на десяти акрах заболоченного русла, если вода сочится по капелькам, — дело небыстрое и нелегкое. Казалось, что «блюдец» никогда не наполнится. Но в конце концов его «промокашка» напилась влагой, и вода дюйм за дюймом стала подниматься у плотины. А через три недели после завершения нашей работы вода достигла верха плотины и стала переливаться через край.

И тут погода пошла нам навстречу. Вскоре после постройки плотины небо покрылось тучами, задул южный ветер, и начался дождь. Он шел не переставая в течение двух суток. Легкий, моросящий дождик перемежался ливнями, заставлявшими нас не выходить из хижины. Но мы ничего не имели против этого. Лиан занялась шитьем (ему никогда не было и, наверное, никогда не будет конца), у меня были книги Дарвина — «Происхождение видов» и «Происхождение человека» (книги, вполне подходящие для того, чтобы занять ум мыслящего человека в течение многих дождливых дней), а Визи мастерил из тополевой щепки лодочку. Пусть идет дождь! Чем больше выпадет влаги, тем лучше поплывет лодочка, когда придет время спускать ее через порог.

Дождь побудил нас начать перестройку другой бобровой плотины, расположенной на полмили ниже первой. Эта работа отняла у нас целую неделю, так как старая плотина простиралась в русле ручья на двести футов в длину и достигала восьми футов в высоту. Мы нарубили еще больше елок, срыли и увезли на тачке еще один или два холма, и наконец работа была закончена, и еще несколько акров болота превратились в озеро.

Затем наступили дни тревог и опасений. Прошло больше двух недель с тех пор, как у истоков ручья была перекрыта утка

воды. Не обмелели ли из-за этого оросительные каналы в нескольких милях от нас у нижней части ручья? Если так, нам предстояло скоро узнать об этом. Все теперь зависело от того, появится ли здесь какой-нибудь фермер или его работник, чтобы узнать причину внезапного уменьшения количества воды в оросительных каналах.

— Все полетит к черту, если мы внезапно услышим дьявольский шум взрыва и обнаружим, что наши плотины отравлены к праотцам — так «бодро» прозвучала моя оценка сложившейся ситуации в период слепой и мучительной тревоги.

Однако все было тихо. Никто не подошел к плотинам. Оросительные каналы не пострадали.

Как только на заболоченную почву вновь вернулась вода, там появились водные растения. Их корни с давних пор сохранялись в земле, и не хватало только воды, чтобы оживить их. К концу июля с полдюжины различных видов растений поднялось над водой, и озеро окрасилось в живописные зеленоватые тона. Внезапно появились три дикие утки. Они осторожно вели сквозь колышющиеся травы свои выводки полуоперившихся птенцов. На мягкой грязи плотины норка оставила следы, похожие на следы кота, а ондатры начали устраивать хатки в затопленном водой ивняке.

Однажды вечером в начале августа низко над хижинкой пролетело девять гусей, направлявшихся вверх по ручью. Наблюдая за ними, я увидел, что они спускаются, а через несколько секунд услышал всплеск крыльев на воде.

— Они спустились в наше первое озеро, — решил я. — Пойдем посмотрим, где они.

Мы гуськом продефилировали вверх по ручью. Подойдя к плотине, встали на колени и, опершись на руки, осторожно заглянули через ее край. Гуси находились от нас на расстоянии пятнадцати ярдов. Они плескались в воде, сопровождая каждый всплеск приглушенным гоготаньем. Видеть гусей было для нас не ново. Но новым было то, что они плескались в воде там, где не менее полстолетия было пересохшее болото. Жизнь возвращалась в наш опустошенный край.

Глава XI

Бах! Бах! Бах! Хотя выстрелы были далекими и еле слышными, их звук заставил меня сжаться в седле и резко остановить каштанового коня. Я с тревогой всматривался вдаль, туда, где прозвучали выстрелы, а они прозвучали где-то на севере.

— Это винтовка,— растерянно пробормотал я,— это три выстрела из карабина 303.

Эхо выстрелов замирало вдали, а мы с Лилиан недоуменно и почти с испугом смотрели друг на друга. Было ясно, что стреляли в лося или оленя. Но кто мог прийти ранней весной на наши охотничьи угодья в поисках мяса?

Утренние лучи солнца еще не спустились с верхушек деревьев. Молодая лесная трава, сникшая во время ночных заморозков, выглядела заброшенной и жалкой. Но мы знали, что через полчаса каждая травинка оживет под лучами восходящего солнца. Трель робина³¹ возвещала наступление утра с верхушки какой-то старой коряги, а с полдюжины самцов белых куронок распушились на бревнах и начали свою любовную песню, призывая самок.

Еще минуту назад я легко сидел в седле, чутко вслушиваясь в многоголосие бескрайнего леса, вглядываясь в чащу и ожидая, не промелькнет ли какой-нибудь испугнутый олень. Но теперь эти внезапные выстрелы подобно иголке, вонзившейся в тело, вызвали у меня острую боль вспыхнувшей тревоги.

— Индейцы! — вырвалось у меня. — Но они не зашли бы так далеко от резервации в поисках мяса. Им нужны меха.

Теоретически все это ясно как день. У вас есть полтора-два тысяч акров нетронутой земли. Десяносто восемь процентов этой земли никогда не знали прикосновения плуга и не узнает его ни теперь, ни завтра, ни через сотню лет, так как почва здесь камениста и бесплодна, и на ней могут расти лишь кусты, и травы, и низкорослые деревья, существующие здесь от века. Человек, который ищет новые земли, чтобы распахать и засеять их, равнодушно взглянет на эти полтора-два тысяч акров и пройдет мимо. В здешних ручьях, озерах и лесах были свои сокровища, но их расхитили люди. Этими сокровищами были дикие звери, рыбы и птицы, населявшие здешний край.

Все это просто только в теории. Поскольку все живое существует тут лишь около воды, нужно накапливать воду, чтобы создать условия, необходимые для размножения диких зверей, рыб и птиц. Это было ясно нам с самого начала. Возможно, нам удалось бы восстановить то, что погубили другие. Это звучит просто. Но гладкий путь теории преграждают буреломы фактов. Одно дело — обеспечить условия для жизни диких обитателей этих мест и сохранить все живое, пока звери, рыбы и птицы не размножатся и не придет пора пожинаать «урожай». Другое дело — помешать людям погубить в самом начале результаты наших трудов.

По закону о правах охоты в Британской Колумбии запрещается расставлять капканы или ловить каким-либо другим способом пушных зверей за пределами закрепленных за тем или иным зве-

роловом охотничьих земель. Но не так-то легко обеспечить выполнение закона в таком краю, как плато Чилкотин, где единственный инспектор беспомощно пытается ввести предусмотренные законом ограничения охоты в районе, простирающемся на двести миль с востока на запад и больше чем на сотню миль с севера на юг. Эти места представляют собой бескрайнюю глушь, где можно странствовать в течение многих недель, не встретив ни души, и где лишь звериные тропы пересекают целину. В таком краю легко нарушить любой писанный закон о правах охоты.

Легко доказать право собственности на корову или лошадь с зарегистрированным клеймом на шкуре, но совершенно невозможно сделать это по отношению к пушным зверям. Ведь их нельзя предварительно заклеить, с тем чтобы они затем стали законной собственностью того, кто поймает их в капкан и потом натянет шкуры на распялки. Инспектор делал все, что от него зависело, но его шанс поймать браконьера в момент кражи пушного зверя или вторжения в чужие охотничьи земли практически равнялся нулю. А незаконная ловля пушного зверя представляла собой выгодное занятие. Мы неизбежно пришли к сознанию, что на все будущее время только от нас самих зависело обеспечение наших прав в пределах закрепленных за нами охотничьих земель и что мы должны добиваться выполнения этих прав любыми способами, какие нам укажет господь.

Во всяком случае мы с самого начала предвидели возможные неприятности со стороны соседних индейцев, ибо наши охотничьи земли соседствовали с тремя индейскими резервациями: на западе — Анигамская резервация, на севере — Сода-Крик, на юге — Риск-Крик. Индейцы этих резерваций привыкли уходить далеко от своих пустынных земель в другие части района, где было много пушных зверей. Может быть, их нельзя было и порицать за это. Индейцам принадлежало право расставлять капканы и охотиться где угодно задолго до того, как их загнали в резервации. Охота была их единственным средством существования, и без нее всем им пришлось бы исчезнуть с лица земли.

Индейцы были почти полностью неграмотны. Они дали свои названия долинам, горам и водоемам, но эти названия часто отличались от названий, напечатанных на карте Чилкотина, составленной белыми. Каждая индейская семья имела свои охотничьи земли, и индейцы хорошо знали границы этих земель. Но они далеко не так хорошо были осведомлены о границах охотничьих земель, установленных белыми.

В течение первых шести лет жизни в нашей глуши мы сами с ранней весны превращались в индейцев, если не по цвету кожи, то по образу жизни. Как только исчезал снег, мы на время про-

щались с хижинкой и отправлялись осматривать наши водоемы, считая, что более целесообразно самим охранять свое пушное хозяйство, чем надеяться, что это сделает для нас инспектор. Здесь была вполне уместна пословица: «На бога надейся, а сам не плошай».

Я ехал впереди, ведя за собой вьючную лошадь, которая тащила значительную часть наших пожитков. Лилиан следовала за мной на старой пузатой кляче, такой добродушной и жизнерадостной, что она не протестовала против дополнительной нагрузки в лице Визи, сидевшего на ее крупе.

В конце дня под звуки симфонии диких селезней, которые ворчали друг на друга в камышах, и гусей, перекликавшихся над нашими головами, мы разбивали крохотную палатку на берегу какого-нибудь безымянного озера, и, пока Лилиан готовила ужин и устраивала ложе из пихтовых веток, я кружил по берегам в поисках недозволенных следов. Иногда, если солнце садилось в золотом сиянии, мы не трудились расставлять палатку, а устраивались на ночлег под ветвями какого-нибудь гостеприимного дерева и засыпали, вдыхая едкий запах смолистых иголок.

Солнце поднялось выше, робин устал петь, и каждая травинка уже давно ожила под теплыми лучами. Мы гуськом вели лошадей через чащу, направляясь на юг. Потом я повернул на запад и затем на север, описывая широкий круг и не отрывая глаз от земли. Мы с Лилиан редко разговаривали друг с другом во время этих поездок по лесу. Беседа была роскошью, которую мы позволяли себе лишь у костра, когда дневной труд был окончен и можно было растянуться у горячих угольков и отдохнуть. Визи тоже привык молчать, сидя на лошади. Дети легко перенимают манеры и привычки взрослых, как хорошие, так и плохие. В это утро, чувствуя, что происходит что-то значительное, Визи держал язык за зубами, даже когда выскочил олень и, петляя, умчался в чащу.

Задача обнаружить место пребывания одного, двух, а возможно, и большего количества индейцев на таких обширных лесных просторах может на первый взгляд показаться такой же неразрешимой, как и проблема найти пескаря в океане. Однако наша задача была не такой уж неосуществимой. Чилкотинские индейцы никогда не путешествуют пешком. Куда бы они ни направлялись, они едут на лошадях. А лошади оставляют следы. Вот почему я не отводил глаз от земли. Если долго смотреть не отрываясь, терпение может быть вознаграждено: обнаружатся следы.

Я повернул снова на юг, пошел по звериному следу и вдруг остановился и испустил приглушенный охотничий клич. Я наклонился в седле, не отрывая взгляда от земли. Затем, медленно выпрямившись, я взглянул на Лилиан и кивнул головой.

— Следы коней. Они пересекают звериную тропу и, по-видимому, идут на юг. Две лошади подкованы, остальные — нет. Я полагаю, что проехало четверо всадников.

Лилиан подъехала ко мне. У Визи вдруг развязался язык.

— Браконьеры? — пропищал он.

— Конечно, это не правительственные чиновники, — сказал я.

Следы четырех коней не шли по звериной тропе, как могли бы идти следы неоседланных лошадей, а лишь пересекали эту тропу в одном месте. Чилкотинский индеец — сам прирожденный следопыт. Он слишком хитер, для того чтобы идти по следу зверя, когда вторгается в чужие охотничьи земли в поисках пушнины.

Свернув со звериной тропы и не спуская глаз с примятой травы, я медленно повел каштанового мерина под деревья. На протяжении последующих двух миль мой взгляд не отрывался от земли. Затем я резко остановил лошадь, посмотрел назад через плечо и уверенно сказал:

— У Кожаного озера. Вот, где мы до них доберемся. Они охотятся на ондатр.

Это была весна 1934 года. Полдюжины маленьких «блюдец» на ручье было запружено и заполнено водой. И как только вода заливала болотистую почву, туда возвращалась жизнь в виде пушных зверей и птиц. Мы установили также плотины на некоторых озерах, не связанных с ручьем. Кожаное озеро было одним из них. Мы сами дали ему это название, так как обнаружили у его берегов, среди остатков индейского лагеря, обрывки сыромятной кожи. Весной 1932 года мы починили старую бобровую плотину у нижнего края озера, перекрыв таким образом весенние ручейки, которые до того выливались из озера и пропадали в песчаной почве. Нам удалось настолько повысить уровень озера, что окружавшее его сухое болото покрылось водой в восемнадцать дюймов глубиной. Теперь озеро начало давать «урожай»: там появились ондатры. Но одна или две ночи противозаконной ловли зверей могли погубить «урожай», который мы растили в течение почти двух лет.

Теперь уже не было необходимости всматриваться в следы. Я был уверен, что всадники вели лошадей к озеру, и мной владело нетерпеливое желание попасть туда как можно скорей. Я погнал своего каштанового коня рысью, а затем галопом. Нос пузатой лошадки касался хвоста Мистера Бинкса. Лилиан пригнулась к холке лошади, почти касаясь лицом ее гривы. Когда я перед тем оглянулся на Лилиан, на ней была старая соломенная шляпа. Теперь шляпа исчезла, и ветер играл ее волосами, как будто хотел унести их, как унес шляпу.

— Где твоя шляпа?! — крикнул я Лилиан.

— Не задавай глупых вопросов.— Лилиан подняла голову, чтобы бросить мне реплику, и снова пригнулась к лошадиной гриве.

Лошади пробирались сквозь чащу молодняка, обходили сваленные деревья, не замедляя шага, мгновенно слушались каждого движения поводьев, когда мы вели их по камням. Итак, мы достигли Кожаного озера.

Казалось, у озера все обстояло как нельзя более благополучно. Конечно, кроме нас, никого не могло быть там на расстоянии многих миль. Но в пятидесяти ярдах от берега в молодой осиновой рощице мы увидели лошадиный помет и примятую траву, там, где до этого были привязаны к деревьям кони.

Уйдя из рощи, мы привязали наших лошадей в укромном месте среди сосен. Лилиан и Визи спрятались на опушке, откуда они могли наблюдать, не будучи замеченными, а я стал кружить по озеру по колено в воде. Время от времени я вылезал из воды, чтобы вытащить капкан, спрятанный в зарослях камыша. Иногда на конце цепочки болталась безжизненная тушка ондатры. Индейцы расставили в Кожаном озере тридцать шесть капканов, и в одиннадцать из них попались ондатры.

И все же, когда я бросал капканы к ногам Лилиан и вынимал оттуда добычу, я не испытывал ни раздражения, ни гнева. Все это неизбежно входило в игру, которую мы затеяли, и, если мы были не в состоянии выиграть, не стоило начинать. Хотя пять ондатр были самками, ожидавшими детенышей, я не сердился на индейцев, виновных в их гибели. Ведь это было бы все равно, что сердиться на ребенка, который влез на стул, чтобы полакомиться сладостями. По правде сказать, я улыбался, усаживаясь рядом с Лилиан.

— Скоро моя придумай, что-то смешной, смотри,— сказал я, переходя на ломаный язык индейцев.

В течение получаса или более того мы лежали на животах под деревьями, опершись подбородками о руки, не говоря ни слова. Затем я приподнялся на локтях. Из леса показался койот. Поджав хвост, он улепетывал во всю прыть. На какую-то долю секунды он задержался на опушке и, обернувшись, посмотрел назад, а затем помчался прямо в осиновую рощу и исчез.

Я осторожно поднялся на одно колено.

— Они идут,— сказал я, понизив голос.

Четверо индейцев бесшумно вышли из леса несколько ниже нас по течению озера. Они ввели лошадей в осиновую рощу и привязали их там. Затем они разбились на две пары. Двое пошли вокруг озера по ходу часовой стрелки, двое других — в противоположном направлении. В те времена три дюжины первосортных капканов такого размера, какой нужен для ловли ондатр, стоили

бы на торговом пункте около четырнадцати долларов. Захваченные мной капканы были почти новыми; значит, индейцы купили их совсем недавно. Мне показалось глупым, что индейцы продолжали свой обход озера, после того как обнаружили исчезновение первых капканов. Они, конечно, уже поняли, что кто-то опередил их. Но все-таки они обошли все озеро, а затем собрались вместе и после краткого совещания поспешили к лошадям. Но прежде чем они подошли к осинам, я уже стоял там, между деревьями и их лошадьми.

Индейцы остановились в нескольких ярдах от меня и стояли, не поднимая глаз, беспокойно вороша песок грязными мокасинами. У них на лицах не отразилось ни враждебность, ни страх, только пассивное безразличие. Они попались с полнчим в краже пушнины и подобно койоту, стащившему приманку из капкана, были готовы к любым последствиям.

Двое индейцев были среднего возраста, двум другим еще не было и двадцати лет. Они были одеты в выцветшие синие комбинезоны из грубой бумажной ткани и изношенные фланелевые рубашки. На голове были кепки, купленные в лавке, невзрачные и плохо сидящие. Только обувь из оленьей кожи напоминала об одежде, которую носили их предки, прежде чем шкуры и жилы зверей уступили место тканям и пуговицам. Мокасины индейцев доходили до половины икр и были расшиты разноцветными бусинками. У одного из юношей оба глаза были обезображены катарактой, и мне было ясно, что если катаракту ему не удалят, то он полностью ослепнет задолго до зрелого возраста. Но увы, возможность операции, конечно, была исключена.

Лилиан вышла из леса, ведя Визи за руку. Они уже стояли около меня, когда я нарушил неловкое молчание.

— Какой место твой дом есть? — спросил я одного из индейцев примирительным тоном.

После нескольких секунд напряженного молчания индеец, запынаясь, ответил:

— Тингли-Крик.

«Он живет в Александрийской резервации», — подумал я.

— А твоя? — я перевел взгляд на другого индейца.

Не поднимая глаз от земли, он ответил:

— Озеро Пеликан.

Это озеро было расположено на сорок миль к западу от границ наших охотничьих земель.

Затем я допросил двух юношей, беспокойно переминавшихся с ноги на ногу, как бы для того, чтобы узнать, какая из них лучше выдержит их вес. Внезапно я спросил:

— Ребята, твоя когда-нибудь бобер гляди?

Они молча отрицательно покачали головами. Обратившись к старшим индейцам, я продолжал:

— Может быть, твоя когда-нибудь бобер гляди?

Один из индейцев ответил гробовым молчанием, другой — целым потоком слов. Они вылетали у него изо рта, как трескотня сороки.

— Моя маленький мальчик, один раз отец найди, где бобер есть, в Чилкотин река. Он капкан клади и скоро бобер поймай. Шкура в лавка носи, много товар возьми. Наши бобер мясо кушай, хороший бобер мясо есть. Один бобер моя гляди.

Я посмотрел на Лилиан. Она ответила мне взглядом, и я понял, что мы думали об одном и том же. Перед нами были чилкотинские индейцы, чьи предки знали этот край, когда его водоемы кишели бобрами. Но лишь один из этих индейцев сам видел бобра. И то лет тридцать назад.

— Почему, — внезапно спросил я, не обращаясь ни к кому из них в отдельности, — твоя клади капкан не на твой земля? Почему ходи на мой земля, мех кради?

На это немедленно последовал ответ, какой я ожидал:

— Никакой чертов мех мой земля нету.

— Никакой чертов мех земля нету, — тихо повторил я. Все пушные звери были выловлены еще до нашего рождения.

Я переводил взгляд с одного смуглого лица на другое; Визи храбро рассматривал всех четверых; Лилиан рассеянно смотрела на озеро. Селезень в богатом весеннем оперении подплыл к берегу и начал чистить перышки. Из тростниковых зарослей послышалось приглушенное криканье его подруги.

Я искал нужные слова. Здесь были неуместны пространные словоизлияния. Я должен был говорить кратко и так, чтобы индейцы меня поняли. Очень многое зависело от того, что я скажу и сделаю в ближайшую минуту или две. Индейцы (не только эти четверо, но вообще индейцы) могли причинить нам множество неприятностей, если бы мы не нашли надлежащий выход из создавшегося положения. Речь идет не о физической угрозе, так как чилкотинские индейцы достаточно пассивны и в своем общении с белыми не проявляют воинственных наклонностей. Но они могли помешать разведению пушных зверей, которых мы изо всех сил старались охранять. Они могли помешать осуществлению основной цели, ради которой мы поселились у ручья.

И вдруг мне все стало ясно: я знал, что мне надо сказать и что мне надо сделать. Я глубоко вздохнул.

— Ходи сюда! — это было скорее приглашение, чем приказ.

Носком сапога я разровнял кусочек почвы и, став на колени, начал рисовать на земле кончиком правого указательного пальца.

На лицах индейцев отразилось удивление. Дюйм за дюймом они приблизились ко мне и образовали около меня круг.

Рисунок на земле становился все более отчетливым. Там было озеро, а в другом месте — ручей или озерное болото. Индейцы, наверное, лучше меня знали эти места.

— Вот здесь, — начал я терпеливо объяснять, — моя охотничья земля есть. Здесь чертов маленький мех теперь ходи есть, но раньше много бобер, ондатр, норка, выдра, илька³² ходи есть. Теперь бобер ходи нет, потому никто бобер оставляй нет, маленький бобер другой год расти нет. А когда бобер нет, почти всякий мех ходи нет.

Я взял маленький камешек и, поднявшись, бросил его в озеро.

— Смотри, — спокойно сказал я.

И индейцы повернулись и посмотрели на то место, где камешек упал в воду.

— Твоя смотри, как рябь на воде далеко ходи, когда камень падай. — И для большей убедительности я бросил еще один камень.

— Если индеец мой зверь кради нет, мой бобер, норка, ондатра и другой мех так не далеко ходи. Когда скоро на мой земля очень много зверь есть, он должен на другой земля ходи. Тогда на твой земля зверь ходи. Если твоя немного зверь оставляй, маленький зверь расти. Тогда опять много мех есть на твой земля.

Я отошел к соснам и вернулся с капканами и ондатрами. Я долго смотрел в раздумье на капканы и зверей. Согласно неписаному закону наших диких мест, любые чужие капканы, найденные на зарегистрированной охотничьей земле, а также звери, попавшие в эти капканы, автоматически переходят в собственность владельца охотничьего участка. Никто никогда не оспаривал это давно вошедшее в обиход правило, и меньше всего — охотники, виновные в браконьерстве. Мне принадлежало право присвоить зверей и ловушки, которые находились в моих руках. Индейцы были вполне готовы потерять капканы и добычу. Но я знал, что нужно было сделать. Я бросил на землю капканы и зверей и шарил в кармане в поисках кисета с табаком и папиросной бумаги. Затем, свернув себе папиросу, спросил индейцев:

— Твоя кури?

Единственный из четырех болтливый индеец утвердительно кивнул головой:

— Когда табак есть.

Я зажег папиросу и сделал глубокую затяжку.

— Теперь табак есть? — И, получив в ответ отрицательный жест, я подумал: «У всех четверых не найдется и пятицентовика».

Итак, я протянул им табак и бумагу и смотрел, как каждый из них скрутил себе по папиросе.

Затем я медленно стал бросать им в ноги капканы. За капканами полетели ондатры.

— Бери их и ходи назад к твоей земле, — сказал я. — И помни, что моя скажи тебе: когда индеец моя трогай нет, мой мех кради нет, скоро много мех ходи опять на твою землю.

Они подобрали зверей и капканы и побрели к своим лошадям. Внезапно один из старших остановился и посмотрел через плечо назад.

— Спасибо. — Его голос был еле слышен.

Индейцы вскочили в седла и гуськом направились в чащу. Я долго смотрел туда, где они исчезли, и затем, обернувшись к Лилиан, спросил: «Ну?» — имея в виду ее мнение обо всем этом. Быстрым жестом она выразила свое одобрение.

— Ты отдал им капканы и зверей, которые были в них. — Она остановилась, взглянула на озеро и затем воскликнула: — Ни один белый, кроме тебя, не сделал бы этого! Эрик, я знаю индейцев гораздо лучше тебя. И это естественно: ведь я частично индианка. Ты отдал им капканы и добычу, и они никогда не забудут этого. И скоро в каждой окрестной резервации все индейцы узнают, что ты отдал им капканы и добычу, хотя мог все это взять себе. Возможно, что кое-кто скажет, что ты глупец, но это не так. Ты сделал как раз то, что нужно было сделать. Я думаю, нам больше нечего беспокоиться о том, что индейцы украдут наши меха.

Глава XII

Осенью 1934 года ничто не предвещало близкой беды. Осень была мягкой, и стаи гусей пролетели с севера над нашей хижинкой лишь в половине октября. А гуси понимают толк в погоде, и на них вполне можно положиться.

По первому ноябрьскому снегу мы выследили медвежью берлогу, выгнали и убили ее обитателя. Затем я застрелил двухлетнего самца лося, разрубил его на четыре части и повесил на ель.

В этот год численность мелких грызунов была высока, а это означало, что мы сможем наловить горностаев с первосортными белыми шкурками. Мы хорошо изучили циклы, определяющие изменения в размножении различных видов диких зверей и птиц. Ведь на этом в основном строилось все наше благосостояние, и нам необходимо было разбираться в этом. Размножение норок зависит от количества ондатр, водяных птиц и других обитателей водоемов. Изобилие мелких грызунов способствует увеличению количе-

ства горностаев. Все живое зависит от своих кормов, и всегда необходимы какие-то запасы пищи, обеспечивающие возможность дальнейшего размножения вида. Те или иные дикие звери, птицы и рыбы плодятся лишь тогда, когда их приплод может быть обеспечен достаточным количеством пищи. В противном случае обитатели дикой природы не смогут и не будут размножаться.

По осторожному подсчету, сделанному мной летом 1934 года, было видно, что, если мы потратим несколько долларов на покупку дополнительных капканов, это даст нам возможность наловить горностаев на двести долларов в период, когда их шкурки особенно ценны. Итак, капканы были куплены, и в половине ноября мы оснастили и расставили их. Зимняя работа началась.

Мы никогда по-настоящему не боялись зимы, несмотря на снега и ветры и резкие понижения температуры. А температура доходила до -45° при неистовых ветрах, несущихся с Арктики. Но зимой нас не изводили насекомые и почти каждый день был заполнен волнующим ожиданием новой добычи. Правда, в капкан, поставленный для норки, могла попасть никому не нужная летяга или древесная крыса³³. Но там могла оказаться и приличная темная илька, за которую дадут полтора-два доллара. И когда нам везло, в капкане, рассчитанном на койота, мы обнаруживали черную лису, стоящую в десять раз дороже койота.

Если иногда мы и ощущали чувство одиночества, то лишь ненадолго. В сущности у нас даже не было времени думать о своей оторванности от мира. У Лилиан была домашняя работа и работа в лесу. У нее имелась своя цепочка капканов, растянувшаяся на целую милю вдоль ручья. Ежедневно, когда этому не мешала погода, Лилиан обходила свои капканы, а Визи на самодельных лыжах шел за ней по пятам. Редкий день она не обнаруживала там одного или двух горностаев. И конечно, она всегда тешила себя надеждой, что в следующем капкане окажется великолепная норка.

Визи начал проникать в тайны правописания. Он уже знал, что буквы К, О, Т означают «кот», а буквы П, Е, С означают «пес». Он знал и еще кое-что, хотя было совершенно неизвестно, откуда он черпал свои знания. Однажды, разыскивая следы койота, я наткнулся на явный лисий след. На протяжении двух миль я гнался за лисой и наконец застрелил ее и привязал за седлом. Когда я появился из леса, Визи катался на лыжах неподалеку от дома. Он опрометью бросился к хижине с криком: «Папа убил лису!» Мальчик никогда до того не видел лису, но, так как туша зверя явно не походила на койота, он, наверное, решил, что это должна быть лиса. Возможно, ему подсказало чутье, то самое, которое подсказывает щенкам койота, что охота на иглошерста —

дело взрослых и опытных хищников, а молодой зверь, отважившийся на это, лишь наберет полный рот колючих иголок.

Только в конце ноября я почувствовал признаки близкой перемены погоды. Осматривая длинную цепочку капканов, я несколько раз попадал на утрамбованные следы чернохвостых оленей. Звери, по-видимому, шли один за другим. Было ясно, что ночью олени внезапно решили идти к своим зимним пастбищам на реке Фрейзер. «Но почему, — недоумевал я, — они отправились туда так рано?» Обычно олени оставались в наших местах по крайней мере до середины января.

В течение последующих трех дней, где бы я ни обходил капканы, я видел следы непрерывного движения оленей по направлению к реке. На четвертый день следов почти не было. Основные стада уже прошли. Отстали лишь одиночки.

Все, что происходит в лесной чаще, имеет свое объяснение. Нужно только уметь его понять. Похожая на ленту оленья тропа, поспешное исчезновение оленей из этого края на шесть недель раньше обычного — все это говорило об одном: предстоит перемена погоды, и перемена эта будет к худшему. Возможно, олени ощущали что-то новое в воздухе. Или, может быть, инстинкт самосохранения заставил их почувствовать близость предстоящих изменений. Но так или иначе они знали: нужно покидать этот край.

Через двое суток после исчезновения оленей с севера угрожающе подул ветер, тяжелые тучи заслонили солнце, и в лесу воцарилась зловещая тишина. Красные белки уже не ворчали на меня, когда я проходил под деревьями. Дикуши и белые куропатки исчезли из перелесков в поисках более защищенных мест. Лоси, которые до того паслись в ольховых чащах на холмах, начали спускаться к озерным болотам и к бобровым плотинам. Зайцы-беляки держались поблизости от своих земляных укрытий, готовые исчезнуть в них, когда угроза приближающейся пурги станет действительностью.

В декабре ветер понес первые затвердевшие плотные крупинки снега. Однажды утром я вышел из хижины и чуть не задохнулся под неистовым порывом метели. За ночь выпало четырнадцать дюймов снега и вьюга замела путь от хижины к сараю. Я посмотрел на градусник, висевший на наружной стене хижины. Ртутный столбик упал до 30° ниже нуля. Это не так страшно, если бы не ветер и метель. В ясную, тихую погоду вы можете обойти цепочку капканов при температуре в 35 или более градусов ниже нуля, и у вас только слегка замерзнут щеки и нос. Но даже в двенадцать

градусов мороза при северном ветре ни один здравомыслящий зверолов не выйдет за порог своей хижины.

Снегопад не прекращался в течение трех недель. Снежный покров достиг сорока дюймов. Под снегом были погребены наши надежды на удачную ловлю горностаев. Даже койоты покинули эти места и ушли вслед за оленями. Для нас в то время длительный декабрьский снегопад был настоящей катастрофой. Каждый лишний дюйм снега закреплял неизбежность крушения наших планов.

При свете убывающей луны наступила нерадостная рождественская ночь. Небо на время прояснилось, и за окном прекратился шум снегопада. С Юкона дул ветер, острый, как осколки разбитого стекла. Ели у ручья трещали, когда в них вгрызался мороз, а наверху, на холме, тявкала и жалобно скулила от голода маленькая рыжая лиса.

Молодые лоси вылезали на рассвете из снега с окоченевшими от холода ногами. Синицы-гаички, устроившиеся на ночлег на ветвях елей, замерзали и гибли. Их крохотные, покрытые перышками тельца, окаменев от мороза, сваливались с деревьев. Было рождество, а ртутный столбик на термометре показывал ровно 48° ниже нуля.

Только лось или бродячий волк отваживались пробираться через массы снега, завалившие лес. Будь то меньше или больше, чем -45° , при любой температуре лоси вынуждены для поддержания жизни ежедневно искать себе корм.

Впервые, с тех пор как мы верили свою судьбу этому дикому краю, нам пришлось отказаться от предрождественской поездки на торговый пункт в Риск-Крик. Я надеялся, что за несколько дней до рождества мне как-нибудь удастся пробиться сквозь снег на санях, запряженных лошадьми, и привести с торгового пункта необходимые покупки и почту. Но при температуре -45° любая поездка невозможна ни для человека, ни для лошади.

Было ясно, что в эту рождественскую ночь Санта-Клаус не сможет пролезть в наш шестидюймовый дымоход, и нужно было как-нибудь преподнести Визи эту печальную новость. Но как? И тут меня осенило вдохновение. В сочельник после захода солнца мы с Визи вышли из хижины и стояли, глядя на небо. Мороз был так жесток, что даже дыхание вызывало кашель. Капельки влаги скатились у Визи из глаз и тут же замерзли на щеках. Я покачал головой и пробормотал:

— Не представляю себе, как может кто-нибудь отправиться в путешествие в такую ночь. Даже Санта-Клаус.

Визи задумался на одну-две секунды и сказал:

— Он замерзнет? Правда?

Я утвердительно кивнул головой.

— Не только он сам, но и его олени.

— И тогда больше не будет рождества, да? — спросил Визи.

— Ну, рождество-то будет, — предусмотрительно ответил я, — но не будет Санта-Клауса.

— Я надеюсь, что он останется дома. — Так реагировал Визи на печальную новость.

Между рождеством и Новым годом выпало еще пятнадцать дюймов снега. На полках в нашей кладовой было пусто, хоть паром покати, но мяса и овощей у нас хватало. Если ваше ежедневное меню состоит только из лосиного или оленьего мяса и лишь изредка разнообразится гусятиной, это может надоесть. Но все же изобилие мяса не давало нам отощать.

Уже два месяца мы не видели других людей, не получали и не отправляли почту. Мы превратились в робинзонов на нашем «необитаемом острове» среди снежного моря. Это было скучно, но не так уж серьезно. Однако нас мучила одна неотвязная мысль: «Что, если кто-нибудь из нас тяжело заболеет?» Правда, мы вели такой здоровый образ жизни, что редко болели даже насморком.

Но я знал о случаях, когда звероловы, отрезанные от возможности медицинской помощи во время зимней непогоды, заболевали и умирали в своих хижинах. Их замерзшие тела оставались лежать там до весны или до лета, пока кто-нибудь их не обнаруживал.

Чем больше мы с Лилиан думали об этом, тем более настоятельной казалась необходимость как-нибудь добраться до Риск-Крика на санях, запряженных лошадьми. Но это было легче задумать, чем осуществить, так как, если не считать лосиных тропинок, по которым, конечно, не могли пройти лошади, все пути замело снегом еще в первые дни снегопада.

Наконец Лилиан поставила точку над «i».

— Нам совершенно необходимо пробиться к Риск-Крику, — выпалила она однажды за завтраком.

— Я сам думаю об этом, — подтвердил я. — Если я отправлюсь туда на снегоступах, это, наверное, займет у меня целых четверо суток...

— Лыжи! — воскликнула она. — Какой толк будет мне от лыжной тропы, если ты сломаешь ногу или Визи заболеет воспалением легких или еще чем-нибудь! Эрик, здесь нужны упряжка и сани. — И не дождавшись от меня ответа, она продолжала: — Мы можем взять с собой палатку и все необходимое для бивуака и наложить в сани сена для лошадей.

— Мы? — Я отрицательно покачал головой и сказал: — На лыжах или в саниах, но я предпочел бы поехать туда один.

— Мы с Визи тоже поедem.— В голосе Лилиан появились металлические нотки.— Ты воображаешь, что я смогу сидеть здесь, не зная, добрался ты до Риск-Крика или нет? Мы с Визи обязательно поедem с тобой. Нам уже приходилось почевать под деревьями и, паверное, еще не раз придется.

— На снегу в пять футов глубиной и при температуре минус сорок градусов?

— Да, на снегу в пять футов глубиной и при температуре минус сорок градусов, если таково положение дел.

Не моргнув глазом, она смотрела на меня в упор, и лицо ее дышало непреклонной решимостью.

Передо мной открылась новая черта в характере Лилиан. Раньше я не знал ее такой. Во всяком случае эта сторона ее натуры не проявлялась со дня нашей свадьбы. Обычно она старалась настоять на своем путем мягких уговоров и убеждений. Теперь же я видел, что мои желания столкнулись с железной волей Лилиан.

— Ладно,— вздохнул я,— мы поедem вместе.

По гладкой почве можно было доехать до Риск-Крика в фургоне, запряженном лошадьми, в течение восьми или десяти часов. Это был медленный, но надежный способ путешествия. В саниах по снегу в несколько дюймов глубиной мы могли попасть туда за несколько больший период времени. Но при глубине снега, какая была в тот год, было вообще сомнительно, доберемся мы до цели нашего путешествия или нет. Конечно, наше предприятие было опасно. Но если вы застряли в снегах на один или два месяца без какого бы то ни было сообщения с внешним миром, можно пойти на любой риск. И мы решили рискнуть.

Глава XIII

Мы не торопились запрягать лошадей в слабой надежде на внезапное потепление. Но для этой надежды было мало оснований. На опыте предшествовавших зим мы знали, что в чилкотинском районе за сутками северного ветра со снегом после прекращения ветра и снегопада обычно следуют сутки жестокого холода.

Наконец небо перестало хмуриться, и, когда с голубого неба снова посмотрело на леса сияющее солнце, ртутный столбик соскользнул до цифры сорок. Но все же после месяца пасмурной погоды яркое, хотя и не греющее, солнце подействовало на нас ободряюще. Итак, стараясь не думать о красноречивых показаниях термометра, мы положили в сани одеяла, все необходимое

для бивуака и сено, впрягли в хомуты пару лошадей и двинулись на юг. По крайней мере ветер не рвал нашу одежду. И хотя меховая опушка наших парок вскоре покрылась инеем и нам приходилось без конца счищать льдинки с ресниц руками, одетыми в толстые варежки, все же в глубине саней, укрывшись одеялами, мы как-то умудрялись не замерзать.

Каждый ярд пройденного пути стоил лошадям огромных усилий. Снег скапливался у хомута и давил на шеи лошадям до тех пор, пока они уже были не в состоянии ни на один дюйм сдвинуть сани. Тогда я вылезал из саней, пробирался к хомуту и сбрасывал лопатой снег, чтобы лошади снова могли сдвинуть полозья. После самого незначительного подъема лошади должны были отдыхать минуту или две.

В двух милях от хижины мы стали свидетелями трагических последствий декабрьской непогоды. Как раз посередине погребенной под снегом дороги лежал маленький лосенок; голова его была запрокинута назад, а ноги подогнуты под туловище. Это дитя лесных дебрей лежало на снегу в такой естественной позе, что его неподвижность была похожа на сон. Но это был не сон: лосенок умер в этой позе. Беспощадный мороз крушил его волю к жизни, пока, ослабев, он не отстал от матери. И наконец наступил момент, когда трава, с трудом добытая из-под снега, уже не давала достаточно сил, чтобы снова разгрести снежный покров в поисках пищи. Устав от жестокой борьбы за жизнь, лосенок лег на снег и больше не встал. Влага от дыхания замерзла у него на губах, пока сердце медленно отсчитывало последние минуты его жизни.

Мне пришлось снять хомуты, прикрепить цепь к оглоблям и оттащить жертву мороза с нашего пути. Потом я снова запряг лошадей, вскочил в сани и сказал Лилиан:

— Нигде поблизости не видно следов лосихи.

— Может быть, волки съели мать, — вздохнув высказала предположение Лилиан.

— Возможно.

Я встряхнул поводьями, и лошади тронулись. Когда наступила следующая передышка, я мрачно сказал:

— Еще немало лосей погибнет в лесу, прежде чем стает снег.

Часы, которые мне подарила Лилиан на рождество 1931 года, еще не сломались и хорошо показывали время. Я завел их перед отъездом, но с тех пор ни разу не посмотрел на них. Даже мысль о том, чтобы снять варежку и вытащить часы, была настолько неприятна, что я тут же гнал ее прочь. Было гораздо важнее сохранить тепло в пальцах, чем знать, который час.

Зашло солнце, и серые тени легли у горизонта на севере. По моему расчету, мы проехали восемь миль за такое же количество часов. С ноздрей наших коней свисали ледяные сосульки восьмидюймовой длины. Лошади посерели от замерзшего пота. У занесенной снегом дороги мы увидели одинокую пихту. Возможно, что она была крепким молодым деревцом, когда Колумб приехал в Америку. Ее ствол достигал пяти футов в обхвате, а мощные ветви почти не согнулись под тяжестью снега. Лошади остановились у дерева, как бы почувствовав свою собственную усталость. Они стояли, опутив головы, тяжело дыша.

— С них довольно,— заключил я.— Лошади выбились из сил. Лилиан откинула одеяла и посмотрелась.

— Я так окоченела,— вздохнула она,— что, кажется, уже никогда не смогу снова ходить.

В течение последних четырех часов Визи лежал в санях, закрытый несколькими одеялами и сеном. Но теперь он внезапно выкарабкался оттуда и жалобно произнес: «Я хочу есть».

Ветки пихты задерживали снегопад, и под ними слой снега был лишь в два фута глубиной.

— Это место ничем не хуже других,— сказал я,— а может быть, и лучше. Вот и наш отель. Ты и Визи лучше посидите в санях, пока я займусь лошадьми.

Я распряг лошадей, прикрыл их попонами и дал им охапку сена. Поблизости не было ни озера, ни ручейка, где можно было бы прорубить лед. И так как не было воды, лошадям пришлось есть снег.

Накормив лошадей, я расчистил под деревом площадку в десять на двенадцать футов. Теперь Лилиан и Визи могли вылезти из саней, не попав в снег. Сгущались сумерки. Не приходилось надеяться, что проглянет луна. Поэтому я решил не тратить сил и времени на устройство палатки. Вместо этого я расстелил ее под деревом и навалил на нее одеяла и посуду.

Даже при снеге в несколько футов глубиной и при минусовой температуре бивуак без плитки или палатки может быть достаточно теплым и удобным, если знать, как его устроить. Как ни враждебно выглядит зимняя лесная чаща в холодном наряде, в лесу немало средств, которые, умеючи, можно использовать, чтобы смягчить враждебность природы и заставить ее сменить гнев на милость.

Быстрота действий была ответом на холод, охвативший нас, как только мы вылезли из саней. Именно ради такого случая мы захватили с собой из хижины сухой хворост, и через несколько секунд у нас пылал костер. Мы с Лилиан встали на снегоступы. Я прокладывал лыжню, направляясь к ближайшим зарослям мо-

лодого пихтарника, Лилиан следовала за мной. Мне достаточно было одного удара топора, чтобы срубить молодое деревцо. Лилиан брала в охапку по пять-шесть штук сразу и тащила к костру. На долю Визи досталось втыкать в снег основания деревьев, чтобы снова придать им вертикальное положение. В лесных дебрях не только детеныши диких зверей должны с ранних лет уметь заботиться о себе.

Через десять минут наш бивуак был окружен плотной стеной «рождественских елок». Эта «стена» не только защищала нас от ветра, но и служила нам чем-то вроде рефлектора, отражая тепло, идущее от костра, и концентрируя его у ствола пихты. А при достаточном количестве дров, сложенных внутри окружавшего нас кольца из пихт, костер мог гореть всю ночь, и в нашем бивуаке могло быть достаточно тепло, какая бы ни была температура за его пределами.

Предоставив Лилиан заниматься ее кастрюльками и сковородками, я нарубил сухих сосен, наколот трехфутовые поленья и сложил их в бивуаке. К этому времени подоспели отменные олени бифштексы, а в ведерке у горячих углей костра настаивался целый галлон крепкого чая. Мы примостились у костра по-индейски, на корточках, и занялись едой.

Путешествие при минусовой температуре вызывает зверский аппетит, а когда вы затем слишком плотно поели, вас охватывает какое-то умственное и физическое оцепенение. Проведя целый день в пути по такой погоде, присядьте у печки на несколько секунд, и вы тут же почувствуете сонливость, а через минуту или две крепко уснете. Здесь костер заменял нам печку, а ствол старой пихты и кольцо из молодых пихточек — нашу хижину. Как только мы поужинали и вымыли посуду, нас охватило дремотное состояние. Мы зарылись в одеяла на подстилках, которые Лилиан сделала из пихтовых веток, и, совершенно обессиленные, тут же уснули.

Чуть начало светать, как я развел огонь. Лилиан высунула голову из-под одеял, когда я набирал снег в ведро, чтобы поставить его таять на костре. Она закашлялась, вдохнув морозный воздух. Ветер рвал верхушки деревьев, и снег летел сквозь «стену» из молодых пихт.

— Лучше не вылезай из-под одеял, пока я не сварю кофе, — посоветовал я, закутываясь в свою овчину.

Лилиан охотно воспользовалась моим советом. Я дал ей чашку кофе.

— Опять идет снег, — ворчал я. — Черт его побери, этот снег. Снова ветер, как раз с северной стороны. Вчера было плохо, а сегодня будет суший ад.

И действительно, это был ад. Мы пустились в путь на рассвете. Снег колотил нам лица. Лошади сначала заартачились, почувствовав прикосновение холодных шлей, а затем, брыкаясь и фыркая, медленно тронулись в путь.

Делая частые остановки, они тянули поклажу еще на протяжении пяти миль. Чаща стала редеть. Впереди уже можно было разглядеть однообразную, чуть-чуть волнистую гладь прерий.

— Равнина Озерных Островов, — буркнул я таким тоном, как если бы я возвещал о нашем прибытии к воротам ада.

Летом Равнина Озерных Островов — место вполне приятное. Там достаточно питьевой воды в нескольких изолированных озерах. Тут и там разбросаны небольшие заросли осин и сосен, где могут отдохнуть в тени пасущиеся стада. Ранней осенью тысячи уток и сотни канадских казарок с гоготаньем и криканьем опускаются на озера, а луговые тетерева³⁴ хоронятся в траве, слышав шум крыльев ястреба или совы, почуявших легкую добычу. И даже в самые жаркие августовские дни нежное дуновение колышет верхушки трав. И ветер (восточный или западный, северный или южный) несет с собой освежающую прохладу.

Иное дело зимой. Озера покрыты не менее чем двухфутовым слоем льда. Утки и гуси улетели далеко на юг. Луговые тетерева скрылись в чаще леса. Только ветер остался здесь.

Даже когда в лесу нет ветра, в открытых прериях он дует вовсю. Он ворошит снег и уносит его на несколько сот футов или ярдов, заполняя какую-нибудь расщелину или овраг, придавая им обманчивый вид заснеженной глади.

Как только мы выехали из леса на равнину, нас встретил порыв такого ветра. Пелена поднятого ветром снега неслась по долине, покрывая расстояние не меньше пятидесяти ярдов. Не было ни малейших признаков какой-либо дороги. Не было ни одного валуна, который помог бы нам ориентироваться. «Пошли, пошли!» — крикнул я лошадям, которые внезапно забарахтались в глубоком снегу.

— Ты правишь в овраг, — закричала Лилиан, но было уже поздно.

У меня обледенели ресницы, снег летел мне в лицо, и я не заметил оврага, занесенного снегом. Не заметили его и лошади, которые обычно, даже не видя, чутьем угадывают опасность.

Конь провалился сквозь снег в овраг, упал на животы, а затем перевернулся на бок, как бы говоря: «С нас довольно».

— Придется распрягать, — пробормотал я, содрогаясь при мысли о том, что надо будет вылезать из саней и забираться в снег.

— Постараюсь вытянуть лошадей и оглобли, а затем при помощи цепи вытяну сани.

Я начал выбрасывать одеяла и другие пожитки.

— Цепь, где же, черт возьми, цепь? — нетерпеливо спрашивал я.

— Здесь. — Лилиан всегда знала, где находятся предметы первой необходимости.

— Умница, — улыбнулся я.

Я взял цепь, спустился к дышлу саней и вытащил болт из оглобеля. Затем осторожно пробрался вдоль дышла и снял хомут. Стоя около лошадей по пояс в снегу, я закричал: «Пошли, пошли!» Лошади поднялись, рванулись вперед и, не чувствуя тяжести груза, выбрались из оврага. Остановив их, я прикрепил цепь к дышлу. И снова закричал: «Пошли, пошли!» — подкрепив на этот раз свои слова ударом кнута. Полосья заскрипели. Лилиан и Визи изо всех сил ухватились за края саней. Лошади, тяжело дыша, храпели и тянули изо всех своих сил. И наконец этот овраг был позади. А сколько их еще было впереди, никто не мог знать.

Мы добрались до середины равнины, когда кони внезапно остановились. «Пошли, пошли!» — безрезультатно кричал я. Лошади окончательно выбились из сил. Они отдали нам всю свою энергию, но этого было недостаточно. Я бессмысленно посмотрел на Лилиан. Она ответила мне растерянным взглядом.

— Что делать?

— Верхом, — мрачно сказал я. — Я считаю, что нам придется бросить здесь упряжку и сани и попытаться доехать до Риск-Крика на неоседланных лошадях.

Это звучало отнюдь не утешительно, но другого выхода у нас не было.

Внезапно Лилиан встала в санях. Она так напряженно смотрела на юг, что у нее выступили слезы на глазах.

— Дым, — воскликнула она, — мне кажется, я чувствую запах дыма.

Я стоял одной ногой на оглобле, другой — в санях.

— Дым? — выпалил я. — В этих прериях, здесь? Ты не в своем уме!

— Я в своем уме, — отпарировала она. — Это дым. Разве ты не чуешь?

Теперь и я почувствовал запах дыма. И все же я не мог поверить собственным ощущениям. Дым на Равнине Озерных Островов?

— Где-то горит костер... — Лилиан замолчала и напряженно всматривалась вдаль. — Я вижу его. Это костер. Там индейцы.

Я тоже стал всматриваться вдаль. Протерев глаза, чтобы убедиться, что это мне не мерещится, я сказал, почти не веря самому себе: «Это индейцы!»

Я встряхнул вожжами и щелкнул кнутом.

— Пошли отсюда, клячи! Бодрее шаг! Тащите сани! Мы не одни!

И как бы поняв мои слова, лошади выбрались из снега, подняли головы и джойм за джоймом потащили сани вперед.

Это были индейцы. Там был Джонни Красный Камень и его толстенькая смешливая подруга Лизи. Там был старый Азак. Он покосился на нас своими слепнувшими глазами и сказал: «Белый люди ходи». Там был Джонни Орлиное Озеро, названный по имени озера, у которого он родился. И с ними четыре полуодетых малыша, которым, казалось, был нипочем северный ветер и мороз, пробирающий нас до костей, несмотря на нашу теплую одежду. Все индейцы были из резервации Риск-Крик, и они шумно объяснили нам, что Джонни Красный Камень убил лося и что все они сегодня понесут мясо домой. Джонни Красный Камень часто заходил к нам в избушку отведать мяса или попить чаю и рассказать о своих злоключениях. К этому склонны все индейцы, когда им попадается терпеливый слушатель.

Теперь туша лося была разрублена топором на четыре части, и вся группа окружала костер, поджаривая огромные куски лосиной грудинки на вертелех, воткнутых в снег.

В такую погоду, какая стояла в последний месяц, ни один белый человек не стал бы охотиться на зверя. Он предпочел бы сидеть на одних бобах, лишь бы не выходить из хижины. Кроме того, белые обычно запасают с осени мясо на всю зиму. Иное дело — индейцы. Они привыкли жить настоящим моментом и не думать о будущем. Их мужчины — прирожденные охотники. Они могут застрелить лося или оленя в такую погоду, когда белый будет бродить по лесу несколько суток и вернется без добычи. Если индеец нападет на свежий след, то он будет преследовать свою добычу, пока не достигнет и не застрелит ее.

— Лучше твоя из сани вылезай и кушай! — с таким приветствием обратился к нам Джонни Красный Камень. Затем, расхотавшись, он спросил: — Какой черт, твоя белый люди ходи в такой нехороший погода?

У костра было тепло, и у меня потекли слюнки от запаха жареной лосиной грудинки.

— Я сумасшедший, Джонни! — засмеялся я в ответ. — Когда моя сумасшедший нет, моя в хижина сиди, моя женщина, моя на-рень тоже в хижина сиди, пока весна ходи. Лучше люди, как медведь, живи: зимой в нора сиди, когда снег таять, из нора вылезай.

Я взял охотничий нож Джонни, вырезал большие куски мяса из спины лося и надел их на вертел.

У костра стоял заваренный чай в десятифунтовой банке из-под

сиропа. Жена Джонни наполнила им три жестяные кружки и подала нам. Никогда чай не казался мне таким вкусным. И неважно было, из чьих рук я получил его и что это был за чай. Присев у огня, мы уплетали наши бифштексы, даже не дав им хоть немного остыть, благодаря судьбу за то, что Джонни удалось убить лося.

Беззастенчиво рыгая от избытка съеденного мяса, индейцы погрузили в сани части разрубленной туши. Четверо малышей зарылись в одежды из кроличьих шкур, смеясь и болтая на своем гортанном наречии. Красный Камень взял вожжи и бросил мне вопрос.

— Белый люди, твоя ходи первым желай?

— Нет, к черту, — ответил я. — Индеец конь лучший. Мой конь уставай. Твоя ходи первым, моя — сзади.

Нам было по пути с индейцами, так как их резервация находилась на три мили дальше, чем Риск-Крик.

Протоптаный путь придавал новую энергию нашим коням. У хомута уже не скапливался снег. И хотя дорога была нелегкой, лошади смогли идти без задержек и покрывать от двух до трех миль в час. К заходу солнца мы приехали в торговый пункт.

В лавках и на почте в Риск-Крике кипела жизнь. Только что прибыла шестерка лошадей с грузом товаров, предназначенных для отдаленных торговых пунктов.

— Самая проклятая поездка за все время моей работы на тракте, — ворчал возчик, когда я вводил наших лошадей в конюшню и искал два свободных стойла. — Никаких следов дороги к Бичер-Прери. Абсолютно все замела снегом чертова метель. Из Бристолья, где я остановился прошлой ночью, лошади тянули груз десять часов.

Бристоль был другой придорожной остановкой на десять миль восточнее Риск-Крика.

— Вам повезло больше, чем нам, — утешил я его, распрягая лошадей. — Мы ночевали под пихтой.

Возчик был высок и худощав. Ему пришлось долго вглядываться в снег, и глаза у него покраснели и распухли.

— Черт возьми, неужели вы ночевали под деревом? — воскликнул он. — И ваша жена, и сынишка?

И когда я утвердительно кивнул головой, он засунул палец в нос, прочистил ноздри и сказал:

— Это напоминает мне зиму двадцатого — двадцать первого года, когда я правил четверкой лошадей с грузом зерна для одного из фермеров в верхней части края. Ну вы, сэр, наверное, знаете эту часть дороги между Харперовым лугом и Гансовым лесом. Вот это была метель! Никогда, ни раньше, ни позже, я не

видел такой метели. И пусть лопнет мой язык, если один из коренников не споткнулся и не захромал. Так я и застрелял там в пургу с почти четырьмя тоннами зерна. Морозище чертов и...

Так он и остался в своих сугробах, когда я вышел из конюшни и направился в гостиную торгового пункта.

Священник выездной миссии римско-католической церкви — толстяк с бородкой и бакенбардами пожал нам руки, когда мы с Лилиан усаживались у обогревателя. В Чилкотине его знали под именем отца Томаса. Занимался он главным образом религиозным просвещением индейцев.

Разговор в гостиной вращался вокруг одной и той же темы — погоды. Ковбой, пытающийся отогреть ступни ног у печки, сказал:

— Господи, вот уже месяц, как я хожу с замерзшими ногами.

Охотник за дикими лошадьми, с нетерпением ожидающий ослабления морозов, чтобы снова выслеживать коней на Лысой Горе, присовокупил, что «этот проклятый край катится в преисподнюю». Он был сутул и низкоросл, с кривыми от верховой езды ногами.

Игнорируя богохульное ворчание ковбоя и охотника, священник рассказывал нам с Лилиан о собственных невзгодах. Он должен был уже неделю назад попасть в резервацию, расположенную к западу от торгового пункта, но жестокие морозы последней недели задержали его в Риск-Крике. Он ждал индейца с лошадьми и санями, который давно уже должен был приехать за ним. Но, наверное, этот индеец решил, что душа его не станет порочней от того, что он подержит своих лошадей в конюшне, пока не ослабнет мороз.

Пара бродячих скупщиков пушнины играла за столом в покер на крупные ставки с китайцами. Три индейца-зверолова, появившиеся в дверях лавки, некоторое время наблюдали за играющими, а затем достали замасленную колоду собственных карт и стали играть в очко. Я следил за игрой и наконец пришел к заключению, что китайцу везет. «Надеюсь,— подумал я,— что он их как следует обчистит». Я никогда не любил скупщиков пушнины.

Торговец сидел в конторе, манипулируя своими финансовыми документами.

Он взглянул на меня, потирая руки, по-видимому, в ожидании выгодной сделки.

— Я думал, что вас всех уже нет в живых,— весело приветствовал он меня.

— Был момент на Равнине Озерных Островов, когда мы действительно чуть не погибли,— не без горечи ответил я.

После длительной паузы торговец сказал:

— Чертовски холодная зима. Напоминает зиму, когда замерз

бедняга Джо Иснарди. Кажется, это было за год или два до того, как ты приехал из Англии. Тогда еще не было сухого закона, и у меня здесь был бар.— Он сдвинул брови, как бы с трудом стараясь восстановить в памяти события прошлых дней.— Было сорок пять градусов мороза, когда Джо отправился дальше на восток в сани с упряжкой. За пару миль отсюда его стал донимать мороз. У него в сани был ящик с шотландским виски, и, чтобы согреться, он открыл бутылочку. Похоже, что пара глотков не помогла ему согреть даже кисти рук, не говоря уже о внутренностях, и он еще раз приложился к бутылке. Через некоторое время он привязал лошадей, присел на бревно и стал лить виски себе в глотку. Так его и нашли через неделю на бревне, одеревеневшим от холода, с наполовину недопитой бутылкой в руках. Две пустые бутылки валялись на снегу.

— А что случилось с лошадьми? — полюбопытствовал я.

— А ты как думаешь? — буркнул он.— Они околели и отправились на небо. Там они счастливо пребывают до сих пор.

После упорной получасовой торговли я продал наш скудный запас пушнины и получил за нее товаров на сто семьдесят долларов. В лавке не было наличных денег, и нам пришлось обменять каждую из наших шкурок на предметы и продукты, в которых мы нуждались.

Мы прожили в Риск-Крике три дня. Лошади отдыхали, а мы говорили о погоде со случайными собеседниками, просматривали почту и с нетерпением ждали, когда потеплеет и можно будет отправиться домой без риска замерзнуть в пути. И наконец на четвертый день при терпимой минусовой температуре мы сказали «прощай» торговому пункту и после тридцатичасового путешествия с одной ночевкой в пути вернулись в нашу хижину.

Вот уже более двух дюжин раз встречали мы рождество у ручья Мелдрам. Но когда я припоминаю их все, мне кажется, что рождество, проведенное на Равнине Озерных Островов в саних при температуре -40° , когда мы пользовались радушным гостеприимством Джонни Красный Камень и его толстухи Лизи и уплетали жареного лося у полыхающего костра, было самым лучшим из всех.

Глава XIV

Молиз был горбат. Он не родился горбатым. Как говорили индейцы, он сломал позвоночник, когда ему было четыре года. Упавшая лошадь подмяла его под себя. Природа, а не хирургическое вмешательство по-своему поправила сломанный позвоночник, и через

некоторое время Молиз снова стал ездить верхом. Но природа не могла полностью скрыть следы своей работы: горб будет на месте и когда Молиз отправится в свой последний путь.

Для меня Молиз памятен тем, что он был у нас первым нанятым работником. Несмотря на деформированный позвоночник, именно Молиз помог мне бороться с наводнением и обуздать воды здешнего края весной 1935 года.

Ранней весной 1935 года реке Фрейзер и ее притокам угрожало наводнение. Плотный снег в полтора метра глубиной покрывал места, расположенные на трех-четыре тысячи футов выше уровня моря. Снежный покров толщиной в девять-десять футов лежал на высоте шести тысяч футов и выше. Возможность возникновения стихийных бедствий зависела от того, когда и как будет таять снег. Обычно весной талый снег с более низких мест стекает в реку по крайней мере на три недели раньше, чем начиналась оттепель наверху. Но в тот год была необычно поздняя весна и таяние могло начаться на разных высотах одновременно. И тогда в разливах реки Фрейзер, где она медленно течет среди пахотных земель, вблизи устья, вода может выйти из берегов и затопить фермерские участки, отвоеванные у реки, если дамбы, построенные людьми, окажутся недостаточно надежными.

Угрожающим была не только глубина выпавшего снега. В результате декабрьских и январских морозов в водоемах образовалось избыточное количество льда. Если поток воды недостаточно глубок, его течение прерывается при температуре -45° , и промерзшая насквозь вода образует нечто вроде маленького ледяного поля. Затем, когда у ледяной пробки скапливается достаточное количество воды, поток пробивает себе путь сквозь лед, а несколько ниже опять замерзает, скованный морозом. В ручье или в реке к весне может образоваться целая серия наледей на небольшом расстоянии друг от друга. И когда во время половодья эти ледяные «поля» начинают таять, избыток воды может затопить берега.

Но весной 1935 года большое наводнение миновало наш край. В начале мая оттепель наступила в более низких местах и ручьи талого снега устремились в Тихий океан. Потоки с гор потекли лишь в начале июня. Их воды не были избыточными для реки Фрейзер. Дамбы, защищающие фермерские земли, не пострадали, и люди спокойно трудились на полях, когда-то отвоеванных у реки, а вдоль укреплений катился полноводный поток, никому не причиняя вреда. Эти поля уже столетия не заливала вода. За это время дамбы были увеличены и укреплены, и за ними простирались тысячи акров почвы, покрытой травой и засеянной злаками и овощами. И все были уверены, что река Фрейзер никогда не сможет разрушить прибрежные укрепления.

Для нас избыток воды был даром небес. Обилие снега, разрушившее наши надежды на удачную ловлю зверей зимой, дало нам возможность восстановить еще немалое количество бобровых запруд. Такая возможность могла не повториться в течение нескольких лет.

В начале мая каждая канава, каждый овраг бурлили водой, сбрасывая талый снег в ручей Мелдрам. Мы могли не беспокоиться о скотоводах и их ирригационных каналах. В ручье было больше воды, чем требовалось для орошения всех полей у устья реки. Ручей стремительно несся вперед мутным полноводным потоком через разрушенные бобровые плотины, через заброшенные озера, пигде не замедляя свой бег, как бы схваченный неудержимым стремлением поскорее слиться с рекой.

Кроме нескольких восстановленных нами плотин, не было никаких сооружений, которые могли бы сдерживать поток и сохранить избыточное количество воды. И если вода была не нужна ни земледельцам, ни реке, ни океану, то кое-кто нуждался в ней. Это были мы. Пять лет мы мечтали о такой возможности, и наконец мечта осуществилась. Мы могли «закрыть ворота» на обширных болотах, напитать влагой их «промокашки» и наполнить «блюдца» так, чтобы вода полилась через край.

За пять лет, прожитых у ручья, наше благосостояние заметно улучшилось. В избышке был дощатый пол. Мы смогли заменить деревянные обрубки, служившие нам стульями, более изящной мебелью. В сарае стояли (правда, подержанные) косилка и прицепные грабли. И кроме этих признаков благополучия мы сумели завести в банке счет, на котором значилось около трехсот долларов. Ободренные собственными успехами, мы решили ковать железо, пока горячо, и считали, что, если мы воспользуемся обилием воды и не упустим ее, в наших капканах скоро будет множество ондатр. Я расхрабрился и принял мгновенное решение: нужно нанять работника.

При покорении новых краев или при освоении целинных земель женщины нередко работали плечом к плечу с мужчинами. Я знаю, что без Лилиан, которая делила со мной радости и невзгоды и вносила в мою жизнь то, что может внести только женщина, никогда не осуществились бы мои чаяния и мечты об орошении заброшенного края.

Но всему есть предел. Раньше я чинил все плотины с помощью Лилиан, но теперь я мог нанять индейца за два доллара в день и харчи. Мы могли выдержать такие расходы около шести недель. Я рассчитал, что за этот срок двое мужчин могут притащить достаточное количество грязи и восстановить несколько плотин.

Когда я изложил свой проект Лилиан, она сердито топнула ногой и заворчала:

— Шесть недель жалованья и харчи индейцу составят расход в восемьдесят долларов наличными. За эти деньги мы могли бы,— тут она обвела взглядом хижину,— купить еще мебели и столовый сервиз, о котором я давно мечтаю.

— Зачем нам сервиз? — улыбаясь, мягко возразил я. — Мы уже много лет едим из эмалированных тарелок и пьем из эмалированных кружек, и это нам ничуть не повредило.

— Ты ничего не понимаешь, — отрезала Лилиан.

— Конечно, я понимаю, — ответил я и затем сказал более серьезно: — Не годится, чтобы ты копала грязь теперь, когда у нас достаточно денег, чтобы заплатить за это кому-нибудь другому. И кроме того, перед нами скоро встанет еще одна проблема.

— Проблема? — Лилиан нахмурилась. — Какая проблема?

— Обучение Визи, — спокойно ответил я и подождал, пока Лилиан обдумает это.

В этом году двадцать восьмого июля Визи должно было исполниться шесть лет. Даже мысль о том, чтобы отправить его в школу и оставить жить у чужих людей, была непереносима ни для меня, ни для Лилиан. На много миль от наших владений не было никаких школ. Жизнь в лесных дебрях настолько спаяла нас троих, что нельзя было представить себе жизнь без одного из нас.

В пять лет Визи мог расставить ловушку и поймать зайца так же мастерски, как и я, ибо лес был для него своего рода школой. А расставить ловушку было делом, требующим осторожности, внимания и сноровки. Вот почему я прежде всего научил сына этому. Такое занятие развивало его сообразительность, стимулировало его инициативу и давало пищу его уму. Он нередко следовал за мной по пятам, когда я отправлялся на охоту, и часто его острый взгляд замечал оленя раньше, чем я. «Смотри, папа, олень!» А затем уже я сам видел зверя, лежащего неподвижно, прижав морду и шею к земле, как часто делают олени, надеясь, что охотник пройдет мимо.

Простые повседневные занятия в лесу уже наложили отпечаток на его характер. Он никогда не просил меня или Лилиан помочь ему в том, что он мог сделать сам. Лилиан уже не приходилось самой наполнять ящик для хвороста, когда я задерживался дотемна на охоте. Это делал Визи, хотя он мог одновременно притащить лишь несколько палочек. Если, играя у озера, он вдруг бежал оттуда к дому, чтобы сообщить нам, что только что видел

на берегу волка или лося, мы знали, что там действительно был волк или лось. Визи никогда не лгал, — возможно, потому, что у него никогда не было к тому нужды.

Почти самостоятельно он научился складывать по буквам некоторые простые слова из книжки и понимал их смысл. Если он еще не умел писать — до этого, несомненно, оставался один шаг. Я много думал о том, как дать ему приличное образование, и пришел к выводу, что нам с Лилиан надо попытаться самим учить его и посмотреть, что из этого выйдет.

В Англии я перешел от гувернантки в детский сад, из детского сада — в школу. Я изучал латынь и химию, алгебру и тригонометрию и прочие предметы, которые проходят в учебных заведениях. Но мое воображение обычно уносило меня далеко от книг, лежавших передо мной на парте. И стоило мне усвоить какой-нибудь глагол или уравнение, как я тут же забывал их.

У Лилиан не было возможности получить систематическое образование. В одиннадцать лет ее отправили в поселок Сода-Крик, за сорок миль от Риск-Крика. Там она жила у родственников и каждое утро ходила пешком в школу, находившуюся за три мили от Сода-Крика. В этой школе, занимавшей единственную комнату деревянного дома, кроме Лилиан училось еще девять ребят. В четырнадцать лет она перестала ходить в школу, но за три школьных года она научилась прилично читать, прилично писать и усвоила сложение, вычитание, умножение и деление. Все, чему она научилась в школе, она помнила очень хорошо. И мы решили, что, если мы соединим то, что я забыл, с тем, что она помнила, нам незачем будет отправлять Визи в школу и разбивать пашу крепко спаянную семью.

— Мы начнем немедленно, — сказал я Лилиан, — и купим карандаши, тетради и учебники. Теперь ты принесешь гораздо больше пользы, наблюдая за занятиями Визи, вместо того чтобы помогать мне чинить плотины.

И вспомнив о сервизе, я пообещал:

— В марте я собираюсь поймать в капканы четыреста ондатр, и я уверен, что так оно и будет. С выручки я куплю тебе самый красивый сервиз из тех, что описаны в каталоге.

Молиз был не темней и не светлей любого чилкотинского индейца. Что касается его возраста, то для нас так же трудно было определить его, как возраст любого человека его племени. Когда белый пытается определить возраст индейца, он в лучшем случае ошибается только на десять лет.

Молиз и его жена Цецилия иногда приходили ранней весной к истокам ручья Мелдрам ловить рыбу-скво, идущую вверх по течению на нерест. Белый человек с презрением отвернул бы нос

от такой костистой пищи, а чилкотинский индеец с удовольствием съедал рыбу-скво вместе с костями весной, когда оленьи и лосиное мясо было постным и твердым.

Весной 1935 года Молиз и Цецилия снова захотели отведать рыбу и пришли за ней к ручью. Они расставили сети в миле от нашей хижины. Я узнал об этом по звону колокольчиков на их лошадях. В тот же вечер я отправился к ним.

Внешний вид их бивуака был так же хорошо мне знаком, как и запах, распространявшийся оттуда. Под сосной была расставлена маленькая палатка размером приблизительно восемь на десять футов. Парусина палатки из белой стала от времени грязно-серой. На ней было немало заплаток, но все же кое-где она уже не защищала от дождя. Неизбежный костер горел перед палаткой, а позади нее было разложено еще один, и над ним стоял густой дым. Над вторым костром на решетке из обструганных сосновых палочек лежали десятки рыб-скво со вспоротыми животами. Рыбы были уложены животами вниз, в сторону дыма. Запах, исходивший от бивуака, был запахом копченой рыбы. Цецилия также была позади палатки. Она со стоическим терпением очищала от шерсти шкуру недавно убитого оленя. Оленьи шкуры лежали повсюду. Все они (кроме той, над которой трудилась Цецилия) были давно сняты с оленьих туш.

Молиз улыбнулся мне, когда я подошел к палатке, и, согнув свою искаленную спину, присел на оленью шкуру у костра. Два верховых седла валялись в беспорядке на одеяле из оленьих шкур, а на расстоянии нескольких футов, тоже на оленьей шкуре, лежали два вьючных седла. Я знал, что если бы заглянул в палатку, то увидел там оленью шкуру, разостланную вместо простыни на матрасе из веток, а в центре палатки на пыльном полу — еще одну оленью шкуру, на которую ставилась еда, когда было слишком холодно, чтобы есть на открытом воздухе. «Что делали бы индейцы без оленей?» — подумал я.

Бросив Молизу отрывистое «алло», я тоже присел у огня и сделал вид, что все мое внимание поглощено костром. Когда имеешь дело с индейцами, поспешить — значит потерпеть неудачу. После почти двухминутной паузы я сказал:

— Твоя много рыба лови?

— Много.— Молиз похлопал себя по животу.— Рыба чертовски хороший!

— Сколько времени твоя живот рыба кушай довольно? — спросил я.

Молиз поковырял в зубах.

— Два-три день рыба кушай, потом моя и жена рыба долго хоти нету.

Пора было переходить к делу.

— Твоя хотя поймать работа на пять-шесть недель? — как бы между прочим, небрежно спросил я.

Усмешка исчезла с лица Молиза. В глазах у него появилось выражение настороженности и лукавства.

— Какой работа? — подозрительно спросил он.

— Копай земля. Твоя чертовски хорошо копай. Весь твой работа — земля в тачка клади.

— Работа, черт, тяжелый, — проворчал Молиз. — Такой работа делай, мой спина боли.

Этому я не поверил. В 1927 году Молиз прорыл канал для торговца в Риск-Крике в двести ярдов длиной и в шесть футов глубиной. И сделал это очень быстро. Я не ломал свой позвоночник, когда мне было четыре года, но вряд ли смог бы проделать такую работу в более короткий срок.

После пятнадцати минут гробового молчания Молиз осторожно спросил:

— Сколько твоя плати за мой работа?

Предвидя, что цена будет установлена после длительного препирательства, я предложил:

— Доллар и половина доллар и харчи.

Молиз нахмурился.

— Очень дешевый. Два доллар двадцать пять цент лучше.

Это мне не подходило.

— Один доллар семьдесят пять цент.

Молиз покачал головой.

— Два доллар двадцать пять цент лучше.

— Только лопата грязь бери, в тачка клади. Легкий работа, — сказал я и заключил: — Один доллар девяносто цент.

Но этого не было достаточно.

— Два доллар лучше.

— Ладно, твой взяла. Два доллар, так моя плати.

Хотя я с самого начала собирался платить ему эту сумму, я хмурился, когда мы скрепляли сделку, сделав вид, что умение индейца торговаться помогло ему перехитрить белого. И Молиз выразил широкой улыбкой удовлетворение достигнутым соглашением. «Когда работа начинай?» — спросил он.

Молиз оправдал каждый цент своего жалованья. Молчаливый, как многие индейцы, он, не тратя времени на болтовню, нагружал тачку за тачкой. И работа шла быстро и эффективно. На расстоянии шести миль от нашей хижины вниз по течению ручья находились два самых больших болота. В одном было около двухсот акров, в другом — почти столько же. В течение двух недель отверстия в плотинах были запружены, и вода стала понемногу

заливать первое озеро и подниматься у плотины. Насколько иначе выглядело теперь водное хозяйство этого края, чем в те времена, когда мы с Лилиан начали неуверенно чинить первую плотину! Тогда ручей был так жалок, что, казалось, лишь какое-нибудь чудо может сделать его снова стремительным и полноводным. Возможно, помогли и чудеса. И одним из них была зима, обильная снегом. Так или иначе, но у нас теперь было изобилие воды, и ни одна капля этой воды не могла ускользнуть в реку. Если раньше поток смывал драгоценный верхний слой почвы, то теперь плодородная земля осаждалась в болотах, обогащая будущие озера. А это значило, что обитатели восстановленных водоемов не будут испытывать недостатка в пище. Итак, в 1935 году с помощью горбатого индейца Молиза мы обуздали талые воды и заставили их служить человеку.

Пока мы работали над плотинами, ежедневно, кроме субботы и воскресенья, хижина на пять часов превращалась в школу. Карандаши, тетради и учебники прибыли из Риск-Крика к озеру Мелдрам на спине вьючной лошади. Ровно в 9.30 Визи садился за стол и начинал выполнять задание, которое ему давала Лилиан. Ровно в 11.30 он срывался с места и выскакивал из хижины, чтобы побегать и подышать воздухом. В час дня он снова садился за стол и не вставал, пока в 3.30 Лилиан не провозгласила: «На сегодня занятия окончены».

Однажды в 10 часов утра, когда занятия только начались, я зашел в хижину попросить у Лилиан чашку кофе. Визи поднял на меня глаза и тут же, не сказав ни слова, уставился в книгу. Я шутя похлопал Лилиан по плечу и сказал:

— Ты упустила свое призвание: из тебя вышла бы хорошая школьная учительница.

Усмехнувшись, Лилиан ответила:

— Тебя я могла бы кое-чему научить.— Говорила она это серьезно.

Если не считать кусочка земли, расчищенной под огород, вся равнина, на которой стояла наша хижина, была покрыта зарослями ив и осин. На несколько сот футов вверх по течению ручья находился луг, где когда-то жили бобры. Там мы косили сено на корм лошадям. Разрушенная бобровая плотина простиралась на четыреста шестьдесят футов. Как и большая часть таких плотин, она имела форму подковы. Оба конца плотины смыкались с крутыми берегами, откуда легко было накопать много песка и мелкой гальки.

Хотя мы не имели ни малейшего представления, когда и как в ручье снова может появиться одна или две пары бобров, мы

все же были твердо уверены, что рано или поздно (и к тому же при нашей жизни) они туда вернуться. Я уже пытался узнать, где и как можно купить живых бобров, но никто не мог сказать мне об этом. Бобры в Британской Колумбии были полностью истреблены, и в 1920 году департамент, ведающий вопросами охоты, запретил ловлю бобров почти по всему этому краю. При таком положении дел как могли мы надеяться получить пару бобров для размножения их в ручье Мелдрам? И хотя на этот вопрос в тот момент не было ответа, мы все же не сомневались, что так или иначе добудем эту пару бобров. И более того, мы верили всей душой, что когда-нибудь луг, который служил теперь нам для покоса, снова станет обиталищем бобров.

Имея в виду, что нам понадобится новый луг, я решил срубить осины и ивы, вспахать твердую почву и засеять ее травой. Однако эта работа была бы проделана впустую, если бы мы не смогли оросить будущий луг.

При помощи грубо сколоченного треугольника и отвеса я определил направление канала, который мог бы отвести воду из запруды к будущему лугу. Для того чтобы вода сама текла в наш канал, нужно было поднять ее уровень на бывшем лугу, а следовательно, увеличить высоту плотины на четыре фута. Я не помню, сколько елок было срублено и очищено от веток и сколько тачек земли и гальки было свалено на ветки на плотине, но, когда работа была окончена, плотина достигла нужной высоты. Кроме Молиза мне помогали Лиллан, а после конца школьных занятий и Визи. И наконец мы смогли отложить в сторону топоры и лопаты и смотреть, как вода заполняет бывший бобровый луг.

Теперь пришла пора рыть канал, и это отняло у нас почти неделю. К этому времени запруженный луг наполнился водой, и я мог проверить правильность своих расчетов. Все было верно. Вода спокойно текла в канал, а если немного влаги и всасывалось в песок, оставшегося количества было вполне достаточно, для того чтобы наш посев трав не погиб от засухи.

Трудней всего было очистить от леса нашу долину. Каждую осину и каждую иву нужно было сначала срубить значительно выше основания дерева, разрубить на части и сложить кучами, для того чтобы в будущем сжечь. Затем при помощи лошадей, канатов и блоков были выкорчеваны и увезены пни. После этого все мы руками разбирали и вытаскивали по частям густую сеть корней, пользуясь только мотыгой. Когда почва была очищена от корней, ее было нетрудно вспахать. И когда пролегла последняя борозда, я впряг лошадей в фургон, отправился в Риск-Крик и взял у торговца во временное пользование пружинные бороны.

Оставалось только заплатить жалованье Молизу, а это далеко не просто, когда имеешь дело с индейцами, которые не только очень непосредственны, но и в той же мере горды. Нельзя просто дать индейцу чек или пачку банкнотов и сказать: «Ты мне больше не нужен». Так можно расплатиться только с белым работником. Если поступишь так с индейцем, то потеряешь его уважение.

Мы с Лилиан обсудили все это задолго до конца работы. В день расплаты нужно было пригласить Молиза и Цецилию на ужин и угостить их на славу.

Молиз оделся в чистый крепкий черный комбинезон из грубой бумажной ткани и шелковую рубашку такого же цвета, но по-рядком выцветшую. На нагрудном кармане рубашки была вышита красными нитками голова лошади. Несомненно, вышивка отсутствовала, когда рубашка покупалась на фактории. Конечно, это произведение искусства было делом загрубевших в работе рук Цецилии. Лицо и руки Молиз чисто вымыл, а свои жесткие черные волосы тщательно пригладил. Такими я их еще не видел: обычно они торчали во все стороны, напоминая своим видом сорочье гнездо. Цецилия оделась с подобающей торжественному случаю тщательностью. На ней была белоснежная льняная блузка и пестрая ситцевая юбка. Ее волосы цвета воронова крыла, заплетенные в косы, доходившие почти до пояса из оленьей кожи, были частично скрыты под огромным желтым платком. Цецилия была явно на несколько лет старше Молиза. Об этом свидетельствовали крохотные морщинки на ее лице. Лицо Цецилии в какой-то мере напоминало мне размытый и запылившийся клочок земли, на котором давно уже нельзя было вырастить что-либо яркое и прекрасное.

Лилиан открыла две драгоценные банки мяса белых куропа-ток, законсервированных еще осенью, и сделала из них отменный суп, приправив его легкими, как перышки, клецками. На десерт у нее был пышный пирог с голубикой. Ягоды тоже были законсервированы предыдущим летом.

Когда Лилиан и Цецилия мыли посуду, я дал Молизу сигару (в мае, в день моего рождения, лавочник подарил мне целую пачку сигар) и сам тоже закурил. Затем я потратил два долгих часа, обучая Молиза писать печатными буквами свою фамилию. Для этого мы пользовались огрызком карандаша Визи. Молиз оказался на редкость способным и к концу урока мог написать свою фамилию неуклюжими, но вполне отчетливыми буквами. Затем, бросив ему краткое «спасибо Молиз», я расплатился с ним.

Индейцы вышли за порог хижины. Еще не стемнело. Молиз задержался у входа. Он нахмурил брови, как бы стараясь найти подходящие слова. Затем напряжение исчезло с его лица, и он улыбнулся до ушей: «Черт бери, твой чертов хороший белый люди». Так он распрощался со мной. В устах индейца это был настоящий комплимент.

Глава XV

Однажды к нам пришел гость, который не стучался в дверь, а вместо этого неслышно подошел к окну и остановился там, глядя на нас тайком. Мы не слышали его приближения по слегка подмерзшему снегу, несмотря на то что он весил около полутора тысяч фунтов. И при ночном освещении его лицо можно было принять за морду лошади, или быка, или верблюда, или любого похожего на них зверя.

В течение января и февраля почти не было вечера, чтобы окна хижины не покрывал сплошной иней. Если подышать на такое оконное стекло, оно слегка увлажняется и тут же опять замерзает. Но в понедельник вечером слой инея на окнах был толще обычного примерно на восьмую долю дюйма. При надобности или желании можно было написать фамилию на оконном стекле, нарисовать занятную картинку или карту мира. Ибо понедельник был днем стирки, и клубы пара поднимались из деревянной лоханки, в которой Лилиан стирала скопившееся за неделю белье. Как только пар касался окон, он превращался в лед.

По мнению Лилиан, таскать сучья для плотины было гораздо легче, чем тереть простыни, рубашки и прочее белье о гофрированное железо стиральной доски, склонившись над большой деревянной лоханкой.

— У меня болит спина, — пожаловалась она.

— В каталоге заказов есть стиральная машина, приводимая в движение мотором на бензине, — начал я неопределенно. — Когда-нибудь после удачной продажи пушнины я куплю тебе такую машину. И тогда у тебя не будет болеть спина по понедельникам. Все за тебя будет делать машина.

— Стиральная машина! — Лилиан презрительно фыркнула.

Она уже в течение часа чинила носки и, судя по количеству дырок на них, еще долго собиралась заниматься этим делом. Канадские снегоступы, так же как и обычные лыжи, быстро рвали носки: крепление мигом протирало пятки.

— Нужно купить еще многое, прежде чем дело дойдет до

стиральной машины. И кроме того,— продолжала Лилиан,— я не сумела бы обращаться с ней.

— Ты могла бы научиться.

Она поднесла иголку к свету, продела в ее ушко еще одну шерстяную нитку и возразила:

— Мне кажется, я предпочту иметь дело с моей стиральной доской. Она не дает мне толстеть.

Был вечер понедельника. На этот раз слой инея на окнах был еще толще, чем обычно в дни стирки. Январская луна светила вовсю, небо было усеяно звездами. Мне не нужно было смотреть на термометр, чтобы узнать, показывает он 45 или 40° ниже нуля. Достаточно было выйти из хижины и глубоко вдохнуть. Если было 45° мороза или еще холодней, каждый вдох вызывал приступ кашля. В холодную зиму 1934/35 года мои легкие пострадали от мороза. У меня не было ничего серьезного, но все же я начинал кашлять, вдохнув морозный воздух при температуре ниже 45°. И в тот вечер, когда я ходил в сарай за сеном для лошадей, я кашлял не переставая, пока не вернулся в хижину.

Я сидел за столом и писал дневник при свете керосиновой лампы. Лампа была как лампа, но света от нее было маловато, и, водя пером по бумаге, я думал о том, что неплохо было бы иметь электрическую лампочку над головой вместо керосиновой лампы на столе.

Стол находился у окна, и на нем кроме бумаги и лампы стоял горшок с комнатным растением. Лилиан не переставала надеяться, что когда-нибудь оно расцветет у нас зимой. Она без конца возилась с комнатными растениями, и я говорил ей, что, если у нее хватит терпения, она дождется того, что одно из них зацветет в то время года, когда порядочным растениям вовсе не полагается цвести. Но это была неосуществимая надежда. Как только появлялись признаки близкого цветения, какая-нибудь холодная ночь обязательно губила нераскрывшийся цветок. Но Лилиан не сдавалась.

Визи стоял голышом в лоханке с водой (он обычно купался в понедельник вечером). Я отодвинул горшок с растением, чтобы освободить себе больше места. Затем окунул перо в чернильницу и уже собирался начать следующий абзац, когда что-то заставило меня взглянуть на окно. Я остолбенел и уронил ручку. Там, на расстоянии одного-двух дюймов от горшка с цветком, на стекле таял иней. Этого никогда не случалось, тем более в понедельник. Я наклонился вперед, с трудом переводя дыхание. Да, я не ошибся, иней действительно таял, а на одном стекле он совсем исчез. Огромный нескладный нос плотно прижался к окну, и толстый

розовый язык дотронулся до стекла и исчез. Секунду или две я смотрел на этот нос, а затем откинулся на спинку стула.

— Если он разобьет стекло, это произойдет из-за твоего горшка с цветком,— прорычал я.

Лилиан отложила иголку. Визи с шумом уронил в воду мыло. Они оба посмотрели на окно, и Визи возвестил: «Это лось».

— Его дыхание растопило иней,— сказала Лилиан.

— Лучше убери горшок,— предложил я,— или этот паршивый лось наверняка разобьет стекло, схватит в зубы цветок и унесет его в лес вместе с горшком.

— Я не позволю ему,— отпарировала Лилиан.— Я не уступлю никому лосю мой цветок.

— Откуда приходят лоси? — поинтересовался Визи.

Тут я убрал горшок с окна, чтобы не соблазнять зверя, скрутил себе сигарку, откинулся на спинку стула и стал рассказывать ему, как лоси впервые появились в Чилкотине.

В конце лета 1916 года один индеец из резервации Риск-Крик охотился на чернохвостого оленя за несколько миль к северу от своего поселка. Внезапно он заметил какого-то невиданного зверя. Его огромное туловище было покрыто блестящей, почти черной, шерстью, его задние лапы были как бы в сероватых носках. В своей передней части животное было выше, чем верховые пони индейцев. Было похоже, что оно весит не меньше лошади. Но особенно поразили индейца массивные рога и причудливая форма головы зверя, и он даже громко икнул от возбуждения.

Инстинкт охотника подсказал индейцу, что мясо зверя должно быть съедобным. Он заложил патроны в свой карабин и, не медля ни минуты, спустил курок. На четвертом выстреле животное медленно свернуло в сторону, на пятом — упало замертво на лесную траву.

Индеец отрезал охотничьим ножом губы и язык у своей добычи, привязал их за седло и проскакал галопом весь путь до резервации. Там он в сильном возбуждении сообщил на своем гортанном наречии членам племени о том, что произошло. И они, затаив дыхание и выпучив глаза, с удивлением смотрели на язык и губы невиданных размеров и необычайной тяжести.

Затем около дюжины индейцев бросили на лошадей верховые и вьючные седла и поскакали к тому месту, где был убит удивительный зверь. Они погрузили мясо, шкуру, голову и внутренности — излюбленную пищу чилкотинских индейцев — на вьючных лошадей и торжественно отправились со своими трофеями назад в резервацию.

Когда вдали показалась кавалькада всадников, все жители поселка, от стариков до малышей, высыпали из деревянных хи-

жин. Индейцы сновали вокруг вьючных лошадей, отталкивая друг друга, чтобы первыми развязать веревки и снять с лошадей окровавленное мясо. Оттачивая охотничьи ножи о подошвы своих мокасин, они затем кромсали на куски мясо зверя и ели его сырым, недоуменно глядя друг на друга. Никогда никто из них не видел такого огромного оленя.

И тут сморщенная и слепая на один глаз старуха хлопнула в ладоши и закричала: «Спросите старого Тенассти! Пусть он пощупает рога зверя и понюхает шкуру. Быть может, он скажет, что это за олень и откуда он появился в наших лесах».

Итак, они принесли шкуру и рога ко входу в хижину старого Тенассти, ослепшего за пятнадцать лет до того. Он сидел и выдираал волосы с подбородка при помощи самодельного пинцета. Индейцы положили свою ношу к ногам старика и отступили, ожидая его суждения в глубоком, почтительном молчании. Сначала старый охотник ощупал своими костлявыми пальцами каждый зубчик на рогах. Затем приподнял часть шкуры и понюхал ее, выщипав из нее немного меха. После этого старик целых пять минут задумчиво смотрел в пространство, бормоча что-то про себя. Наконец он заговорил вслух.

— Большой олень, какой белый люди вапити называй, моя много убей давно, давно, когда белый люди в наш земля ходи нету. Этот мясо,— он постучал пальцем по рогам,— другой мясо.

Тут старый охотник помолчал несколько секунд, как если бы после этой короткой речи у него не осталось ни сил, ни желания продолжать разговор. Однако он собрался с духом и продолжал:

— Очень многа олень ходи в наш земля, белый люди называй такой олень самец-олень. Когда мой глаза смотри, моя больше такой олень убей, чем лист на дерево весной есть.

Он снова помолчал, неуверенно ощупывая шкуру, затем усталым голосом, недоуменно покачивая головой, он сообщил своим почтительным слушателям:

— Этот очень большой олень. Такой олень моя никогда не видал.

И если старый Тенассти, доживший до ста шести лет и знавший времена, когда индейцы одевались только в звериные шкуры и когда белый человек был такой же редкостью в Чилкотине, как и белый дикобраз,— если он не знал, что это за олень, кто же еще из охотников или звероловов мог это знать?

В конце концов не кто иной, как Бечер — англичанин с торгового пункта, решил эту загадку. На рубеже прошлого и этого веков Бечер был агентом компании Гудзонова залива, торгующей с мирными индейцами в северо-восточной Британской Колумбии. В то время американские лоси стали появляться в север-

ных районах этой провинции, и Бечер начал вести торговлю пушниной с индейцами, приносившими ему мясо и шкуры этих лосей. Итак, когда индейцы из резервации Риск-Крик принесли в лавку рога и шкуру невиданного зверя, чтобы узнать, можно ли их продать, Бечер дал им на один доллар чая за шкуру и на шестьдесят центов жевательного табака за рога и в придачу открыл им подлинное название этого представителя животного мира.

Прошло почти четыре года, прежде чем в Чилкотине был убит еще один американский лось. И когда я появился в этих краях, мало кто из индейцев, не говоря уже о белых, видел следы этого зверя, а тем более его самого.

Осенью 1925 года, охотясь у истоков ручья Риск, я чуть не столкнулся лоб в лоб с абсолютно неизвестным мне зверем. И мне также подсказал инстинкт, что мясо его должно быть съедобным и что лишь двадцать пять шагов отделяет дуло моей испытанной винтовки от шеи зверя, обреченного стать ее жертвой. Я вскинул винтовку, прицелился в шею животного и, надеясь на удачу, спустил курок. Каковы же были мое удивление и торжество, когда зверь сразу замертво упал на землю.

Когда мы обосновались у истоков ручья Мелдрам, там уже не было недостатка в лосях, и в любое время года требовалось лишь несколько часов охоты, для того чтобы застрелить самца. Каждое болото и каждый луг были испещрены их глубокими следами, и каждый клочок солонцеватой почвы в лесу был взрыт и превращен в грязь бесчисленными лосями, приходившими туда полизать соленую землю.

Весной, летом и осенью лоси паслись в более высоких местах, и все они зимой спускались в долину и ошипывали там осины и ивы. В это время года неподалеку от хижины каждое утро и по вечерам всегда паслось по крайней мере шесть или восемь лосей. Они затевали драки, выгоняя друг друга из зарослей ивняка, где ошипывали деревья. И чем больше лосей приходило в нашу долину, тем больше они досаждали нам.

При нашем первом знакомстве с лосями они отнеслись к нам несколько недоверчиво. И для этого было достаточно оснований. С момента возникновения торговли пушниной дикие звери Северной Америки вели безнадежную борьбу с человеком. Люди не только вторгались в нетронутую глушь и гнали оттуда ее обитателей — они губили все необходимое для существования и размножения диких зверей, птиц и рыб.

Однако более близкое знакомство на мирных началах нередко вызывает пренебрежительное отношение. Когда наши зимние гости поняли, что им нечего бояться, они стали так же спокойно относиться к нашему присутствию, как и лошади. И когда мне

случалось встретиться с лосем на утрамбованной дорожке, ведущей от хижины к сараю, он нередко упрямо останавливался, вызываясь глядя на меня, и я был вынужден свернуть с пути и пробираться к сараю по нетронутому снегу. Было легче и безопасней обойти лося, чем пытаться заставить его уступить дорогу.

Мысль о том, чтобы кормить лосей сеном, принадлежала Лилиан. Ее изобретательная головка всегда была полна новых идей.

— Если бы,— начала она как-то за завтраком безмятежно-спокойным тоном,— мы могли время от времени немного подкормить лосей сеном, то, наверное...

— Сеном?! — взорвался я. — Кормить лосей сеном!

— А почему бы и нет? Мы ведь вешаем птичкам ломтики сала. — У нее выходило, что кормить лосей было не труднее, чем кормить синиц.

Как раз в тот момент мой взгляд упал на лосиху с невероятно тощей шеей. Ребра, выпиравшие у нее под кожей, были похожи на зубцы вилки. За ней по пятам шел еще более тощий лосенок.

— Эта пожилая леди, пожалуй, не отказалась бы от охапки съестного,— задумчиво сказал я. — Но где взять сена? Нам едва удается вырастить достаточно травы для лошадей, не говоря уже о лосях.

Но у Лилиан уже все было обдумано.

— Нам придется расчистить еще немного почвы. И на этот раз мы посеем люцерну вместо тимopheевки или клевера. Мне кажется, что лосям должна понравиться люцерна.

— Люцерна! — пробормотал я себе под нос.

Как будто у нас мало было работы по размножению диких зверей в этих местах! И с таким невозмутимым видом Лилиан предлагала нам взвалить на свои плечи еще заботу о зимнем корме для целого стада лосей!

Конечно, Лилиан настояла на своем. Если уж она принимала какое-либо решение, то немедленно претворяла его в жизнь. Мы очистили от растительности еще один акр земли, вытащили корни и засеяли освободившийся участок люцерной. Как только семена проросли, эта добавочная часть отвоеванной у дикой чащи культивированной почвы дала урожай в три тонны сена на один акр земли.

И лоси пристрастились к сену, как свиньи к хлебному месиву. С тех пор мы кормили у хижины десятки лосей. Лосенок, который пасся там всю зиму со своей матерью, неизбежно приходил туда на следующий год уже годовалым зверем, если за истекший срок он не попадал в зубы хищнику, не погибал от болезни или

от какой-либо другой беды. А еще через год он нередко появлялся снова уже со своим детенышем. Немало зимних снегов выпало и стояло с тех пор, как Лилиан впервые пришло в голову кормить лосей. И за это время мы были много раз свидетелями рождения и смерти лосей, приходивших к нам в декабре или январе поживиться охапкой сена.

Когда есть возможность приблизиться к дикому зверю на расстояние протянутой руки, возникает абсолютная необходимость зафиксировать это на фотографии. Среди бумажек, беспорядочно валявшихся в моем письменном столе, можно разыскать сотни снимков лосей, посетивших нас за многие годы. Там — фотографии самцов с массивными рогами и самцов, сбросивших рога, самок с детенышами и самок без детенышей. И где-то среди массы этих снимков есть фотография самого большого лося, какого я когда-либо видел. И это отнюдь не привлекательный снимок. Уши лося прижаты к голове так, что концы их касаются затылка. В глазах у него дикая ненависть и ярость. Он несется вперед по нетронутому снегу трехфутовой глубины. Цель его нападения и объект его ярости — Лилиан. Она стоит в беспомощной позе на снегоступах всего в нескольких футах от зверя.

Глава XVI

Еще один фут — и лось растоптал бы Лилиан. И первопричиной всего был я. Это началось с того, что я охотился на чернохвостого оленя среди сосен и пихт, росших почти у стен нашей избушки. Ноябрьская луна шла на убыль. Кусты свидины³⁵ и голубики были покрыты трехдюймовым слоем снега. Дул слабый северный ветер. В бодрящем морозном воздухе чувствовалась близость сильного снегопада.

Пора было позаботиться о запасах мяса для предстоящих голодных месяцев. Я нашел своего оленя-самца с тремя отростками на рогах на краю расщелины. Он лежал и уныло смотрел на заходящее осеннее солнце, как это всегда свойственно оленям в конце ноября. Я застрелил его в этой позе, оттащил от расщелины, выпотрошил и положил под елью брюхом вверх, чтобы туша остыла. Я собирался на следующее утро вернуться туда с вьючной лошастью и увезти свою добычу домой.

Я стоял у дымящейся туши ярдах в тридцати от края оврага. Я не видел и не слышал признаков жизни внизу, но внезапно интуитивно почувствовал, что в глубине оврага шевелится что-то живое. Почему мне это показалось, не знаю. Это было, как в тот, другой раз, когда мы с Лилиан ставили палатку для но-

чевки в лесу. Мы облюбовали две крепкие зеленые сосны и совсем было приготовились натянуть палатку, как вдруг какой-то тоненький внутренний голос зашептал: «Не смей!» Да, да, именно так: мы собираемся установить палатку, а голос твердит: «Не смей! Только не здесь!» Ну, мы свернулись, ушли на четверть мили дальше, нашли подходящее место и там раскинули палатку. Около полуночи ветер зашумел в верхушках деревьев, а через несколько секунд в лесу разбушевался небольшой ураган. За ночь около нашей палатки упало несколько деревьев. Как только рассвело, я пошел посмотреть на первое место, выбранный нами накануне. Одно дерево, к которому мы собирались прикрепить верхушку палатки, повалилось. Если бы мы там ночевали, нас троих раздавило бы, как кузнечиков колесом телеги. Так и теперь, я стоял, не двигаясь, рядом с тушей оленя, а тот же внутренний голос предупреждал: «Следи за оврагом, следи за оврагом!» Я заслал патрон в ствол винтовки, сел на корточки, глядя во все глаза и слушая во все уши.

Взрослый лось-самец весит больше полутонны, и у многих размах рогов достигает шестидесяти дюймов и даже больше. Кажется невероятным, что такое огромное животное может передвигаться между деревьями в лесу так же бесшумно, как рысь на охоте. Но это так. В густом лесу обычно сначала видишь, а потом слышишь. Так было и сейчас. Сперва из оврага появились рога. На глаз их размах был порядка сорока пяти дюймов. Затем появился карикатурный римский нос, потом — голова и шея. Через несколько секунд рога, голова и все четыре ноги выбрались из оврага. Мне часто приходилось видеть лосей с большими рогами, но быка с таким телосложением я видел впервые.

Задрав голову, широко раздув ноздри, бык на негнущихся ногах двинулся в мою сторону. Это было странно, потому что он, безусловно, увидел меня, сидящего на корточках у туши оленя. По всем правилам он должен был резко повернуться и уйти в овраг быстрее, чем вылез из него. Но не тут-то было! Лось остановился всего в двадцати ярдах и уставился на меня. По всему было видно, что он меня боялся. Больше того, в выражении его глаз можно было увидеть безумие. Я держал палец на курке, следя за лосем с опаской и любопытством. В одном я был уверен: я его раньше никогда не видел. Мне показалось, что он чужак, пробирающийся по незнакомой ему земле. Он наверняка ни разу не пробовал нашей люцерны.

Когда у лося, быка или коровы, есть желание подраться, а это бывает довольно часто, у них появляется не совсем приятное выражение морды. Уши прижимаются к шее, шерсть на загривке встает дыбом, и показываются белки глаз. Обычно перед броском

вперед лоси издают короткое мычание. Двигаются они чрезвычайно быстро.

Те, кто из года в год имеет дело с лосями, рано или поздно сталкиваются со строптивым хулиганом их породы. Я в свое время также встречался с подобными вояками, но мне никогда не приходилось пользоваться винтовкой для самозащиты. Дома, двигаясь среди них у кормушки с сеном, я частенько стучал заупрямившегося быка или корову вилами по носу, чтобы научить их хорошим манерам, но более суровых мер мне применять не приходилось и большего вреда я им не делал, как, впрочем, и они не делали мне.

Однако в поведении быка, стоявшего передо мной, было нечто необычное, и это заставляло думать, что удар вилами по носу его не успокоит, если он вздумает атаковать.

Вспоминая все, что произошло тогда, я прихожу к выводу, что я испугался, едва только он появился, испугался, как никогда раньше. Видимо, поэтому я медленно поднял винтовку к плечу и нацелился в его широкую массивную голову. Может быть, мне следовало бы спустить курок и покончить с ним сразу. Если бы я сделал это тогда, Лилиан не пришлось бы пережить всего того, что случилось потом.

Оглядываясь назад, я понимаю, что был бы вынужден стрелять, если бы в это дело не впутался годовалый лосенок. Бык всем своим видом говорил: либо я тебя, либо ты меня! Но лосенок временно оттянул развязку, хотя ему пришлось здорово заплатить за свое произвольное вмешательство.

Я узнал о том, что на сцене появился третий участник, потому что бык вдруг перестал смотреть на меня и удивленно и сердито уставился в лес. Я опустил винтовку и стал смотреть туда же. Вначале, кроме деревьев, я ничего не замечал, но затем увидел годовалого бычка, медленно пробиравшегося к оврагу. Он шел вполне мирно, то нагибаясь, чтобы сорвать побег вербы, то обтирая свои крохотные рожки о молодую елку. Занятый едой, он не спеша шел в нашу сторону и, видимо, не замечал быка, пока не приблизился к нему на тридцать ярдов. Почему-то мне хотелось крикнуть ему: «Убирайся отсюда скорее, дурачок, пока цел!» Однако такое предупреждение было бы бесполезным, и я промолчал, стоя в напряженном ожидании с винтовкой наготове.

Лосенок олицетворял добродушие. Было ясно, что ему хотелось подойти к быку и пожелать ему доброго дня. Он сделал еще несколько шагов. Лось замычал. В этом звуке для понимающего лосиный язык были ноты предупреждения. Опять интуиция мне подсказывала, что надо стрелять, но я медлил. Прежде чем я

решился, старый самец ринулся вперед, но не на меня, а на несчастного лосенка. Вопреки распространенному мнению лосы-быки больше всего дерутся не рогами, а передними копытами. Правда, в разгар гона они широко пользуются и рогами, иногда даже наносят ими смертельные раны, но в другое время чаще всего убийственные удары наносятся передними ногами. Несчастный лосенок был в значительно худшем положении, чем затерявшийся в лесу ребенок. Когда он понял угрожающую ему опасность, бык почти настиг его... и тут этот лосенок сделал то, чего я никогда раньше не видел, — он круто повернулся и стал удирать галопом. Обычно лоси, когда им нужно убежать, передвигаются быстрой рысью, при этом их движения грациозны и легки. Но лось, бегущий галопом, так же грациозен, как человек со связанными ногами, бегущий в мешке. Первый удар быка был настолько молниеносным, что я даже не заметил его — только услышал. Удар был такой сильный, что его можно было услышать на противоположном конце оврага. Затем еще раз! Теперь я и увидел, и услышал удар. Я закричал от накипевшей во мне злости. Правая нога лося была занесена для третьего удара, но, услышав мой громкий крик, он неуклюже опустил ее. Лосенок воспользовался предоставленной ему возможностью, поднялся со снега и поковылял прочь: я полагаю, что у него было вывихнуто бедро. Прочь в овраг, где он был в безопасности. Старый самец несколько мгновений продолжал сердито меня разглядывать, потом продул ноздри, почесал правое ухо копытом задней ноги, встряхнулся и медленно ушел.

«Эх ты, старый бандит!» — крикнул я ему вслед. Очень уж мне хотелось высказать ему свое мнение.

А имя, которое я дал ему, — Старый Бандит — подходило как нельзя лучше, и справедливость этой клички он впоследствии успешно доказал.

Прошло почти шесть недель, прежде чем я снова увидел лося. За это время выпало много снега, и все большее число лосей было вынуждено спускаться с вершин вниз, чтобы питаться зарослями ивняка у берегов горного потока.

Вскоре после Нового года я ставил капканы на норок у замерзшего водостока запруды, построенной бобрами. Я замер на месте, стоя на одном колене и пристально глядя в кусты. Сначала показались смутные очертания лося, постепенно они становились все четче, и наконец животное выплыло из кустов и остановилось у кромки льда, ярдах в сорока от меня. Я хотел было снова заняться ловушкой, но лось медленно повернул голову и стал рассматривать брововую запруду. Тут я узнал его, это был Старый Бандит, хотя его внешность изменилась с тех пор, как

он покалечил молодого лосенка у оврага. Он сбросил рога, и это изменило его облик.

Я знал, что он не мог почуять меня, потому что ветер дул вверх по реке, а он стоял ниже. Зрение у лосей на ярком свете не очень хорошее, я не думаю, что он смог бы разглядеть меня, если я не двигался. Ходить по бобровой дамбе, покрытой мокрым снегом, очень рискованно, а мои снегоступы были на другом конце запруды, примерно в трехстах футах от меня.

Когда я узнал лося, то стал ругать себя за беспечность, так как винтовка лежала вместе с лыжами. Я искал способ пробраться туда, не привлекая к себе внимания лося, но убедился, что это невозможно. Без винтовки я пропал, если Старый Бандит обнаружит меня и проявит такую же драчливость, как и при первом знакомстве. Кое-как я подавил в себе желание броситься за винтовкой и вместо этого спрятался за дамбой, стремясь стать поменьше ростом и незаметнее. Прошло почти пятнадцать минут, в течение которых я постепенно превращался в глыбу льда. Лось понюхал лед, отрыгнул, поплелся вдоль запруды и исчез в ивняке.

С этого момента бык стал постоянной угрозой для мира на озере Мелдрам. Попробовав разок сена, которое мы скармливали другим его сородичам, он все время держался поблизости от кормушек и прибегал быстрой рысью, как только его чуткое ухо улавливало шуршание сена, навиваемого на вилы. Когда Старый Бандит был возле кормушки, ни один другой лось не смел приблизиться к ней. Он был наделен такой силой и пользовался ею столь жестоко, что мог дать любому лосю двадцать пять ярдов фору, догнать его через пятьдесят ярдов и начать избивать копытами. Поэтому в ту зиму в районе озера Мелдрам было немало раненых лосей.

Если я подходил к лосю слишком близко, он прижимал уши к голове, и в тех случаях, когда он оказывался между мной и домом, мне приходилось спасаться от него верхом на лошади. Как ни странно, Старый Бандит, относившийся к людям и лосям с высокомерным пренебрежением, становился бесхребетным трусом, как только на него надвигалась лошадь.

— Лошадь,— сказал я как-то Лилиан,— слабое место этого лося.

— Я рада, что такое место у него нашлось!— ответила она сердито. Она не любила Старого Бандита за то, что он издевался над другими лосями.

Чем чаще я видел лося, тем сильнее становилось желание сфотографировать его вблизи, как других лосей. И чем дольше я откладывал это дело, тем сильнее росло желание. Однако удов-

летворить его было довольно сложно и хитро. Для этого нужно было орудовать фотоаппаратом, одновременно держа наготове винтовку. Снимать Старого Бандита, не имея ружья для страховки, было бы непростительной глупостью. Как бы быстро я ни действовал, чтобы опустить фотоаппарат, вскинуть винтовку, спустить предохранитель и прицелиться, мне потребовалось бы несколько секунд. А за несколько секунд этот бык, жаждущий крови, мог пробежать весьма солидное расстояние. Я не сомневался, что, если Старый Бандит бросится на меня, остановить его смогут только порох и свинец.

Вопрос о снимке несколько дней висел в воздухе. Но вот однажды днем я увидел его на краю небольшой поляны, жующим жвачку, и решил, что так или иначе надо с этим делом покончить раз и навсегда, чтобы оно меня больше не беспокоило. Я считал, что смогу решить эту задачу с помощью Лилиан.

Придя домой, я как бы невзначай заметил:

— Пожалуй, мы сегодня сумеем сфотографировать Старого Бандита.

Конечно, Лилиан прекрасно представляла себе, что я имел в виду. Это означало, что надо будет подойти к быку на расстоянии десяти — пятнадцати футов.

— Мы? — переспросила она, сморщив нос.

— Ну да, если ты согласишься, — несколько неуверенно продолжал я. — Пока ты снимаешь, я бы прикрывал тебя винтовкой.

Вероятно, я надеялся, что она скажет: «Я не подойду к этому зверю даже на сорок ярдов», и тогда я бы отказался от этой затеи. Однако она стала надевать калоши с таким видом, как будто сфотографировать Старого Бандита для нее ничего не стоило.

Пока она натягивала на себя несколько свитеров и влезала в брюки из толстой шерстяной ткани (на улице было около 35° мороза), я принес из сарая ее снегоступы и кожаные крепления. Затем я проверил фотоаппарат: в нем оказалось четыре неотснятых кадра. Нам было достаточно и одного. Потом я снял с гвоздя винтовку, висевшую на стене, и погладил ее, медленно проводя рукой по выщербленному прикладу. Старая винтовка была моим верным помощником с 1923 года: она снабжала нас мясом, ею я пристрелил столько койотов и волков, что и не сосчитать, она уложила достаточное количество медведей, летом ее обильно поливали дожди, зимой она повидала немало снега и перенесла жестокие морозы. Старая винтовка разделяла с нами все тяготы дикой жизни. Пожалуй, она была даже членом семьи.

— Готова? — спросил я и мимоходом заметил, что в своих многочисленных свитерах она похожа на маленькую эскимоску.

На этот комплимент она не ответила. Лилиан горела желанием скорее покончить с этим делом. Я задумчиво разглядывал патроны на ладони и надеялся, что мне не придется их тратить. Затем я вложил их в патронник винтовки и надел снегоштыпы.

Утоптанная охотничья тропа привела нас к месту в ста ярдах от поляны. Бык стоял все там же, в пятнадцати ярдах от перелеска. Он лениво повернулся в нашу сторону и безразлично разглядывал нас. Идти через поляну по нетронутому снегу было трудно. Каждый раз, как мы делали шаг, к лыжам прилипало полтора килограмма снега.

— Ну как, справишься? — спросил я, немного волнуясь.

— Все в порядке, — ответила Лилиан спокойно.

Я шел впереди и прокладывал путь. Так с большой осторожностью мы приблизились к быку на тридцать ярдов. Он нам показался громадным, как гора. Теперь он нас рассматривал с нахальным вниманием. Я остановился, заслал патрон в казенную часть винтовки и снял с правой руки рукавицу из лосевой шкуры. Мой палец отделяла от курка лишь тонкая шерстяная перчатка. Я задумчиво посмотрел на лося. Пока он стоит с поднятыми ушами и шерсть на загривке опущена, его можно не очень опасаться. Мы были от него в двадцати ярдах, а он продолжал стоять спокойно. Я подумал: «Может быть, все обойдется не так уж плохо».

Тут мы достигли места, где Лилиан должна была выйти вперед, чтобы между фотоаппаратом и быком никого не было. Я посторонился и дал ей пройти.

Мы снова стали медленно продвигаться вперед. Теперь до быка оставалось пятнадцать ярдов. Я остановился и тихо спросил:

— Что видно в видоискателе?

— Я могу сделать один снимок сейчас, — ответила Лилиан спокойно, — но лучше было бы подождать еще ярдов на пять.

Еще пять ярдов! Тогда она будет всего в десяти ярдах от быка, который так же опасен, как ящик динамита. Почти не сознавая, что я делаю, я снял предохранитель, рисковать было ни к чему.

— Отстегни ремни, — приказал я. С отстегнутыми ремнями она могла двигаться вперед, а в случае опасности сбросить лыжи и быстро отскочить в сторону. Лилиан отстегнула ремни и оглянулась, как бы спрашивая: «Ну что еще?»

Я продолжал пристально следить за быком. Теперь он разглядывал нас, казалось, с дружелюбным любопытством. Может быть, все обойдется не так уж скверно.

— О'кей! — сказал я. — Еще пять ярдов, но ни дюйма дальше.

Однако пройти еще пять ярдов не удалось. Едва я произнес эти слова, как вдруг старый бык замычал, прижал уши к шее, поднял шерсть на загривке и закатил глаза, так что стали видны налитые кровью белки.

Сердце у меня неистово забилося, легким не хватило воздуха.

— Давай снимай! — крикнул я.

В этот момент лось бросился на нас. Лилиан крикнула:

— Стреляй, ради бога, стреляй!

За то короткое мгновение, что потребовалось мне, чтобы вскинуть ружье и прицелиться, лось почти настиг ее. Слава богу, сердце успокоилось, и дыхание наладилось. Теперь было не время паниковать. Надо было действовать хладнокровно. Надо бить лося наповал, подсказывал мне разум, только в мозг! Никакой другой выстрел не остановит его, и тогда передние копыта начнут молотить Лилиан, превращая ее в месиво. Только наповал — другого выхода нет.

Я мог бы подумать о многом в эти две-три секунды испытания. Я мог бы себя ругать (позже я так и делал) за то, что подверг Лилиан такой опасности. Я мог бы думать о том, что до врача надо ехать сто пятьдесят миль на собаках, о том, насколько мы одиноки и отдалены от других людей. Но я думал только об одном: нужно бить наповал. Я сознательно медлил с выстрелом, зная, что на второй выстрел мне уже не хватит времени. Я едва сдерживался, чтобы не нажать на спусковой крючок, пока расстояние между лосем и Лилиан не сократилось до трех ярдов, тогда я прицелился ему между глаз и выстрелил.

— Наповал, — повторял я про себя. — Только наповал!

Слава богу, пуля попала лосю в мозг, и он замертво рухнул в снег.

Медленно, нехотя я поднял голову и посмотрел в глаза Лилиан.

— Прости меня, — пробормотал я, подыскивая подходящие слова. Потом я замолчал, не в силах больше говорить.

Лилиан все еще была скована страхом. Это было заметно по напряженному выражению ее лица, бледным щекам и расширенным зрачкам. Ей незачем было стыдиться своего страха. Одного взгляда на Старого Бандита, жующего жвачку, достаточно, чтобы волосы встали дыбом, а увидеть его разъяренным всего в трех — пяти ярдах от себя — все равно, что побывать в аду.

Я смотрел на вздрагивавшего в предсмертных судорогах лося и вспоминал овраг, годовалого лосенка и других лосей, над которыми он нещадно издевался. Затем я подумал, что теперь Лилиан и Визи смогут осматривать капканы и силки, не боясь

встречи со Старым Бандитом. «Да! — подумал я. — Все это к лучшему!»

Прошли недели, прежде чем мы смогли вновь заговорить о лосе.

Мы отправили отснятую пленку, чтобы ее проявили и отпечатали, и она вернулась к нам только через два месяца. Мне и в голову не приходило, что Лилиан могла снять быка во время нападения, но когда я просмотрел отпечатки, я увидел, что она таки сняла его. Вот он на снимке: уши прижаты, шерсть на загривке дыбом, копыта топчут снег. И хотя этот снимок был мне ненавистен, я знал, что никогда с ним не расстанусь. Я передал снимок Лилиан.

— Посмотри! — сказал я тихо.

Она взяла фотографию и едва взглянула на нее. В ее глазах снова появился страх.

— Не хочу смотреть, — сказала она и разжала пальцы. Снимок упал на пол, и тогда, в тот самый момент, ее страх перед лосем исчез навсегда.

Глава XVII

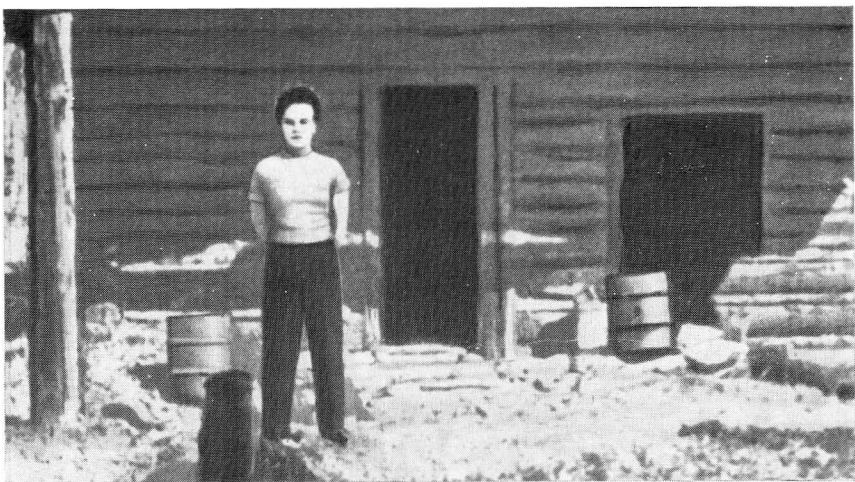
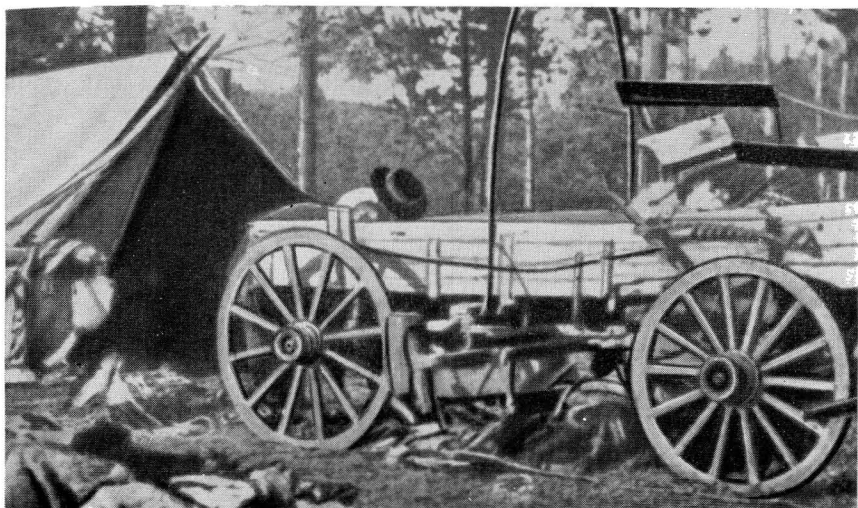
Человек, живущий в тайге, лучше чувствует постоянное присутствие опасности, чем люди, живущие среди людей, где они постоянно ощущают локоть своего соседа. В тайге смерть караулит человека в качающейся верхушке каждого дерева. Кто знает, когда дерево упадет на землю, убивая все, что попадает под него? Смерть караулит человека и на озерах, покрытых снегом, и на замерзших реках и речушках: там могут попасться полыньи, готовые поглотить любого, кто в них провалится. Смерть летит с арктическим ветром, ожидая и выискивая жертву: жестокий ветер притупляет силу воли и энергию человека, вызывая в нем почти непреодолимое желание сесть и на секунду отдохнуть. А если человек поддастся соблазну и присядет? Может случиться, что, заснув на несколько минут, он заснет вечным сном...

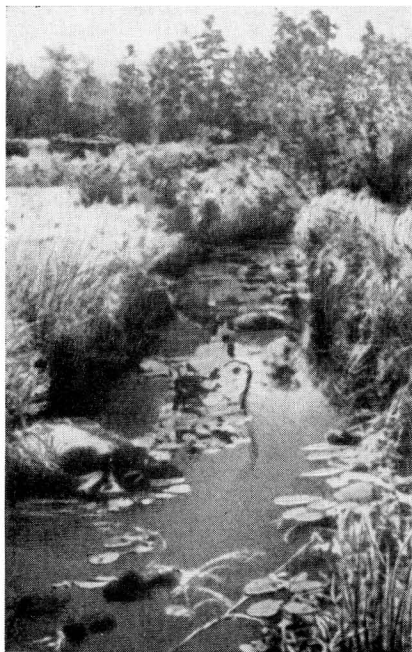
Лилиан на мгновение взглянула смерти в лицо, когда на нее нападал лось. И по крайней мере еще раз смерть была всего в нескольких шагах от Лилиан, но прошла мимо.

В тот день Лилиан и Визи собирали в лесу голубику. Визи, которому было семь лет, шел следом за ней. Кончался август, плети чины и вики порыжели. В лесу чувствовались та тишина и невинное спокойствие, которые свойственны только дремучим лесам. В других местах этого нет.

*Палатка, в которой жили Кольеры
до постройки избушки*

*Лилян у входа в избушку. Когда
делался снимок, изба уже служила
гаражом*

*Ручей Мелдрам в 1931 году, т. е.
до восстановления плотины*

*Тот же участок ручья Мелдрам
после восстановления плотины*

*Визи с зайцами, пойманными
в силки*

Эрик у шкуры волка

*Лось у кормушки около дома
Кольеров*

Лоси в гостях у Кольеров

*Старый Бандит бросился на
Лилиан, которая в этот момент
его фотографирует*

Эрик с убитыми койотами

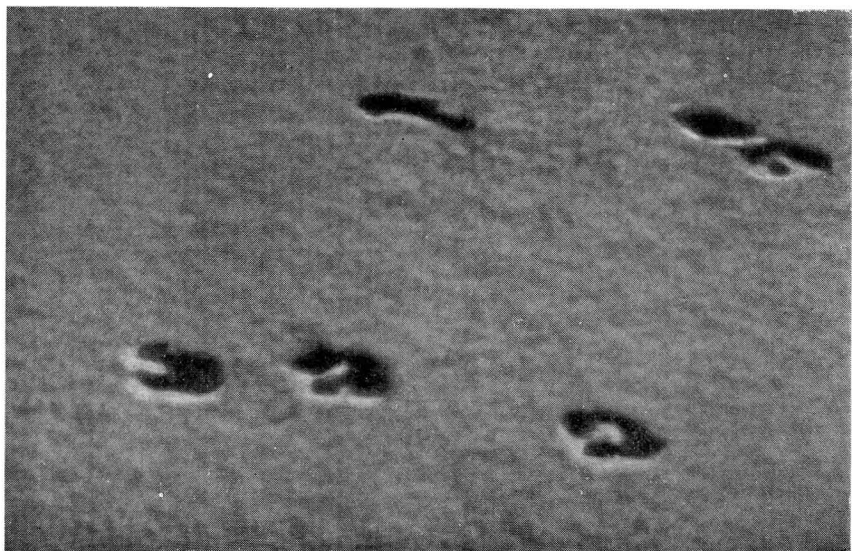
Эрик ставит капканы у хаток ондатры

Визи с койотами

Эрик, Лилиан и Визи у входа в новый дом

Следы волка на снегу

*Мост, построенный Эриком
и Визи*

Часто в ягодный сезон Лилиан ходила одна или с Визи в лес, в сосновую чащу, где ягоды были особенно крупные и сочные. Я тоже ходил с ними, хотя мои пальцы собирали ягоды медленно и неуклюже. В тот день я запряг лошадей в косилку и косил сено. Лилиан и Визи были одни в бескрайнем лесу. Голубика — лесная ягода, и надо сказать, что она не была собственностью одной лишь Лилиан. В лесу жили и другие существа, которые тоже требовали своей доли. Курочка вороньичкового рябчика приводила свой выводок в заросли голубики. Пока пальцы Лилиан перелетали с ветки на ветку, ловко снимая ягоды, озорные красные белки совсем рядом, в нескольких сантиметрах от ее рук, также лакомились голубикой. Когда созревали ягоды, даже койот забывал свое пристрастие к мясу и временно становился вегетарианцем. Были еще и другие, которые заявляли свое право на долю. Огромные, тяжелые, они мяти тонкие ветки голубики и утробным рычанием бросали вызов всем, кто осмеливался оспаривать их права.

В тот день даже в тени сосен было душно и жарко. Накануне прошел дождь, и теперь от мха поднимался пар. Лилиан на коленях переползала от куста к кусту. Она была одета в тонкую ситцевую блузку и в ненавидимые ей брюки.

— В платье нельзя собирать ягоды, — сказала она мне после ленча, надевая брюки и морщась при этом.

Ярдах в десяти от нее Визи без особого старания наполнял ягодами жестяную кружку. Как и я, Визи считал, что собирать ягоды — не мужское дело. Его губы и щеки были разукрашены синим, потому что он, как и я, одну ягоду клал в кружку, а другую отправлял в рот. Наконец наступил момент, когда и кружка, и желудок были полны до отказа, и Визи, удовлетворенно вздохнув, лег на бок и мгновенно заснул.

Солнце медленно двигалось на запад, и так же медленно наполнялась ягодами пятилитровая банка из-под лярда. Стремясь скорее наполнить банку и вернуться домой, чтобы успеть приготовить ужин, Лилиан отошла ярдов на шестьдесят от того места, где спал Визи. Вокруг было совсем тихо, если не считать звука падающих в банку ягод или трескотни белок. Лилиан приготовилась притянуть поближе ветку, густо унизанную ягодами, как вдруг напряглась, почувствовав, что она не одна, что рядом кто-то стоит. Она медленно повернулась и едва сдержала крик. Между ней и Визи стоял огромный взрослый медведь.

Лилиан не была уверена в том, что животное заметило ее или Визи, но медведь тоже почуял присутствие постороннего. Он неуклюже поднялся на задние лапы, качаясь из стороны в сторону, и тогда Лилиан увидела почти голое брюхо и оттянутые

красные соски. Опять она едва удержалась от крика: перед ней стояла медведица, а где-то поблизости находилось ее потомство. Именно в медвежатах крылась опасность. Обычно медведь, почуяв человека, быстро убегает, но медведица от детенышей не уйдет.

Недалеко от мальчика зашевелились кусты. Лилиан повернулась в ту сторону. Вот появилось маленькое тело, черное, круглое, покрытое мехом. Сзади следом появилось второе. Лилиан покачнулась, и сердце ее заколотилось. Медвежата приближались к спящему мальчику, не заметив его. Они легли на спину, как обычно делают все медведи, собирая ягоды, и подтягивали ветки ко рту своими маленькими лапами.

Увидев детенышей, медведица снова опустилась на четвереньки и медленно повернулась в их сторону. Вдруг она зло зарычала, и шерсть на ее загривке встала дыбом. Она почуяла кого-то: мальчика или Лилиан, может быть, обоих.

Лилиан хотелось закричать, разбудить Визи, чтобы защитить его от подступившей к нему смертельной опасности. Но она сдержалась. Если Визи проснется, сядет, начнет протирать глаза и оглядываться, его движения привлекут внимание медведицы, и она набросится на него, защищая жизнь своих детенышей.

Лилиан понимала это и приняла правильное решение: ей нужно было отвлечь внимание медведицы от мальчика. Медленно, но спокойно она поднялась на ноги, силой воли заставляя мускулы и нервы подчиняться ей. Ее движение привлекло внимание медведицы, и она резко повернулась к Лилиан. Медленно, осторожно Лилиан отступала назад, не спуская глаз с медведицы. Теперь зверь стоял на задних лапах, оскалившись, на губах появились желтые пятна пены. Лилиан отходила назад осторожно, едва передвигаясь и пристально глядя на медведицу. Медвежата тоже увидели Лилиан, перевернулись, встали на лапы и тихо заскулили, ища мать. Увидев ее, они с криком радости бросились к ней и прижались к ее бокам. Медведица снова опустилась на четвереньки, шерсть на загривке улеглась, и злобный взгляд исчез. Она встретила детенышей ласковым урчанием и облизала их. Затем, не глядя больше ни на Лилиан, ни на Визи, звери повернулись и ушли прочь в глубину леса.

Несмотря на пережитый ужас этих страшных минут, Лилиан пошла с Визи в голубичник и на следующий день и продолжала ходить туда, пока не законсервировала на зиму сто литровых банок голубики. Только запечатав последнюю банку, Лилиан рассказала мне о встрече с медведями.

— Почему ты мне ничего не сказала?! — возмутился я, выслушав ее.

— А что бы это дало?

— Я пошел бы с тобой в следующий раз и, может быть, пристрелил бы медведя.

— Что, медведицу с малышами? — Лилиан подняла брови. — А что стало бы с медвежатами без матери? Тебе пришлось бы и их пристрелить.

В этом выявилась изумительная черта характера Лилиан, — даже подвергаясь страшной опасности, она не могла допустить, чтобы убили медведицу с детенышами.

— Все равно надо было мне сказать, — возразил я ворчливо.

Визи занимался арифметикой, но, услышав разговор, положил карандаш, отодвинул стул и прислушался к спору.

— Продолжай занятия, Визи! — крикнула ему мать. Затем, тщательно сложив кухонное полотенце, которое, по правде говоря, не нуждалось в этом, она повесила его на вешалку, пригладила волосы и сказала:

— Ты ведь тоже ничего мне не рассказал о Визи и волках, не правда ли?

Визи снова положил карандаш, но теперь Лилиан промолчала.

— Почему ты не сказал мне о волках? — повторила она настойчиво.

— О волках? — обернувшись, я подозрительно посмотрел на Визи. — Это ты рассказал маме о волках?

Визи смотрел мне прямо в глаза.

— Ты же не говорил мне, что не надо.

Я снова посмотрел на Лилиан. Углы ее губ слегка приподнялись в улыбке.

— Ну-ка, объясни, почему ты не рассказал мне о волках?

Теперь она говорила с усмешкой. Я пожал плечами.

— Что толку от того, что я бы тебе рассказал? Каждый раз, когда Визи отправлялся к озеру проверить капканы, ты бы сидела здесь и волновалась, не бегают ли за сыном волки.

Своим ответом Лилиан загнала меня в угол:

— Именно поэтому я тебе ничего не сказала об истории с медведицей. Иначе каждый раз, когда я отправлялась с Визи за голубикой, ты волновался бы, что нас задушит медведь.

Конечно, не следовало отпускать Визи одного на лед осматривать капканы. Это было прошлой зимой, в январе. Тогда мальчику не было семи лет — оставалось шесть месяцев до его дня рождения, — но он уже знал, как ставить капканы. Его рукам не хватало силы, чтобы сжать пружину, но он нашел выход из положения. Он очищал от снега валун или камень, клал на него

капкан, прижимал пружину ногой, а рукой ставил защелку на тарелке с приманкой. Теперь ловушка была заряжена и могла поймать все, что коснется приманки, даже пальцы Визи, если бы он по неосторожности коснулся тарелки. Да, по всей вероятности, такое случалось, и не раз, но он держал это в тайне.

Он все приставал ко мне, чтобы я пустил его ставить капканы. Наконец против своей воли я согласился. Лилиан, однако, сказала:

— Нет, он слишком мал, чтобы ходить на лед в одиночку и возиться с капканами для порока.

«Так ли?» — подумал я, стараясь заглянуть в туманное прошлое своего детства и вспомнить, в каком возрасте я впервые убил дрозда из своего малокалиберного ружья. Вероятно, мне было лет восемь, причем рядом не было никого, кроме, быть может, старшего брата, кто мог бы мне показать, как обращаться с ружьем. А Визи, как только научился передвигаться на лыжах, частенько видел, как мы с Лилиан ставили капканы.

— Не мал ли он? — повторил я. — Ничего страшного, если он поставит несколько капканов вокруг озера, здесь, около дома; это достаточно близко, чтобы мы слышали его крики, если что-нибудь случится. В конце концов ему будет чем заняться после школы и по субботам и воскресеньям. Не спорю, он — маловат, но не настолько, чтобы ему нельзя было поставить один-два капкана. И кто знает, может быть, он поймает хорошую норку.

— Он еще слишком мал, — упрямо твердила Лилиан.

— А я уже ходил на лыжах на большое озеро, — сказал Визи и добавил: — Много раз.

Большим озером он пазывал озеро Мелдрам, находившееся примерно в миле от дома, что, конечно, слишком далеко, чтобы можно было слышать его крик.

Чувствуя, что я колеблюсь, Визи обратился прямо ко мне, хотя и знал, что мать решительно против:

— Неужели я не смогу поставить два-три капкана на ближайшем озере? Я уже здорово могу бегать на лыжах. Быстрее, чем ты ходишь на своих снегоступах.

Это было правдой. Я промолчал. Решать должна Лилиан. Она обдумывала свое решение минут пять, не меньше, потом сказала:

— Он и в самом деле уходит далеко на лыжах. Иногда даже слишком далеко. Вот вчера он пошел вверх по речке и пропадал около часа, а когда я спросила, где это он был, он ответил, что поднимался на гору за домом и дошел до старой берлоги, откуда мы выкурили нашего первого медведя. Это на полпути к вершине, две мили отсюда. — Тихонько вздохнув, она добавила прими-

рительно: — Может быть, даже лучше, если он будет занят на озере капканами. По крайней мере я буду знать, где он.

Я выдал Визи полдюжины капканов и пошел с ним на озеро. Я посмотрел, как он отжимает пружину правой ногой. Это он делал правильно. Затем из палочек он изготовил собачки для капкана. Все правильно! Я наблюдал, как он взял кусок ондатрового мяса и положил на тарелочку капкана.

— Отодвинь мясо подальше назад, — сказал я ему. — Если оставить его так, то порка или ласка стащит приманку, не задевая спуска.

Визи длинной палкой подвинул мясо поглубже под собачку, и я сказал:

— Теперь валяй! Все, что поймашь, твое!

Хотя на заснеженных озерах часто попадались следы волчьих лап, живого волка мне редко приходилось видеть. Летом волки встречались часто, а зимой — редко. Зимой они дичали и становились осторожными, охотились в основном ночью, а на рассвете уходили в чащу леса и там под нависшими ветками деревьев спали или чистили свою шерсть.

Когда Визи шел осматривать капканы, Лилиан говорила ему: «Будь осторожен, берегись волков» — примерно тем же тоном, каким городская мать говорила сыну: «Переходи улицу только на зеленый свет». Волки на льду зимой, как и медведи в голубичнике летом, вероятно, не очень беспокоили Лилиан, хотя она думала о них довольно часто. Я также спокойно спал по ночам, не очень тревожась за Визи. Человек, живущий в глухой тайге, всегда может найти повод для беспокойства: столько вокруг него опасностей, поэтому боязливому человеку в тайге жить не следует.

Я пошел на озеро Мелдрам осмотреть капкан, который поставил на рысь дня три назад. Рысь охотилась в ельнике за зайцами-беяками. Я поставил капкан на утоптанной хищником тропе, зарядил его и бросил для приманки пару горстей перьев. Я взял с собой винтовку калибра 22, чтобы прикончить рысь, если она попалась. Если рысь попадала в капкан лапой, она долго, даже слишком долго, оставалась живой, и это было не очень-то приятно сознавать. Однако тут я ничего не мог поделать. Для охоты на рысь и подобных ей хищников годился только тот капкан, в который зверь попадал лапой. Другие не годились. Тем не менее лишь немногие профессиональные охотники могут примириться с мыслью о том, что рысь или какой-нибудь другой зверь мучается в капкане. Поэтому они обходят поставленные капканы как можно чаще, чтобы зверь не слишком долго мучился.

Однако рысь, видимо, больше не появлялась, так как приманка была не тронута. День уже клонился к вечеру, январское солнце зашло, и я отправился домой, чтобы успеть сделать вечернюю работу.

Я увидел Визи на дальнем конце ближнего озера. Он тоже шел домой после осмотра своих капканов. Еще издали я понял, что он поймал норку. Визи держал ее в правой руке, и нос зверя почти касался снега. Это была очень крупная норка. Я присел на корточки у края льда и подумал: «Ну вот, малыш, ты заработал двадцать долларов. Что ты будешь делать с такой уймой денег?» Визи шел прямо через озеро, и теперь ему до меня оставалось меньше мили. Он скользил легко и быстро на лыжах, которые я ему смастерил из гибкой еловой древесины. Голову и лицо Визи почти целиком закрывал капюшон, подбитый мягким мехом ондатры, ноги были обуты в длинные, до колен, мокасины из оленьей шкуры, тоже подбитые мехом ондатры. Вот как он был одет. Шкуру для его мокасин я снял с оленя, которого убил на вершине холма в полутора милях от дома. Ондатры были пойманы на болотах у бобровых плотин. Нитки были куплены по почте, а остальное Лилиан сделала с помощью иголки.

Визи свернул к западному берегу озера, вышел на берег и вошел в лес, чтобы осмотреть капкан, поставленный в ельнике. Через пару минут он снова появился и пошел через озеро. Но теперь он был не один. Из леса на лед вышли пять волков. Они появились неожиданно и бесшумно. Мгновение назад я не слышал и не видел никаких признаков того, что волки так близко от дома. Но вот они передо мной, всего в миле от того места, где я сидел. Можно было подумать, что они появились из воздуха, как духи.

Они остановились ненадолго на опушке, подняв головы, навострив уши и прихихиваясь. Затем пошли гуськом по следам Визи. Они были примерно в двухстах ярдах от него. Два волка были черные, два серые и один белый, как снег, по которому они шли. Любой из них весил не менее сорока килограммов; любой из них мог жестоко потрепать лося весом в семьсот килограммов, если бы тот испугался при встрече с ним.

Я хотел встать, но снова опустился на переплет ступающих лыж. Я инстинктивно схватился за винтовку, но отпустил ее. Визи был в полумиле от меня, волки чуть дальше, и моя винтовка калибра 22 была так же полезна, как детская рогатка.

Расстояние между мальчиком и волками сокращалось. Теперь между ними и Визи осталось лишь сто ярдов. Волки двигались теперь легко, как тени, без шума; их шаги заглушал мягкий

снег. Мне хотелось набрать побольше воздуха и крикнуть что было мочи: «Визи, оглянись! Сзади волки!»

Мне очень хотелось крикнуть, но я смолчал. Этого нельзя было делать. Визи мог испугаться и растеряться. Он мог со страху побежать в мою сторону во всю прыть. Тогда волки поймут, что он их боится, и, как все волки, бросятся за ним, как бросились бы за испугавшимся оленем или лосем. Мне оставалось сидеть и наблюдать. Визи остановился и обернулся. Он увидел волков и остановился как вкопанный. Мне казалось, что время не движется. Я беспомощно смотрел на происходящее, и мои губы беззвучно шептали: «Спокойно! Не беги, иди не торопясь. Помнишь, что я тебе говорил о волках и лосях? Ни один волк, даже стая волков не набросится на лося, если он стоит к ним лицом. Но если животное испугается и побежит, то через мили две они свалят его».

— Спокойно, сынок! Иди так, как будто ты один на всем озере.

Визи снова задвигал толстыми ножками, передвигая лыжи по снегу. Обмякшая туша норки свисала с его руки. Меховые отвороты парки поднимались и опускались в такт его шагам, хлопая его по румяным щекам; он был похож на идущую по следу гончую, у которой так же потешно болтаются отвороты. Он шел спокойно, ни разу не обернувшись. Позади, гуськом, теперь уже в семидесяти метрах, за Визи шла пятерка сильных волков, из которых любой мог перекусить человеку ногу одним движением челюстей.

Я развязал свою паркку и отбросил назад уши. По щекам струился пот.

«Иди! Иди, сынок, не торопись. Так, хорошо. Не дай им обмануть тебя, не торопись. Ты ведь не боишься этих паршивых волков, правда? Не спеши... Не спеши».

Наконец Визи подъехал ко мне, немного запыхавшись и моргая. Волки сгрудились и остановились в двухстах ярдах от нас. Я поискал глазами винтовку, но не взял ее. Еще слишком далеко, но если они подойдут поближе...

Один из черных отошел немного в сторону и сел на снег. Упираясь передними лапами, он задрал морду и завыл протяжно, печально и жутко. Затем волки снова построились гуськом, повернули к лесу и бесшумно скрылись в чаще.

— Испугался, сынок? — спросил я, хотя вопрос был глупым.

— Немножко. — Он кивнул головой.

— Ерунда! Волков никогда не надо бояться. Они никогда не нападут на тебя. Они просто очень любопытны.

Я сделал вид, что рассматриваю норку.

— Хороша норка! Думаю, тебе заплатят за такую шкурку не меньше двадцати пяти долларов.

Я никогда не говорил Лилиан об этой встрече с волками. Мне казалось, что она не будет в восторге от того, что ее сына преследовало пятеро волков. Матери склонны принимать такие вещи близко к сердцу. О некоторых происшествиях мы рассказывали друг другу, о других даже не упоминали, например о медведице в голубичнике, волках на льду и прочих мелочах.

Глава XVIII

На небе не было ни облачка, и легкий западный ветерок гнал по озеру мелкую зыбь. Комары, вылезшие было из травы, снова спешили укрыться. Люцерна уже стала пурпурной от цветов, а тимopheевка выросла мне по колено. Редиска и шпинат уже почти поспели, а другие семена, посеянные в огороде незадолго до этого, уже дали крепкие ростки. Кончался десятый год с того момента, как мы поселились здесь, на ручье.

— Давай праздновать, — сказала Лилиан, когда вымыла посуду после завтрака, подмела пол и вытерла пыль.

— Как? — спросил я улыбаясь.

Она сморщила лоб, затем сказала:

— Пойдем в гости.

— В Риск-Крик? — спросил я, не выразив радости. — Мы же там были недели две назад.

— Нет, нет, — засмеялась она. — Мы ведь именно оттуда приехали сюда десять лет назад.

— Тогда куда же? — спросил я, стораю от любопытства.

— Куда-нибудь, — с этими словами Лилиан достала из ящика буханку хлеба и стала разрезать ее на куски. — Возьмем с собой еду, поедем вниз по ручью до бобровой запруды, там посидим, погреемся на солнце.

Лилиан сделала бутерброды, Визи запряг лошадей, а я прочистил ствол винтовки и сунул в карман полдюжины патронов на случай, если нам попадется подходящий олень для пополнения запасов.

Дорога, петлявшая между соснами и елями, значительно отличалась от той, что была здесь десять лет назад. Тогда это была лишь узкая тропа, по которой ходили дикие животные. Она годилась для лосей и оленей, но верхом по ней было трудно ездить. Сперва мы ее расширили немного, чтобы можно было проехать вьючной лошади, не задевая деревьев. Впоследствии мы расши-

рили ее еще больше, чтобы летом могла пройти упряжка лошадей с телегой, а зимой — с саними.

В низовьях ручья болота вокруг плотин, построенных бобрами, были значительно больше, чем в верховьях ручья, поэтому они были гораздо богаче пушниной. В восьми милях от озера Мелдрам мы построили избушку, выбрав стратегически выгодное место. Избушка была маленькая, уютная и теплая, хотя и с земляным полом. Зимой и ранней весной, когда мы промыслили ондатру или других зверей в этом районе, мы забирали с собой нужные вещи и жили в избушке до конца заготовки пушнины. Именно в эту избушку мы и направились.

По дороге мы осмотрели все встретившиеся нам плотины. Мы гуляли, разыскивая в иле следы норок, а иногда просто ложились на спину под лучи солнца и смотрели в небо, думая каждый о своем. И какие бы мысли нам в голову ни приходили, мы молчали, ибо лежать на спине и думать было легче, чем искать нужные слова, чтобы рассказать о них.

Когда мы добрались до избушки, был полдень, и Визи напомнил нам об этом, заявив: «Я проголодался».

— Тогда слезай с лошади и разожги костер.

— Сварим кофе, — сказал я.

Лилиан вошла в избушку, но скоро вышла сердитая.

— Опять эти древесные крысы! Они так загаживают дом, что придется как следует вычистить его, прежде чем я смогу чем-нибудь заняться.

Этих крыс Лилиан ненавидела больше всего на свете. Сколько бы мы ни уничтожали их ловушками, им на смену всегда приходили другие. Стоило нам уехать и оставить избушку в распоряжении крыс, как занавески, повешенные Лилиан для уюта, превращались в лохмотья. Крысы грызли упряжь, обрывали веревки с седел и вообще грызли все, что поддавалось их зубам. Когда Визи было два года, крыса забралась к нему в кровать и укусила его за ухо. С этими крысами было невозможно ужиться, как ни старались мы с ними ладить.

Пока Лилиан занималась уборкой и выметала из дома все следы пребывания крыс, а Визи варил кофе, я лежал на спине, полузакрыв глаза, и предавался своим мыслям. Среди них были очень приятные.

Теперь все бобровые плотины, которые можно было починить, в исправности. Каждый пруд полон воды. За последние годы цены на пушнину были хорошими, и финансовые заботы больше меня не волновали. В долине ручья и на озерах много ондатры. Ее стало столько, что промысел в сезон, когда мех ондатры был самым качественным, превратился в серьезную проблему. Сроки про-

мысли весьма ограниченные. Качество меха было наилучшим в марте и в первой половине апреля, но, как только лед в озерах начинал таять, качество меха становилось хуже, а за такие шкурки давали только полцены по сравнению с мартовской.

То, что мы сделали за десять лет с тех пор, как поселились на ручье, было выгодно и всем остальным жителям этих мест. Теперь даже в самое засушливое лето всегда хватало воды для поливки полей в нижней долине. Каждый фермер ниже по течению имел столько воды, сколько ему могло понадобиться. Избыток воды после дождей не пропадал, впитываясь в землю, а переливался из прудов и заполнял речку.

Когда мы поселились на ручье Мелдрам, фермеры здесь редко пасли скот на летних пастбищах. Они боялись, что в сухое лето корова может провалиться в яму с водой и погибнуть. Теперь же скотоводы выгоняли в июне на лесные пастбища до трех тысяч голов породистого скота и оставляли его там до сентября. Куда бы скот ни уходил, он никогда не удалялся больше чем на милю от чистого водоема с крепкими берегами. Ни одна корова не погибла на топких берегах ручья.

Но хотя сделано было очень много, все же чего-то не хватало. Все плотины были отремонтированы, места, где жили бобры, снова покрылись водой, но им недоставало обитателей. Вдоль речки образовалась пустота, и мы не знали, как ее заполнить.

— Кофе готов! — крикнул Визи, отвлекая меня от мыслей о бобрах к более конкретным мыслям о пустоте в желудке. Лилиан вышла из избушки, выметая по пути порог.

— Ох, уж эти древесные крысы, — ворчала она, садясь, скрестив ноги, и разворачивая еду. — Избавь меня бог от них.

Когда мы вечером ехали домой, я вернулся к мыслям о бобрах. Десять лет достаточно долгий срок, чтобы дожидаться исполнения своей мечты, но у нас все еще не было бобров, как и десять лет назад, когда мы поселились здесь. Наши мечты так и не сбылись.

Всю дорогу домой я думал о бобрах, Лилиан оценивала перспективы урожая ягод и временами вслух говорила: «Да, в этом году здесь будет много ягод», Визи, по всей вероятности, думал о всякой всячине, не имеющей отношения ни к бобрам, ни к ягодам. Ни один из нас и не подозревал, что в ближайшие дни к нам придет в гости человек, которому будет суждено сыграть большую роль в возвращении бобров не только на ручей Мелдрам, но и на большинство других рек, ручьев и озер Чилкотина.

Р. М. Робертсон был уроженцем города Глазго в Шотландии и эмигрировал в Канаду в 1910 году. В 1914 году он стал фер-

мером, владельцем шестидесяти пяти гектаров целинных прерий в Саскачеване. Жил он в домике с крышей, покрытой дерном. Не будь первой мировой войны, Робертсон и сегодня был бы, по всей вероятности, богатым фермером, а дом под дерновой крышей напоминал бы ему о том, как он в первый раз впряг свою лошадь в плуг и провел первую борозду в плодородной долине Саскачевана.

Однако, когда в мае 1919 года он сменил военную форму на гражданскую, у него в кармане было всего лишь жалованье за месяц или два да около сотни долларов выходного пособия. Он вынул из кармана монету и подбросил ее в воздух. Закрыв глаза, он подумал: «Орел — пойду обратно, к плугу, решка — подыщу себе другую работу». Выпала решка, и, пожав плечами, бывший пулеметчик повернулся спиной к землям Саскачевана и направился на запад, в Британскую Колумбию.

Жизнь на воздухе всегда тянула Робертсона, как магнит. В 1920 году он поступил на службу в департамент охоты Британской Колумбии на должность егеря.

Егерь Р. М. Робертсон никогда не ограничивал свою деятельность только соблюдением законов об охоте или розыском и наказанием нарушителей. Его гораздо больше интересовало, почему пара канадских гусей-казарок всегда возвращалась к небольшому озеру, где гусыня вывела своих первых птенцов. Он мог рассматривать череп и рога снежного барана³⁶, превратившиеся в прах под безучастным взглядом природы, но еще различимые на склонах горы, где никто из живущих там людей не видел этих животных за всю свою жизнь. Какая катастрофа, природная или сотворенная человеком, привела к исчезновению с лица земли этих крупных животных? Эти и множество других подобных вопросов требовали ответа. Как только у него находилось свободное от службы время, он выезжал на склон, покрытый ледниковыми отложениями, или в мрачную чащу хвойного леса и искал там следы, которые могли бы дать ответ на волнующие его вопросы.

Когда я встретился с ним в 1941 году, Робертсон был уже районным инспектором, отдавшим 21 год жизни работе по внедрению разумного управления охотничьим хозяйством. Эти годы он провел в основном в так называемом сухом поясе Британской Колумбии, где под жарким летним солнцем оголенная земля горных склонов превращалась в пыль и растения сгорали от недостатка воды. Однако многое указывало на то, что здесь не всегда была такая засуха. Вот из этой трещины раньше вытекал родник, а по той ложбине, усеянной гравием, несомненно, бежала веселая речка. Кругом было множество расщелин, углублений, где теперь только на короткий срок весной собирались талые воды.

Исследуя многие речные долины до самых истоков, чтобы найти ответ на вопрос, почему в них исчезла вода, он чувствовал, что частично это объяснялось истреблением бобров.

Наши места были очень удалены от центра и от людей, однако очень немного из того, что касалось животного мира, ускользало от внимания районного инспектора. Хотя за время нашего пребывания на ручье Мелдрам ни один егерь не посещал этих мест, сведения о нашем существовании и кое-что из нашей деятельности дошли до слуха инспектора Робертсона. Полагая, что сведения, полученные из вторых рук, плохо заменяют знания, полученные лично, он мне написал, что решил приехать и из первоисточника узнать, что у нас происходит.

Однажды в июле 1941 года я оседлал свою лошадь и, ведя вторую на поводу, направился в Риск-Крик, чтобы встретиться с районным инспектором и привезти его к нашему дому у озера Мелдрам. Тогда мне и в голову не приходила мысль, что какая-нибудь машина смогла бы добраться к нам по усеянной камнями дороге.

Когда я прибыл с лошадьми, инспектор прохладился у фактории. Рост его был примерно 175 сантиметров, виски седые, телосложение крепкое. Видно было, что передо мной стоял человек с хорошей физической подготовкой.

«Он знает, как тяжелы бывают снегоступы в мягкую мартовскую погоду», — подумал я, пожимая его руку.

Я привязал его рюкзак позади седла и краем глаза наблюдал, как он взял в руки уздечку и поставил ногу в стремя. Во всех государственных учреждениях есть люди, не соответствующие занимаемым должностям. Но инспектор департамента охоты Британской Колумбии, безусловно, знал, как обращаться с лошастью.

Робертсон был на своем месте во всех отношениях. Левой рукой он держал уздечку около щеки лошади, правую руку положил на переднюю, а не на заднюю луку седла. Он легко сел в седло, и правая нога сразу нашла стремя. Было ясно, что инспектор отлично знал нрав лошадиной породы, как любой ковбой наших окрестностей.

Проезжая по дороге то рысью, то галопом, то шагом, мы мало разговаривали. Это мне тоже правилось. Он не морочил голову мне пустыми разговорами, а все внимание уделил окружающему, отмечая по пути место, где олени переходят дорогу или где тетерева купаются в пыли.

По дороге к озеру Мелдрам произошел маленький инцидент, много рассказавший мне о характере задумчивого человека, который ехал рядом со мной. Мы объезжали маленькое озеро, берега которого заросли лисохвостом. Трава начала колоситься. Я наблю-

дал за выводком утят, плавающих вдоль дальнего берега. Вдруг они собрались в кучу и направились к зарослям лисохвоста, а затем опять поплыли вдоль берега. Однако два утенка отбились от стайки и направились на берег.

Районный инспектор тоже наблюдал за утятами. Вдруг он откинулся назад и остановил лошадь.

— Тпру! — крикнул он громко.

Внимательно осмотрев дальний берег озера, он тихо сказал мне:

— Вон там, в пятнадцати ярдах от этих двух утят, в зарослях лисохвоста, видите?

Теперь и я увидел, что привлекло его внимание. В траве шевелилось нечто, не совсем похожее на колосья.

— Койот! — определил я.

— Да, хвост койота, — согласился инспектор, — все остальное он спрятал в траве.

Мохнатый кончик хвоста койота колыбался, как колышется трава под легким ветром. С тех пор как койоты появились на свет и существуют утята, достаточно глупые, чтобы поддаваться обману, койоты машут хвостами в высокой траве у самой воды.

— От любопытства, — усмехнулся инспектор, — страдают не только кошки. Владелец этого хвоста старается приманить утят достаточно близко, чтобы схватить их зубами. Простой способ! Сам он лежит на животе, а хвост служит приманкой. Утки ужасно любопытны, особенно молодые!

Один утенок уже вышел на берег и, стоя на одной лапке, внимательно наблюдал за хвостом койота. Затем, неуклюже переваливаясь, он направился к траве, к спрятавшемуся в ней хвосту.

— Этого нельзя допустить, — проворчал инспектор и, глубоко вздохнув, громко крикнул.

Койот рывком поднялся и мгновение стоял к нам боком, направив уши в нашу сторону. Затем он нас заметил и, повернувшись, бегом скрылся в траве.

С громким криканьем утята поторопились к воде и бросились догонять стайку. Выводок утят, глубоко зарываясь грудью в воду, поспешно скрылся за камышами.

— Вы когда-нибудь видели подобную охоту? — спросил Робертсон.

— Только раз, — ответил я. — В тот раз в зубы койоту попался гусенок.

— Интересно, — заметил он, — сколько уток и гусей попало на эту удочку с тех пор, как койоты впервые начали применять подобный трюк?

Районный инспектор прожил у нас почти неделю, объезжая со мной наши охотничьи угодья. Он вошел в нашу жизнь так легко, как будто жил с нами всегда.

Вечером, когда Лилиан начинала мыть посуду после ужина, он вставал со стула с полотенцем и вытирал посуду. Он задавал Визи вопросы, не только касающиеся ондатр, норок, оленей или лосей, но также и много других: по математике, географии, истории и другим школьным предметам. Он говорил Лилиан с улыбкой: «Пословица «Сбережешь розгу — испортишь ребенка» здесь не подходит».

В последний день своего пребывания у нас инспектор сказал, глядя задумчиво на одно из болот:

— Мне кажется, вам не мешало бы завести помощников, чтобы следить за всеми этими плотинами. Вам когда-нибудь приходило в голову, что случится, если одну из них прорвет и вода снесет еще несколько плотин ниже по течению?

Мы уже не раз задумывались об этом. Во время весеннего половодья или после бурных летних ливней Мелдрам-Крик больше походил на речку, чем на ручей. Тем более что он был перегорожен приблизительно двадцатью пятью плотинами без регулируемого спуска воды. До сих пор ни одна из них не давала большой течи главным образом потому, что они были укреплены массой пихтовых веток. Но в конце концов ветки сгниют, и плотина оседет. И действительно, некоторые плотины уже поддавались. И если одну из больших плотин прорвет, сомнительно, что плотины ниже ее выдержат напор воды.

Инспектор повторил:

— Да, вам, несомненно, нужна помощь. — Казалось, он принял важное решение.

Однако, в чем должна была состоять эта помощь и откуда она могла прийти, он не сказал. Мы узнали об этом значительно позже.

К концу года в отчете окружной комиссии по охотничьим угодьям инспектор Робертсон писал: «Объезжая недавно охотничьи угодья Эрика Кольера на озере Мелдрам, я установил, что там имеются хорошие условия для размножения животных. Пользуясь всего лишь киркой, лопатой и тачкой, мистер Кольер построил плотины в двадцати пяти местах на старых запрудах, где когда-то обитали бобры, ондатры и прочие пушные звери. Эти болота имеют площадь от двухсот до тысячи двухсот пятидесяти гектаров. Снег на них задерживается, и болота вновь наполняются водой. В результате они быстро заселились ондатрами и другими пушными зверями, водяной птицей и крупной дичью, о чем свидетельствуют многочисленные следы. Действительно, все условия и об-

лик этой территории изменились: вместо тишины и полного отсутствия жизни в ней возродились ее первоначальные богатства. Проблема ирригации площади, входящей в охотничьи угодья Кольера, была в значительной мере решена благодаря этому проекту. Проект Кольера на ручье Мелдрам является блестящим примером того, чего можно достичь в этой весьма перспективной области».

Так вот какие мысли возникли у инспектора Робертсона из охотничьей инспекции Британской Колумбии, когда он увидел, что произошло с ручьем Мелдрам с тех пор, как мы на нем поселились. Однако лишь в начале сентября я вспомнил о его словах: «Вам не мешало бы иметь помощников, чтобы следить за плотинами».

Было 10.30 утра. Лилиан занималась шитьем — она шила варежки на зиму. Визи склонился над столом, постигая тайны алгебры. Я проверил капканы перед тем, как ставить их в лесу, чтобы убедиться, что пружина работает хорошо. Вдруг Визи выпрямился и прислушался:

— Что это? — спросил он.

Я тоже прислушался и, услышав отдаленный гул мотора, безразлично пожал плечами.

— Это, наверное, самолет летит вверх по реке, — сказал я.

Канадская Тихоокеанская авиалиния открыла рейсы между Ванкувером (Британская Колумбия) и Уайтхорсом на Юконе, и ее самолеты часто пролетали над нашим домом.

— Это не самолет, — возразил Визи.

— А что же это?

— Машина.

— Машина? Здесь, в глуши? — я покачал головой.

Это было невероятно.

— Конечно, машина, — настаивал Визи, стоя у открытой двери. — Она еще за соснами, но это машина, и она идет сюда.

Я выбежал за дверь, Лилиан — следом за мной, мы остановились в недоумении.

— Визи прав, — сказал я медленно. — Невероятно, но это машина.

Теперь уже можно было ясно услышать неровный гул автомобильного мотора. Машина пробиралась по колее, которая была более пригодна для стальных колес, чем для резиновых. Машина действительно шла по нашей дороге. Она, вероятно, была еще в миле или больше от дома, но приближалась с каждой минутой. Скоро между соснами мы уже смогли разглядеть голубой кузов. Она двигалась очень медленно и осторожно, но двигалась, а мы стояли в полном недоумении.

Автомобиль остановился рядом с нами, из кабины выскочил шофер, слегка пошатываясь, как обычно пошатывается человек, который долго сидел и вдруг быстро встал. Шофер был высокий и худой, лет сорока пяти или пятидесяти, его глаза покраснели от недосыпания, а на подбородке выросла щетина. Кто же он? Что ему нужно здесь?

Незнакомец быстро ответил на этот вопрос.

— Егерь Мотишо, охотничья инспекция Британской Колумбии, — представился он. — Вы Эрик Кольер, так?

— Собственной персоной. — Я поклонился. — А это моя жена и сын — Лилиан и Визи.

Егерь отковырнул, улыбнулся и сказал:

— Я уже слышал о Лилиан и Визи. — Он посмотрел на машину и нахмурился. — Ну и дорога! Два прокола, сломанная рессора, вмятина на бампере и течь в радиаторе. Я заткнул ее жевательной резинкой. Какого черта вы не уберете часть камней и корней с дороги?

— Мы здесь всего десять лет, — сказал я с усмешкой. — Никак не соберемся привести в порядок дорогу, но надежды не теряем.

Егерь опустился на бревно и медленным усталым движением сдвинул фуражку на затылок. Он не был в форме, на нем были просто старые брюки и куртка из домотканой шерсти.

— Ничего, — сказал он, — я добрался сюда, хотя мне и пришлось гнать всю ночь. Они еще дышат, а это — главное.

Визи осматривал автомобиль. Он был зачарован им. Он медленно ходил вокруг, изучая шины, бамперы и рессоры. Затем он опустился на четвереньки и заглянул под машину. Он заглянул в кабину, осмотрел приборы и ручку сцепления. Потом он отошел от машины, кивая головой, как бы удовлетворенный тем, что увидел.

Недоумевая, кто это «еще дышат», я сказал егерю:

— Заходите в дом, Лилиан моментом сварит вам кофе и приготовит перекусить. — Ему, несомненно, требовалось позавтракать.

Но он, видимо, не слышал меня. Он стоял сзади машины, открывая кузов.

— Куда вы думаете их поместить? — резко спросил он.

— Кого? — Я в недоумении посмотрел на него.

— Понятия не имеете? Вот, может быть, это объяснит вам, — он бросил мне замусоленный конверт.

Я вскрыл конверт и вытащил кусок бумаги. Слова прыгали у меня перед глазами, и, только медленно вчитываясь, я, наконец, осознал, в чем дело.

«Берегите их и ухаживайте за ними, как за детьми. Они доро-

же золота, и, если с ними что-нибудь случится, новых вы от нас не получите».

Больше ничего написано не было. В конце этой записки подпись: «Р. М. Робертсон, охотничья инспекция Британской Колумбии».

Я опустил на бампер машины, пытаюсь собраться с мыслями и успокоиться.

— Так это... — начал я неуверенно и замолчал, подыскивая слова и не сводя глаз с открытого кузова машины, — бобры?! — выпалил я, наконец решившись произнести это слово.

— Две пары, — коротко подтвердил егерь. — Отловлены в заповеднике Боурон-Лейк для поселения на ручье Мелдрам. И чтобы вы знали: заповедник расположен в четырехстах километрах к северу отсюда, и эти бобры уже слишком долго сидят в кузове. Надо их посадить в воду, и, чем скорее, тем лучше. Где вы думаете их выпустить?

Ирригационная плотина была ближайшим и наиболее подходящим местом для поселения бобров. Каждый бобр сидел в отдельном продолговатом жестяном ящике. Мы отнесли их по одному к плотине.

— Одна пара — двухлетки, вторая — трехлетки, — сообщил егерь, открывая подъемные дверцы ящичков.

Каждый ящик приходилось переворачивать, прежде чем пленники соглашались выйти. По одному бобры, наконец, вышли из своих убежищ и опустились на землю, моргая от яркого света и поводя носом. Затем самый крупный, самец по-видимому, встал на задние лапы, молитвенно сложив передние лапы на груди.

— Хорошо пахнет, не правда ли? — спросил с улыбкой егерь. — А будет еще лучше, так что поторапливайтесь.

Почуввав воду, бобр неуклюже проковылял несколько шагов по дамбе и нырнул в воду. Он ушел в глубину, оставив на воде лишь легкий след. Один за другим остальные бобры ушли в воду в том же самом месте и через несколько секунд от них не осталось и следа.

День был очень тихий, воздух был неподвижным. Зеркальная поверхность вьрода оставалась ровной. Лилиан и я прошли немного по дамбе и остановились, глядя на воду.

Егерь вдруг как будто бы преобразился. Усталость немного прошла, он поправил фуражку и выпрямился.

— Вы, кажется, говорили что-то про кофе и яичницу с грудинкой? — спросил он.

— Три яйца или четыре? — спросил я егеря, предчувствуя, что он очень голоден.

— Смотри! — вдруг прошептала Лилиан, указывая на рябь, появившуюся на воде ярдах в шестидесяти от плотины.

Я посмотрел в ту сторону и едва успел разглядеть большую темную голову, высунувшуюся из воды. Голова исчезла, и мы услышали громкий звук, как будто что-то очень плоское ударило по поверхности пруда. Затем все снова стихло. Мы с Лилиан смотрели друг другу в глаза. В тот момент мы оба знали, что ни один день из прошедших десяти лет не пропал даром. Бобры вернулись на Мелдрам-Крик.

Глава XIX

Три дня в напряжении. Мы волновались: приживутся ли новоселы? Это был очень тревожный вопрос, так как у нас не было ни заборов, ни барьеров, чтобы помешать бобрам уйти, куда им заблагорассудится. Они были нашими, только пока оставались на наших угодьях. Если бы бобры перешли границу, мы не смогли бы их вернуть обратно, потому что, перейдя границу наших угодий, они стали бы собственностью владельца соседних угодий.

Рано утром на четвертый день прибытия бобров я вышел за дверь набрать два ведра воды в ирригационной канаве. В то лето уровень воды у плотины оставался почти постоянным. Канавы была достаточно глубокой и широкой, чтобы вместить большую часть воды, поступающей к плотине. Обычно мы оставляли в канаве воду с весны до поздней осени, так как она была всего в нескольких метрах от двери избушки. Таким образом, нам не надо было ходить за водой на ручей каждый раз, когда требовалось наполнить ведра.

Я подошел к канаве, остановился в недоумении и от удивления выронил ведро. Еще вчера вечером канава была полна воды, а сейчас на дне не осталось даже лужи. Я долго не мог понять, почему канава высохла, а когда наконец понял, в чем дело, вбежал в дом и возбужденно закричал:

— Они законопатили канаву! Идемте скорее на плотину, посмотрим!

Лилиан, Визи и я поспешили вдоль канавы к плотине. Устье канавы было плотно забито палками, камышом и глиной.

— Смотри, смотри! — закричал Визи. — Вон там бобр!

И в самом деле, в пятидесяти футах от плотины плыл бобр, таща в зубах ветку ивы длиной в шесть футов.

Послунив палец, я поднял его вверх.

— Ветер дует в нашу сторону. Давайте спрячемся в канаве, может быть, он нас не заметит.

Мы опустились в канаву и присели. Днем бобры видят очень плохо, но обоняние у них хорошее. Бобр может учуять койота на расстоянии двухсот ярдов или больше по ветру и может почувствовать присутствие человека на еще большем расстоянии. Но если ветер дует от бобра, а человек совершенно спокойно стоит, бобр будет сидеть и причесываться или обгрызать кору с ветки на расстоянии нескольких футов, не подозревая о присутствии человека.

Мы были всего в пятнадцати футах от устья канавы, когда бобр вылез из воды со своей ношей. Теперь он держал ветку ивы в лапах и стоял, повернувшись к нам своим плоским чешуйчатым хвостом. Он протащил ветку через плотину, уложил ее со стороны водосброса и, тихо похрюкивая, основательно вмял ее в стенку канавы. Через некоторое время я попытался вытащить ветку, но она была так основательно укреплена, что я справился с ней с большим трудом. Вероятно, в умении бобров так плотно укладывать ветки и следует искать ответ на вопрос, почему их плотины могут выдержать громадное давление воды.

Бобр принес еще две ветки и уложил их на место, затем он принес из пруда охапку тростника. Внезапно ветер переменился, и бобр нас учуял. Он бросил тростник и исчез, громко ударив хвостом о воду. Его темное тело вынырнуло из воды на расстоянии нескольких метров от канавы. Он быстро плавал из стороны в сторону, поводя усами, потом еще раз ударил хвостом по воде, грациозно нырнул и уплыл, оставляя за собой широкий расходящийся след.

— Ну, теперь мы знаем, что один по крайней мере остался,— сказал я с облегчением.

Через два дня мы установили, что бобров было двое. К тому времени над водой появилась круглая конструкция из веток. Бобры начали строить хатку. Каждый день, на восходе или на закате, один из нас прятался в кустах на берегу и терпеливо следил за хаткой. Наконец Визи был вознагражден: он увидел, как два бобра одновременно доставляли материал для постройки дома.

Итак, одна пара устроилась на новом месте жительства. О том, что случилось со следующей парой, мы узнали только через две недели.

Мы осматривали плотины ниже по течению, чтобы найти следы присутствия бобров, но не нашли. Затем обследовали пруды вверх по течению, и опять безрезультатно. Мы осмотрели все берега озера Мелдрам и наконец нашли там след. Мы обнаружили три тополя, недавно поваленных бобрами. Однако их кора была почти нетронута и ни одна ветка не была спущена на воду. Ви-

димо, бобры тоже осмотрели берега, но то, что они увидели, им не понравилось, и они отправились дальше.

С запада в озеро впадал небольшой родник, такой тонюсенький, что его едва ли стоило обследовать. Однако мы решили и его осмотреть и поехали верхом по лесу с западной стороны озера по звериной тропе, пересекавшей ручей в километре от озера. Когда мы подъехали к броду, то увидели, что в ручье совсем не осталось воды и русло высохло. Это было забавно, мы видели ручей пересохшим всего лишь раз, девять лет назад.

Мы привязали лошадей и пошли вверх по ручью. Немного выше ручей протекал по небольшой лужайке, окруженной осинами. Как только мы подошли к лужайке, тайна пересохшего ручья стала понятной. Теперь вся лужайка была под водой, и в том месте, где ручей из нее вытекал, поднималась плотина немногим больше четырех футов высотой и около двадцати пяти длиной.

Казалось, что в осиннике хозяйничал какой-то сумасшедший с топором. Многие деревья наклонились, но не упали на землю, другие свалились в воду, и все ветки с них были срезаны. Однако много деревьев упало на сушу, и они так и остались лежать, как если бы тот, кто их срубил, больше ими не интересовался.

Установить личность дровосека не представляло труда. Мы узнали о его присутствии по хатке, нам даже не нужно было видеть следы его зубов. Хатка была слишком большой, чтобы за короткий срок ее мог построить бобр в одиночку. Видимо, пара бобров пошла вверх по течению от озера и решила, что эта лужайка как раз то, что ей нужно. Таким образом, бобры не только вернулись на Мелдрам-Крик, но, по всей вероятности, решили остаться здесь навсегда.

Мы довольно долго не могли понять, зачем они так безжалостно уничтожали запасы пищи, сваливая деревья без видимой надобности. Обходя берега запруды, мы видели, что местами были свалены десятки осин и ни одна из них не была тронута.

— Зачем они это делают? — спросил я задумчиво.

— Несомненно, для этого есть причина, — ответила Лилиан.

— Почти все, что происходит в этих лесах, имеет свою причину, — проворчал я. — Но до нее иногда очень трудно докопаться.

— Ты хочешь сказать, что мы слишком глупы, чтобы понять, — возразила она со смехом.

Визи рассматривал кучу щепок, разбросанных вокруг пня. Пнув ногой щепки, он сказал:

— Может быть, им не нравится вкус коры. Может быть, она кислая или еще что-нибудь, — внес он свое замечание.

— Зачем же они их валят? — быстро возразил я.

— Когда-нибудь узнаем.

И действительно, через некоторое время мы поняли зачем.

К зиме обе хатки были замазаны слоем глины толщиной около двенадцати дюймов. Под водой у входа в хатки были сложены запасы пищи, которых обитателям хватило бы на всю зиму до того, как весной растает лед. Бобры каким-то образом умудрялись сохранять воду незамерзшей у входа в хатки довольно длительное время, хотя на большинстве прудов уже давно был лед.

Наконец в начале декабря, когда температура упала ниже 20° мороза, полыньи у хаток замерзли. Мы вновь увидели бобров только в апреле следующего года.

Была середина мая. Прошла еще одна зима, впереди было еще одно лето. Была середина мая, мы уже вспахали, разрыхлили и удобрили наш огород. Когда делали гряды, от земли все еще пахло разлагающейся рыбой, но мы не обращали внимания. Бывают запахи и похуже тухлой рыбы. А через несколько дней запах исчезнет, семена взойдут, и там, где сейчас видна только темная пахучая земля, появятся тоненькие полоски зелени.

Посеять семена, после того как земля готова, — дело недолгое. Я делал бороздки мотыгой, Визи сыпал в них семена, а следом шла Лилиан в широкополой, пожелтевшей от времени соломенной шляпе, защищавшей ее голову и лицо от жгучего солнца, и граблями засыпала бороздки, притаптывая их потом ногой. К тому времени, когда пришла пора готовить ужин, последний ряд семян был посеян.

— О'кей! Иди готовь ужин, а мы с Визи сделаем канавки для воды, — сказал я, опершись на ручку мотыги. Когда Лилиан пошла к дому, я посмотрел ей вслед и прошептал Визи: — Какая чудесная женщина! Не знаю, что бы мы стали делать здесь без матери.

— Ты думаешь, ты бы остался здесь без мамы? — спросил Визи.

Я не ответил, так как сильно сомневался в этом: без Лилиан все было бы лишено смысла. Я посмотрел на Визи, задумчиво изучая его. Ну и растет же парень! В июле ему будет тринадцать. Пора купить ему на день рождения настоящее ружье в подарок. Можно купить очень хорошее новое ружье за девяносто долларов. Девяносто долларов за ружье! Это больше, чем мы имели, когда поехали сюда, в глушь. Наш путь был долгим. Нельзя сказать, чтобы Визи не умел пользоваться своим ружьем калибра 22. Прошлой осенью он убил из него оленя, и достаточно большого. Я увидел след оленя на снегу в миле от дома и даже подумал, что надо взять винтовку калибра 303 и поохотиться за ним самому. Но при-

дя домой, я передумал и велел Визи взять свое ружье и дюжицу больших патронов, выследить оленя, поднять его и затем кружить по следу, не спуская с него глаз.

— Из такого легкого ружья тебе придется бить наверняка, — сказал я ему. — Не стреляй, если не сможешь попасть в сердце или в легкие.

Через пару часов он вернулся весь в крови. Он выследил оленя, поднял его и подошел к нему на двадцать ярдов. Только тогда он спустил курок. Пуля попала прямо в сердце. Да, пора покупать мальчику настоящее ружье, это будет хорошим подарком к его дню рождения. Я куплю ему ружье калибра 303, из этого ружья он сможет убить любую дичь, если попадет в цель.

Да, мальчик мужает и душой, и телом. Неужели ему никогда не бывает одиноко здесь? Во всяком случае он никогда об этом не говорит, только иногда смотрит куда-то вдаль, глубоко задумавшись, как будто там, за горизонтом, его что-то манит. Что бы это могло быть? Может быть, когда-нибудь он встанет и уйдет к этому горизонту и не вернется, пока не узнает, что лежит за ним. А может быть, он совсем не вернется в лес. Я отогнал от себя эти мысли, они были не очень-то веселыми.

К тому времени, когда Лилиан крикнула «Ужин готов!», ирригационные канавки, прямые как стрела, были уже проведены вдоль посевов. С тех пор как растаял снег, ни разу не было дождя, и нам надо было немедленно приступить к орошению, чтобы напитать высохшую землю.

Рано утром, когда Лилиан готовила завтрак, я пошел к устью канавы и пустил в нее струю воды. Позавтракав и вымыв посуду, мы втроем отправились в огород и начали распределять воду по канавкам. Мы оросили почти половину огорода, когда вдруг оказалось, что воды не хватает. Я почесал в затылке и сказал: «Странно, куда это она вся подевалась?»

Лилиан подошла к главной канаве, посмотрела и крикнула:

— В канаве совсем не осталось воды!

— Куда же она подевалась? Всего двадцать минут назад канавка была полна.

— Вероятно, бобры ее перекрыли. — И Лилиан рассмеялась.

— Хорошенькое дело, — проворчал я. — Черт побери, нельзя же так в самом деле. Нам нужна вода для орошения, иначе у нас не будет ни огорода, ни сена.

Однако бобры перекрывали воду, убегавшую в канаву, с таким же упорством, с каким мы старались полить огород или луг.

Бобрам нет дела до орошения. Их теория в отношении сохра-

нения воды основана на принципе, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы в каком-то месте плотины вода уходила струей. Если вода переливается через плотину по всей ее длине, бобры не беспокоятся. Но если в каком-нибудь месте вода потечет через плотину или в обход нее струей, течь надо немедленно остановить.

Как только два бобра, жившие у плотины, увидели весной, что вода уходит, да еще в одном месте, они сразу же исправили это, аккуратно и быстро перекрыв канаву.

В конце концов мы нашли решение, которое удовлетворяло обе стороны. Воспользовавшись тем, что бобры в основном почные животные и работают на плотине по ночам или на рассвете, а днем спят, мы смогли отводить воду в канаву и орошать наши поля с утра до захода солнца. Но как только солнце садилось, бобры выходили из хатки и крепко-накрепко закупоривали канаву. Если же мы пускали воду слишком рано утром, когда они еще не спали, они сразу же перекрывали ее.

Поскольку ирригационную канаву на ночь перекрывали, через дамбу перетекало больше воды, чем обычно, и вскоре стало ясно, что бобры с этим не примирятся. Ни один здоровый бобр не в состоянии долго терпеть положение, которое может быть легко исправлено. В данном случае наша пара бобров, вероятно, проработала всю ночь без перерыва и подняла высоту дамбы по всей ее длине. А это было очень опасно.

Ирригационная дамба отличалась от всех остальных, которые мы починили, тем, что в русле ручья для ее укрепления мы не использовали ветки. В этом месте на протяжении тридцати футов дамба состояла только из земли, и ее высота была дюймов на двенадцать выше, чем в остальных местах. Мы решили обойтись без веток в этом месте, так как полагали, что, если этот участок будет выше остальной дамбы, вода через него не перельется и не сможет прорыть нового русла. В остальных местах дамба была основательно укреплена ветками, и там вода могла перетекать через верх, не причиняя никакого вреда.

Но поскольку бобры нарастили плотину по всей ее длине, вода поднялась выше и по земляной дамбе и, наконец, над уровнем воды виднелся лишь ее край высотой около трех дюймов.

Катастрофа не заставила себя ждать. В начале сентября прошел трехчасовой ливень, и на ручье началось наводнение. В ирригационную канаву поступало больше воды, чем могло из нее вытечь. И поэтому вода искала слабое место в дамбе, чтобы прорыть новое русло. Таким местом оказалась земляная засыпка.

За ночь вода у плотины поднялась и стала переливаться через верх, унося с собой частички земли. Через несколько минут она прорыла себе русло, и в него устремились потоки воды, пере-

полнявшей ручей. Промойна становилась все шире и глубже, и вода текла через нее с такой силой, что, когда я надел болотные сапоги и вошел в поток, чтобы посмотреть, можно ли сохранить остатки плотины, я едва смог устоять на ногах.

С помощью Лилиан и Визи мы вкатили на плотину большие камни и спустили их в промойну в надежде, что они послужат препятствием и удержат землю. Но бешеные потоки воды смыли камни с плотины, как бумажки. Мы стояли, не зная, что делать, и наблюдали, как плотина разрушается на наших глазах. Мы уже смирились с тем, что вся засыпка смоеется водой и пруд высохнет, но мы не учли бобров.

От хатки донесся резкий всплеск и напомнил нам об их присутствии. На воде появилась рябь, мы увидели темное пятно, направляющееся прямо к плотине. Бобр подплыл к земляной засышке на расстояние нескольких футов, развернулся и поплыл параллельно плотине, а затем, снова быстро повернувшись, почти вошел в поток, бегущий через промойну.

Появление бобра натолкнуло меня на блестящую мысль.

— Беги в дом и принеси топор, — сказал я Визи. Когда он вернулся с топором, я пояснил: — Надо срубить несколько елок и обрубить с них сучья, а потом мы сбросим эти сучья в воду неподалеку от промойны и, может быть...

— Ты с ума сошел! — прервала меня Лилиан, прочтя мои мысли. — Ни одна пара бобров не сможет перекрыть такой бешеный поток.

— Но ведь они могут попытаться, не правда ли? — возразил я. — Во всяком случае совершенно ясно, что нам нечего и пытаться что-либо сделать, пока запруда не пересохнет.

Я настоял на своем, мы уложили охапки сучьев вдоль дамбы и набросали кучу сучьев на расстоянии ярдов двадцати от промойны. Потом мы вернулись в дом и стали ждать.

Всю ночь вода текла через промойну. Теперь она была больше четырех футов глубиной и пятнадцати шириной. Только бульдозер с мощным ножом мог прекратить утечку воды — так мы думали.

Рано утром на следующий день я вышел на порог и прислушался. Ночью грохот воды, несущейся через промойну, был настолько громким, что нам приходилось кричать, чтобы услышать друг друга, но теперь все было тихо и спокойно, и даже привычное журчание ручья ниже плотины стало глуше. Я осторожно прошел по канаве до ее начала, вышел на дамбу и посмотрел туда, где мы сбросили еловые ветки. Ни одной не было видно. А там, где вчера была промойна, я увидел темную, утрамбованную поверхность блестящего ила. Под илом лежали ветки, придавленные

камнями размером от мелкой гальки до футбольного мяча. Так всего лишь двое бобров за одну ночь перекрыли поток воды, который человек мог бы перекрыть только с помощью тяжелой землеройной машины.

Бобры выходили на вечернюю вахту через полчаса после заката и в своей точности не уступали солнцу. Но выходили они всегда поодиночке. Иногда бобр, иногда его подруга (теперь мы могли отличить самца от самки), но мы никогда не видели их вместе. Из убежища, в канаве, когда ветер дул в нашу сторону, мы видели, как бобры выплывали из хатки через подводный выход и всплывали на поверхность. Один из них следил, как второй медленно плыл по направлению к дамбе, слегка приподняв голову над водой. Однако «вахтенный» никогда не подплывал прямо к плотине, во всяком случае если мы наблюдали, а медленно плыл вдоль плотины до ее конца на расстоянии десяти футов. Затем этот единственный член ремонтной бригады поворачивался и так же медленно плыл в обратную сторону до другого конца плотины. Выполнив этот ритуал (если плотина была в порядке), бобр уходил, и через несколько минут мы слышали, как он принимался обгрызать кору с осиновой ветки в затопленном ивняке у берега пруда.

Бобр обнаруживает большую утечку воды через плотину с помощью чувствительных волосков своей шкурки. Ему не нужно ковылять по плотине и полагаться на глаза или уши, чтобы выявить где-нибудь слабое место. Малейшая струйка воды, уходящая через плотину, улавливается кончиками его шерсти, когда он совершает обход, и, если бобр почувствует утечку, он тут же ее заделывает.

Столовая бобров находилась в ивняке на глубине полуметра и на расстоянии двух метров от края пруда. На берегу я построил укрытие из охапок ивовых прутьев, прислоненных к осине, повисшей на деревьях, когда бобры ее подгрызли. Затем я вбил в землю два столба и прикрутил к ним перекладину — получилась скамейка.

Если ветер дул в нашу сторону, мы в сумерках садились на скамейку и сидели, подавляя желание курить, и терпеливо ждали. Конечно, ни один бобр не подойдет к столовой, если в воздухе висит дым сигареты или если ветер доносит до него запах человека. Иногда они приходили засветло, но, как правило, уже совсем темно, когда мелкие волны, появившиеся на гладкой поверхности воды, предупреждали нас о том, что надо сидеть очень тихо, затаив дыхание.

На берег набегали волны, через некоторое время беззвучно подплывал бобр и, сгорбившись, вылезал на кормушку. В первую очередь он избавлял свою шкурку от воды; этот обряд сопровождался интенсивным отряхиванием. Затем он тщательно расчесывал мех, пользуясь длинными когтями перепончатых задних лап, как гребешком.

Теперь он был готов подкрепиться тем, что было припасено, а еда в столовой была всегда. Остатки осиновых или ивовых прутьев, очищенных от коры, постоянно плавали в воде вокруг кормушки, и среди них всегда находилась какая-нибудь палочка, иногда ивовая, а чаще осиновая, на которой оставалось достаточно коры, чтобы «заморить червячка» перед плотным обедом. Он крепко хватал передними лапами ветку и очищал ее от коры, как белка сосновую шишку. Иногда он оставлял обглоданную ветку на кормушке, но чаще выбрасывал в воду, чтобы в дальнейшем отбуксировать к плотине и, может быть, использовать ее для постройки.

Управившись с веткой, бобр тихо соскальзывал в воду и скрывался из глаз, но ненадолго. Вскоре снова появлялись волны, предупреждавшие нас о том, что надо сидеть спокойно, а вслед за ними появлялся бобр. Теперь он держал в зубах осиновый прут около двух футов длиной, хотя мы понятия не имели, откуда он его взял. Мы не слышали звука падающих деревьев и лишь догадывались, что ветка была снята с дерева, поваленного раньше.

Теперь в кормушке снова была еда, и в течение десяти или пятнадцати минут мы слышали ритмичное постукивание зубов, говорившее нам о том, что бобр голоден. Наконец, наполнив желудок и бросив остатки еды на кормушке — у него всегда оставалась еда, — он уплывал.

К этому времени стало настолько темно, что мы увидели волны, только когда второй бобр уже подплыл к кормушке. На этот раз волны были не такими сильными: бобр был поменьше — самка. Она вылезла из воды на кормушку, отряхнула воду со шкурки и принялась расчесывать мех. Она также обгрызала палку, оставленную бобром, очистив последние остатки коры. Затем она также соскребнула с кормушки и через одну-две минуты вернулась со свежей веткой. Уже совсем стемнело, и мы едва различали ее, но слышали, как она обгрызала кору. Затем она ушла, и только время от времени издали доносились звуки, говорившие о том, что в пруду по-прежнему кипит жизнь.

Я встал со скамейки и размял затекшие ноги. Лилиан сидела еще некоторое время, глядя в сторону кормушки, которой уже не было видно. Визи остался дома с книжкой и топил печку, чтобы вскипятить чайник. Мы никогда не знали, сколько нам придется

ждать, пока придут бобры, а иногда они совсем не приходили. Даже летом сидеть на скамейке было прохладно. Солнца уже не было, над нами мигали звезды, и в елях бормотали филины. Выпит чашку горячего чая, вернувшись домой, всегда приятно.

Я подождал немного и затем нетерпеливо сказал:

— Оставаться здесь нет смысла.

Лилиан встала и выпрямилась.

— Я просто задумалась.

— О чем? — Я едва видел ее лицо в темноте.

— О кормушке. Они всегда оставляют еду для следующего бобра, правда?

— Всегда, — ответил я.

Мы пошли вместе к дому. Когда мы уже подошли к двери, Лилиан внезапно спросила:

— Почему люди на них не похожи?

Я постоял, нахмурился и глядя в землю, потом сказал:

— Мне кажется, бобры инстинктивно делают то, чему люди в конечном итоге должны научиться. Кажется неправдоподобным, что бобр, хотя он всего лишь скромное животное, способен следовать золотому правилу, а человек — нет. Просто, Лилиан, люди не похожи на бобров, и это очень жаль.

Глава XX

Казалось диким и невероятным своими руками, с помощью динамита, разрушить построенную бобрами плотину, после того как десять долгих лет мы ждали этих бобров. Это было сумасшествие! Другое дело койоты, волки, пумы³⁷ и другие враги бобриного племени. Мы знали, что должны вести непрерывную войну против них, но ни на одну секунду мне не приходило в голову, что нам придется взорвать плотину. Однако к нашим седлам были привязаны динамит, запалы и капсюли.

Где-то на озере плескалась, била крыльями по воде гагара³⁸ и хихикала по привычке над кажущейся абсурдностью положения.

В возрасте двух лет самка бобра редко производит на свет более двух детенышей, чаще — одного. Только достигнув полной зрелости в четыре-пять лет, она дает большое потомство. В возрасте шести лет бобры, как правило, имеют по пять детенышей, редко — меньше.

Поскольку у нас было только две пары бобров, они поначалу размножались медленно. Только через четыре года, после того как

мы выпустили наши две пары на ручье Мелдрам, у нас появилось с полдюжины поселений, насчитывающих тридцать шесть бобров. В дальнейшем их население стало увеличиваться гораздо быстрее.

Сохранение поголовья каких-либо диких животных всегда связано с трудностями, и у нас, естественно, вполне хватало забот с бобрами. Первая проблема возникла, когда бобры не захотели покинуть пруд, хотя они истребили все листовенные кустарники в радиусе шестидесяти ярдов.

Тогда они принялись за хвойные, а эта пища так же чужда бобрам, как осиновая кора — человеку. Было совершенно ясно, что, если такое положение будет продолжаться, обитатели этой колонии могут заболеть, и болезнь распространится на другие поселения бобров. В нескольких сотнях ярдов ниже по ручью было озеро Мелдрам, поросшее по берегам густыми сочными осинами и ивами, и на всем его протяжении не было ни одной семьи бобров, хотя озеро имело длину более шести миль. Однако по каким-то причинам, известным только им, упрямые обитатели пруда отказывались переселиться вниз по ручью, на эти обетованные земли. Наконец мы решили взять на себя всю ответственность за обеспечение колонии соответствующей пищей.

В полумпле от воды было множество осин, росших среди сосен и елей, но эта пища была за пределами безопасности бобров. Если бы бобры отошли так далеко от воды, они наверняка стали бы жертвой какого-нибудь мародера-волка, койота или медведя. Но эту пищу можно было провезти через лес к берегу пруда на лошади. И как только нам в голову пришла эта мысль, мы два раза в неделю стали совершать поездки к поселению бобров, срезали пятнадцать — двадцать осин и привозили их к пруду.

Эксперимент по культивации бобров продолжался около двух месяцев, и, чем больше еды мы привозили, тем больше, казалось, росли аппетиты бобров. Однажды я пришел к пруду через сутки после того, как доставил обычный запас пищи. Каждое дерево было начисто очищено от коры, каждая ветка срезана и унесена в воду.

В конце концов это нам надоело. Подобная «комедия ошибок» продолжалась слишком долго. Пытаться запасти пищу бобрам было так же бесполезно, как носить воду в решете. Я задумчиво посмотрел на плотину. Она имела длину около девяноста футов, высоту около шести футов и была такой широкой, что по ней могла проехать телега, запряженная четверкой лошадей, конечно если ветки и прочий мусор выдержат вес телеги и лошадей, а это было весьма вероятно.

У меня зародилась темная и опасная идея. Если не будет пло-

тины, то не будет пруда, а если не будет пруда, то бобрам придется переселиться! Может быть, таким образом проблема будет решена, и не только не причинит бобрам никакого вреда, но даже принесет пользу.

На следующий день, не сказав ничего Лилиан о своих намерениях из опасения, что она как сердобольная женщина начнет протестовать, мы с Визи верхом отправились к пруду с динамитом, капсюлями и запалами, привязанными к седлам. Мы проделали восемь отверстий в верхней части дамбы и заложили восемь зарядов с капсюлями и запалами. Нам нужно было иметь в запасе около двух минут, чтобы встать под защиту какого-нибудь прочного дерева, после того как подожжем шнуры. Поэтому каждый шнур был на дюйм длиннее предыдущего, так что все восемь зарядов должны были взорваться одновременно, а мы успели бы убраться с плотины до того, как произойдет взрыв.

Отломав щепку от сгнившего бревна, я зажег ее и, двигаясь вдоль плотины, поджег все запалы. Когда все восемь шнуров загорелись, я побежал к дереву, за которым уже прятался Визи. В течение двух напряженных минут мы стояли за стволом, подавляя желание выглянуть и посмотреть, что происходит на плотине. Затем раздался взрыв, похожий на выстрел двенадцатидюймовой пушки. Вода взлетела высоко в небо и упала в пруд на расстоянии около ста ярдов от плотины. Множество веток, комьев грязи и камней взлетело выше деревьев, и некоторые камни упали на землю совсем рядом с нашим убежищем. Затем все звуки заглушил гул воды, устремившейся из пруда.

После того как дым немного рассеялся, мы вышли из-за дерева, чтобы посмотреть на результаты своей работы. В дамбе была дыра футов двенадцать длиной и не менее шести футов глубиной, через эту дыру уходила вода.

— Проблема решена, — сказал я с уверенностью. — Теперь они поплывут вниз по течению и, может быть, осадут в озере.

— Ты думаешь? — заметил небрежно Визи.

— А ты что, не уверен? — Я внимательно посмотрел на него. Визи немножко задумался, прежде чем ответил:

— Бобры первым делом построили плотину, не правда ли? — Не дожидаясь ответа, он продолжал: — Может быть, вместо того чтобы переселяться, они останутся и починят плотину опять?

Визи всегда был настроен скептически.

Три дня спустя мы снова пошли к пруду, и я был в полной уверенности, что ни одного бобра в колонии не осталось. Но когда мы приблизились к плотине, нас удивила тишина. Почему не слышно шума воды? За такой короткий срок вся вода из пруда не могла уйти. Когда, наконец, показалась плотина и до нее остава-

лось всего пятьдесят ярдов, я в удивлении опустился на камень, качая головой. Произошло невозможное. Дыры в плотине больше не было. Бобры полностью заделали ее.

Таким образом, мы поняли, что бесполезно тратить порох и время, чтобы попытаться выселить бобров с облюбованного ими места, взрывая плотину. Если поселение бобров, следящих за плотинкой, достаточно активно и если в нем не меньше четырех — шести бобров, дамба будет починена так же быстро, как быстро она была взорвана.

— Ну, что? — спросил Визи, пытаясь сдержать смех.

— Подожди минутку, — сказал я робко, — мне надо немного собраться с мыслями.

Минут двадцать я сидел, не двигаясь, подперев щеку ладонью и обдумывая сложившееся положение, затем ударил себя по ноге, встал и провозгласил:

— Мы будем их отлавливать — вот что мы будем делать. Если они не хотят идти по своей воле, мы заставим их переселиться.

На следующий день мы поехали к пруду, ведя за собой двух вьючных лошадей. Каждая лошадь везла по три канистры из-под керосина емкостью по сорок литров, в которых были сделаны маленькие люки. На одной лошади, кроме того, была маленькая палатка, одеяло и продукты. К седлам лошадей, на которых мы ехали, было привязано с полдюжины ловушек и три небольших колокольчика. Дуги капканов были основательно замотаны полотном.

Мы раскинули палатку в лесу на расстоянии полутораста ярдов от воды, чтобы наш запах не доносился до чутких бобровых носов. Мы привязали лошадей на лужайке в лесу, в полумиле от стоянки, поужинали, затем немного поразмыслили у костра и пошли к пруду ставить капканы.

Мы привязали концы цепей капкана к кольям, крепко воткнутым в землю, каждую цепь в середине привязали к иве, а на макушку ивы повесили колокольчик. Как только бобр попадал в капкан и пытался снова прыгнуть в воду, начинал звонить колокольчик. А в лесу ночью внезапный звук колокольчика слышен очень далеко.

Еще не совсем стемнело, когда раздался первый звонок. Визи взял вилы, которые еще недавно имели три зуба, но теперь у них оставалось только два наружных. Я взвалил на плечо канистру, и мы побежали сквозь чащу к пруду. Бешеный звон колокольчика привел нас прямо к пойманному бобру. Это был крупный самец весом около тридцати килограммов. Он бился в воде на конце цепи. Я тихонько подтянул цепь и вытащил его на сушу. Визи прижал

его толстую шею вилами к земле так, чтобы он не мог пошевелить головой и укусить нас. Я нажал пружину кашкапа и освободил бобра. Поскольку мы очень старательно забинтовали зажимы, они не оставили ни малейшего следа на лапе.

Канистра стояла рядом со мной с открытым люком. Я глубоко вздохнул и кивнул Визи: «Давай!» Как только он убрал вилы, я крепко схватил бобра двумя руками за хвост, одним резким взмахом опустил его в канистру и закрыл люк.

К полуночи во всех шести канистрах было по пленнику. Я подбросил в костер топливо и сварил кофе. Сидя у костра и потягивая кофе, я внимательно прислушивался к резким всплескам воды, которые означали бы, что в пруду еще остались бобры. Три раза я слышал отдаленный плач волка. Раз шесть ушастые филины устраивали бурное собрание в верхушках деревьев за прудом. Один раз мы услышали, как в молодой поросли сосен громко рыгнул лось. Однако все эти звуки можно услышать в лесу любой ночью, если только сидеть у костра прислушиваясь. Но ни разу мы не услышали удара хвостом по воде. Как только забрезжил рассвет и в лесу наступили серые утренние сумерки, я завернулся в одеяло, чтобы пару часов соснуть.

Шесть часов спустя мы выпустили бобров на расстоянии нескольких десятков миль к югу. Они чувствовали себя вполне прилично, хотя у них немного затекли ноги. Мы переправили их на озеро достаточных размеров, по берегам которого было изобилие пищи. Кроме того, там сохранились достоверные, хотя и малозаметные, следы того, что около ста лет назад на нем жили бобры.

Мы открыли люки канистр, и один за другим бобры вышли на гальку, подозрительно нюхая воздух, прежде чем уйти в воду. Мы оставили их на свободе, предоставив возможность выбрать себе место жительства. Погрузив канистры на вьючных лошадей, мы вернулись к лагерю и вновь поставили капканы.

Этой ночью колокольчик звонил всего два раза, и вскоре после сигнала еще два озадаченных бобра сидели взаперти в канистрах. Через несколько часов мы их освободили там же, где и первую партию. Трудно сказать, сколько бобров поселилось на новом месте, но, когда неделю спустя мы посетили озеро, там была построена большая хатка и пятьдесят или шестьдесят осин лежали на берегу с отгрызанными сучьями.

По британским законам человек не считается виновным до тех пор, как не будет доказано, что он действительно совершил преступление, в котором его обвиняют. Никто не имеет права указы-

вать пальцем на какого-нибудь человека и говорить, что «этот человек — убийца» до того, как все улики будут расследованы и суд вынесет свой приговор.

Точно так же обстояло дело и с койотами. Если мы и подозревали, что они убивают наших бобров, то это еще не давало нам права считать их виновными и выносить им приговор. Сначала мы должны были получить неопровержимые доказательства. И для того чтобы собрать эти доказательства, мне потребовалось почти целое лето.

Три месяца подряд каждый раз, когда я шел по следу, я внимательно следил за пометом койотов. Я тщательно рассматривал помет, чтобы найти в нем доказательства, необходимые для вынесения приговора. В доказательствах недостатка не было. Анализ помета девяноста шести койотов показал, что двадцать семь из них недавно лакомились домашней телятиной. Скотоводам давно известно, что койоты действительно иногда убивают телят. Другие пятнадцать кучек помета сообщили мне, что койоты зарезали оленя. В пяти кучках были волосы лося, хотя в данном случае весьма вероятно, что койоты съели остатки лося, убитого волками: они слишком трусливы, чтобы самим нападать на лося. Перья, которые я нашел еще в одиннадцати кучках, подтвердили, что койоты сняли голову несколькими криками или другим диким уткан. В семнадцати кучках в основном содержалась дозволенная добыча: белки, мыши и зайцы. А в оставшейся двадцать одной кучке мы, наконец, нашли нужные нам доказательства: в каждой кучке были хорошо переваренные остатки мяса, смешанного с шерстью бобров. Это решило исход дела. Виновность подозреваемого была доказана вне всяких сомнений. Однако привести приговор в действие было значительно труднее.

В 1941 году шкурку койота с достаточно густым мехом можно было продать за десять — пятнадцать долларов наличными или товаром, так что каждый охотник или фермер охотился за койотами. Но уже в 1943 году мех койота вышел из моды, и заготовители пушнины не скупали их шкурок. Тот факт, что стоимость меха койота стала низкой, автоматически положил конец охоте на них, продолжавшейся много лет. В результате численность койотов резко возросла. И чем больше становилось койотов, тем больше бобров они убивали.

Мы начали беспощадную войну против койотов, хотя и не очень охотно, потому что в первые дни нашей жизни на ручье они значили для нас очень много. Нам приходилось пускаться на всевозможные ухищрения. Это снова стало вопросом жизни и смерти, но теперь мы защищали не свою жизнь, а жизнь бобров. После непродолжительной предварительной разведки, так сказать пробы

оружия, мы пришли к выводу, что самым эффективным, хотя и не самым честным, средством борьбы с нашими противниками является отравленная приманка. Однако, сколько бы койотов мы ни убивали, их оставалось достаточно. Теперь, когда у нас было множество поселений бобров и разнообразной дичи по берегам прудов, Мелдрам-Крик действительно стал обетованной землей для всяких хищников. Сотни молодых уток выводились на болотах, и практически у каждой запруды гнездились гуси. На каждом гектаре воды, если там хватало пищи, теперь было множество ондатр. И конечно, там были бобры. В 1943 году средняя шкурка бобра стоила сорок — пятьдесят долларов, и каждый раз, когда койот убивал бобра, он питался довольно дорогой пищей, а платить за нее приходилось нам. При таких, казалось бы неистощимых, запасах пищи удерживать поголовье койотов в разумных пределах было трудно. На смену одному койоту приходил другой. Однако всю весну, лето и осень война не затихала ни на мгновение, и медленно, но верно численность бобров росла, хотя, если бы не было койотов, она росла бы вдвое быстрее.

Кроме того, были волки. Вероятно, волков привлекали стада лосей, которые паслись вдоль ручья и запруд в молодой поросли, выросшей вместо сваленных бобрами деревьев. Волкам было все равно кого есть — лосей или бобров: мясо и тех и других одинаково быстро утоляло голод.

Мы довольно часто натывались на гниющие трупы волков, проглотивших отравленные приманки и ушедших в чащу леса, чтобы сдохнуть в нескольких милях от того места, где он проглотил приманку. Мы, вероятно, чувствовали некоторое сожаление, но ни в коем случае не жалость, глядя на трупы, усеянные мухами. За это время с конца весны мы часто, сидя на крыше хатки бобров, слушали жалостный плач трех или четырех бобрят, сгрудившихся в кучку, голодных и тщетно ждущих мать, которая уже никогда не вернется. Нам было все равно кто виноват — волк или койот. Мы узнали, какой жестокой временами бывает тайга. И когда пришло время защищать бобров от хищников, наши сердца уже достаточно закалились. Нам было все равно — волк или койот. Это была работа, и ее надо было делать.

Я не знаю, сколько волков мы истребили с помощью отравы или винтовки за годы войны с ними, но до сих пор я ясно помню одного волка. У меня никогда не было более опытного противника. Мне потребовалось четыре года и все накопленные мной в лесу знания, чтобы свести с ним счеты.

В тот день, когда я задумчиво ходил вокруг одного из лучших наших поселений бобров, глядя на красноречивые следы погрома, учиненного кровожадным волком, в моем сердце родилась черная ненависть и губы мои прошептали страшные слова клятвы. То тут, то там валялись остатки внутренностей бобров или несколько клочков шерсти, а немного поодаль лежал наполовину съеденный труп крупного старого самца рядом с недавно сваленным тополем. Все это ясно указывало, что волк был почти сыт, когда он вонзил в бобра зубы.

Когда же я увидел, что он убил старую бобриху, моя ненависть зажглась ярким неистребимым пламенем. Бобриха лежала животом к солнцу не более чем в десяти шагах от хатки, раздутая, в ее темном подшерстке виднелись белые крапинки яиц мясной мухи, и от нее шел тяжелый запах. Она была уже старой — это правда, но ее материнство достигло самого расцвета. Она была зрелой самкой и могла бы каждый июнь на протяжении многих лет приносить по четыре-пять крепких детенышей. Теперь она была мертва, ее убили хищные челюсти Волка, но он не съел ни кусочка ее мяса. Тайга предстала предо мной с самой неприглядной стороны; я не видел никаких причин для убийства матери-бобрихи, я даже не мог придумать ни одной причины.

Была середина июня, осины и ивы уже покрылись листвой. Водяные лилии и другие водяные растения выбросили листья на поверхность, и на крыше бобровой хатки сидел молодой выводок гусей. Была середина июня, и повсюду в тайге была молодая жизнь. И хотя брюхо старой бобрихи уже разлагалось, я знал, что ее железы были полны молока, когда Волк лишил ее жизни. Я неохотно взошел на хатку и несколько минут стоял прислушиваясь. И вот я услышал то, чего ждал: из глубины хатки донесся слабый плач бобрят, умирающих мучительной и жестокой голодной смертью.

Тогда я поднял лицо к небу и поклялся: «Я доберусь до тебя, даже если мне придется потратить на это вечность!» Произнести эту угрозу было легко, выполнить ее было гораздо труднее.

Несмотря на огромный ущерб, который Волк причинил нам за четыре года войны, я ни разу не мог отнестись к нему, как к заклятому врагу. Нас связывали узы, которые даже все его кровавые преступления не могли полностью порвать: мы оба были частью тайги, нам обоим тайга давала хлеб насущный. Каждый раз, когда я доставал из капкана норку, ондатру или выдру, я тоже был убийцей. Тайга заставляла меня убивать. В противном случае мне нужно было бы собраться, уехать и никогда не воз-

вращаться назад. Ни один человек не сможет долго прожить в тайге, не убивая.

Так же было и с Волком. Он не мог лишить себя удовольствия (или необходимости) убивать, так же как самец лося не может избавиться от лихорадки брачного периода. Его кровавая страсть к уничтожению принадлежала ему по праву наследства, она была рождена в нем и вскормлена молоком облезлой волчицы, давшей ему жизнь.

За те четыре года, что я охотился за ним, я часто видел огромные отпечатки его лап в грязи или в снегу, когда он проходил по нашей территории как привидение, но только один раз я увидел его живьем. Это было в середине декабря, когда я ставил капканы на норку и выдру в незамерзшем ручье, журчавшем среди елей, окружающих ондатровое болото. Такие ручьи довольно часто встречаются на севере, и вода в них не замерзает даже при 40° мороза. Я подъехал к краю болота верхом, но затем привязал лошадь к дереву и пошел по льду пешком. Мое крупнокалиберное ружье было в чехле привязано к седлу, а за плечом у меня было однозарядное ружье калибра 22 на случай, если в капкане будет живая норка или выдра.

Внезапно в камышах показалось какое-то серое тело, такое большое, что я сначала принял его за оленя. Но когда он повернулся и побежал, я понял, что наконец мы с Волком встретились. Нас разделяло всего сто двадцать ярдов льда. Несколько секунд убийца стоял, повернувшись ко мне боком — великолепная мишень для любого, достаточно мощного ружья. Но мое легкое ружье было так же бесполезно, как рогатка. Затем он повернулся и легко побежал прочь, похожий на серую молнию в слепящем солнце, и растаял в неясной тени елей.

Я направился в камыши посмотреть, что он еще натворил, и лед дал мне красноречивый ответ. Крыши четырех хаток ондатр были разбросаны по льду; это означало, что четыре ондатры погибли в челюстях Волка.

Подсчитать весь ущерб, который он нам нанес за четыре года моей охоты за ним, было бы непосильной задачей. Некоторые из его преступлений были мелочью для Волка, но для нас они все равно были горькой утратой.

Например, однажды он наткнулся в ельнике на мои ловушки и, нисколько не задумываясь, сожрал двух крупных норок, попавших в капканы. В то время на норок был большой спрос, и каждая шкурка стоила пятьдесят долларов. Двумя взмахами челюстей он лишил нас сотни долларов, и, чтобы показать, что он не питает к нам никаких дурных чувств, задрал ногу и оставил на пустых капканах свою метку.

О, у него был очень острый ум, не менее острый, чем самое лучшее лезвие! Если я ставил на него три волчьих капкана и тщательно прятал их под опавшей еловой хвоей, а над ними привязывал голову оленя для приманки, как вы думаете, что он делал? Он обходил опасное место кругом, задира л ногу и оставлял на кусте свою метку, а затем шел добывать оленя сам. Однако, если в капкан попадала рысь или норка, он подходил, презирая запах стали, и упрятывал их в свою ненасытную утробу. У индейцев существует предание, что все дурные индейцы после смерти возвращаются на землю в образе волков. Если это действительно так, то индеец, принявший образ нашего Волка, был очень умной личностью, но весьма скверной.

Куда бы ни отправился призрак-убийца, за ним всегда шло не меньше полдюжины койотов, которые держались на безопасном и почтительном расстоянии. Койоты по натуре оппортунисты, и они предпочитают, чтобы убийства совершал волк; сами же держатся в тылу, а когда волк уходит, съедают остатки. Когда Волк охотился на нашей территории, остатков было достаточно.

Я осматривал капканы на берегу озера Мелдрам. Лед на озере был восемь дюймов толщиной, прозрачный как стекло. Я ехал верхом и, глядя вниз, видел под копытами лошади стайки толстой рыбы-скво так же ясно, как если бы льда не было совсем. Поскольку подковы у моей лошади были новые, я не боялся, что она поскользнется и сбросит меня на лед.

В озеро вдавалась узкая полоска земли, покрытая несколькими дюймами снега. Я выехал на полуостров, и, как только моя лошадь ступила на снег, я понял, что где-то поблизости было совершено убийство. Об этом говорили следы койотов на снегу. На противоположном краю полуострова, у самого льда, я увидел след, по сравнению с которым следы войны казались такими же маленькими, как следы домашней кошки рядом со следом пумы. Как только я увидел эти следы, я понял, кто их оставил. «Он опять принялся за свое», — мрачно сказал я лошади. Но где?

Я получил ответ на свой вопрос, как только вновь выехал на лед.

Пару дней назад я видел двух оленей, самку и теленка, гревшихся на солнышке на гряде над озером. Теперь от них осталось лишь красное пятно на льду да пара клочков шерсти. По привычке я бросил на замерзшую кровь семь или восемь кусочков мяса, отравленных стрихнином, и палкой сгреб на них оленью шерсть, чтобы сороки или сойки не нашли их и не унесли на верхушку какого-нибудь дерева. С тех пор как Волк стал совершать набеги на нашу территорию, я всегда имел при себе несколько отравленных

приманок в надежде, что когда-нибудь он по ошибке проглотит одну или две.

Затем я выехал на берег и стал осматривать лес. Я нашел пихту, под которой спали олени. По их следам я прочел, что они в испуге побежали к озеру, Волк — следом за ними. Когда олени выбежали на лед, они не могли удержаться на ногах и были обречены.

Два дня спустя я снова осматривал капканы на озере Мелдрам, но у меня было мало надежды, что Волк вернется к месту убийства и проглотит одну из приманок. Подъехав туда, я увидел застывшие трупы двух койотов в сорока ярдах от того места, где были убиты олени. Немного поодаль, там, где лес подступал ко льду, лежал третий койот, также погибший от отравы. Но Волк не возвращался. Он, вероятно, был уже в нескольких десятках миль отсюда, для него ничего не стоило пробежать такое расстояние по мелкому снегу. Он постоянно перемещался с места на место, никогда не останавливаясь, будто тяжесть совершенных им преступлений не давала ему покоя.

Со временем я потерял счет койотам, погибшим в капканах, западнях или от отравы, предназначенной исключительно для Волка. Но ни на минуту я не отступал от клятвы покарать его во имя справедливости.

Четвертая зима моей охоты за Волком была «чертовской», по местному выражению. Я пережил с полдюжины таких зим, и каждая оставляла на мне свою отметину. Как обычно, Волк промышлял на нашей территории всю осень. В тот день, когда он выгнал двухлетнюю лосиху из бурелома и протащил ее к краю пруда, где жили бобры, я отставал от него всего на сотню ярдов. Я прибыл на место как раз в тот момент, когда ее внутренности начали вываливаться через рану в брюхе, нанесенную Волком. Но конечно, он услышал меня, и, когда я приблизился, он уже был, наверное, в миле от этого места.

Между рождеством и Новым годом на нас с севера поползли грязные тучи. Около полуночи я проснулся от дикого завывания ветра. Я встал и сразу понял, что пришла «чертовская» зима. Я чувствовал, как колючий ветер пробирался в дом между бревнами. Я разжег печку дровами и снова забрался в постель, думая о поставленных мною капканах и о том, когда снова смогу осмотреть их.

Утром, когда я пошел в сарай, северный ветер почти разрубил меня надвое. Ветер нес с собой сплошную пелену колючего снега. Когда снег падает мокрыми пушистыми хлопьями, это означает, что метель скоро кончится, но когда зловеющий арктический ветер хлещет снежной крупой, я всегда озабочен. Никогда не знаешь,

скоро ли кончится метель и какой глубины будет снег, когда она кончится.

Три дня буран бушевал не умолкая. Иногда к сумеркам он как будто стихал, но после ужина мы снова слышали, как снег бьется в кухонное окно.

Цветник, который разбила Лилиан, был окружен сеткой высотой в полтора метра, и я сидел у окна, задумчиво глядя, как снег медленно подбирается к ее верхнему краю. Когда над снегом осталась лишь узкая полоска сетки, я решил, что мне лучше выйти из дому, оседлать лошадь и поехать снять часть капканов, которые я поставил у стока бобровой плотины в западной части нашей территории.

Несмотря на то что на мне был тулуп, меховая ушанка и рукавицы из лосиной шкуры, а под ними шерстяные варежки, я почти превратился в ледышку, пока объезжал плотину за плотиной. Когда я выехал из дома, было всего 30° мороза, но, пока ехал, ветер и снег проморозили меня насквозь. Я боролся с бурей восемь часов, осмотрел капканы и в награду получил пару норок и выдру. За все это время я ни разу не видел ни единого следа и ни единой птицы. Казалось, что мой путь лежал по царству смерти.

Когда снегопад кончился, над снегом виднелось лишь несколько дюймов сетки. Тучи рассеялись, и к ночи распухшая горькая луна пролила свой ледяной свет на лес. Воздух стал неподвижным, ни одна ветка не колыхнулась под тяжестью снега. Тайгу безжалостно сковал молчаливый пронзительный холод. Кадки с водой в кухне за ночь замерзли, банки сгущенного молока и варенья тоже замерзли. Как только я выходил на улицу, мороз пробирался в легкие и вызывал кашель до рвоты. Когда я утром ходил в сарай, лошади были покрыты инеем, а по ночам мы постоянно слышали монотонный скрип снега под копытами лосей, которые двигались взад и вперед, пытаясь согреться непрерывным движением. Наш термометр перестает работать при температуре ниже —45°. Шесть дней подряд по утрам ртуть уныло лежала в шарике, не в силах спуститься ниже.

Какой был мороз, 50 или 55°? На этот вопрос я никогда не смогу ответить, но иногда я был готов поклясться, что были все 60°.

Январь почти прошел, когда, наконец, подул чинук. Этот теплый ветер с Тихого океана прогнал массы полярного воздуха, так долго мучившие тайгу. В течение тридцати часов дул с океана теплый ветер, и под его дыханием снег становился влажным, но глубина его не уменьшалась. Затем так же внезапно ветер стих, на небе появились звезды, и снег стал замерзать.

— К утру снег выдержит койота весом десять килограммов,—

заметил я с беспокойством,— а через день он выдержит взрослого волка.

Я мог бы добавить, что под копытами лося или оленя снег провалится, но это было излишне: Лилиан знала сама.

В тот вечер, выйдя к проруби за водой, я внезапно замер прислушиваясь. То, что я слышал, слабо доносилось с востока. Это был мрачный и жуткий плач. Он не был похож на заклинания или причитания, это была отчаянная, леденящая душу песнь волка, сидящего на снегу и воющего на луну. Я покачал головой: смерть снова начала гулять по земле.

Не наш ли это Волк? Этого я не знал, но имел твердое намерение выяснить это возможно скорее. Вой раздавался ниже по ручью, вблизи нашей охотничьей избушки. Когда я наполнил ведра водой, я уже знал, что нам надо делать, и, вернувшись в дом, поделился своими планами с Лилиан и Визи.

— Где-то у избушки на ручье бродит Волк,— сказал я.— Думаю, что нам надо собраться и перебраться туда на несколько дней, чтобы посмотреть, в чем дело.— Увидев, что Лилиан удивленно подняла брови, я пояснил:— К утру на снегу прольется кровь. Оленя или лося — не знаю, но прольется. Впрочем,— я пожал плечами,— нет большой разницы, где мы будем: там или здесь.

— Когда мы тронемся? — спросила Лилиан нахмурившись.

— Послезавтра. Утром я проложу дорогу.

Я знал, что, если я сначала не проложу дорогу незапряженными лошадьми, добраться до избушки с груженными санями будет невозможно.

— У меня будет мало времени на сборы,— пожаловалась она.

— Согласен, но, если мы не переберемся туда тотчас же, этот мерзавец может покинуть наши края. Время, вода и волки никогда не ждут человека.

— Мне надо напечь хлеба, пирогов и приготовить еще много другой еды,— ворчала Лилиан,— ну их к черту, этих волков. Почему они не ведут себя как следует?

— Они ведут себя именно так, как следует,— вмешался Визи.— Они делают то, что заложено в них природой.

Визи был реалистом. В четырнадцать лет он мог добывать зверя капканом так же умело, как мужчины, занимавшиеся этим всю жизнь. Редко-редко удавалось оленю уйти, если Визи шел по его следу. Правда, в жилах Визи было немного индейской крови, и иногда это сказывалось. В случае необходимости он мог среди ночи выбраться из чащи леса, не видя ни единого следа или звезд. Для Визи капканы были способом зарабатывать на жизнь, а ружье — средством добывать пищу. И то и другое он считал такой же обычной работой — все равно что принести воду или

нарубить дров. Это была обычная работа, которую надо было делать, и, чем скорее, тем лучше.

Он был не по годам взрослым. В его годы другие дети продолжали читать комиксы, а Визи читал Карла Маркса. Вместо того чтобы заниматься детективными рассказами, он читал «Теорию экономического развития» Льюиса.

К пятнадцати годам Визи убил трех волков и получил от правительства премию сорок долларов за их головы. Если он наводил ружье на койота, того можно было считать мертвым, как только Визи нажимал курок. Тем не менее он не получал никакого удовольствия, убивая животных. Он был еще совсем мальчиком, когда жизнь в тайге научила его считать, что каждая ондатра, убитая филином, или бобр, убитый койотом, являются убытком для нас. При этом он знал, что все хищники рождены для определенной цели, и, убивая других животных, они просто следуют тому, что заложено в них природой.

Охотничья избушка была всего в пяти-шести милях от дома. Дорога к ней вела вниз по ручью, и, если лед на запрудах был достаточно прочным, мы шли по льду.

Шесть миль! Я мог дойти туда на снегоступах по хорошему снегу за полтора часа, но, чтобы добраться туда с груженными саними, мне потребовалось целых три дня. Я выехал из дома на рассвете верхом и гнал впереди себя лошадей в упряжи, но не запряженных в сани. Они просто прокладывали путь. Передние ноги лошадей были забинтованы холстом так же основательно, как капканы, которыми мы отлавливали бобров. Без повязок они поранили бы ноги о снежную корку и в миле от дома погибли бы от потери крови.

Наш путь был болезненно медленным. По дороге нам всюду попадались следы койотов, а в одной миле от дома я наткнулся на след одинокого оленя. С наветренной стороны глубокой борозды, которую он оставлял за собой, виднелись следы трех или четырех койотов, преследовавших его. Я подумал: «Они догонят беднягу раньше, чем он пройдет одну милю. Теперь от него осталось, наверное, всего лишь пятно крови на снегу, несколько клочков шерсти да, может быть, немного внутренностей, и все. У оленя не было никаких шансов на спасение».

Мне потребовалось четыре часа, чтобы добраться до места. Я привязал лошадей к тополию неподалеку от избушки. Их спины покрылись серым инеем от пота. Тряпки, которыми были обмотаны их ноги, превратились в узенькие ленточки, но теперь это не имело значения, так как путь был продолжен. Я вытащил с полдюжины древесных крыс из капканов, обругал тех, которые не попали в капканы, но загадили весь стол пометом. Я разжег огонь

в железной печке и поджарил себе несколько ломтиков бекона. Бекон был подвешен на проволоке к стропилам, куда крысы не могли добраться. От холода у меня разыгрался аппетит, и, после того, как я подобрал пресными лепешками все сало, мир показался мне намного лучше. Теперь можно было отправляться в обратный путь.

Однако, прежде чем доставить в избушку груз — сено и овес для лошадей, постели и провизию для нас, мне нужно было расширить путь передком от саней. На это у меня ушла большая часть второго дня. Уже смеркалось, когда на третий день наша усталая упряжка подъехала к двери избушки и мы начали разгружаться.

В конце октября я убил лося приблизительно в двух милях от избушки. Разделав тушу и погрузив мясо на лошадей, я разбросал отравленные приманки возле внутренностей и прочих остатков туши, предполагая, что волки или койоты придут туда поесть. Вот почему меня теперь так тянуло к избушке: у меня теплилась надежда, что, может быть, острый голод заставил Волка прийти к останкам лося и, когда он рыскал по снегу, он по ошибке проглотил одну из приманок.

В ту ночь погода была на моей стороне. Наст припорошило сверху слоем снега около дюйма, и все следы были ясно видны. Я знал, что выслеживать добычу на снегоступах будет гораздо легче, чем верхом, и поэтому смазал ремни лыж жиром койота, сунул в карман бутерброды с олениной, приготовленные Лилиан, и пошел в лес с ружьем в руках, подогреваемый надеждой. Наст под лыжами был крепким, как устоявшийся цемент, и я продвигался со скоростью не менее пяти миль в час.

Приближаясь к останкам лося, я немного замедлил шаг, так как мне стали попадаться следы койотов. Множество следов. От внутренностей почти ничего не осталось. Койоты выкопали их из снега и съели. Я не стал тратить время, осматривая мертвых койотов. Приблизительно в сотне метров от этого места была голая возвышенность, на вершине которой росла огромная одинокая пихта. Я знал, что волки любят устраиваться на лежку в местах, откуда они могут видеть все, что происходит вокруг. Итак, я пошел туда.

Я был уже почти на вершине, когда вдруг увидел след и остановился. Это не был след койота.

Волк! К этому времени я знал его следы так же хорошо, как следы своей верховой лошади. И вот передо мной был след Волка, который похищал у меня моих бобров, Волка, который убил бесчисленное множество лосей и оленей, Волка, который грабил наши капканы каждый раз, когда натывался на них. Он лежал у подножия дерева достаточно долго, чтобы тепло его тела могло расто-

пить наст. Он точно знал, где находятся внутренности лося, но он не подошел к ним ближе, чем на сто ярдов. О, он был очень хитер, он никогда не доверял добыче, которую не убил только что сам!

Я обошел холм и увидел его следы, уходящие к северу. Он прошел вдоль низины, прошел через ельник, такой же густой, как мех рыси, взобрался на мрачную голую гряду, спустился на противоположную сторону и внезапно резко повернул к востоку, в редкий сосняк; здесь он вдруг остановился и присел на снег.

Ярдах в пятидесяти впереди меня по снегу пробирался одинокий олень. По обеим сторонам его следа виднелись тонкие полоски крови. Я остановился и сказал себе: «Это олень поранил ноги о наст».

Волк подошел к следу оленя и понюхал кровь, затем пустился галопом, держась подветренной стороны. Неравная борьба началась. Под большой сосной я четко видел следы оленя — крупного самца или не менее крупной самки. Шаг Волка стал шире, и через полмили я подошел к тому месту, где он спугнул оленя. Волк пошел быстрее. Олень продвигался по насту семимильными прыжками. Шаг Волка стал еще шире. След оленя начал вилить из стороны в сторону, обреченное животное то и дело спотыкалось. Теперь Волк бежал изо всех сил.

Он догнал оленя, когда тот выбежал из леса и пересекал поляну. Там были сугробы высотой около десяти футов. Олень лежал в одном из них. Он, вероятно, умер от испуга и усталости еще до того как Волк прокусил ему печень. Во всяком случае я надеялся, что это было так.

Волк съел сердце и печень, разбросал кишки по снегу и сгрыз большую часть одной задней ноги. Больше он ничего не тронул, из чего я заключил, что этот олень не был его единственной добычей с тех пор, как снег покрылся настом. Голодный волк может съесть оленя за один присест.

Судя по всему, олень был убит на рассвете. У Волка было не меньше четырех часов в запасе, и теперь он мог быть далеко, на расстоянии более шести миль. Но у меня тоже было впереди много времени, поэтому я съел бутерброды, глотнул пригоршню снега и осмотрел ремни снегоступов. Затем двинулся вперед по следам.

Волк около часа лежал под деревом, а затем снова пошел на восток ровной рысью.

— Он выйдет к Большим Озерам, если все время будет идти в этом направлении,— заметил я вслух. Большие Озера длинной шесть миль лежали на восточной границе нашей охотничьей территории.

Вблизи озера я увидел много следов лосей. Берега озера густо поросли ивняком, и здесь паслись лоси. Хотя некоторые следы были совсем свежими, Волк не обращал на них внимания и упорно шел на восток.

Совсем близко от озера я вышел на узкую просеку, которую прорубил в густом ельнике для верховых и вьючных лошадей, когда ставил по берегу капканы. Койоты, лисы, а иногда и волки пользовались этой удобной дорогой через ельник, поэтому еще поздней осенью я устроил там несколько западней. Они были скрыты под густыми ветвями склонившихся деревьев, где глубокий снег не мог вывести их из строя.

Шаги Волка стали короче, когда он увидел покрытый снегом лед. В одном месте он недолго полежал в снегу, прежде чем встать и тронуться дальше. У самой кромки льда Волк снова остановился. «Что это он задумал?» Затем я посмотрел на лед и взорвался: «Ах ты, проклятый убийца!»

Впереди на льду повсюду виднелись клочья темной шерсти, и снег был забрызган кровью, как будто бы там одновременно дрались с полдюжины лосей и столько же волков. Но, подойдя ближе, я увидел, что все это были следы одного молодого лося и одного волка.

Волк играл с лосенком и мучил его, как кошка мышку. И это на полный-то желудок! Я бы простил Волку даже этого лосенка, если бы он действительно был голоден. Но он уже насытился оленем.

Клочки шерсти и кровь на снегу рассказали мне о том, что случилось дальше. Лосенок почти пересек озеро, когда Волк высочил между ним и берегом. Убийца гнал лосенка все дальше и дальше на лед, а затем преградил ему путь, как корова преграждает путь бычку. Время от времени, когда ему приходило в голову, Волк на скакивал на лосенка сбоку и своими острыми клыками наносил ему кровавые раны. Волк мог бы быстро покончить с лосенком на льду, но он предпочел продлить его мучения и свое удовольствие.

Идя по следам на озере, я увидел место, где Волк залег в снегу и дал лосенку возможность скрыться на берегу. Некоторое время я изучал след, оставленный его брюхом. Я ясно представил себе Волка, лежащим на снегу с дьявольской ухмылкой на морде, и подумал: «Ты знаешь, что лосенок не может уйти далеко. Ты дал ему возможность спрятаться в лесу, чтобы потом снова броситься на него и еще раз получить удовольствие от кровавой игры».

Я прошел по следам лосенка в лес. Там Волк снова догнал его большими прыжками. Следы вели меня через густые ивы и редкие

тополя к ельнику. Я уже видел помеченные деревья на просеке, вдоль которой были западни.

Я шел по просеке, глядя вдоль нее. Вдруг я остановился как вкопанный с раскрытыми от изумления глазами. Сердце забилось.

— Западня! — возглас, сорвавшийся с моих губ был криком удивления и возбуждения. — Слава богам, он попал в западню!

Тут мне показалось, что огромное серое тело, болтавшееся в петле, движется. «Он еще жив», — проговорил я, быстро загнал в ствол патрон и вскинул ружье. Затем медленно опустил его. «Он мертв, как соленый лосось», — сказал я себе. Дерево, к которому был привязан шест с пружиной, слегка двигалось, и от этого тело Волка покачивалось, как если бы он действительно был жив.

Затем мой взгляд упал на лосенка, лежавшего в снегу под петлей. На минуту я забыл о Волке и прошел мимо его болтающегося тела, чтобы посмотреть на изувеченного лосенка. Он никогда уже не встанет на ноги, хотя в его теле еще теплилась жизнь. Я приложил дуло ружья к его голове и тихо нажал курок. Так было лучше.

Я снова повернулся к Волку. Он весил, вероятно, около пятидесяти килограммов и, несомненно, был самым крупным из всех мертвых волков, каких я когда-либо видел. Я медленно присел на корточки, раздумывая над тем, как и почему он просчитался. Будучи спокойным, Волк никогда бы не сунул голову в западню, как бы хорошо она ни была замаскирована. Волк слишком хорошо знал запах стали. Может быть, действительно повадился кувшин по воду ходить... На мгновение ослепленный желанием догнать лосенка, не видя и не чувствуя ничего вокруг, Волк сунул голову в западню, не успев учуять ее запаха. Его первый отчаянный прыжок освободил пружину, которая удерживала верхушку двадцатипятифутового шеста с прикрепленной к нему петлей. Шест поднялся, и Волк взмыл в воздух, отчаянно стараясь освободиться от предмета, душившего его. Однако петля, как и сам Волк, не знала жалости. Она убивала все, что в нее попадало.

Так погиб Волк. Он был убийцей всю свою жизнь и погиб смертью убийцы. В верхушках деревьев уныло рыдал ветер, и молодой месяц сардонически смотрел вниз и молчал, хотя он многое видел.

Глава XXII

В моем желудке покоплась половина жареной кряквы, а поверх нее — четверть голубичного пирога. Старина-солнце готовилось отойти ко сну, а старуха-луна, толстая, как осенняя репа, собира-

лась занять свое место над вершинами деревьев в совершенно иной части света. Это был мой самый любимый час суток. Стая шумливых чернтей³⁹ переругивалась в зарослях рогоза, а напротив меня в пруду по брюхо в воде стояла олениха с олененком, утоляя вечернюю жажду.

Бобры вышли на очередную вечернюю вахту для осмотра плотины. Я подумал: «Нынче в этой колонии, вероятно, дюжина бобров, никак не меньше».

Закончился еще один день работы, и приятно было сознавать, что тобой что-то сделано. Будь то мера дров, напиленных, наколотых и уложенных к зиме, или старая протока, расположенная на противоположном конце озера Мелдрам, где поселилась теперь пара выдр. Совершенно очевидно, что, когда озеро снова замерзнет, выдры будут навещать эту протоку, а большинство жителей леса умеют прорубить во льду отверстие, ведущее к подводному входу в жилище выдры, воткнуть пару кольев в дно и поставить ловушку. Хорошая шкурка выдры стоила двадцать пять долларов.

Или, может быть, это было удовлетворение от того, что ты поймал полдюжины виргинских филинов; численность филинов тоже надо было регулировать: они охотились на ондатр. А может быть, это было сознание того, что удалось, наконец, свести счеты со старым койотом, который в свое время погубил много бобров, но теперь уже не сможет этого делать. Это были мелочи, но тем не менее это все-таки были дела. Все они в конечном итоге составляли нечто большее, а человек живет ради того, чтобы что-либо сделать, завершить.

Вечерние сумерки. Половина населения тайги уже готова отойти ко сну, а другая половина готовится встать на вахту. Тайга никогда не спит. Она трудится день и ночь напролет, она никогда не бывает абсолютно спокойна.

В этот вечер бобрята рано вышли на прогулку. Обычно мать не дает им покидать дом, пока совсем не стемнеет и зоркие глаза хищников уже не смогут увидеть их, но сегодня они убежали из хатки через несколько минут после захода солнца и вереницей поплыли к большому камню.

Может быть, им казалось, что они обманули мать и сумели убежать из дома незаметно. Если так, то они обманывали только себя. Мать начеку. Она лежит неподвижно в центре пруда и очень хорошо знает, где ее малыши. Старую мать-бобриху невозможно обмануть, когда она следит за малышами.

В сентябре будет пять лет, с тех пор как бобры поселились на ирригационной плотине и ручье Мелдрам. Может быть, эта старая бобриха одна из двух первых пар, но я этого не могу доказать. Некоторые охотники говорят, что бобриха может прожить

двадцать лет и больше, если она не попадет в капкан или в зубы к хищнику, хотя, каким образом они это установили, я толком не знаю. Наши первые две пары бобров поселились в водах Мелдрам-Крика в 1941 году. Но только через девять лет мы поставили первый капкан и поймали первого бобра. К тому времени не только ручей, но и многие отдаленные озера были набиты бобрами до отказа. Бобры вернулись и в другие ручьи и озера за милю от наших охотничьих владений. Так же как и от камня, упавшего в воду, все шире разбегаются волны, так и бобры к 1950 году расселились по большей части Чилкотина.

На камне едва хватает места для одного бобренка, и каждый из них думает, что это место принадлежит ему. Им по десять недель, а весят они в три раза больше ондатры. Когда они шлепают хвостами по воде, можно поклясться, что это всего лишь форель, выскочившая за мухой. Они научились этому мастерству, наблюдая и слушая, как старшие бобры бьют хвостом по воде, и они запомнят это на всю жизнь.

Вот один из них сидит на камне, и с полминуты удерживает позиции против остальных трех бобряток, подкрадывающихся, чтобы совместными усилиями спихнуть его вниз головой в воду. Однако эти малыши неплохо умеют играть в войну. Пока двое нападают спереди, третий подкрадывается сзади, потихоньку взбирается на камень и одним резким рывком сбрасывает крепыша в воду.

Все это напоминает мне игру, в которую я играл мальчишкой много лет назад в Англии, когда все мои знания о канадской тайге исчерпывались тем, что я прочел у Джеймса Оливера Кервуда или Фенимора Купера. Для мальчика девяти-десяти лет воображение намного реальнее жизни. Поле зреющей пшеницы — это бесконечный таинственный лес, ручеек — могучая река, через которую надо как-то переправиться. А если надолго закрыть глаза и крепче зажмуриться, эти маленькие кучки земли перестают быть кротовыми выбросами — это хатки бобров, выступающие из озера, затерянного в горах.

Кто-нибудь из мальчишек лез на каменную стену, которая в его воображении превращалась в крепостной вал, и бежал по верху стены, показывая нос своим товарищам, пытавшимся поймать его и столкнуть на землю. Дети людей и дети бобров одинаково дают волю воображению.

За пять лет тайга вокруг нашего дома изменилась. Изменилась и часть холма, спускающаяся к воде от того места, где я сижу. Пять лет назад на этом склоне росли такие густые и высокие тополя, что в полдень за ними не было видно солнца, во всяком случае когда деревья были покрыты листьями. Это были в

основном высокие деревья диаметром около десяти дюймов у комля.

Земля, на которой они росли, не родила ничего, кроме кислой, несъедобной лесной травы. Жадные тополя выпивали все соки и влагу из земли, не оставляя ничего для другой растительности, если бы она вздумала там появиться. Даже на самой богатой земле нельзя вырастить съедобное растение, если на нее не попадает ни один луч солнца, в период, когда молодая поросль идет в рост. Для того чтобы земля могла давать хороший урожай, нужны и солнце, и ветер, и дождь, и глубокий зимний снег.

Теперь на расстоянии тридцати ярдов от берега не было ни одного взрослого тополя. Бобры скосили их, как косилка — поле пшеницы. Вначале нам это казалось бессмысленным, так как деревья в большинстве оставались лежать сваленными в кучу, их кора и ветки были почти нетронуты. Нам казалось, что бобры срезали эти деревья зря.

Но за пять лет мы поняли, в чем дело. Это не было напрасным переводом леса. Это было частью грандиозного плана. Теперь, когда тополя были свалены, солнце могло хорошо прогреть землю и сделать ее сладкой. Сочные стебли чины потянулись вверх там, где прежде росла только лесная трава. Выросли кусты ежевики, и их ягодами приходили лакомиться медведи и воротничковые рябчики. Олени покидали бор, чтобы отведать цветущей вики, а когда созревали плоды, из воды выходили канадские казарки и утки полакомиться налитыми стручками.

Пока там росли тополя и выпивали из земли все соки, ничто не могло расти. Но вот бобры свалили деревья, и, так как земля была плодородной, вскоре на ней появилось с полдюжины видов нежных лиственных кустарников, хотя прежде там росли только тополя.

Теперь эти кустарники были уже по плечо верховой лошади — великолепный зимний корм для лосей, спускавшихся с гор. Летом в их листья размножались и кормились насекомые, которыми в свою очередь кормилось множество птенцов синей птицы⁴⁰ и другой пернатой молодежи.

Так, благодаря деятельности одного вида диких животных — бобров — обеспечивались условия жизни и питание множества других видов животных. Вероятно, до рождения Колумба бассейны рек Североамериканского континента были чрезвычайно богаты дичью и примыкающие к ним земли нужно было непрерывно обрабатывать, чтобы обеспечить всех достаточным количеством пищи. И возможно, природа поручила обработку земли бобрам. Построенные ими плотины удерживали и сохраняли воду на тысячах крупных и мелких рек, орошая окрестные земли и сохраняя

их влажными и прохладными даже в самые жаркие летние дни. Ничто из того, что могло способствовать благосостоянию жизни в лесу и в воде, не пропадало зря. Ни одна частица плодородного верхнего слоя земли не уносилась в океан, а отлагалась на дне озера или ручья, удобряя земли, на которых росли водяные растения, служившие пищей рыбе и водяной дичи. Ни одно лиственное дерево у берегов воды не имело права протягивать свои ветви так высоко, чтобы олени, живущие под ними, не могли дотянуться до них. Вся влага, которую можно было сберечь плотинами, сохранялась, ибо за дождливыми годами следовали засушливые, и в благоприятные годы нужно было накопить достаточно воды, чтобы ее хватило на голодные годы. Бассейны рек и леса всегда могли прокормить обитавших в них животных, и они никогда не знали таких бед, как эрозия почвы или высохшие зловонные русла ручьев. И вот на эту благодатную землю вступил человек.

Я уже не вижу старой бобрихи, плавающей в центре пруда — его покрыла тень. И все же я знаю, что она где-то там и что она чутко прислушивается, нет ли поблизости хищника. Пока малыши играют, мать всегда рядом и следит за ними.

Каким-то образом трое малышей умудрились одновременно залезть на камень, и теперь они машут кулачками, толкаются и воинственно покрикивают, борясь за право остаться. Но вот все три гладиатора кубырьком летят в воду, а четвертый, терпеливо ожидавший своего часа, залезает на камень и гордо садится там — он победитель.

За пять лет пруд тоже изменился. Почти вся поверхность воды покрыта широкими листьями кубышек, и сейчас повсюду видны их желтые цветы. Пять лет назад то тут, то там встречались одиночные растения, но обильных зарослей не было. Бобры своей деятельностью непрерывно культивируют дно озера. Они подняли со дна тонны ила, чтобы укрепить плотину, а осенью покрывают толстым слоем ила и свои хатки, чтобы защитить их от укусов зимних морозов. В результате этой непрерывной очистки на дне создаются хорошие условия для водяных растений.

Бобры не только пахут и боронуют, они и сажают. Плод одной кубышки содержит много семян, но как они могут расселяться по окрестным водам, если их никто туда не занесет? В конце лета, когда плоды вполне созреют, бобры медленно плавают от растения к растению, поедая плоды, пока не насытятся. Несколько часов спустя семена снова попадают в воду, но уже на расстоя-

ний полумили или более от того места, где они были съедены. Мякоть плода переваривается в желудках, а семена уносятся вместе с их экскрементами. Запрятанные в помете, они падают на дно и лежат там, не пробуждаясь, всю зиму, а весной выпускают тоненькие корешки. Там, где раньше не было ни одного растения, возникает плантация кувшинок.

Шлеп! Мать-бобриха медленно плавает по кругу, высматривая, не затаилась ли где опасность. Шлеп! Теперь ее хвост сигнализирует об опасности, и всплеск такой громкий, что слышен далеко в лесу. Бобрята тихо соскальзывают с камня и быстро уплывают. Сегодня они больше не появятся. Я остаюсь сидеть, раздумывая, что это могло взволновать бобриху, заставить ее прекратить игру и отозвать бобрят в хатку. Мне не пришлось долго ждать. В верхнем конце пруда, недалеко от того места, где я сижу, кто-то быстро плывет, разрезая воду. Ни один бобр или ондатра не может создать таких широких, быстрых волн — в этом я абсолютно уверен. Это зверь, умеющий бесшумно скользить по воде с вдвое большей скоростью, чем бобренок. И под водой тоже.

Из воды появляется темная бархатная голова, похожая на голову змеи. Я вижу узкую полоску пушистого коричневого меха в том месте, где из воды выступает спина животного. И наконец, я вижу толстый, сужающийся хвост, похожий на хлыст, и по нему я узнаю пришельца. Это — выдра, старая выдра, которая может сломать спину любому бобренку одним взмахом челюстей.

Но сегодня ночью ей не удастся отведать бобрятин. Она по опыту знает, что если вздумает потягаться силами с взрослым бобром, то ничего не добьется, кроме глубоких кровоточащих ран. Теперь малыши находятся в безопасности, а мать охраняет вход в хатку. Она учуяла выдру еще до того, как та подплыла к камню. Она предупредила бобрят об опасности ударом хвоста о воду, и они, не раздумывая, послушались ее приказа и укрылись в хатке.

По дороге домой, осторожно пробираясь между остатками сваленных тополей, я остановился у одного из деревьев, которое имело в обхвате почти два фута. Бобры обглодали немного коры и срезали несколько сучьев, но большая часть дерева осталась нетронутой. Я присел на ствол, думая: «Сколько лет пролежит оно здесь, прежде чем время и стихия полностью разрушат его? Лет сорок, пятьдесят, вероятно». В конце концов каждая частица коры и древесины исчезнет с глаз человека, и тополь снова превратится в землю, из которой он вышел в жизнь. Именно так обстояли дела на берегах пруда и в хвойных лесах — то тут, то там лежали деревья, сваленные ветром или бобрами, медленно гнивая, пока

от них, наконец, ничего не останется. И все же, может быть, эти деревья продолжали жить. Они продолжали жить в виде гумуса, в который превратилось их сгнившее тело. И скоро из этого гумуса появится тоненький росточек, возвещающий о рождении нового дерева. Если Человек сам не подпишет смертного приговора тайге, она никогда не исчезнет.

Глава XXIII

Зимой погода брала над нами верх, и мы становились ее рабами. Если она говорила: «Сегодня охотиться вам не придется, будете сидеть дома как миленькие», то мы и не охотились и сидели дома как миленькие. Читали, расчесывали гребенками и щетками шкурки норок, изготавливали очередную дюжину правилок для шкурок ондатры, а когда нам надоедало сидеть сиднем, мы, чтобы размяться, выходили на улицу поглядеть на термометр, который утром, на восходе, показывал 45 ниже нуля, а теперь показывал 43. Если бы мороз был не больше 40, то мы могли бы сказать себе: «Ну что ж, погода разрешает нам проверить капканы, если мы не будем присаживаться на поваленных ветром деревьях и отдыхать дольше, чем одну минуту». Но если ртуть опускалась ниже 40°, мы знали, что погода приказывает нам сидеть дома как миленьким, смотреть, что там пишут в книгах, наводить блеск на норочки шкурки или постругивать какую-нибудь дощечку для очередной правилки.

Начиная с осени 1937 года мы могли, если погода приказывала нам сидеть дома, повернув пару ручек, в мгновение ока очутиться где-нибудь в Сан-Франциско, Сиэтле или в каком-нибудь месте в Нью-Мексико, о котором мы никогда и не слыхивали. А если нам хотелось оказаться где-нибудь подальше от озера Мелдрам, не покидая пределов Канады, мы могли повернуть ручку на пару дюймов вправо или влево и приземлиться где-нибудь в прериях, например в Реджайне (Саскачеван), или в Калгари (Альберта), или в другом месте, которое могло похвастаться тем, что там есть таинственная штука, называемая радиостанцией.

За радиоприемник мы отдали шкурки четырех норок и одного койота. К осени 1947 года мы уже так долго жили в глуши, охотясь почти на всех животных в наших владениях, что вместо «Это будет стоить нам сорок один доллар пятьдесят центов» мы говорили «Это нам обойдется в четыре койота и куницу»⁴¹. А койоты и куницы в лесу были всегда, иногда даже совсем близко от избушки.

Когда же погода и вправду сходила с ума и отшвыривала нас

назад всякий раз, как мы пытались выйти на улицу, мы терли волшебную лампу Аладина, включали радио, и музыка, доносившаяся к нам за тысячи миль, успокаивала наши горести. И конечно же, в канун рождества радио приходило прямо в нашу избушку и цело нам «Святую почву». Для жителей города радио может показаться очень простой и обычной вещью, но для нас оно нередко было единственной нитью, связывавшей нас в течение долгих месяцев с внешним миром.

Мы редко пытались бороться с погодой и ссориться с ней, так как знали, что все равно проиграем. Наоборот, мы старались ужиться с ней, понять ее и, когда возможно, заранее предугадать ее капризы.

Хотя ноябрьская луна была доброй и снег не засыпал следы животных, мы знали, что в декабре луна скорее всего принесет с собой погоду, которой боятся все охотники и с которой никто до сих пор не может ничего поделать. День за днем будет сыпать с небольшими передышками снег, подбираясь под окна избушки, а когда на небе снова появятся звезды и луна, ударит лютый мороз и цепко будет держать в своих руках тайгу.

Зимой редкий пушной зверь ходит по земле, все достаточно умны и сидят под землей в норах, где, даже если у них пусто в желудке, они по крайней мере защищены от лютой стужи, царящей наверху. И мы при температуре ниже 40° сидели в своей берлоге, но, если ртуть держалась возле отметки 37° ниже нуля, мы отправлялись проверять капканы. Каждый из нас — Лилиан, Визи и я — проверял свои капканы.

Но холодный воздух с Арктики, захвативший сейчас землю, не может держаться вечно. В конце концов арктический воздух должен отступить, и хоть немного тепла вернется в тайгу. Когда это случится, пушной зверь снова будет свободно двигаться по земле, разыскивая, чем бы наполнить свой жадный желудок. А для того чтобы не упустить ни одного шанса, когда это случится, мы должны держать капканы в полном порядке и сменить приманку, прежде чем в лесу снова проснется жизнь.

Решающее слово принадлежало погоде. Мы давно уже смирились с тем, что декабрьская луна почти всегда приносит глубокие снега, а вслед за ними январская луна приносит долгие морозы. Мы можем с некоторой уверенностью предсказать, что в феврале день станет длиннее, погода переменчивее и теплых дней будет немножко больше, чем холодных, а в эти теплые дни снег иногда покрывается такой прочной коркой, что лось или лосиха не проваливаются, когда бродят по лесу в поисках веток.

Однако в мартовской погоде мы были не очень уверены. Март — самый сумасбродный зимний месяц, лукавый и обманчи-

вый, добрый и злой. Сегодня светит солнце, а завтра — снова пурга. Утром — теплый южный ветер, а к ночи начинается дуть северо-западный ветер со снегом. Вечером ложись спать — на улице всего —5°, а проснешься на следующее утро —30° мороза. За мартовскую погоду никогда нельзя поручиться.

Из всех месяцев года я больше всего боюсь марта. Ведь март — это месяц сбора шкурок ондатры, в это время мездра на шкурке самая толстая, а мех самый блестящий.

В марте, невзирая на капризы погоды, мы с Визи должны выходить на чисто выметенный ветром лед и ставить капканы у хаток ондатры, шаря почти совсем бесчувственными пальцами в плавающей массе водорослей, из которых сделан пол в кладовой ондатры. За свою жизнь мне не раз приходилось плохо, когда я осматривал капканы в декабре, январе и феврале. Но именно в марте мне пришлось пережить такой день, который я буду помнить с мельчайшими подробностями, вероятно, до самой смерти. И хотя это был день, когда весна и крики диких гусей были не за горами, я его никогда не забуду.

Было довольно тепло, когда мы с Визи ставили капканы. Мы выехали верхом из дома на рассвете, привязав снегоступы к луке седла. Вьючная лошадь шла сзади с поклажей, состоящей из сотни с лишним капканов.

Озеро, на котором мы собирались ставить капканы, лежало примерно в шести милях к востоку, и на всем пути от дома до озера не было ни одного следа. Когда мы пересекали открытую поляну, снег был лошадям по грудь, и мы двигались очень медленно.

Я знал, что озеро все еще покрыто снегом глубиной более двух футов, а под снегом и старым льдом, может быть, уже при- была вода. Вот тут-то нам должны были пригодиться снегоступы. Лед, скрытый под глубоким снегом, очень коварная штука. В отдельных местах он может выдержать тяжесть линкора, а в других, там, где сквозь продушины в снег проникает вода, он может рухнуть под тяжестью человека, и поэтому от одной хатки до другой надо двигаться очень осторожно на снегоступах или обычных лыжах.

Время уже приближалось к 9.30, когда мы, наконец, выбрались из сосняка и увидели озеро. Я привязал свою лошадь к дереву и начал разминать ремни снегоступов, чтобы придать им некоторую мягкость. Потом снял капканы с вьюка и разложил их кучками, по дюжине в каждой. Затем я надел лыжи и направился через озеро.

Хотя камыши вдоль берега были почти скрыты под снегом, это было неважно. Черные концы наших отметин все же были вид-

ны и указывали нам, где стоит хатка ондатры. Без этих отметин мы не смогли бы найти ни одной хатки. Мы их воткнули в крыши хаток в начале ноября прошлого года, когда лед окреп настолько, что по нему можно было пройти без лыж. Мы вырезали отметины из тонких ив, что росли по берегу. Теперь из снега торчали только их кончики, но все же мы знали, где надо откапывать снег, чтобы найти под ним хатку ондатры.

Я взял три дюжины капканов, положил их в джутовый мешок и перебросил его через правое плечо. Визи также повесил три дюжины за спину. Откинув капюшон, он спросил:

— Думаешь, мы сумеем поставить семьдесят два капкана до обеда?

— Попробуем, — ответил я. — Ты начинай с южной стороны озера, а я начну с северной.

Когда он поехал, я крикнул вдогонку:

— Забросай хатки как следует снегом, а то...

Но он был уже далеко и, видимо, не слышал. Я пожал плечами: «Ну и пусть, он ставит капканы на ондатр с тринадцати лет, чего ради я должен волноваться и напоминать ему про снег?» Визи не любил, когда ему говорили о том, что он уже знал. Обычно он бурчал: «Только воздух тратить попусту». Забрасывать хатки снегом было абсолютно необходимо: мы знали повадки марта достаточно хорошо. Сегодня термометр показывал -9° , а может, и -6 , однако, если ночью ветер чуть изменит направление, к утру температура может упасть до -30 . Но если хатку как следует укрыть снегом, после того как отроешь ее, чтобы поставить капкан, вода в «столовой» не замерзнет и капкан будет работать нормально. К четырем часам дня мы вскрыли сто десять хаток, поставили у каждой капкан и снова как следует забросали их снегом. Я повесил на дерево свои снегоступы и выбил из них снег. Потом я подтянул седло и вопросительно взглянул на Визи. Он кивнул, мы сели в седла и тронулись в обратный путь.

Когда мы подъехали к дому, уже совсем стемнело. Поставив лошадей в стойло, я взглянул на термометр. Температура понизилась на девять градусов по сравнению с утром. Ветер тоже переменялся и теперь дул с севера, а не с востока.

— Утром будет мороз, — пробурчал я себе под нос, стряхивая снег с сапог, чтобы Лилиан не ругалась, что я оставляю лужи на линолеуме.

Однако температура меня не очень беспокоила. Если утро будет ясным, а день солнечным, мы сможем вскрыть хатки, вынуть ночную добычу и снова поставить капканы даже при 23° мороза, конечно, если не будет северного ветра. При температуре ниже

23° мы будем сидеть дома, а капканы оставим стоять, будучи уверенными, что все в порядке.

Утром термометр показывал минус 28. В ответ на молчаливый вопрос Визи я отрицательно покачал головой и сказал:

— Лучше оставить их в покое. Если завтра не потеплеет, мы пойдем и вытащим капканы и, пока температура не повысится, ставить их не будем.

После завтрака Визи неожиданно сказал:

— А что если мне сегодня поехать за почтой, а завтра утром мы могли бы встретиться с тобой у озера.

— Пожалуй, это блестящая идея,— сказал я. Вот уж три недели, как мы не получали почты и никому не посылали писем.

Начиная с января Визи ходил на почту за двадцать пять миль на лыжах. Узкая лыжня была единственной нитью, связывавшей нас с остальным миром, и другой нити у нас не будет, пожалуй, до середины апреля, пока не начнет таять снег. В январе был большой снегопад и снегу было так много, что к концу месяца мы потеряли всякую надежду на то, что сумеем расчистить санный путь.

Узкая лыжня проходила приблизительно в одной миле от того места, где мы ставили капканы на ондатр. Сегодня Визи мог бы пойти на почту, заночевать там, а утром мы встретились бы на озере.

— Так, значит, завтра утром ты с лошадьми будешь на озере? — спросил он.

— Ни черт, ни половодье меня не остановят,— ответил я. В это время года мой ответ означал, что я приду, несмотря ни на какой мороз.

Ночью поднялся северный ветер, и, проснувшись, я сразу почувствовал и услышал его. Приподнявшись на локте, я лежал в постели и слушал, как шумит ветер в верхушках деревьев. Чувствуя, как он пробирается в щели между бревнами, я выполз из кровати и подбросил дров в печку. Потом подошел к окну и выглянул на улицу. Снег сухо постукивал по стеклу. Я перебрался к двери и чуть приоткрыл ее. Ветер как будто ждал случая попасть в дом и сразу намет тонкую пелену снега на пол в кухне. Я закашлялся от студеного воздуха и сразу захлопнул дверь. Лиан тоже уже почти проснулась.

— Он не пойдет назад в такую погоду,— сказала она сонным голосом.

— А помнишь, что я сказал, когда он уходил? Ни черт, ни половодье меня не остановят.— И пытаюсь успокоить ее, хотя в создавшемся положении едва ли можно было найти что-либо утешительное, я добавил: — Может, к утру успокоится.

К рассвету ветер дул уже прямо с полюса. Его дыхание жгло

мне кожу, пока я шел к сараю. Дорожку, что еще вчера была гладкой и хорошо утоптанной, замело кружащимся и летящим снегом. Я пробирался между сугробами снега и, пока добрался до сарая, не один раз сбился с дорожки. Напив и накормив лошадей, я уныло посмотрел на седла, висевшие на крюках, потом оседлал лошадей.

После завтрака я машинально, по привычке, посмотрел на градусник. Надо было ехать независимо от того, что показывал термометр.

— Сколько сейчас мороза? — поинтересовалась Лилиан, когда я вернулся в кухню.

— Всего двадцать восемь, — ответил я, сделав отчаянную попытку усмехнуться. При северном ветре двадцать восемь градусов мороза гораздо хуже, чем сорок градусов без ветра.

— В такую погоду невозможно работать с капканами, — сказала Лилиан. — Даже если каждая шкурка стоила бы двадцать пять долларов.

В действительности же каждая шкурка давала нам около полутора долларов дохода. В последнее время цены на ондатру несколько повысились. Я снова напомнил Лилиан, что во что бы то ни стало должен быть на месте. Визи тоже будет там во что бы то ни стало. Встреча, назначенная в тайге, — это встреча, на которую нельзя не прийти.

Я завернул завтрак, приготовленный для нас Лилиан, в три слоя парусины и привязал его сзади к седлу. Но я знал, что, несмотря на три слоя парусины, хлеб и мясо превратятся в камень, прежде чем я отъеду на милю от дома. Затем я привязал вычужную лошадь в хвост лошади, которую взял для Визи, медленно, нехотя сел в седло и поехал навстречу снегу.

Мороз пробрался под одежду и начал покусывать меня раньше, чем я отъехал от дома на полмили. Он проникал сквозь рукавицы из лосевой шкуры и пытался пробраться через вторые, шерстяные варежки. Ветер набрасывался на боты и, найдя каким-то образом щель, кусал фетровые сапоги. Даже тяжелый полущубок не мог ослабить ветра, не говоря уже о том, чтобы задержать его. Ресницы заледенели, а внезапная боль в левой щеке подсказала мне, что лучше сбросить на минуту рукавицы и потуже затянуть под подбородком капюшон парки.

Я подъехал к длинной поляне, поросшей низкой полярной ивой, макушки которой едва виднелись из-под снега. В нескольких метрах от кустарника я увидел лосиху с лосенком. Я чуть не наехал на них, пока они поднимались со своих снежных постелей. Лосиха отбежала в сторону ярдов на тридцать и остано-

лась, гневно оглядываясь. Лосенок был так близко, что я мог бы попасть в него камнем, когда проезжал мимо.

Я скорчился в седле, отворачиваясь от ветра.

— Сейчас, — сказал я мрачно, обращаясь к лосям, — мы трое — самые замерзшие теплокровные существа во всей Канаде.

Лося и не пошевелились, когда я скрылся в кустах на другом конце поляны.

Наконец я выехал к озеру. Оно было едва видно за поземкой, клубившейся на льду.

— Там на льду будет крошечный ад, — пробормотал я, привывая лошадей к деревьям. — А если к тому же придется снимать рукавицы и лезть за ондатрами в воду...

От этой мысли я помрачнел еще больше. Резиновые перчатки, которые мы обычно надевали, когда ставили капканы на ондатру, сегодня были столь же бесполезны, как тонкие шелковые перчатки. Так или иначе, но даже промокшие насквозь шерстяные перчатки хоть немного, да греют. Во всяком случае они не пропускают ветер. Но самые толстые резиновые перчатки не дают ни капли тепла.

Я с надеждой поглядел на южный берег озера, откуда должен был появиться Визи. Если он уже пришел и ходит от одной хатки к другой, его будет видно даже сквозь пелену мчащегося снега. С минуту я стоял, не двигаясь и пристально глядя в ту сторону. Визи не было. Я был один-одинешенек на льду, на этом самом пустынном озере на свете.

Снегоступы проваливались почти на всю двенадцатидюймовую глубину свежесыпавшего снега. Каждый раз, вытягивая их из снега, я выбивал на них дробь черенком от лопаты, чтобы встряхнуть снег. Я шел, постукивая, как слепой по тротуару. И вот я приступил к мучительной процедуре вытаскивания капканов.

При массовой добыче ондатры мало просто поставить капканы. Все хатки надо пометить осенью до того, как они скроются под глубоким снегом. Каждый поставленный капкан надо тоже как-то отметить, когда начинаешь отлов. Иначе, когда на одном озереставишь семьдесят пять — сто капканов, несколько штук легко потерять, если ночью выпадет снег.

Ставя капканы, мы с Визи обычно пользуемся карточками с номерами от одного до ста, в зависимости от числа капканов. От верхушки каждого кола, которым отмечаем хатки, мы отламываем кусок в двенадцать — пятнадцать дюймов и остальную часть используем для того, чтобы прицепить к ней кольцо капкана. К отломанному куску мы прикрепляем карточку и втыкаем его торчком в снег рядом с хаткой, где поставлен капкан. Поэтому, если после осмотра капкана № 4 нам попадаетея № 6, мы сразу

же видим, что пятого капкана нет, и возвращаемся, чтобы найти его. Без такой системы невозможно узнать, все ли капканы на месте, пока их не соберешь и не пересчитаешь.

За то время, как мы впервые пришли в эту долину, мы добыли капканами на берегах бобровых запруд на ручье Мелдрам несколько тысяч ондатр. Но ни разу условия не были такими неблагоприятными, как в тот незабываемый мартовский день.

По берегам озера намело сугробы высотой пять-шесть футов, и с каждым порывом ветра они становились все выше. Ветер сорвал карточки с некоторых кольев и унес бог весть куда... Теперь без отметин найти капканы было невозможно. «Хорошо, если мы найдем восемьдесят капканов из ста десяти поставленных», — подумал я.

Внезапно мне показалось, что сквозь вой ветра до меня донесся чей-то свист. Я посмотрел в южный конец озера и увидел расплывчатый силуэт человека, выбравшегося из чащи на лед. Визи сдержал слово и пришел, невзирая на погоду. И теперь почему-то это затерявшееся в снегах, замерзшее озеро уже не казалось таким пустынным, как минуту назад.

Карточки № 14 и 15 исчезли, так же как и № 7 и 10. Я тыкал черенком лопаты в снег, стараясь нащупать мягкую крышу хатки, но слышал только стук черенка о лед. У семнадцатого капкана мне пришлось снять правую рукавицу, закатать рукав и голой рукой лезть в воду, чтобы освободить капкан. К пружине капкана мы прикрепляли кусок цепи длиной около двадцати дюймов так, чтобы, попав в капкан, ондатра сразу же погружалась в воду и быстро тонула. Ни один истинный житель тайги не может даже подумать о том, что пойманный в капкан пушной зверек должен долго мучиться, если есть возможность найти средство избавить его от мучений.

Иногда ондатра и капкан запутываются в камышах подолдом, и тогда приходится закатывать рукава и голыми руками лезть в воду, чтобы освободить их.

Я провозился с капканом около двух минут, и, как только вытащил руку на воздух, ее тут же сковало морозом, так что я не мог и двинуть ею. Джутовый мешок, полный намокших ондатр, оттягивал плечо. Я сбился со счета, вытаскивая их из капканов, но надо полагать, что их набралось около тридцати. Добрая северная ондатра весит примерно от 750 до 1300 граммов. Я мысленно ругал свои громоздкие снегоступы и едва сдерживал желание сбросить их и идти дальше в ботах. Однако я помнил, что в тот день, когда мы ставили капканы, на льду виднелись коварные темные полыньи. На снегоступах можно было не опасаться, что провалишься, так как каждая лыжа свободно перекрывала продуши-

ны. Было бы глупо и опасно сбрасывать лыжи сейчас, когда полыньи скрыты под снегом.

Я смотрел, как Визи пересекал озеро в четверти мили от меня, неуклюже подымая снегоступы при каждом шаге. Он шатался и спотыкался под грузом ондатр и почты и несколько раз чуть не упал, прежде чем добрался до леса, где были привязаны лошади.

Увидев, что Визи направляется к лесу, я почувствовал голод и подумал, что подожду еще десять — пятнадцать минут, пока он разведет костер, а потом тоже тронусь через лед.

Капканы, помеченные № 33 и 35, тоже пропали, но я даже и не пытался найти хатки, где мы их ставили. Это была пустая трата времени. Ноги у меня начинали подкашиваться каждый раз, как я вытаскивал лыжу из снега, и каждый мускул ломило от усталости. Тело почти кричало об отдыхе, поэтому, воткнув лопату вертикально в снег, я взвалил добычу на плечо и отправился к Визи.

Он стоял на коленях возле дерева, пытаясь развести костер. Я увидел, как у него в руке вспыхнула спичка и тут же погасла.

— Ну как дела? — спросил я бессмысленно, сбрасывая ондатр на снег.

Он посмотрел на тушки без особого интереса, снова чиркнул спичкой, чертыхнулся, когда она погасла, не успев зажечь стружки, и ответил:

— У меня ничего. Только вот костер никак не разведу.

Тогда я взглянул на его руки. Они покраснели и распухли от длительного пребывания в ледяной воде и на морозе.

— Тяжко пришлось, когда доставал капканы? — спросил я, зная, что ему досталось крепко.

— Порядком. — Он чиркнул еще одну спичку, и эта тут же погасла. — Пожалуй, я не досчитаюсь десятка или дюжины капканов, когда осматриву все. Попробуй ты, может, у тебя получится, — он перебрал мне коробок. — У меня что-то руки не слушаются.

— Они слишком замерзли, ты хочешь сказать, — заметил я, вычиркивая спичку и пряча ее в ладонях.

Но спичка погасла прежде, чем загорелась хоть одна стружка. Потребовалось истратить еще с дюжину спичек, прежде чем стружки загорелись. Я начал потихоньку добавлять щепки, опасаясь, что стружки погаснут до того, как огонь согреет меня хоть немного.

— Дьявольский способ добывать средства на жизнь, — сказал я, разворачивая завтрак и напизывая бутерброды на палочки перед огнем, чтобы они оттаяли.

Мое замечание вызвало у Визи улыбку.

— Все забудется через день или два.

Я покачал головой.

— Этот день я никогда не забуду.

Наши три лошади стояли, подставив ветру зад, понуро опустив головы. Их засыпало снегом. Метель никого не щадила — ни человека, ни зверя.

Мы наскоро съели завтрак, подбросили еще топлива в костер и сели перед ним на корточки, чтобы согреться. Стоило больших душевных и физических сил, чтобы оторваться от огня, но нам нужно было еще осмотреть уйму капканов, и, чем дольше мы сидели у огня, тем тягостнее становилась мысль о том, что надо их осматривать. Поэтому, подбросив в костер достаточно топлива, чтобы к нашему возвращению в нем сохранилось хоть немного огня, мы снова отправились мучиться на лед.

В конце дня, когда я осмотрел все капканы и взял всю добычу, какую мог, ноги у меня стали как резиновые. За последние шесть часов на снегоступы налипло столько снега, что они весили по нескольку фунтов. И тут я подумал: «Ни шагу больше я не сделаю на этих чертовых лыжах». Я остановился, отстегнул ремешки и снял лыжи. Я брел вперед по снегу, перебросив лыжи, ондатр и капканы через плечо. Вдруг снег у меня под ногами провалился, и я оказался по грудь в воде.

Ярдах в двадцати от меня у берега возвышался белый сугроб большой жилой бобровой хатки, и я провалился сквозь тонкий лед над зимней «столовой камерой» бобров. Пожалуй, только эта столовая и не дала мне уйти под воду с головой, так как куча обглоданных веток, наваленных у подводных входов в хатку, служила ногам шаткой опорой. И все же это была опора. Я отбросил ондатр, капканы и лыжи подальше на прочный лед и начал отчаянно барахтаться в воде, то всплывая, то увязая, как олень, отгоняющий мух в пруду в жаркую летнюю погоду. На протяжении шести ярдов лед продолжал обламываться, когда я хватался за него, пытаясь выбраться. Наконец у края «столовой» лед стал достаточно крепким, и я смог выкарабкаться. Теперь, без всякого сомнения, я был самым мокрым, замерзшим и несчастным представителем человечества на всем земном шаре.

Визи видел, как я провалился под лед, и подбежал к бобровой хатке к тому времени, когда я уже стоял на ногах. Он поддерживал меня, пока я вставил ноги в лыжи и затянул ремни.

— Дотащишь мой груз? — спросил я, чувствуя, что мне не справиться с этим. Так мы вместе с ним добрались до сосняка и подбросили в огонь хворосту.

Я стоял над огнем, пошатываясь и лихорадочно ощупывая кар-

маны в поисках табака и бумаги. Я нашел и то и другое, но все было мокрым, как рыбаья кожа. А Визи не курил.

— Чертова жизнь, — пожаловался я, стуча зубами.

От суконных брюк валил спереди пар, а сзади они превратились в лед. Я поворачивался около костра, как кусок мяса на вертеле.

Визи вынимал ондатр из капканов, пересчитывая их про себя. Сложив зверьков и капканы в мешок, он повернулся ко мне и сказал:

— Шестьдесят восемь ондатр и семьдесят пять капканов.

Итак, тридцать пять капканов лежали с добычей где-то в озере, засыпанные снегом. Там они и останутся, а когда начнет таять снег, они опустятся на дно озера.

Я еще с полчаса медленно поворачивался около костра, пытаясь просушить одежду. Когда Визи погрузил свою поклажу на вьючную лошадь и связал веревку морским узлом, я с трудом оторвался от костра и на одеревеневших ногах подошел к своей лошади.

— Ну как, сможешь доехать до дома? — спросил Визи, скорее просто так, чтобы что-то сказать, чем желая услышать ответ.

— А ты думаешь, что я так и останусь в этом чертовом сосняке на всю ночь? — ответил я саркастически и добавил с жалкой усмешкой: — Конечно, доберусь. Поехали!

Лошади едва плелись. Ехать рысью или галопом по грудь в снегу невозможно. А по той едва заметной тропинке, что вела домой, они могли идти, только ступая ногами по старому следу. Если они промахивались и их колени ударялись о корку снега между следами, они спотыкались и зарывались носом в снег.

Тени становились все длиннее, и я слышал, как Визи тихо чертыхается на свою лошадь, которая то и дело спотыкалась. Стуча от холода зубами, я тоже ругался. Но лошади не были виноваты, они могли идти только по тропе, да и та была слишком неровной.

Лосиха с лосенком все еще были на поляне и, когда показались наши три лошади, отбежали в сторону густого леса. Лосенок споткнулся и упал в сугроб на краю поляны, встал на ноги, сделал несколько неверных шагов и снова упал. Он был очень слабенький и тощий. Зима была не слишком щедрой для животного мира, особенно для молодняка.

Когда я в последний раз оглянулся, лосенок все еще лежал в сугробе. Я подумал: «Доживет ли несчастный малыш до той поры, когда весной зазеленеют тополя?», а потом: «Доживу ли я до того, как доберусь домой?»

Для меня эти несколько миль были кошмарной душевной и

физической пыткой. Я продолжал механически ударять лошадь в бока ничего не чувствующими ногами. Поводья лежали свободно на луке, а лошадь медленно и верно шла к дому сама по себе. Держась руками за луку, я наклонился вперед, касаясь лицом лошадиной гривы.

Я потерял всякое чувство направления и даже не видел вьючной лошади, шедшей в нескольких метрах впереди. Но Визи время от времени спрашивал: «Ну, как ты там?», и я знал, что все еще нахожусь по эту сторону жизни.

В темноте показалось светлое пятно. Я наполовину выпрямился в седле и старался не отрывать от него глаз. Скоро я почувствовал запах дыма из наших труб, но мне казалось, что до светлого пятна еще несколько миль. Наконец-то мы добрались до дома! Лилиан стояла в дверях и взволнованно говорила: «Слава богу, вы пришли». Увидев, как я свалился с лошади, она обеспокоенно спросила:

— Что с тобой, Эрик?

Пытаясь собраться с мыслями, я мрачно ответил:

— Кроме того, что я замерз и утоп, со мной все в порядке.

Я слез с лошади, споткнулся, поднялся со снега и ухватился за Лилиан.

— Давай потанцуем, — предложил я.

Визи сбросил шкурки у двери и двинулся с лошадьми дальше к сараю. Небольшой домишко, где мы зимой обычно снимали шкурки, находился всего в тридцати ярдах, дрова в печурке были готовы, и надо было лишь поднести спичку. Но сейчас эти ярды казались милями. Поэтому я втащил мешок с ондатрами в кухню и вытряхнул их на блестящий навощенный пол. В более спокойные минуты это могло бы вызвать бурю протеста со стороны Лилиан, которая не любила, чтобы у нее на полу развонялись такую грязь. Но сегодня она молчала, и я подумал: «Она у меня умница. Знает, когда стоит ругаться, а когда — нет».

Я плюхнулся на стул у печки и начал стягивать боты. Они примерзли к фетровым сапогам. Сбросив сапоги вместе с ботами, я начал стягивать шерстяные носки. Они тоже почти примерзли к ногам.

Когда тепло от печки начало проникать в тело, мои мысли начали путаться. Я снял промокшее белье и стал натягивать сухое, приготовленное Лилиан. Затем я тупо уставился на ондатр.

— Они обошлись нам дорожке золота, — буркнул я.

— Что ты там бормочешь? — спросила Лилиан, хлопотавшая у кастрюль и сковородок.

Но это было в конце концов не так уж важно, да и все равно я слишком устал, чтобы отвечать.

Когда мы заметили пожар, ветер дул с севера. Первой запах дыма в воздухе почувствовала Лилиан. Она вскапывала клумбу, подготавливая почву для посевов, и рыхлила ее руками, просеивая землю между пальцами. Солнце клонилось к закату. Мы с Визи чинили в доме сеть, которую порвали о корягу, когда в последний раз ловили рыбу-скво. Мы оба вздрогнули, когда к нам вбежала Лилиан. Ее лицо было выпачкано землей.

— Дым! — сказала она сдавленно. — Я чувствую запах дыма.

Услышав это страшное слово «дым» — а мы все до смерти боялись лесных пожаров, — я выбежал из дома и остановился прихихиваясь. Лилиан была права: в воздухе чувствовался запах горелого леса, но где? Взглянув на север, я увидел поднимавшийся над лесом густой дым. Теперь было ясно, что пожар к северу от нас. Но далеко или близко? И почему так рано весной? Для сильных гроз было еще не время, и потому едва ли лес мог загореться от молнии. Вот в июне или в июле, когда бывают сильные грозы, — другое дело, но не сейчас, 14 мая.

Я старался успокоить Лилиан, да и себя тоже, говоря:

— Не думаю, что пожар пойдет далеко. Лес еще недостаточно сухой, чтобы огонь разошелся в полную силу. Он затихнет, прежде чем сумеет нанести большой ущерб.

К западу от нас, далеко к западу, редко проходил год без того, чтобы где-нибудь не случилось лесного пожара. В той стороне индейцы Анигамской резервации косили сено для своих коров и лошадей по лесным луговинам, которых в сосновом лесу было столько же, сколько изюмин в пудинге. Некоторые считают, что индейцы поджигают лес с незапамятных времен — с тех пор, как появились индейцы и леса. Другие утверждают, что этому они научились от белых. Во всяком случае каждый, кто охотился в лесу на крупную дичь, знает, что гораздо легче увидеть и убить лося или оленя в сущняке без подлеска, чем в зеленом лесу. Кроме того, когда хвойные породы на время погибают, лес быстро зарастает лиственными деревьями и кустарниками. А осина, ива и ольха — основной корм лосей.

Однако еще ни разу лесной пожар не способствовал созданию постоянных пастбищ для крупных животных, питающихся лиственной. В конце концов хвойные породы возвращаются, и тогда их поросль идет так густо, что в ней не разглядеть ни лося, ни оленя, даже если они и будут там, а это совершенно исключено. Ведь когда хвойные возвращаются, среди них нет места ни одному кусту или растению, которые пришлось бы по вкусу лосю или оленю.

Итак, кто-то снова поджег лес! Теперь исчезнет густая чаща молодых елей и сосен, исчезнет бурелом, загромождавший ее. Теперь любой охотник, индеец или белый, сможет ехать верхом по гарям и стрелять лося или оленя, не слезая с седла.

С тех пор как мы впервые поселились на ручье, редко проходил год, чтобы далеко на западе не сгорел большой участок леса. Единственным рецептом против пожара, если его используют для создания пастбищ для лосей и оленей, является новый пожар. Другого способа сдерживать рост хвойных пород нет.

Хвойные всегда возвращаются, если сохранился достаточный слой земли, чтобы в нем могло прорасти крохотное семечко. В земле, лишенной верхнего слоя, ничто не может расти, она остается голой и не способна прокормить ни одно копытное животное. Именно такая участь постигла многие тысячи акров леса далеко к западу от нас. В этих местах так часто поджигали лес, что сейчас почти весь верхний слой почвы сгорел и обуглился, оставив после себя лишь гальку и камни.

Теперь там не растет ни одного дерева, хвойного или лиственного, кроме причудливой, почти не имеющей листьев, осины. Теперь там можно ехать верхом между упавшими обугленными остатками деревьев и увидеть лося или оленя на расстоянии мили. Но на гарях нет ни лосей, ни оленей. Там нет ни укрытия, ни пищи, ни воды ни для какой дичи. Огонь пожрал все.

Когда мы впервые увидели дым, почва в лесу была еще достаточно влажной. Прошло всего три недели с тех пор, как растаял последний снег, и все эти дни погода была облачной. А если почва в лесу влажная, пламя ни за что не сможет пробиться в глубь леса. Поэтому мы выбросили из головы все мысли о пожаре, полагая, что он не сможет причинить нам вреда.

Однако иногда начавшийся пожар бывает очень упрямым и отказывается погаснуть. Особенно если пожар начался в девственном лесу. Он может затаиться и остается незаметным, медленно тлея в поваленных гниющих деревьях, или прячется под землю, питаясь корнями погибших, но упорно продолжающих стоять деревьев. Иногда огонь продолжает тлеть, и лишь тоненькая, едва видимая струйка дыма показывает, что пожар еще есть.

Май почти прошел, и мы уже забыли о дыме, который был виден на севере. Небо стало безоблачным, и солнце светило на лес с востока и до заката. С запада подул ветер, свежий, прохладный и приятный. Касаясь следов животных на голой земле, он гнал впереди себя маленькие клубочки пыли.

Вместе с ветром снова пришел дым. Сначала он был едва заметен, но скоро на севере в небо поднялись густые клубы. Меня начало грызть беспокойство. С тех пор как мы поселились в лесу, я всегда боялся приближения лесного пожара. Даже когда леса горели далеко на западе, на расстоянии многих миль от нас, я взбирался на высокий лесистый холм, вершина которого была всего в миле от дома, и оттуда смотрел в бинокль на запад, стараясь проследить путь огня. Я всегда опасался, что ветер внезапно переменится и пригонит огонь в бассейн Мелдрам-Крика, в наши охотничьи угодья. Все охотники боятся пожаров в своих угодьях: после пожара на горях остается мало дичи, которая могла бы служить пищей хищным пушным зверям. Огонь в лесу несет смерть.

Теперь, когда с севера небо потемнело от дыма, я предложил Визи:

— Оседлай-ка лошадь, съезди на вершину холма и посмотри, как дела.

Через два часа он вернулся мрачный.

— Вся территория вокруг Чертова озера в огне,— сказал он серьезно и, покачав многозначительно головой, добавил: — Ветер дует в нашу сторону, к озеру Мелдрам.

Чертово озеро находилось на северных границах наших охотничьих угодий. Вся местность там была усыпана валунами и изрезана почти непроходимыми оврагами. От озера в лес тянулись длинные полосы топких болот, похожие на пальцы. От озера исходил зловонный запах разлагающейся растительности и слизистой щелочной грязи. Именно благодаря этим неприятным особенностям озеро прозвали Чертовым.

По прямой через пихтовый и сосновый лес от южной оконечности Чертова озера до северной оконечности озера Мелдрам — около семи миль. Леса между озерами перечерчены лосиными и оленьими тропами, но ни одна из них не имеет достаточной ширины, чтобы остановить огонь, подгоняемый крепким западным ветром. Падающие деревья служили мостом, по которому огонь пересекал тропу.

После ужина Визи снова оседлал лошадь и поехал на вершину холма. Когда он вернулся, уже смеркалось. На закате ветер немного стих, а без ветра и без солнца огонь ночью немного затихает и возобновляет свое шествие лишь с восходом солнца.

— Давай-ка мы с утра первым делом оседлаем лошадей,— сказал я Визи,— и поедем по восточному берегу озера Мелдрам, к его северной оконечности, где мы повесили капканы. Если огонь доберется до одной из елей, капканы погибнут.

Когда мы поселились на ручье, у пас было всего дюжины че-

тыре разных капканов, и часть из них была негодной — у них либо ослабли пружины, либо еще что-нибудь вышло из строя. Теперь у нас было шестьсот капканов: нулевого размера на ондатру, первого номера — на куницу, второго — на норку, лису и ильку и третьего и четвертого номера — на рысь, волка и выдру. За последние годы я вложил в коллекцию капканов более тысячи долларов, заработанных потом и кровью, а теперь, когда Визи также имел свою охотничью территорию, нам приходилось объезжать гораздо больше земли и требовалось гораздо больше капканов.

Значительная часть капканов, подвешенных на елях в конце озера, была четвертого размера, но было там также и несколько капканов меньшего размера. Если охотник имеет большую территорию, он редко отвозит капканы обратно в дом после того, как кончается сезон охоты. Обычно он собирает их в связки и вешает под елями, где они и остаются до начала следующего сезона.

— Сколько у нас там капканов? — спросил Визи.

Я пошел к письменному столу и вытащил изрядно потрепанную амбарную книгу. Перелистав ее, я нашел страницу, на которой было записано, где находятся все наши капканы. Если капканы разбросаны связками по всей территории, дюжина — здесь, другая — там, их легко забыть, легко потерять, если не вести учета.

— Четыре с половиной дюжины под двумя елями, — сказал я.

К утру озеро возле дома было почти скрыто низким дымом. За ночь дым опустился, и теперь он держался в каждом углублении. Лошади тоже смертельно боятся лесного пожара. И в то утро наши лошади на пастбище были такими же нервными, как недельные лосята, и почти такими же увертливыми. Даже принадлежавшая Лилиан толстобрюхая кобыла, которую мы всегда могли поймать без труда, убежала от нас. Лошади скакали галопом по пастбищу, стараясь держаться подальше от загона. Наконец Визи сумел загнать в угол забора старую кобылу, набросил на нее уздечку и ввел в загон. За ней потянулись и остальные.

Было уже почти одиннадцать, когда мы сели на лошадей. Солнце светило уже пять или шесть часов, и с запада снова дул крепкий ветер. Дым поднялся с земли и теперь зонтом висел над вершинами холмов.

Лилиан стояла у сарая, когда мы седлали лошадей, и в ее глазах затаилась тревога.

— Будьте осторожны, — казалось, ее губы произнесли эти слова против воли, хотя она и волновалась за нас.

Если Лилиан в лесу чего-то и боялась, то только пожаров. Она знала, как быстро распространяется пожар по густому ельнику.

Она знала, например, что он может обогнать человека, идущего пешком. Она видела зайцев, сгоравших заживо, дикуш и воротничковых рябчиков с обгоревшими перьями и иглошерстов, притаившихся в верхушках деревьев, когда огонь был всего на расстоянии двух-трех ярдов от них. Она также знала, сколько избушек сгорело в лесу на полянах.

— Мы будем осторожны,— обещал я,— но, право же, не надо беспокоиться, мы только возьмем капканы, и все. Мы вернемся через пару часов. Огонь никогда не достигнет нас, бобровые запруды остановят его, прежде чем он доберется сюда,— добавил я, чтобы успокоить ее.

Это была наша единственная надежда, но и в ней я все же не был вполне уверен.

Нашим лошадям пришлось пересекать ручей вплавь в том месте, где он вытекал из озера Мелдрам. Ярдах в двухстах ниже озера бобры запрудили ручей, и вода в запруде слилась с озером. Я глянул вниз на плотину, затем вверх на озеро. Потом я обернулся, посмотрел на дом и подумал: «Какое счастье, что у нас есть бобры!»

Выбравшись из воды, мы пустили лошадей быстрым шагом. Если огонь доберется до другого конца озера Мелдрам раньше нас, капканы пропадут.

— Интересно, кто поджег лес в этот раз? — вдруг спросил Визи как бы про себя.

— Какой-нибудь дурак,— ответил я.— Какой-нибудь дурак, который, наверное, хотел расчистить поляну в четыре или пять гектаров. Я думаю, это белые, а не индейцы.

Вблизи того места, где начался пожар, не было поселений индейцев.

— Почему лесничество ничего не предпринимает? — Визи хотело поспорить.— Почему лесничество не поймает нескольких маньяков, которые непрерывно кидают зажженные спички на лужайках, и не сделает так, чтобы они зажигали спички в тюрьме, а не в лесу?

— Что они могут сделать? — Мне в голову часто приходили те же мысли, но я лишь пожимал плечами.— Часто ли тебе или мне удавалось увидеть воочию, как кто-то поджигает лес? Никогда. А ведь мы все время в лесу. Если люди, живущие на доходы от природы, недостаточно умны, чтобы сохранить леса зелеными, ни одно государственное учреждение не сможет ничего поделать.

Дым становился все гуще. Мы проехали полпути вверх по озеру, обогнув заросли сосны и пихты и войдя в более густой ельник. Наши лошади были покрыты пеной, и их можно было заста-

вить идти только ударами по крупу, а не уговорами. Они не хотели встречаться с дымом.

Теперь мы уже слышали потрескивание горящих елей, а иногда и треск падающего дерева, сгорающего всего за несколько секунд. Справа от тропы, по которой мы ехали, горела трава. Огонь бежал по краю, порываясь пересечь тропу, выискивая упавшее через нее тлеющее дерево.

Мы уже почти достигли конца озера. Объезжая пылающие ели, мы пробирались на лошадях сквозь густые заросли осины и ивы вдоль самого берега. Справа от нас на расстоянии ярдов ста был густой завал деревьев, оставшийся после урагана или прошлых пожаров. С трех сторон этот бурелом был окружен елями, которые буквально на наших глазах теряли свою зелень и становились голыми.

Внезапно среди поваленных деревьев в дыму показалась какая-то фигура, настолько неподвижная и безжизненная, что только мое воображение подсказывало мне, что это лось. Да, это была старая лосиха, уже почти седая.

Но почему она стоит так неподвижно? Почему она вообще стоит там, когда вокруг нее пылают деревья, разбрасывая снопы искр?

И тут я понял, почему она там стояла.

— Боже праведный! — воскликнул я. — У нее там, в буреломе, малыши!

Визи соскочил с лошади, быстро привязал ее к дереву и прошептал: «Надо вытащить их оттуда».

Моя винтовка висела в чехле у стремени, и я задумчиво погладил приклад. Да, эта старая корова за свою жизнь вырастила много телят. Чтобы взять малышей, нам придется убить ее. Лучше потерять два живых существа, чем три. Корова еще останется жить, но телята уже обречены.

Я знал, что задумал Визи. Он хотел пройти в бурелом, перебросить новорожденных близнецов через седло и отвезти их к берегу, где они будут недостижимы для огня. Вот что задумал Визи. Но он забыл про старую корову. Она никогда не позволит нам взять телят и бросится на нас, если мы попытаемся сделать это. А убивать ее, для того чтобы спасти телят, — бессмысленно. Без матери они все равно погибнут.

— Боже праведный! — снова воскликнул я и, не спуская глаз с лосихи, направил лошадь поближе к бурелому.

Телята — им, вероятно, было один-два дня — неуклюжие, лежали рядышком у поваленного дерева, прижавшись к земле.

— Эге-ге! — закричал я во весь голос. — Подымайтесь!

Близнецы подняли головы, шатаясь встали на ноги, сделали несколько неуверенных шагов к матери и снова упали.

Горящая ель пошатнулась, и ее макушка начала медленно клониться в сторону бурелома. Дерево, казалось, колебалось. Оно не хотело падать, но и не могло стоять. На нем уже не осталось хвои, и ветви разбрасывали искры. Дерево задрожало и не в силах больше жить замертво рухнуло на землю.

Верхушка упала в нескольких метрах от телят. Они не шелохнулись. Прижав головы к земле, они лежали, глядя влажными глазами на горящее дерево.

Дерево продолжало гореть, распространяя нестерпимый жар. Я почувствовал запах паленой шерсти и горелого мяса.

Рука потянулась к прикладу ружья. Я вытащил его и загнал патроны в ствол. «Так будет лучше, сынок», — сказал я тихо Визи, привстал на стременах и поднял ружье. Его дуло было наведено на телят. Я нажал на курок один раз и второй. Выстрелы почти заглушили ужасный шум огня. Телята дернулись, обмякли и застыли, из лбов потекли тоненькие струйки крови. Но эта задержка стоила нам наших капканов. Когда мы подъехали к елям, на которых они висели, деревья уже были в огне. Добраться к ним было невозможно. Капканы раскалились докрасна, теперь их сталь потеряет закалку, и пользоваться ими мы уже не сможем.

Сзади нас непрерывно раздавался грохот падающих горящих деревьев. Огонь уже, несомненно, пересек тропу в десятке мест и искал пищу у берега. Я резко повернул лошадь к западу и направил ее к озеру. Северный конец озера был всего в двухстах ярдах, но я не видел берега. Передо мной была стена яркого пламени.

Я закрутил уздечку вокруг луки и тихо сказал Визи:

— Мы попались!

На западном берегу озера огня еще не было, но горящий лес с севера преградил нам дорогу. Мы не могли вернуться по тому пути, по которому пришли, так как огонь теперь пылал по обеим сторонам тропы и надвигался на озеро. Лес горел и с севера, и с юга, и с востока... А с запада была вода местами глубиной более сорока футов.

Я прищурился и задумчиво посмотрел через озеро. В центре озера в дьявольском танце кружились две гагары. Они во всяком случае были в безопасности. В безопасности были и рыбы.

Я посмотрел на лошадь и потрепал ее по шее. У нас был только один выход — переплыть озеро.

— Подтяни подпругу, — сказал я Визи, соскочив с лошади, чтобы подтянуть свою.

Он некоторое мгновение молча смотрел на меня.

— Ты собираешься двигаться вплавь?

— Это лучше, чем поджариться заживо.

Зимой я часто переправлялся на лошади с восточного берега на западный в северном конце озера Мелдрам, так как этот путь был короче, чем по берегу. Ширина озера в этом месте была яров пятьсот — шестьсот. Однако зимой лошадь шла по льду толщиной около ярда. Теперь же льда не было. Только пара гагар поднимала страшный шум, да мелкие волны лизали берег.

— Готов? — спросил я, снова садясь в седло.

— Готов, — голос Визи был спокойный и размеренный.

Я направил лошадь в воду. Жеребец фыркнул, стараясь закусить удила и вернуться на сушу. «Иди, иди», — и я крепко хлестнул его по крупу. Жеребец неохотно вошел в воду, ощупывая невидимое ему дно передними ногами.

Я перекинул ружье через плечо, вытащил ноги из стремян и подогнул колени, так что мои бедра были почти параллельны седлу. Лево́й руко́й я ухватился за гриву, в правой крепко держал уздечку. Внезапно движение лошади стало совершенно плавным. Она свободно плыла вперед, высоко подняв голову и раздувая ноздри, ее хвост как бы струился по воде. Можно было подумать, что я еду верхом на облаке — так плавно мы двигались. Мы уже были на глубине.

Жеребец был сильным и плавал охотно, если знал, что вода глубокая и вернуться на берег нельзя. Он быстро рассекал воду, и его глаза были прикованы к противоположному берегу. Мое лицо почти касалось его гривы, а колени почти упирались в подбородок, икры ног крепко прижимались к лошади. Мне необходимо было держать равновесие. Если я потеряю равновесие и покачнусь, жеребец тоже может потерять равновесие и может даже перевернуться.

— Визи, теперь нам остается уповать на бога и на лошадей! — Действительно, больше нам не на что было надеяться.

— А я так и делаю. — В его голосе не чувствовалось страха, а по звуку я понял, что Визи был от меня всего на расстоянии трех или четырех корпусов.

Мы уже были почти на середине озера, но еще далеко от противоположного берега. Жеребец плыл легко и дышал ровно. Я хотел повернуться в седле, чтобы посмотреть, как справляется лошадь Визи, но отбросил это желание. Любое неосторожное движение могло помешать лошади.

— Смотри-ка, у нас появился компаньон! — Голос Визи был совсем близко, и я подумал, что его лошадь, вероятно, обходит мою.

Уголкем глаза я увидел появившуюся неподалеку огромную голову, увенчанную рогами — это были пока мягкие бархатистые наросты, но месяца через три, вероятно, они достигнут более пятидесяти дюймов в размахе.

— Ну и лошище,— буркнул я.

Лось плыл с легкостью и быстротой, присущей животному, которое в воде чувствует себя так же свободно, как и на суше. Он плыл вдвое быстрее моего жеребца и проплыл мимо нас всего на расстоянии нескольких ярдов. Однако он не обратил на нас никакого внимания. Его глаза тоже были прикованы к приближающемуся берегу. Человек, домашняя лошадь и лось из северных лесов плыли через озеро, спасаясь от общего врага.

Лось успел, вероятно, уйти в лес на километр, когда наши лошади выбрались на берег.

— Ты и сам плыл не хуже лося,— сказал я жеребцу, похлопав его по дрожащей шее и отпустив подпругу.— Ты помог нам выбраться из страшной заварухи, ты — молодчина.

Мы подъехали к бурелому, чтобы отдохнуть, пока наши лошади обсохнут и отдышатся. Внезапно перед нами появилась курочка рябчика, нахохленная и припадающая на крыло. Она двигалась в нескольких ярдах от нас, а затем резко повернула в сторону, сильно припадая на крыло, стараясь убедить нас, что она совершенно не может лететь.

— У нее цыплята,— сказал я.

«Пип, пип» — этот звук слышался у меня почти под ногами, однако я с трудом смог разглядеть цыпленка. «Пип, пип» — другие цыплята тоже начали звать мать. Она сидела на поваленном дереве, распушив перья. Подняв цыпленка и разглядев его, я решил, что они вывелись только вчера. Затем я снова опустил его на землю и тихо сказал: «Ты появился на свет только вчера, а мир, в который ты пришел, разрушен огнем».

За озером и к северу от нас тысячи акров леса были в огне. Сосны, ели, пихты, осины, ива и ольха превращались в угли. А в них были птенцы рябчиков, голенастые лосята, молодые пятнистые оленята, маленькие медвежата, пушистые ильки, зайчата, неуклюжие иглошерсты, белки и летяги, синие птицы и дрозды, щенки койотов и рысята, и все они также погибали в огне за озером и к северу от нас.

На следующее утро мы видели и слышали огонь с порога нашего дома. Пламя было всего лишь в километре от нас, оно двигалось вниз по восточному берегу озера Мелдрам семимильными шагами. И вдруг оно затормозило. У ручья, в том месте, где он вытекал из озера, огонь остановился. Он уничтожил большую часть нашего леса, но он не смог уничтожить наш дом.

Когда мы поселились на ручье, в это время года из озера текла лишь тоненькая струйка воды. Если бы тогда начался пожар, он бы пересек ручей и добрался до нашей избушки. Теперь же все изменилось. Ниже озера на протяжении нескольких миль были плотины, построенные бобрами. Все они крепко держали воду. Огонь, не в силах двигаться к югу, повернул и пошел вдоль запруд, выискивая место, где он смог бы пересечь воду и снова двинуться вперед. Тщетно! Всюду была вода, а запруды ни один пожар не мог пересечь.

Потом начались дожди. В середине июня небо затянулось тучами, и на леса обрушились потоки дождя. Снова почва напиталась дождем и стала такой же, насыщенной влагой, как и весной, сразу после таяния снегов. Огонь перестал распространяться и в конце концов совсем погас. Так был спасен наш дом.

Глава XXV

Звоп топоров, визг пил — и над всем этим ритмичные удары молотка, забивавшего гвозди. У берега озера сложены штабеля леса, бочонки гвоздей и костылей, рулоны толя и пакки вкусно пахнущей дранки из пихты — все это дополняло запахи и звуки строительства нового дома.

Крики «Подымай! Подавай! Поворачивай!» смешивались со звоном инструмента. Бревно за бревном подымалось с земли, вкапывалось по наклонным жердям и ложилось на место. Солнце всходило и садилось, и за день укладывалось четыре или пять венцов бревен или настилались полы. Так постепенно обретал форму и вид дом там, где всего лишь неделю назад были заросли ивы.

Наша маленькая избушка с дерновой крышей и полом из неструганых досок была единственным нашим прибежищем в течение шестнадцати лет. Другого дома мы тогда не могли построить, да нам он, собственно говоря, и не был нужен. Но теперь бревна осели и обрешетка крыши начала коробиться. Стропила также стали прогибаться. Дважды за последний год мне приходилось снимать дверь с петель и подстругивать ее на несколько дюймов, так, чтобы она открывалась и закрывалась, не царапая пол. Нам с Лилиан потребовалось целых десять дней, чтобы построить эту избушку. Мы так хотели скорее покончить с работой и обрести крышу над головой, что не особенно заботились о фундаменте. Теперь нижний венец начал гнить и разрушаться там, где он касался земли. И по мере того как дом садился, приходилось состругивать двери и окна, иначе мы не смогли бы открыть их.

Лилиан никогда не приставала ко мне с постройкой лучшего дома, хотя иногда, если на полу появлялись царапины от двери, она начинала ворчать. И все. Весной 1945 года, только что закончив состругивать очередной дюйм с двери, я глубоко вздохнул и заявил: «Мы прожили здесь уже достаточно долго». Лилиан внимательно посмотрела на меня, Визи — тоже, как бы спрашивая: «Где же мы теперь будем жить?»

— Мы построим новый дом, — продолжал я, — хороший дом, на этот раз мы сделаем настоящий фундамент, даже если мне придется таскать для этого цемент из Риск-Крика на своем собственном горбу. — Эти слова подчеркивали мою решимость немедленно приступить к делу. — Бревна будут длиной тридцать шесть футов и прямые как стрела. У нас будет гостиная такая большая, что в ней можно будет танцевать, ванная, по меньшей мере три спальни, кухня для миссис Кольер и... Собирайся, сынок, давай возьмем топоры, пилу и пойдем на тот холм и посмотрим, что можно найти.

Мы забрались почти на самую вершину холма, чтобы найти подходящий лес. Нам нужны были деревья, не погнутые ветром, без крупных сучьев, такие же крепкие и прочные, как скала Гибралтара.

Мы ходили от дерева к дереву, оценивая глазом стволы и пробуя их топорами.

— У твоей матери будет самый уютный и красивый дом, какой только можно построить в этих старых лесах, — сказал я доверительно Визи.

Несмотря на то что на холме было не менее миллиона деревьев, нам потребовался целый день, чтобы отобрать и пометить подходящие. Мы выбирали лес очень придирчиво.

— Другого дома строить уже не придется, во всяком случае на моем веку или на веку твоей матери.

Потребовалась почти неделя, чтобы отобрать лес, спилить его, переправить к спуску и очистить от коры. Мы работали от зари до зари и даже дольше. Звон наших топоров будил луну и звезды. Когда шестидесятое бревно было очищено и сложено в штабель, я присел на спуск, свернул сигарету и сказал Визи:

— Знаешь что? Теперь, когда война кончилась, люди, по-видимому, начнут тратить деньги, как сумасшедшие. Такого раньше, вероятно, никогда не было. Деньги потекут, как вода через плотину бобра. Каждая женщина захочет купить себе норковое манто. Следующей зимой меха будут источником богатства (мое предсказание сбылось).

И вот год спустя, выстоявшиеся бревна ряд за рядом вырастали в дом. Правда, надо сказать, что свезти их вниз с горы на са-

нях было довольно трудно. Мы спускали их, когда снег был уже достаточно глубоким, чтобы скрыть бурелом и камни. Склон был очень крутым, и полозья саней приходилось обкручивать, чтобы они не скользили; и даже с таким тормозом нужна была твердая рука и успокаивающий голос, чтобы сдерживать нетерпение лошадей, когда сани начинали напирать на оглобли и хомуты.

Мне в перевозке не пришлось принимать участия: Визи складывал бревна на сани, привязывал их цепями и спускал на лошадях вниз по крутому склону. Когда все бревна были перевезены, он взял клин, кувалду и топор, отобрал хорошие прямые сосны и наколол досок для крыши.

Все эти годы, когда мы берегли каждую копейку, оставили на нас свой отпечаток. Теперь, когда нам предстояло построить новый дом, привычки, приобретенные в трудные годы, не давали нам права тратить ни одного доллара на строительные материалы, которые мы могли достать в лесу.

Несмотря на то что леса наши богатые и многое можно было получить оттуда, нам пришлось очень многое покупать и привозить на телеге: окна и двери, гвозди, покрытие для полов, цемент, алебастр, толь и линолеум. Я был твердо намерен платить за все наличными, чтобы, когда работа будет закончена, мы не были никому должны за нашу постройку.

Сначала я думал, что, может быть, мы вдвоем сможем построить дом сами, но потом я передумал. Когда мы строили наш старый дом, Лилиан была все время рядом и помогала мне рубить лес, затрачивала свои последние силы, помогая возводить сруб. Тогда я поклялся, что, если когда-нибудь нам придется строить новый дом, она не будет принимать участия в этой работе. Каждая женщина должна уметь обращаться с кастрюлями и сковородками, щеткой, метлой, иглой, утюгом и многими другими вещами независимо от того, где находится дом — рядом с медвежьей берлогой или на многолюдной городской улице. Но ни одной женщине не следует принимать участия в работе, которая по плечу только сильному мужчине, хотя многие женщины и делают тяжелую работу даже по собственной воле.

Я решил, что для постройки дома мы найдем рабочих. Мы подготовили лес сами, а для того чтобы построить дом, мы найдем кого-нибудь за деньги.

Как только это решение было принято, я начал осторожно присматриваться, чтобы найти кого-нибудь, кто умеет хорошо строить дома и не слишком дорого берет.

Я нашел нужного человека в Риск-Крике. Его звали Весс Джаспер. Он умел обращаться с топором, с молотком и пилить не хуже любого другого. Он был мастером на все руки. Он брался за

любую работу, которая ему попадалась и обещала заработок. Он мог сесть верхом на самую норовистую лошадь в Чилкотине и ездить на ней, пока она не остановится от усталости. Он мог заарканить и связать бычка за семь секунд или выгнать из леса табун самых диких лошадей и загнать их в искусно спрятанный загон. Он умел плести лассо, уздечки из конского волоса и попасть в глаз рябчику на расстоянии шестидесяти ярдов. Хотя Джаспер был по профессии погонщиком скота, он не считал зазорным оставить лассо и взяться за топор. Итак, я нашел нужного человека. Мы целый вечер добродушно торговались о цене. Наконец он согласился и сказал, что, вероятно, сможет построить дом.

Пока мы не привезли весь лесоматериал с горы, Лилиан почти не принимала участия в обсуждении проекта. Но потом она стала проявлять к нему живейший интерес. Почти каждый день она ходила на место, где должен был строиться дом, и что-то усердно измеряла, покачивая головой или кивая, улыбаясь или хмурясь, или просто садилась на бревна и смотрела в пространство. Наконец она сказала:

— Нам надо составить подробный план на каждый дюйм площади.

— Что ты имеешь в виду, какие планы? — Я беспокоюсь за-ерзал на стуле.

— А как ты собираешься расставить все по местам, если у тебя заранее не будет составлен план?

— Мы построили этот дом без всяких планов, и он был очень удобным. Зимой он такой же теплый, как поджаренный хлеб, а летом такой же прохладный, как лимонад из погребца.

— Но ведь у нас всего одна комната, — брови Лилиан поднялись, она говорила спокойно, но с ударением на слово «одна».

— Так что ты думаешь, что нам надо поехать в Ванкувер и нанять архитектора? — спросил я саркастически.

Лилиан не ответила. Она посмотрела на Визи, я — тоже. Визи отошел к окну и смотрел на улицу, засунув руки в карманы. «Ну и растет же парень», — подумал я, глядя на него. Он был ростом почти семьдесят дюймов и весил около семидесяти килограммов. Он мог поднять и перебросить через седло оленя весом сто двадцать килограммов без всякого усилия или идти восемь часов подряд на снегоступах или обычных лыжах, ни разу не присев отдохнуть. У Визи не было дурной привычки, которой страдали мы с Лилиан, — он не курил. Я же курил очень много, Лилиан — умеренно. Вдвоем мы умудрялись за неделю выкурить двухсотграммовую банку табаку (мы курили самокрутки). Я начал курить в четырнадцать лет, но Лилиан не курила до тех пор, пока мы не перебрались на Мелдрам-Крик. Здесь она как-то при-

училась курить, ей это понравилось, и она не пыталась этого отрицать.

Мы никогда не говорили Визи: «Не надо курить». Табак и папиросная бумага всегда лежали на столе, и, если бы он взял бумажку, насыпал табаку, свернул сигарку и закурил, мы с Лилиан не сказали бы ему ни единого слова. Может быть, если бы Визи ходил в школу вместе с другими ребятами, все было бы иначе. Но Визи не ходил в школу, во всяком случае в такую, где были другие дети. Хорошо это или плохо, я не решаюсь сказать.

Визи отошел от окна, сел и сказал уверенно и спокойно:

— Мама права, такой большой дом должен иметь план, чтобы все разместилось правильно.

— Ты же знаешь, что я не могу провести прямую линию между двумя точками, — сказал я.

— Зато Визи может, — быстро перебила Лилиан. — Не правда ли? — она вопросительно посмотрела на Визи.

— Я могу попробовать, — заметил Визи осторожно.

Жизнь в тайге была благоприятной для Визи с точки зрения физического развития и здоровья, но и в других отношениях она тоже была благоприятной для него. Он немного знал геометрию и не только имел компас, транспортир, угольник и счетную линейку, но, что самое главное, умел ими пользоваться. Таким образом, он и Лилиан вычертили план дома, а я сидел в кресле и делал вид, что читаю, хотя все время прислушивался к их разговорам. Они шептались о том, что «стенной шкаф для одежды будет помещаться вот тут», или «спальня будет там», или «печка будет стоять вот здесь». Один раз я, не выдержав, посмотрел поверх газеты и спросил: «Ну как, еще не увязли?» Ответа не последовало.

Наконец планы были вычерчены, все линии были аккуратными и прямыми, и Джаспер со своей бригадой прибыл и приступил к постройке.

В начале осени 1945 года каждый охотник, у которого было хоть какое-то чутье, мог предвидеть, что цены на пушнину будут очень высокими. Это ощущалось даже в дыхании ветра, шевелившего макушки деревьев. Мы расставили капканы задолго до снега. Мы не заряжали их, но подготовили к тому времени, когда мех «созреет» и придет пора раскладывать приманки.

В начале ноября выпало около четырех дюймов снега, и вслед за этим температура резко упала до -26° . Теперь все хищные пушные звери оделись в ценный мех, я разложил приманки и насторожил капканы. Визи тем временем должен был свезти бревна с горы. За дом надо было платить, и я был твердо намерен

выжать из леса все нужные деньги до копейки. Лес не мог подвести меня.

Как я и предполагал, цены на пушнину резко взвились. Шкурки крупной норки стоили не меньше чем по шестьдесят долларов и так и держались. А поскольку у нас расплодилось очень много ондатры, вокруг было множество пороков, которые на них охотились. За каждую ондатру давали не менее трех долларов наличными, а иногда и больше. Почти за каждую шкурку ильки с темным и шелковистым мехом давали не менее ста пятидесяти долларов, а если поторговаться как следует, можно было получить и больше.

Во внешнем мире, где были благоустроенные дома и асфальтированные улицы, деньги текли, как вода. А в самом сердце тайги охотники на лыжах обходили капканы, пробираясь сквозь метель, и молча проклинали мороз, который кусал их пальцы, когда они налаживали капканы. Но охоту они не прекращали.

Вот так без конца мы ставили капканы и без усталости снимали шкурки. Мы становились на лыжи, когда на востоке было еще темно и ничего не было видно, и желали лесам и оленям доброго утра, когда они подымались с лежки при нашем приближении. Мы возвращались домой при свете луны и звезд, замерзшие, усталые. Мы почти не могли разогнуть спины, так как целый день проводили, согнувшись над капканами, доставая добычу.

Наскоро поужинав, мы принимались снимать и распяливать шкурки при свете керосиновой лампы или свечи, если другого освещения не было. Однако тайга приказывала нам снимать, чистить и распяливать шкурки, ибо завтра нас ожидала новая работа. Когда рынок ощущает голод на пушнину, пусть ненадолго, цены на меха для него не имеют значения.

В ту зиму высоких цен на пушнину я почти сносил свои снегоступы. Это была одна из немногих зим, когда тайга улыбалась нам доброжелательно. В течение многих дней ртуть в термометре стояла на 20—23° мороза и ночью редко опускалась до 28° ниже нуля. На звериных тропах было не слишком много снега, поэтому, если путь к месту промысла был проложен и протоптан, можно было при желании забросить снегоступы за спину и обходить капканы пешком.

С середины ноября и до начала февраля я только один раз устроил себе передышку. Мне казалось, что идти в лес на промысел на рождество не следует, и я остался дома и отдыхал, отдав должное яствам, которые Лилиан готовила целую неделю.

Как только хищные пушные зверьки стали терять свой зимний лоск, я перестал ставить на них капканы. К тому времени Визи привез из леса весь заготовленный материал и сложил его в шта-

бея на площадке, выбранной для дома. Теперь мы оба могли направить все свои силы на добычу ондатры, которая во множестве обитала на болотах.

Промысел ондатры самый трудный. Если сегодня мы ставили у хаток сотню капканов, то на следующий день могли снять семьдесят или восемьдесят шкурок. Все их надо перенести на спине со льда озера, погрузить на выючную лошадь, а вечером при свете керосиновой лампы снять с них шкурки и распялить, хотя наши мысли и тела молили об отдыхе.

Мы с Визи снимали шкурки, а Лилпан своими проворными пальцами натягивала шкурки на распялки. За время охотничьего сезона на ондатру в 1946 году мы редко ложились спать до полуночи и вставали самое позднее в пять утра.

К апрелю, когда лед начал таять, а хатки ондатр разваливались, мы были настолько усталыми, что не смогли бы продолжать промысел тем же темпом, даже если бы нам дали за это все золото Офира. Мы вздохнули с облегчением, когда начал таять лед и стали разрушаться хатки ондатр. Мы были сыты по горло охотой, и нам казалось, что, если мы когда-нибудь снова увидим шкурку ондатры или другого пушного зверька, нас это ни капельки не взволнует.

В течение нескольких дней мы лениво лежали на спине на улице под теплыми лучами солнца и смотрели, как над нами пролетали стаи диких гусей. На ирригационной плотине было шумно: там поселились кряквы и другие утки. Синие птицы и дятлы были заняты постройкой гнезд, а когда лед отошел от берега и стал таять, бобры ручья Мелдрам вышли из своих хаток и, переполненные радостью, били хвостами по воде, как бы салютуя весне. Весна вернулась в тайгу.

К середине июня Джаспер и его бригада уложили последний слой драпки на крышу. Дом был закончен, и можно было переселиться. Мы погрузили свою скромную мебель на телегу, сложили вещишки и быстро переехали на новое место. После того как целых шестнадцать лет мы ели и спали в избушке из одной комнаты под дерновой крышей, новый дом казался нам таким же большим и значительным, как Букингемский дворец.

Богатая добыча в ту зиму не только обеспечила оплату нового дома, но и явилась причиной нового события, изменившего нашу жизнь. Большие деньги, которые мы получили за шкурки, дали нам возможность положить в банк приличную сумму после того, как мы заплатили за дом. Бобры размножались поразительно быстро. Нас так и подмывало добыть несколько бобров весной

1946 года, так как тогда за шкурку большого бобра давали семьдесят долларов. Но даже мысль о том, чтобы охотиться на бобров, пока в этом не будет острой необходимости, приводила нас в ужас. Не за горами тот день, когда нам придется охотиться на них, чтобы регулировать их численность, но этот день еще не настал.

Для меня, да и для Лилиан тоже наши редкие поездки в Риск-Крик весной, летом и ранней осенью были просто разновидностью работы, чем-то таким, что нужно было периодически делать. Дорога туда и обратно занимала два дня, как бы рано утром мы ни выезжали. Зимой же, когда телега заменялась санями и когда на дороге лежал глубокий снег, мы были счастливы, если нам удавалось обернуться за два дня, чаще поездка отнимала три или четыре дня.

Тем не менее мы никогда не знали более быстрого и легкого способа передвижения, а то, чего человек никогда не видел, он не жаждет. Какое нам дело, если в наши дни многие фермеры и ковбои отказались от транспорта, служившего им верой и правдой в течение многих лет, и брали в руки не вожжи, а руль и не кнут, а ручку скоростей? Что до меня и Лилиан, то нам было все равно — пусть себе ездят на машинах. Мы же всегда доверяли только лошадям и были намерены делать так и впредь.

Однако Визи придерживался другого мнения. Лошади двигались медленно, а повозка была тряской. Угадывая его мысли и догадываясь о том, что он замыслил нечто невообразимое, я решил внести ясность. Однажды утром я увидел, как он стоит у повозки, покачивая головой.

— Что с тобой, — осторожно спросил я, — ты чем-то обеспокоен?

Он медленно обернулся и сказал:

— Нам нужно что-нибудь, что приводилось бы в движение бензином и маслом, а не травой и сеном.

— Ты имеешь в виду автомобиль? — Я вздохнул, даже эти несколько слов мне было трудно произнести. Он медленно кивнул головой.

— А почему бы и нет? — и добавил, глядя мне прямо в глаза: — Есть машина, которая называется джип, виллис-джип. Я видел такую в Риск-Крике несколько дней назад. Хозяин этой машины рассказал мне все о ней. Он сказал, что на ней можно проехать везде, где можно проехать с повозкой. Это то, что нам нужно. У нее все четыре колеса ведущие, и если переключить скорость, можно ползти не быстрее чем по пять километров в час. Этот малый говорит, что она может ехать по снегу глубиной около двух футов.

Четыре ведущих колеса? Коробка скоростей? Я ничего не понял из слов Визи.

— Можно купить подержанную машину за тысячу долларов.— Визи произнес эти слова так, как будто бы эта тысяча долларов была всего лишь мелочью.

— Черт возьми! — Я опустился на корточки, покачивая головой.

Все это было слишком абсурдно. Отравлять эти чудесные леса выхлопными газами автомобиля? Только через мой труп!

— Лилиан,— крикнул я,— иди скорей сюда!

Когда она появилась, я сказал слабым голосом:

— Посмотри на Визи, он решил, что нам нужно купить какой-то автомобиль, джип, он говорит, с четырьмя ведущими колесами... — больше я ничего не смог сказать.

— Ты хочешь, чтобы мать тряслась в повозке по всем этим камням всю свою жизнь? — спросил он раздраженно.

— А ты хочешь, чтобы наши леса провоняли бензином? — набросился я на него в свою очередь. Затем обратился к Лилиан, надеясь на ее поддержку: — Он с ума сошел, не правда ли? Это совершенная чушь!

Лилиан покачала головой и сказала:

— Я придерживаюсь нейтралитета в этом вопросе.

Я посмотрел на повозку почти с любовью, я заплатил за нее пятнадцать долларов наличными и отдал шкурку койота. И не так уж давно. Когда это было? Всего лишь семнадцать или восемнадцать лет назад. Повозка еще была вполне хорошей, крепкой. В то время люди умели делать прочные вещи. Эту повозку делали в те дни, когда транспортные средства должны были быть хорошими, надежными и прочными. Они должны были служить человеку всю жизнь и, может быть, даже его внукам. А нашу повозку надо было всего лишь покрасить заново. Вот только покрасить ее, и она опять будет как новенькая.

Визи как будто бы прочел мои мысли.

— Ей нужны и новые шины,— сообщил он мне, как будто бы он больше меня понимал в повозках,— спицы выскакивают, и упряжь разваливается.

— Ее надо только покрасить, и она опять будет как новенькая,— твердил я упрямо.

Визи не уступал:

— Джип быстро окупится. Скоро нам придется охотиться на бобров, и, насколько я понимаю, джип может сослужить нам в этом большую пользу. На джипе нам будет гораздо легче и быстрее, чем с вьючной лошастью.

Охотиться на бобров с автомобилем? В первый момент эта мысль показалась мне абсурдной. Но спустя две недели, когда я как следует поразмыслил над этим предложением, оно не казалось мне таким уж диким.

Когда мы впервые приехали на ручей, здесь были только звериные тропы. Со временем мы расширили часть троп, чтобы по ним можно было пройти с вьючной лошастью. Почему бы не расширить их еще немного? Может быть, с помощью нескольких ящиков взрывчатки мы сможем убрать с дороги часть каменных глыб, а проложив гать там, где дорога пересекала болото, и построив несколько мостиков, мы, возможно, и в самом деле могли бы проехать к бобровым запрудам на этом «джипе» или как там его Визи называл.

Этот вопрос оставался нерешенным почти целых три месяца. Визи настаивал на том, что значительную часть работы, которую сейчас выполняли лошади, можно было бы выполнять лучше и быстрее с помощью джипа. Время от времени он говорил: «Мы даже можем возить на нем сено» или: «А на нем можно возить дрова». Почувствовав, что я колеблюсь, он выпустил в меня еще несколько зарядов: «На джипе можно охотиться на уток и гусей. А может быть, на нем можно выгнать из леса лося или оленя».

Это все еще казалось мне диким, но теперь Лилиан уже не придерживалась нейтралитета. Настойчивые и неопровержимые доводы Визи убедили ее, что заплатить тысячу долларов за подержанный автомобиль — не значит бросить деньги на ветер.

С одним Визи я, может быть, и справился бы, но когда Лилиан и Визи объединились, у меня не оставалось ни одного шанса. Черт с ней, с этой самой проклятой штуковиной. Купим ее со всеми четырьмя ведущими колесами и положим конец распрям, нарушающим покой нашего дома. В глубине души я был уверен, что это сооружение из редукторов, свечей, карбюратора и прочих штуковин быстро придет в полную негодность и бесславно погибнет, прежде чем ему удастся пройти приличное расстояние по нашим дорогам. А в случае удачи мы можем даже застрять на нем в болоте, и тогда оно скоро исчезнет из глаз, и мы его никогда больше не увидим и не услышим. Эта последняя перспектива особенно воодушевляла меня.

Осенью 1947 года — года механизации, как я его называю, — когда мы, наконец, купили джип, мне было сорок семь лет. Из них двадцать семь я провел в тайге. И ни разу за все эти годы я не держал в руках руля или ручки скоростей автомобиля. Я не доверял никаким видам транспорта, которые не приводились в движение каким-либо существом с сердцем, легкими и крепкими ногами. Когда повозку или сани тянула упряжка лошадей, это

было нечто прочное, на что человек может вполне положиться. Лошади всегда довозили тебя до цели. По болотам, по глубоким снегам, по бездорожью. Тебе никогда не приходилось идти пешком. И если какая-нибудь беда случалась с колесом или полозом, ее обычно было легко исправить с помощью пассатижей и куска проволоки. А теперь мне вдруг пришлось целиком и полностью довериться средству передвижения, у которого не было ни сердца, ни легких, ничего похожего на ноги и у которого было столько внутренностей, что от одного взгляда на них у меня начинала болеть голова.

Наш приятель из Вильямс-Лейк пригнал пришельца в Риск-Крик. Мы втроем в повозке отправились его встречать. Визи всю дорогу напевал какую-то веселую мелодию, а Лилиан выражала нетерпение — казалось, если мы не доберемся вовремя до Риск-Крика, эта штукавина убежит от нас, прежде чем мы туда приедем. Я же был подавлен и, понурая голову, думал: «Мне не следовало поддаваться этой глупости». Наконец мы приехали в Риск-Крик, и там стоял автомобиль как ни в чем не бывало. Стоять-то он стоял, но каким образом мы переправим эту штукавину домой?

— Да поедем на ней и все, — сказал Визи.

— Кто?

— Ну ты, если хочешь, а если не хочешь, так я, — сказал Визи, пожав плечами.

— Ты даже не знаешь, чем отличается ручка скоростей от кнопки сигнала, — грубо сообщил я ему.

— Ну ведь я же могу научиться.

— О'кей, валяй учись!

Наш знакомый уделил нам полчаса времени, чтобы показать Визи, как нажимать на газ и сцепление, как переключать скорости и читать показания приборов. Через час после того, как Визи впервые взялся за руль, он уже ездил на автомобиле взад и вперед по дороге. Мне потребовалось почти год, чтобы научиться как следует править упряжкой лошадей. А Визи за полтора часа научился управлять этим джипом.

Несмотря на то что я наставлял, чтобы Лилиан возвращалась домой в повозке, она забралась на сиденье рядом с Визи, и они отправились к северу, в направлении озера Мелдрам. Я стоял у повозки, глядя на клубы пыли, которые оставлял за собой джип. Когда я уже больше не слышал звука мотора, я повернулся к приятелю и сказал:

— Готов спорить, что он не доберется до дому.

— А я спору, что доберется.

Этот спор я проиграл. Через два с половиной часа после того, как они выехали из Риск-Крика, Лилиан и Визи были уже дома.

Я ехал следом в повозке, все время глядя вперед в ожидании, что вот-вот увижу их, сидящих у обочины рядом со сломавшимся джином. Когда же этого не случилось, я был немного разочарован.

Прошло не меньше недели, прежде чем я рискнул взяться за руль автомобиля. В конце концов Визи уговорил меня сесть на сиденье рядом с ним.

— Все равно тебе когда-нибудь придется научиться водить машину, — уверял он меня, — так чего тянуть?

И наконец я решился. Я говорил «но!», переключая скорость из нейтрального положения в первую и выжимая газ, и кричал «тпру!», когда мне нужно было остановиться. Прежде всего я загнал эту штуковину в ирригационную канаву, и мне пришлось звать Визи, чтобы вытащить ее оттуда. Когда я в первый раз поехал в Риск-Крик, я ободрал кору со столькох сосен, что казалось, будто кто-то наставил свежих меток. Но все же я научился.

Наша повозка так и не была покрашена. Ее даже ни разу не закладывали, с тех пор как на наши земли пришла механизация. Она стоит заброшенная под сосной, стоически выдерживая непогоду, дышло постепенно гниет, а шины давно свалились с ободов. Иногда, после заката, когда все звуки тайги стихают, мы с Лилиан подходим к повозке и присаживаемся на ступеньку, подперев голы руками и глядя задумчиво на лес. Но вместо деревьев мы видим нашу повозку у фактории, нагруженную покупками. А когда до нас доносится ветерок, нам кажется, что повозка трясется по острым камням, и вдруг я спрашиваю Лилиан, почувствовав, что она думает о том же: «Помнишь?» Она кивает головой: «Как будто вчера». Я повторяю: «Как будто вчера». Но какой длинный путь мы прошли с тех пор!

Глава XXVI

Это навалилось на меня внезапно, как гром среди ясного неба или олень, появившийся из молодой поросли. Это было начало хождения по мукам для Лилиан, которое потребовало от нее всех сил, ума и веры, испытание, которому редко подвергалась какая-либо из женщин во все времена. Лилиан боролась один на один с тайгой, и шансы на победу были не на ее стороне.

Это был вторник в середине декабря, и я думал, что вот через две недели кончится еще один год и мы вступим в 1948. Я был в четырех милях от дома и на снегоступах обходил капканы, которые за ночь покрыл слоем снега толщиной около восьми дюймов. Снег был мокрым, палил на лыжи, и каждый шаг причинял мучения. Но я уже привык к этому. Испокон веку ходить на

снегоступах было трудным делом, особенно по свежевывавшему снегу, который так насыщен водой, что, если бы воздух был чуть теплее, он превратился бы в дождь.

Когда это со мной случилось, было около полудня. Всего полчаса назад я чувствовал себя великолепно и с интересом осматривал капканы и попадавшую в них добычу. Вдруг я почувствовал страшную усталость, ноги заломило, и я покрылся холодным потом. Я разжег костер, отбросил в сторону лыж снег и быстро приготовил себе постель из сучьев. Несмотря на жар от костра, я весь дрожал, лежа на сучьях.

Я достал завтрак, безразлично посмотрел на бутерброды и отодвинул их в сторону. Есть не хотелось. Костер весело горел, но, казалось, совсем не давал тепла. Я подвинулся как можно ближе к пламени, почти касаясь его одеждой, но никак не мог согреться. И чем дольше я лежал, тем слабее становился.

Снова пошел снег. С северо-запада слышался шум ветра в вершинах деревьев. Оттуда надвигалась метель. Если бы она продолжалась час или даже меньше, она, вероятно, оставила бы после себя еще дюйма четыре свежего снега.

Мне хотелось сделать навес из веток и переждать метель у костра. Благоразумие, однако, подсказывало, что не следует делать глупости и надо немедленно вставать и идти домой, пока держат ноги и не путаются мысли.

«Все будет хорошо, стоит лишь добраться до дома,— старался я успокоить себя.— Сейчас мне немножко нехорошо, но вот доберусь домой, лягу в постель и к утру буду уже здоров».

Я понял, что заболел, и сразу подумал о Визи. Он охотился в избушке, в низовьях ручья. Он был там один и охотился в восточной и северной частях наших угодий, а я оставался дома с Лилиан и охотился к югу и к западу от озера Мелдрам. Это было очень удобно, так как мы могли достаточно хорошо справиться с промыслом по всей нашей территории в то время, когда мех был самым лучшим. В последние два-три года Визи часто жил один в избушке, охотясь, и мы никогда не волновались о нем. Он был сильным, здоровым, и ни один индеец в Чилкотине не знал лучше него, как вести себя в лесу. Мы были уверены в том, что лес никогда не причинит ему вреда. Но теперь, когда ноги отказывались служить мне, я подумал: «Надеюсь, что у мальчика все в порядке».

Метель налетела через несколько минут после того, как я покинул костер. Скоро следы, оставленные мной утром, скрылись под снегом, и я мог найти их только на ощупь. Самих следов не было видно.

Прежде я никогда не попадал в подобные ситуации. С каждой минутой я становился все слабее. Желание прекратить борьбу,

разжечь костер, сесть возле него и отдохнуть, а может быть, и немного поспать было почти непреодолимым. Но нет, этого делать было нельзя. Я должен идти вперед. Пусть медленно. Я двигался скорее усилием воли, чем напряжением физических сил.

Метель прошла, и воздух стал неподвижным. Теперь мне приходилось останавливаться, чтобы отдохнуть, через каждые сто ярдов. Я отдыхал, стоя на лыжах, так как боялся спать их и сесть. Если бы я сел, то уже не смог бы встать и идти дальше. Мне надо было двигаться.

Ночь давно наступила, когда я добрался до дома. Только инстинкт подсказывал мне дорогу. Инстинкт и какая-то упрямая настойчивость, не позволявшая мне сдаться тайге. Отметины, которые попадались мне то здесь, то там и могли бы мне указать направление, потеряли для меня всякое значение.

Внезапно в темноте показались очертания дома. Я остановился, протирая глаза, и долго смотрел на него. Только через некоторое время я понял, что это наш сарай. Я сбросил лыжи и прислонил их к бревнам. Теперь они уже не нужны. Я уже дома или во всяком случае буду там, если у меня хватит сил добраться по тропинке от сарая к дому.

Лилиан, вероятно, сидела у окна гостиной, глядя в темноту и ожидая меня. Лилиан всегда немного волновалась, если меня или Визи ночь заставала в лесу. Кругом было столько опасностей...

Она услышала, как я шел по тропинке, и встретила меня у черного хода, когда я, наконец, подошел к дому.

Она сразу поняла, что случилось что-то серьезное.

— Эрик, ты заболел, что с тобой? Что случилось? — вскрикнула она взволнованно.

— Да, что-то неважно себя чувствую. — Я с трудом добрался до кухни, опустился на стул и пробормотал: — Не беспокойся, ничего страшного, к утру все будет в порядке.

Ужин был на столе, но есть мне совершенно не хотелось. Я выпил чашку чая, разделся. Смутно припоминаю, что Лилиан помогла мне лечь в постель и укрыла меня одеялами. Меня продолжало знобить, хотя Лилиан положила под одеяло две грелки. Мне пришлось пролежать в кровати три недели, прежде чем у меня хватило сил встать.

К утру я был в бреду и ничего не сознавал. Белье на мне было насквозь мокрым, так как ночью я сильно потел. В буфете у нас была небольшая аптечка, но мы редко заглядывали в нее. В ней хранилось несколько таблеток хинина, микстура от кашля, несколько бутылочек с растираниями — и только. С тех пор как мы поселились на ручье, мы никогда не позволяли себе всерьез задумываться о том, что кто-то из нас может заболеть. До тех пор

Лилиан не приходилось сталкиваться с чем-либо, кроме насморка или небольшой головной боли. Теперь, когда на нас нагрянула действительно серьезная болезнь, единственным более или менее подходящим лекарством в аптечке был хинин.

Лилиан каким-то образом заставила меня проглотить несколько таблеток хинина. Однако, сидя возле меня ночь напролет и укрывая меня одеялами, когда я метался в постели и сбрасывал их, она чувствовала, что нужно нечто большее, чем хинин.

Рассвело. Лилиан беспечно стояла в спальне у окна, глядя, как над вершинами деревьев поднимается холодное солнце, и думала: «Что же делать?» И тут она вспомнила, что сегодня среда.

Эта мысль несколько успокоила ее душу. В среду вечером вернется Визи, и она не будет одна. Если потребуется, Визи сможет на санях поехать в Риск-Крик. В поселке Вильямс-Лейк, в тридцати милях к востоку от нас, теперь был врач, и, если случится что-нибудь плохое, Визи сможет поехать в Риск-Крик, позвонить в Вильямс-Лейк и вызвать врача, а потом он смог бы на санях привезти его к озеру Мелдрам. В ту зиму выпало столько снега, что ни один джип не смог бы проехать по дороге.

Визи устраивался с промыслом так, что по средам и субботам он приезжал домой и ночевал дома. Поэтому сегодня он должен был вернуться, а завтра, если потребуется, он мог бы поехать в Риск-Крик за помощью.

Мысль о том, что Визи к вечеру вернется, поддерживала Лилиан весь этот томительный день. В четыре часа дня она пошла на конюшню, чтобы накормить и напоить лошадей. Когда она стала накладывать сено лошади, из леса вышли лосиха с лосенком, и через несколько секунд около сарая их уже было с полдюжины. Она дала и им сена, разбросав его по снегу, и, когда все принялись за еду, быстро убежала домой. Лилиан никогда не могла забыть тот момент, когда Старый Бандит упал замертво у ее ног. Этот случай навсегда оставил след в ее душе, и она не могла относиться спокойно к лосям, будь то корова или бык. Однако лоси не обращали на нее никакого внимания, когда она бежала домой: они были слишком заняты, отталкивая друг друга от сена.

В пять часов уже были зажжены керосиновые лампы, ящик для дров наполнен и свежая вода принесена из проруби на озере. Весь день я был без сознания. Я то лежал совершенно без движения, то метался в постели, когда меня прошибал пот.

Было уже шесть часов, а Визи еще не вернулся. К тому времени уже совсем стемнело. Теперь у Лилиан появилась новая забота: почему Визи не вернулся? Через каждые несколько минут она выходила из дома и прислушивалась. У Визи в избушке была верховая лошадь, и он должен был вернуться на ней. Почему же

она не слышала скрипа смерзшегося снега под копытами? Кроме того, у Визи была обычно привычка свистеть, подъезжая к дому. Почему же она не слышала его свиста? А ей так хотелось его услышать! Что случилось, что помешало Визи приехать домой? Могло произойти множество разных вещей, но она отбрасывала эти мысли. Визи скоро вернется, он должен вернуться! С ним ничего не должно случиться.

В полночь небе послышался гул самолета, а скоро она увидела и огни. Самолет, принадлежащий, возможно, Канадской Тихоокеанской авиакомпании и перевозивший пассажиров из Припс-Джорджа в Ванкувер, пролетел прямо над нашим домом. Лилиан уже привыкла к тому, что над домом пролетают самолеты. Они обычно летели вдоль реки Фрейзер на север или на юг. Давно, когда самолеты впервые начали летать по этому маршруту, Лилиан приглаживала волосы, вытирала руки о фартук и выходила за дверь посмотреть на них, как будто бы летчик или пассажиры могли увидеть ее внизу и рассмотреть, как она причесана и чистые ли у нее руки. Привыкнув к самолетам, она перестала обращать на них внимание и продолжала заниматься своими домашними делами. Но теперь, заслышав шум самолета, она выбежала в темноту и остановилась, глядя на мигающие огни.

— Ведь там тоже люди, — думала она. — Если бы я могла им дать сигнал или если бы они знали, что Визи нет дома... — Затем, осознав абсурдность своих мыслей, она топнула ногой и стиснула зубы, стараясь сдержать набежавшие слезы.

Огни самолета исчезли, и шум его моторов затих вдаль. Лилиан снова была одна на снегу. Не обращая внимания на мороз, щипавший лицо и уши, она звала: «Визи, приходи! Почему ты не идешь?»

Семь, восемь, девять — время тянулось мучительно долго. Лилиан пробовала читать, но вскоре отложила книгу. Она вдернула иголку и попыталась заняться шитьем, но и это занятие показалось ей бессмысленным. В тот вечер все потеряло для нее смысл.

Десятки раз она подбегала к двери и выходила на улицу в темную ночь, когда ей слышались шаги лошади, приближающейся к дому. Но это были шаги лося. Съев свое сено, лоси теперь обгладывали ивы неподалеку от дома.

Вскоре после десяти она снова слышала скрип снега под копытами, на этот раз она была абсолютно уверена, что это не лось. Лося так не шумят, даже если бегут. Она отошла немного от двери, вглядываясь в темноту, и позвала: «Визи! Это ты, накопец?»

Из темноты показалась лошадь — крупная чалая лошадь. Лилиан сразу же узнала лошадь Визи. На минуту сердце Лилиан

переполнилось облегчением и радостью. Затем ноги ее подкосились, и с губ сорвался крик. Лошадь была без седла и без уздечки, на ней был только недоуздок.

«Если в лесу что-нибудь случится, когда ты верхом, сними с лошади седло и уздечку и отпусти ее. Она вернется домой, и мы будем знать, что с тобой что-то случилось».

Лилиан слышала эти слова много раз. Я говорил об этом Визи, когда, по правде говоря, он был еще слишком мал, чтобы в одиночку ездить верхом в лес. А когда он подрос и стал самостоятельно ставить большое количество капканов, эти слова превратились в приказ: «Отпусти лошадь, и она придет домой». И вот теперь Визи именно так и поступил. Лошадь вернулась домой, давая знать: что-то случилось.

Лилиан стояла в снегу возле лошади, мысли ее смешались. Вокруг была тишина. Лоси ушли из ивняка и теперь, вероятно, легли спать где-нибудь в чаще, невидимые и неслышимые. Воздух звенел от мороза. Вдруг ночь прорезал печальный вибрирующий плач койота, доносившийся откуда-то издалека. Звук замер, снова все смолкло, и в тишине слышалось лишь размеренное дыхание лошади.

В голове Лилиан роилось множество вопросов. Где и как давно была отпущена лошадь? Почему ее отпустили? Оказавшись на свободе, животное, несомненно, не стало бы бродить по лесу или по дороге. Оно немедленно отправилось бы быстрой рысью в направлении озера Мелдрам, домой, к другим лошадям, которых она так хорошо знала и которые были теперь в конюшне. Лилиан провела рукой по шее и крупу лошади. На ее шерсти не было замерзшего пота, который, вероятно, был бы, если бы с нее сняли седло в лесу. Видимо, лошадь вывели из конюшни и отпустили.

— Он в избушке,— убеждала себя Лилиан.— Он не смог приехать домой, но все же отпустил лошадь, давая знать, что с ним что-то случилось.

До рассвета оставалось еще восемь или девять часов, но Лилиан даже думать не могла о том, чтобы ждать. Ей надо было тотчас, немедленно отправляться в избушку. Это решение придало ей бодрости.

Вернувшись в дом, она заложила в печку побольше дров и прикрыла вьюшки. Затем она написала записку и положила ее на стул возле моей кровати, на случай если я очнусь до того, как она вернется. Она надела самую теплую одежду, натянула на голову капюшон, прикрутила фитиль в лампе и поставила ее на стол в кухне. Затем она зажгла фонарь и отвела в конюшню лошадь Визи.

Наши рабочие лошади Джипси и Бен стояли рядом в двойном стойле. Лилиан сняла с крюка упряжь и запрягла их в сани.

Вспрыгнув на сиденье, она хлестнула лошадей кнутом, и они быстро рысью тронулись в темноту.

Дорога к избушке большую часть пути шла вдоль бобровых запруд. Стоявший рядом с Лилиан фонарь бросал тусклые блики на деревья, отмечавшие впереди дорогу. Когда ее глаза привыкли к темноте, она увидела на снегу свежие следы. Это были следы верховой лошади Визи. Теперь она была уверена, что найдет его в избушке.

Лошади пошли шагом, она снова хлестнула их кнутом, и они снова пустились рысью. Она ударила их опять, и тогда они пошли галопом. В обычных условиях, будучи спокойной, Лилиан никогда бы не гнала лошадей так, как она их гнала в ту ночь в своем стремлении как можно быстрее добраться до избушки. Снег был глубоким, и дорога все время то поднималась в гору, то опускалась. Лошади покрылись пеной, и их бока тяжело вздымались. Крепя сердце и выбросив из головы все, кроме жгучей мысли о необходимости добраться до избушки как можно быстрее, Лилиан не жалела лошадей. Она хлестала их кнутом, требуя от них каждой крупницы силы.

Когда она подъехала к избушке, пошел мелкий снег. Она выскочила из саней, привязала вожжи к пню и вбежала в дом. В избушке было холодно, как в погребу. На одном из топчанов одетый лежал Визи. Его лицо горело, глаза блуждали — у него был жар. Взяв его за плечо, Лилиан тихо сказала: «Визи, это я, мама, я приехала за тобой». Услышав ее голос, он открыл глаза, бессмысленно посмотрел на фонарь. Тщетно пытаясь сдержать дрожь в голосе, Лилиан спросила: «Ты сможешь дойти до двери? Там Бен и Джипси с санями».

— До двери, — пробормотал он. — С санями? — Наконец он увидел ее и слабо улыбнулся. — Ой, мама, я, кажется, заболел.

С помощью Лилиан он спустился с койки и дошел до двери. С минуту он стоял, отдыхая, прислонившись к косяку, потом вышел, добрался до саней и повалился в них. Лилиан вернулась в избушку, сгребла несколько одеял и укрыла его. Потом она села на сиденье, хлестнула лошадей и тронулась в обратный путь. Эти пять миль были самыми длинными в ее жизни.

Когда лошади пошли рысью, у нее вдруг закружилась голова и она чуть не выпустила вожжи. Правой рукой она крепко ухватила вожжи, а левой держалась за короб саней, чтобы не свалиться с сиденья. Она не спала ни минуты всю предыдущую ночь, а за день ни разу не присела. По дороге в избушку лошади чуть не понесли, и ей пришлось собрать все силы, чтобы не потерять власти над ними и не позволить им пуститься вскачь и разнести сани в щепы. Теперь наступила резкая и глубокая реакция. Она чув-

ствовала усталость, слабость и легкое головокружение. Она крепче ухватилась за вожжи и еще крепче за сиденье. Губы сжались, глаза на минуту закрылись, но она с усилием открыла их вновь. «Ты не имеешь права заболеть,— твердила она,— ты не имеешь никакого права!» Лилиан остановила лошадей и сидела, сжавшись, повторяя: «Ты не имеешь права заболеть». Она стала замерзать, но продолжала сидеть, пока слабость и головокружение не прошли. Затем, отпустив сиденье, она погнала лошадей галопом.

Лилиан подсчитала, что, с тех пор как она подвернула дома фитиль и заложила лошадей, прошло почти два часа. Теперь, когда Визи был с нею в санях, пусть слабый и больной, но с ней, она снова забеспокоилась обо мне, лежавшем в бреду и одиночестве дома.

Если ехать по дороге, она вернется через час, но, если рискнуть и поехать по замерзшим запрудам, она сможет срезать углы и сократить путь. Зимой, как только мы убеждались, что лед достаточно крепкий, мы частенько ехали через лед напрямик, если петля в дороге была достаточно большой. Но если же мы не были уверены в том, что лед достаточно крепкий, чтобы выдержать упряжку лошадей, мы держались подальше от запруд.

В начале зимы 1947 года снег покрыл лед толстым слоем, прежде чем тот стал достаточно прочным. Под тяжестью снега лед установился, но под снегом во множестве были полыньи. Невидимые, но были. Со временем вода, выступавшая из полыней, растеклась по поверхности льда и снова замерзала. После этого по озерам и запрудам можно было ехать без всяких опасений. Но пока на лед продолжала вытекать вода, он был коварным. В одном месте он мог по прочности не уступать мощеной дороге, тогда как в другом он был не толще стекла. Но теперь каждая минута была на вес золота. Эта мысль оказалась решающей. Лилиан свернула с дороги и направила лошадей на лед. Под снегом на льду было три дюйма воды. Почувствовав, что они вышли на лед, лошади на секунду остановились, но Лилиан заставила их идти вперед. Пофыркивая, лошади двинулись по льду, разбрызгивая воду.

Они пересекли одну запруду без происшествий, и Лилиан решила и дальше ехать через лед. Она пересекала запруды, где только можно, чтобы сократить путь домой.

Два пруда они миновали благополучно и прошли полпути через третий пруд, как вдруг раздался оглушительный треск, лед под ними провалился, и они очутились в темной воде. Лошади взвились на дыбы и забились, пытаясь передними ногами удержаться на льду. Но чем больше они бились, тем глубже в воду они уходили.

Было около часу ночи. Тьма была непроглядной, и только слабый свет фонаря освещал лед. Сани все еще держались на крепком льду, но Лилиан понимала, что двигаться вперед теперь не было никакой надежды. Все мысли и силы надо было направить на спасение лошадей. Без лошадей она сможет добраться до дома только пешком, а у Визи не хватило бы сил пройти и пятидесяти ярдов.

Лилиан стиснула зубы. Ей нужно было вытащить лошадей во что бы то ни стало. В санях был топор, и, взяв его, она спустилась на лед. Вода доходила ей до щиколоток. Лед под ней трещал, когда она ползла по краю полыни к головам напуганных лошадей. Успокаивая лошадей, она перерезала топором упряжь. Затем отсоединила вожжи и сняла с лошадей уздечки. Она попыталась отстегнуть постромки, но не смогла и тоже перерезала их.

Теперь, когда лошади освободились от саней, она хлестнула Бена по спине. Фыркая и пыхтя, жеребец поднялся и сумел поставить передние копыта на лед. Лилиан дала ему немного передохнуть и отдышаться. Но как только он начал соскальзывать в воду, она снова хлестнула его. Одним огромным усилием Бен поднялся из воды и выбрался на лед уже всеми четырьмя ногами. Он полежал с минуту, затем медленно встал.

С Джипси было значительно труднее. Кобыла была много старше жеребца. После первого отчаянного прыжка она абсолютно выбилась из сил и совершенно бессильно лежала в воде. Бока ее тяжело вздымались, глаза были закрыты, морда была на льду. У Джипси не было ни желания, ни мочи сделать усилие, необходимое для того, чтобы вытащить передние ноги из воды.

Бен стоял, вздрагивая и дрожа. Его тело покрывалось льдом. Взяв недоуздок, Лилиан подползла к воде и обвязала один конец вокруг шеи Джипси. Второй конец недоуздка она несколько раз обмотала вокруг хвоста Бена. Затем она изо всей силы крикнула: «Бен!» — и хлестнула его. Когда жеребец подался вперед, Лилиан хлестнула Джипси по плечам. Передние ноги кобылы выбрались на твердый лед, и, прежде чем она снова соскользнула назад, Лилиан опять погнала Бена вперед. Скоро Джипси тоже стояла на льду.

Сняв с лошадей упряжь, Лилиан бросила ее в сани. Она знала, что сани можно будет вырубить из льда, как только верховая вода замерзнет. Неимоверными усилиями она посадила Визи на спину Бена и укрыла одеялами. Визи лежал на лошади, ухватившись руками за гриву. Затем Лилиан забралась на спину Джипси и, ведя Бена на поводу, направила лошадей к дому.

Четверо суток Лилиан металась от моей постели к Визи. Она совсем изнемогала, по спать не могла. Если она на минуту или две

закрывала глаза, неуверенность и беспокойство снова заставляли ее вскакивать. Наконец жар, вызванный, возможно, пневмонией, спал, и мы с Визи очнулись. Но только когда Лилиан убедилась, что мы действительно поправляемся, она легла рядом со мной и проспала шестнадцать часов кряду.

Был конец первой недели января. С тех пор как Лилиан совершила свой незабываемый бросок в избушку, прошло почти три недели. Лошади стояли у берега, привязанные к ивам. На льду уже не было воды. Все замерзло. И только вокруг саней виднелась вода. Нам с Визи потребовалось больше часа, чтобы вырубить сани из льда, но наконец работа была закончена.

— Трогай, сынок,— сказал я Визи. Привязав лошадей к дышлу, я крикнул: «Но!» Натянув постромки, лошади вытащили сани из воды.

Я стоял, глядя на черную дыру во льду. Потом медленно обернулся к Лилиан и сказал: «Я только что подумал о Кол Уикоте». Уикот был метисом, работавшим на Чарли Муна. Три зимы назад он гнал лошадей через лед по озеру Мелдрам. За два дня до этого выпал глубокий снег. Когда Уикот достиг середины озера, лед вдруг проломился, и он с лошастью оказался в воде.

Поздней ночью Уикот добрал до нашего дома пешком. Его одежда превратилась в ледяную. Он провел около часа на озере, пытаясь спасти лошадь, но, увы, лошадь погибла в ледяной воде.

Я стоял, качая головой. И затем вопросительно посмотрел на Лилиан.

— Как это ты умудрилась вытащить лошадей? Ума не приложу!

— Помнишь, что я говорила тебе давно-давно, когда мы объезжали наши сто пятьдесят тысяч акров, чтобы посмотреть, что они могут нам дать? — Она громко рассмеялась и напомнила: — Человек может сделать почти все, если у него есть желание.

Глава XXVII

Вода! Она бурными потоками сбегала по изрезанным оврагами склонам гор, быстро растекаясь в мелкие прудики, как только ей попадалось небольшое углубление под пологом просыпающегося леса. И всюду, где бы ни находился человек в тот момент — у бобровых запруд, наблюдая за плотинами, или на голой вершине гряды,— все звуки, составляющие симфонию дикого леса: пронзительный плач койота, резкий лай лисицы, безумная болтовня гагары, тихое фырканье лосяхи,— все эти звуки тонули в грохоте потоков, стремившихся к реке.

Вода! Она питает засеянные человеком поля, утоляет жажду, крутит турбины, очищает его кожу и несет продукты его труда во все концы Вселенной. Она охраняет человека, она возрождает его живительным балзамом своей щедрости. Но вода может быть не только живительной, она может быть и разрушительной силой. Она может уничтожить жизнь так же легко, как и породить ее...

Совсем недавно, всего неделю или две назад, тайга вокруг нас была безмолвной и неподвижной. Ее свобода была надолго скована толстым слоем снега. И вот почти без предупреждения все вокруг преобразилось. Сковывавший землю безжизненный белый покров превратился в жидкое грязное месиво, мчавшееся по земле шумным угрожающим потоком.

Даже глубокие старики не помнили такой зимы. Правда, иногда кто-нибудь из них тер ладонью подбородок, напрягая слабеющую память, и говорил: «Помнится, зима 91/92 года была чертовски жестокой, но едва ли она может сравниться с нынешней». Такое заявление что-нибудь да значило. Обычно, какой бы жестокой и долгой ни была зима, можно было побиться об заклад, что в округе найдется хотя бы один старец, который приехал в Чилкотин, когда этот край еще принадлежал индейцам, и мог бы вспомнить еще более суровую зиму. В одном во всяком случае я был совершенно уверен: зима 1947/48 года была самой суровой из всех зим, которые мы пережили с тех пор, как поселились на ручье.

С 5 января и до 20 февраля температура даже в полдень редко поднималась выше минус 35, а к закату ртуть в термометре падала вниз, как дробинка, до самого конца, то есть до минус 45 (или даже до минус 50, если бы термометр мог показать такую температуру), и не поднималась до следующего утра. А с севера дул ветер, такой жестокий, что он мог бы перерезать человека пополам, а потом аккуратно разрезать эти половинки на четвертушки. Даже на зверинах тропах снег был столь глубоким, что, когда я вспугивал из чащи оленя, проходя на ступающих лыжах, я видел над снегом лишь голову и краешек спины животного.

К середине марта я нашел с полдюжины лосей, скорчившихся и замерзших в снежных постелях ярдах в ста от дома. На склонах, спускавшихся к реке Фрейзер, чуть ли не под каждой пихтой лежали трупы молодых оленей. На этих склонах было достаточно корма, но снег был таким глубоким и плотным, что олени не могли разбросать его, чтобы добыть щепотку корма. Они ложились под раскинувшимися деревьями, где снег не был слишком глубоким, и лежали с подведенными от голода животами, а холод сжимал их в своих стальных объятиях и замораживал кровь в их жилах.

Даже домашний скот, стоя по грудь в сене у кормушек, терял всякое желание сопротивляться безжалостным объятиям мороза.

К утру оставшиеся в живых ковыляли с обмороженными ногами, ушами или хвостами. Через некоторое время кожа на ногах начала облезать, а уши и хвосты отваливались. С тех пор как мы поселились на ручье, подобной зимы еще не бывало.

Весна тоже была не лучше. 25 апреля мы погрузили шкурки на вьючных лошадей и отправились в Риск-Крик. Кругом, куда бы мы ни кинули взгляд, не было ни кусочка чистой земли. На луговине еще лежал снег толщиной более двух футов и такой плотный, что утром, пока еще подмораживало, по нему можно было скакать галопом на лошади, как по асфальтированной дороге. В это время года такой снег, вероятно, еще можно найти высоко в горах, но не у нас, в низине, на высоте около трех тысяч футов над уровнем моря.

Было 25 апреля 1948 года. Мы до сих пор не слышали голоса ни одного гуся, и в округе не появилось ни одной синей птицы или дрозда. Нам казалось нелепым ехать в Риск-Крик со шкурками верхом на лошадях, а не на джипе. Но ни автомашина, ни повозка не смогли бы проехать по этому насту. Сначала мы рассчитали санный путь до Риск-Крика, но однажды в конце января его занесло. На открытых местах и на Равнине Озерных Островов сугробы достигали высоты двенадцати — пятнадцати футов. Даже теперь, хотя май был совсем близко, сугробы еще сохранились, и для того чтобы добраться до Риск-Крика на лошадях, не запряженных в сани, приходилось обходить эти сугробы по высоким грядам.

— Наш старый ручей совсем обезумел, когда снег превратится в воду, — сказал я Лилиан, привязывая вьючных лошадей друг за другом и подтягивая подпруги.

— Чем скорее он растает, тем лучше, — ответила она. — Мне до смерти надоел этот снег, я даже не хочу, чтобы снова было рождество, — и в который раз, с тех пор как все мартовские листочки в календаре были оторваны, она жалобно спросила: — Господи, да когда же, наконец, придет весна?

— Весна? — переспросил я ухмыляясь. — Нынче весны не будет. Когда снег разом соберется растаять, уже начнется лето. — И как оказалось, я был недалек от истины.

В то утро в ветре еще чувствовалось дыхание зимы. Он дул с северо-запада, резкий и пронизывающий. Лилиан укуталась в кремовый свитер с высоким воротником и ярко-красную куртку из толстого сукна, которую она перешила себе из моей. Лилиан частенько брала мое старое пальто или брюки, которые, по моему мнению, давно пора было выбросить на помойку, и с помощью ножниц, иголки и нитки умудрялась сделать себе изящный наряд. Этому она научилась в трудные годы, когда деньги попадались так

же редко, как бриллианты, и когда ни один клочок одежды не выбрасывался, если его можно было пустить в дело с помощью питки, иголки и умения.

Визи взнуздal своего жеребца, застегнул ремень на шее лошади. Он натянул кожаные штаны, застегнул куртку из овчины, завязал ушки на шапке так, чтобы они были наполовину спущены, и встал впряди лошадей, выпрямившись во весь свой длинный рост. Он взнуздывал лошадей и надевал штаны почти механически, как если бы лошади, уздечка и штаны находились в десятках миль от него. В эти дни Визи почти все делал механически, но тем не менее хорошо. Часто Лилиан или я видели, как он прерывал работу на полпути и смотрел куда-то вдаль, как будто бы в тот момент его мысли были далеко за горами и были заняты чем-то, что не имело никакого отношения к тому, что он делал. Но ни я, ни Лилиан никогда ни о чем не спрашивали его. Мы знали: придет время, и Визи сам скажет нам о том, что виделось ему там, за горами, вдалеке, и, хотя мы боялись того часа, когда он скажет нам о своих мыслях, мы знали, что наступит день, когда он должен будет нам сказать об этом.

Эта зима погубила бог весть сколько оленей и лосей и отняла у многих фермеров немало скота, но нас она пощадила. Вьючные лошади везли более тысячи шкурок ондатры стоимостью по полтора доллара каждая. В конце февраля болота покрылись верховой водой и снова замерзли. Ондатры подняли свои хатки выше, и, так как в марте совсем не было снега, можно было, стоя на краю болота, всюду видеть верхушки их хаток, даже без отметин. Зима была очень длинной и никак не хотела уступать весне, поэтому лед долго оставался крепким, и мы промышляли ондатру вплоть до 20 апреля. Мы могли бы продолжать промысел и до сих пор, если бы Визи и мне не надоело доставать из капканов добычу и снимать с нее шкурку, а Лилиан не устала бы от растягивания шкурок.

Путь в Риск-Крик отнял у нас тринадцать часов, так как нам то и дело приходилось петлять и обходить сугробы, чтобы лошади не вязли по грудь в снегу. В Риск-Крике мы разгрузились и отправили шкурки на аукцион. Тысяча сто шкурок — слишком большое количество, чтобы торговаться с местными скупщиками. Отправив шкурки, мы проболтались пару дней в безделье в Риск-Крике, слушали разговоры, обсуждали трудности прошедшей зимы и размышляли о том, когда же наконец наступит весна. Потом мы оседлали лошадей и вернулись в свой дом на ручье.

Весны в истинном смысле слова не было. Казалось, что зима, устыдившись того, что она так долго мучила всех и вся, внезапно умерла, предоставив лету похоронить ее и утрамбовать ее могилу.

В конце первой недели мая высоко над домом показалась первая цепочка гусей, летевших к северу. Потом появились дрозды, а за ними прилетела пара синих птиц, неся в клювах засохшие травинки для гнезда. Следом за синими птицами появились ласточки, а за ними, буквально по пятам прилетели колибри⁴². Мы не помнили, чтобы когда-либо так много перелетных птиц вернулось почти одновременно к нам в тайгу. Обычно дрозды прилетали за две недели до синих птиц, а те в свою очередь на неделю опережали ласточек. Но весной 1948 года все птицы прилетели почти одновременно, торопясь как можно скорее закончить постройку гнезд и начать кладку. К середине мая градусник, который, казалось, совсем недавно уныло показывал 45° ниже нуля, теперь показывал в тени 27° выше нуля. Сугробы таяли буквально на глазах. За одну ночь вода в ручье Мелдрам поднялась почти на четыре фута, в него впадали сотни жадных ручейков, сбегавших с поросших лесом склонов. Такая же картина была и на других бесчисленных ручьях, как имевших название, так и безымянных, которые протекали по нашим краям, чтобы встретиться у одной мощной реки.

Нам было не по себе, когда на закате мы выходили на порог дома и стояли прислушиваясь. Ручей вспенивался у подножия плотин на запрудах и перетекал через них с оглушающим ревом. На ручье было множество плотин, и вода мощным потоком неслась по его руслу, ощупывая плотины, чтобы найти слабое место и прорваться, сметая все на своем пути.

Что будет, если плотины, построенные бобрами, не выдержат напора воды? Что будет там, в долине, у устья ручья, где люди вспахивают огороды, бороздят луга или сеют овес? Что будет, если снесет плотины и десятки тысяч кубометров воды из прудов хлынут лавиной по направлению к реке Фрейзер? Если плотины прорвет, то огороды, луга и поля, засеянные овсом, превратятся в озера.

Снег сошел почти одновременно и в низинах и на горах. Он весь одновременно превратился в воду, и теперь вся эта вода текла в реку Фрейзер.

Вот уже полвека или больше, как река Фрейзер ни разу не выходила из берегов. Весной 1948 года у устья реки на осушенных землях работали тысячи людей, вспахивая и засеивая поля. Они считали себя в полной безопасности, полагая, что дамбы и набережные, построенные с тех пор, как река в последний раз вышла из берегов, были достаточно прочными, чтобы сдерживать напор воды, как бы высоко она ни поднялась. Но та земля, на которой теперь стояли их дома, была отнята у реки. Осушенная и снабженная ирригацией, эта земля давала огромные урожаи сена, зерна, овощей и фруктов. Эта земля приносилась внешними водами реки в

течение многих-многих лет. И вот в конце мая и в начале июня 1948 года река готовилась вернуть отнятые у нее земли. Река Фрейзер, которую питали тысячи мелких ручьев и веющие воды таких довольно крупных рек, как Нечако, Коттонвуд, Куэнсел, Чилкотин, Северный и Южный Томпсон, подымалась все выше и выше, отыскивая в дамбах место, где она могла бы прорваться. Подобно муравьям в муравейнике люди сновали вдоль дамб дни и ночи напролет, подвозя мешки с песком. Самосвалы и всевозможные землеройные машины были брошены на то, чтобы укрепить баррикады и сдержать бешеный напор реки. Но весь их труд был напрасным. На протяжении сорока лет человек был хозяином, а река его слугой. Теперь на мгновение река снова стала хозяином положения, а человек растерянно и бессильно стоял перед разбушевавшейся стихией.

Дамбы набухали от напиравшей на них воды. В сотнях различных мест сквозь них сочилась вода. Реки подымались все выше и выше. Теперь вода достигала верхушек насыпей, и, не в силах противостоять ее напору, дамбы подались и сквозь них хлынули потоки, затопляя осушенные земли.

Долина реки Фрейзер вновь превратилась в озеро. Люди покидали дома. Скот тонул на пастбищах, где он недавно мирно щипал траву. Дома и сараи плавали в воде, как щепки на бобровом пруду. По дорогам, где всего день или два назад шли потоком автомобили, теперь передвигались на лодках. Рельсы Канадской Тихоокеанской и Канадской Национальной железных дорог были покрыты слоем воды глубиной в несколько футов. Железнодорожное сообщение между Ванкувером и восточной частью Канады было прервано. Реки и ручьи, питавшие реку Фрейзер, смывали построенные на них плотины так же легко, как океанский прилив смывает песок.

Весной 1948 года на ручье Мелдрам, по нашим подсчетам, было около двухсот бобров. И в то время мучительной неизвестности, когда прорыв хотя бы одной крупной плотины мог привести к разрушению всех нижестоящих плотин, нам почти ничего не оставалось делать, как надеяться и уповать на самих бобров. И все же казалось маловероятным, что бобры смогут противостоять разбушевавшейся стихии тогда, когда человек совершенно беспсилен.

Но бобры не подвели нас. Они приходили из своих хаток на берега и всю ночь напролет до рассвета трудились без устали. Они делали, казалось бы, невозможное — поднимали уровень плотин так, что каждая из них выполняла строго определенную роль

в усмирении разбушевавшегося ручья и потоки не достигали реки. Годовалые подростки, взрослые самцы и бобрехи, которые вот-вот должны были дать жизнь новому поколению бобряг,— все, как один, встали на боевую вахту. Они трудились ради того, чтобы у водяных птиц было место для гнездовий, ради того, чтобы сохранить водоемы для рыб, ради того, чтобы норки, выдры и ондатры никогда не испытывали недостатка в пище. И может быть, ради того, чтобы живущие где-то рядом мужчина, женщина и девятнадцатилетний юноша не увидели, как все, что им было так дорого, исчезает под озверевшими потоками воды.

Бобры заделывали любую течь в плотине, едва она успевала появиться. Они разыскивали слабые места и укрепляли их, чтобы вода не могла пробить себе дорогу. Все плотины, построенные бобрами на ручье, выдержали, несмотря на то что вода стремилась их разрушить. Более того, перед плотинами было собрано такое количество избыточной воды, что общий приток воды из ручья в реку был не больше, чем обычно весной. Так бобры ручья Мелдрам совершили чудо в ту страшную весну 1948 года.

На каждого из ста семидесяти миллионов людей, населяющих США, расходуется в среднем 5700 литров воды в сутки. Вся страна в целом потребляет ежесуточно около 275 миллиардов литров — более чем достаточно, для того чтобы образовать море, в котором могли бы плавать торговые суда всего мира.

Сельское хозяйство расходует на орошение около сорока тысяч литров воды на каждый бушель зерна и около 750 тысяч литров на каждую тонну сена из люцерны. Промышленность США ежесуточно потребляет около 300 миллиардов литров воды. Предполагают, что к 1975 году промышленность будет потреблять ежедневно около 750 миллиардов литров воды.

Над территорией США ежегодно выпадает около 6 000 миллиардов тонн осадков, тем не менее многие районы страны уже испытывают или находятся под угрозой водяного голода. Однако, несмотря на реальную угрозу нехватки воды как для сельского хозяйства, так и для промышленности, редкий год проходит без того, чтобы какая-нибудь крупная река не вышла из берегов, не затопила окрестных земель, не погубила скот и посевы и не лишила жителей крова.

Человеку следовало бы хорошенько призадуматься над тем, что произошло на ручье Мелдрам в ту ужасную весну 1948 года. Капризы любой крупной водной артерии почти целиком зависят от капризов меньших артерий, питающих ее. Ни одна колония бобров не может перегородить русло большой реки, но они могут и стре-

мятся перегородить множество небольших речушек и ручьев, впадающих в нее. Бобры на ручье Мелдрам не дали ни одной капле внешней воды уйти в реку, которая не могла ни использовать, ни сохранивать ее. Бобры собирали избытки воды у своих плотин, и теперь она не только не угрожала человеку, а, напротив, приносила ему пользу.

От духоты и зноя наши лица были покрыты потом, мы жадно ловили ртом воздух. Мы привязали лошадей перед подъемом на вершину горы и последние сто ярдов прошли пешком по почти голым камням. Я то и дело оглядывался на Лилиан, которая шла в нескольких шагах сзади, протягивал ей руку и спрашивал: «Помочь тебе?»

Лилиан шла с непокрытой головой, ее белая блузка была расстегнута, по лбу стекала тоненькая струйка пота. Правая штанина ее брюк разорвалась, хотя в начале подъема брюки были целы. Лилиан покачала головой и сказала, запыхавшись: «Я великолепно справляюсь сама».

Визи ушел далеко вперед и прыгал вверх по скалам, как верхолаз. Иногда он тоже оборачивался, смотрел вниз и спрашивал: «Помощь требуется?»

Набрав в легкие воздуху, я отзывался: «Мы оба справляемся великолепно!»

Наконец мы выбрались на вершину и улеглись под жгучим июльским солнцем, отдыхая и наслаждаясь свежим воздухом. Мы были на высоте около четырех тысяч семисот футов над уровнем моря — почти на тысячу футов выше всех окрестных вершин. Далеко к северо-востоку, милях в десяти или больше, виднелось продолговатое зеркальце воды — озеро Мелдрам. Рядом были меньшие зеркальца, связанные в длинную изогнутую цепочку, — бобровые запруды, а еще дальше виднелась темная полоса, рассекавшая землю, — река Фрейзер.

Я затаил дыхание. До меня слабо доносился шум реки. Это было тихое, мирное бормотание воды, бегущей своей дорогой к океану. Всего месяц назад река поглощала бурные потоки внешних вод, несущие за собой ил и обломки. Теперь шум стих, половодье прошло, река остепенилась.

От русла реки мой взгляд снова вернулся к цепочке водных зеркал. Вероятно, если бы воды ручья Мелдрам во время половодья добились своего, цепочка исчезла бы. Да, всего несколько лет назад вода неслась бы вниз по руслу ручья, и ничто не могло бы сдерживать ее на пути к реке. Но весной 1948 года бобры уже стояли на вахте. Они были готовы вступить в борьбу, чтобы остановить наводнение, преградить ему путь.

Когда наступило время прощания, мы с Лилиан не были ни удивлены, ни огорчены. Мы этого ждали и готовились к этому с тех пор, как у Визи появилась привычка внезапно прекращать работу и смотреть куда-то вдаль, словно бы за горизонтом лежали земли, которые он должен был посетить и узнать.

Мы с Лилиан редко говорили об этом, но тем не менее в глубине души знали, что тайга не сможет удержать Визи навсегда, что наступит день, когда он покинет ее на год или на два, а может быть, и больше, чтобы посмотреть, что делается там, далеко за горами. Мы знали, что, когда это время придет, мы не скажем ни слова, чтобы попытаться изменить его решение.

Был конец октября 1951 года, когда Визи наконец принял решение. Вода в озерах и на запрудах покрывалась льдом, и я предполагал, что, если пару ночей постоит хороший мороз, лед достаточно окрепнет и мы сможем пройти по нему пешком, чтобы поставить отметки у хаток ондатры. Мы сидели в гостиной у радиоприемника и слушали последние известия.

Известия кончились, и я шарил по эфиру в поисках приличной музыки, как вдруг Визи прервал меня:

— Не можешь ли ты ненадолго выключить радио?

Выключив радио, я резко вскинул голову. Знойный голос джазовой певицы из Сан-Франциско оборвался, как будто она упала замертво у микрофона. Я повернулся к Визи.

— В чем дело, сынок?

Тихим, но твердым голосом он спросил:

— Вы с мамой сумеете справиться здесь без меня какое-то время?

Лилиан, сидевшая в кресле, напряглась, хотя это было едва заметно. Она сложила руки на коленях и стала смотреть в окно. Если бы в комнате была пресловутая муха, мы бы слышали, как она пролетела.

Помолчав немного, я сказал небрежно:

— Ну разумеется,— и размеренно спросил: — Как долго?

— Ну, года три, наверное.

По голосу Визи я понял, что он уже все обдумал и спорить бесполезно. Я молчал, предоставив ему возможность самому сказать нам, что он хочет делать и куда собирается уезжать.

— Мне бы хотелось на время уехать из тайги, если вы с мамой сумеете справиться без меня,— продолжал он и потом медленно сказал: — Я думаю пойти в армию.

Губы Лилиан сжались, ее глаза искали моего взгляда, но я отвел глаза. «Так, значит, в армию»,— подумал я, невольно покачав

головой. Я как-то не мог представить себе, чтобы после вольной жизни в тайге Визи мог служить в армии и выполнять чьи-либо приказы. Но ему было почти двадцать три, он мог в лесу попасть в глаз оленю на расстоянии ста ярдов, и, если ему хотелось служить в армии, это было его личное дело. Я взглянул на Лилиан. Она все еще смотрела на меня, не говоря ни слова. Если ею и владело беспокойство, внешне это не было заметно.

— Когда ты думаешь двинуться? — спросил я спокойно, как если бы мы просто обсуждали поездку в Риск-Крик за почтой.

— Ты серьезно думаешь, что вы с мамой сможете здесь справиться без меня? — спросил он снова.

— Конечно, сможем. — Я вопросительно посмотрел на Лилиан. — Не правда ли?

— Не вижу, почему бы нам не справиться, — Лилиан пыталась говорить небрежно, но все же голос ее немного дрожал.

— Тогда я мог бы тронуться в путь, как только у вас будет время, чтобы отвезти меня в Вильямс-Лейк, — сказал Визи решительно. — Мне, вероятно, придется поехать в Ванкувер, чтобы записаться в армию.

Итак, наша семья распадалась. Мы все знали, что когда-нибудь так должно было случиться. Мы втроем отправились на джипе в Вильямс-Лейк в последний день октября. Землю чуть припорошило снегом, ровно настолько, чтобы был виден след куницы или койота там, где он пересекал дорогу. Теперь между Ванкувером и населенными пунктами далеко к северу от него было автобусное сообщение, и мы приехали на автостанцию в Вильямс-Лейк. Мы болтали о разных мелочах, но вот шофер автобуса сел за руль, и наступила минута прощания. Мы попрощались с Визи, вышли из автобуса и провожали его глазами, пока он не исчез за поворотом дороги.

Я украдкой взглянул на Лилиан. Зубы стиснуты, в лице ни кровинки. Она порывисто взяла меня за руку, ее ладонь была горячей и влажной. Я знал, что ей будет легче, если она даст волю слезам, вместо того чтобы так мучительно сдерживать их.

— Иногда не мешает как следует выплакаться, — тихо сказал я ей.

Она повернулась, пошла к джипу и бросилась на сиденье, уже не сдерживая слез.

Я сел за руль и включил мотор.

— Ну, вот и хорошо, только постарайся оставить немного слез на будущее. Наступит день, когда он вернется, и тогда на радостях тебе понадобятся одна-две слезинки, не так ли?

Она вытерла слезы платком, вздохнула и сказала:

— Почему ты так уверен, что он захочет вернуться к прежней жизни?

Я деланно засмеялся.

— В конце концов все возвращаются в тайгу. Наберись терпения, и ты увидишь, что Визи тоже вернется. Он вкусит армейской жизни, может быть, немного повидает свет, а через некоторое время он будет сыт по горло тем, что видел, и затоскует по лесам. Многие из тех, кто вырос в лесах, иногда испытывают непреодолимое желание уехать хоть ненадолго, но большинство возвращается. Ну, а теперь давай-ка мы с тобой отправимся домой.

Я переключил скорость и нажал на газ. Несколько миль мы ехали молча. Затем, когда мы подъехали к длинному подъему, я сбавил немного скорость и сказал, размышляя:

— Вот синие птицы, например. Парочка каждую весну вьет гнездо под крышей нашего дома. Потом из яиц выводятся птенцы, а еще через некоторое время на ветках тополя появляются слетки. Они еще не умеют летать, и родители пичкают их гусеницами и прочей пищей. Но когда молодые научатся летать как следует, они покидают гнездо и отправляются искать себе корм, потому что родители больше не могут их кормить. — Мы достигли вершины холма, я снова переключил скорость и продолжал: — Потом, примерно в середине сентября, все синие птицы собираются в стаи и улетают на юг. Нам порой кажется, что мы уже больше их никогда и не увидим. Но ведь это не так, правда? Следующей весной они все возвращаются, и возвращаются с радостью. То же самое и с гусями, и с утками, и с дроздами. Все они осенью улетают, но весной все возвращаются. Таков закон тайги. Многие из тех, кто родился и вырос там, должны покидать ее на время, но они не могут оставить ее навсегда, пока в их жилах течет кровь. Наступает время, когда они должны вернуться. Так же будет и с Визи. Разумеется, на время мы его потеряем, но наступит день, и он вернется. Вот увидишь! Он непременно вернется!

Конечно, нам было очень тяжело, нам очень его не хватало. Слишком многое напоминало нам о нем. Случалось, что, накрывая стол для завтрака или для ужина, Лилиан механически ставила три прибора, а затем быстрыми нетерпеливыми движениями убирала лишний прибор в буфет. Мы очень скучали по нему вечерами, когда сидели одни в гостиной. Мы боялись включить радио, потому что непременно услышали бы песню, которую так недавно насвистывал или напевал, работая, Визи. Мы даже почти не обращали внимания на свежий след маленькой ильки на снегу. До сих пор след настоящей маленькой ильки становился предметом оживленных разговоров по вечерам, потому что илька была самым ценным пушным зверьком в наших краях. Если действительно

удавалось поймать маленького зверька с темной шелковистой шкуркой, за него можно было получить не меньше ста долларов, а то и все сто двадцать пять, если мех был высокого качества. Поэтому всякий раз, когда мы с Визи находили его след, мы вместе обсуждали, как лучше взяться за дело, где поставить капканы, чтобы илька попала в них наверняка. Время от времени Лилиан также вставляла свои замечания, хотя бы только из желания показать нам, что и она имела представление об охоте на маленьких темных илек. И в самом деле, однажды в капкан Лилиан попала илька, и за ее шкурку она получила на аукционе сто двадцать долларов. Но я поддразнивал ее, говоря, что это было везение новичка: «Ты же прекрасно знаешь, что ставила капкан на норку, у тебя и в мыслях не было, что попадется илька. Сознайся». Она уклонялась от прямого ответа, говоря: «Но ведь я поймала ильку, именно ильку!» И поскольку в тот момент она была занята натягиванием шкурки на распялку, я ничего не мог ей возразить.

Но теперь, когда Визи с нами не было, след даже очень маленькой ильки потерял для нас всякий интерес. Если я говорил об этом Лилиан, она лишь молча кивала головой, а если она и говорила что-нибудь, то рассеянно, как если бы ей было безразлично, добудем мы ильку или нет.

Точно так же я относился к промыслу ондатры, когда настало время ставить метки на хатках. Я начал с озера Роухайд-Лейк. Там отметины надо было ставить так тесно, что я не успевал срезать ветки и выносить их на лед, как мне снова приходилось выходить на берег за новой охапкой. Я то и дело останавливался и оглядывался. Мне казалось, что вот-вот из камышей на другом конце озера появится Визи и начнет ставить отметины. Мы с Визи всегда ставили отметки на противоположных концах озера или болота. Но теперь я был один, теперь было бессмысленно останавливаться и искать глазами Визи. Его не было, я был один-одинешенек.

На некотором расстоянии от озера росла группа пихт, а в нескольких ярдах от нее стояло дерево с густыми поникшими ветвями. Ствол имел диаметр сорок дюймов, а кора была толщиной шесть дюймов. Под деревом валялись ветки, сломанные ветром и тяжелыми зимними снегами. Я привязал лошадь возле этой могучей пихты, потому что именно там мы с Визи привязывали лошадей, когда ставили отметки на Роухайд-Лейк. Посоветовавшись с солнцем и с желудком, я решил, что пора позавтракать. Бросив на лед охапку кольев, я пошел к пихте, чтобы разжечь костер. Подойдя к ней, я огляделся по сторонам, отыскивая кусочек сухого дерева, чтобы наколоть щепок. Мой взгляд упал на крюк, вогнанный в твердую кору пихты. На крюке сохранился кусок

кожаного ремня, хотя я никак не мог понять, почему белка или древесные крысы не съели его давным-давно. И тут мне показалось, что под деревом стоит Визи и снимает шкурку с ондатры, привязанной за хвост к ремню. Когда мы промышляли ондатру на Роухайд-Лейк, Визи обычно успевал снять шкурки с нескольких ондатр, пока я наслаждался после завтрака сигаретой.

На какое-то мгновение я почти поверил в то, что он там стоит и снимает шкурку с ондатры, но видение пропало. И в тот момент из чащи донесся протяжный и печальный вой одинокого волка. Волк был довольно далеко в лесу, возможно, на расстоянии нескольких миль. В тихий день вой волка в лесу разносится очень далеко. Когда завыл волк, я держал в руках кусок дерева и хлопал себя по карманам, отыскивая нож. Когда плач волка стих и наступила тишина, я бросил сук на землю и пробормотал: «К черту, я иду домой».

Отбросив в сторону все мысли о Роухайд-Лейке и о множестве хаток, которые еще надо было пометить, я вскочил в седло и гнал лошадь до самого дома.

Лилиан удивленно посмотрела на меня, когда я вошел в кухню.

— Я не ждала тебя сегодня так рано. Разве на Роухайд-Лейке в этом году мало ондатры?

— Может быть, даже больше, чем когда бы то ни было.— И я смущенно пояснил: — Мне было слишком одиноко на льду, я все время забывался и искал Визи.

Лилиан понимающе кивнула головой:

— Я тоже это чувствую. Все как будто переменялось с тех пор, как он уехал.— Она замолчала, слабо улыбнулась и продолжила: — Сегодня утром я решила сделать пирог с голубикой. Визи всегда любил мои пироги, а ты к ним почти не прикасался. Я начала чистить ягоды и только потом до меня дошло, что нет смысла печь пирог.

— И мне тоже нет смысла ставить отметки на озере,— сказал я раздумчиво.— Не знаю, может, я просто поставлю вдоль ручья капканы на норок, а в лесу несколько капканов на ильку и рысь. Мы можем добыть две-три сотни ондатр в конце марта, когда лед очистится от снега и хатки будут видны без отметки. Нет смысла утомлять себя, чтобы добывать много пушнины, когда...

— Ведь капканы на норок можно объезжать верхом, да? — прервала меня Лилиан.

— Пока снег не слишком глубокий, да. А потом легче ходить на снегоступах.

— Ну, пока снег не слишком глубокий, мы будем осматривать капканы вместе,— заявила Лилиан.

Когда мы получили от Визи письмо, он был рядовым королевского канадского полка, расквартированного в учебном лагере в Онтарио. Он должен был прослужить в армии три года. Онтарио находилось от озера Мелдрам, что в Британской Колумбии, на расстоянии тысяч миль. Время от времени он присылал нам письма. Мы старались регулярно ездить в Риск-Крик на почту, и я писал ему почти обо всем, что делалось в лесу. Но я ничего не написал ему о том, что этой зимой у нас будет мало отмеченных хаток, или о том, что у меня поставлено всего двадцать или тридцать капканов на норку вокруг бобровых запруд, когда их должно быть вдвое больше.

Мы не видели Визи до рождества 1952 года. В то время он получил отпуск. За день до рождества мы поехали в Риск-Крик встречать Визи. В начале зимы 1952 года погода была милостивой, что редко случалось в наших краях в это время года. На звериных тропах было не больше шести дюймов снега, а на Равнине Озерных Островов не было ни одного сугроба. Воздух был чистым и прозрачным, как внешняя вода, просачивающаяся через мох. Было около -10° , и снег приятно поскрипывал под шинами нашего джипа, когда мы прокладывали путь. Перед отъездом из дома Лилиан почти целый час потратила на свой туалет. Она надела изящный серый костюм, который снимался с вешалки в шкафу только в исключительных случаях. Три или четыре года назад Визи добыл три необычайно крупных горностаев, совершенно белых, если не считать черного кончика хвостов. Он отослал шкурки скорняку, и тот сделал из них горжетку в подарок матери. Лилиан заявляла, что из всех сотен горностаев, добытых нами, никогда не было подобных этим трем. В то утро ее шею украшали шкурки этих горностаев.

Я возился с джипом — вычистил сиденья и до блеска протер стекла. Я то и дело входил в дом, громко стуча ногами и бросая выразительные взгляды на часы. Наконец я потерял терпение и спросил: «Ты что, собираешься на прием к королеве?»

— Ведь ты же не захочешь, чтобы Визи увидел меня в брюках и непричесанной?

— Нет, конечно, — согласился я.

Когда мы подъехали к Риск-Крику, Визи уже ждал нас. Я не сразу его узнал. Он стоял подтянутый, как солдат королевской гвардии, в хорошо сшитой военной форме.

— Форма идет тебе, сынок, — сказал я, здороваясь.

— Мне больше нравится комбинезон, — спокойно ответил он, и по его тону я понял, что это действительно так.

Я поспешил в магазин не потому, что была какая-то необходи-

мость спешить, просто я думал, что Лилиан захочется хоть немного наедине побыть с Визи.

Скоро мы уже были на полпути к дому. Визи сидел за рулем, потому что он всегда водил машину лучше, чем я.

Семь дней отпуска. Но его отпуск начался в тот момент, когда он вышел за пределы учебного лагеря в Онтарио. Он потратил три драгоценных дня только на дорогу в Риск-Крик. Еще три дня ему потребуется для того, чтобы вернуться в лагерь, так что дома он сможет пробыть только сутки. Но этот день приходился на рождество — самый лучший праздник в году. С моей точки зрения, нам невероятно повезло, что это рождество перед отъездом он сможет провести с нами.

В рождественское утро мы с Визи совершили длинную прогулку по озеру Мелдрам.

— В этом году на озере, вероятно, около дюжины семей бобров, — сказал я. — Как ты смотришь на то, чтобы пойти поглядеть?

В действительности дело было не в том, что мне хотелось сосчитать жилые бобровые хатки. Просто я знал, что перед рождеством Лилиан предпочитала оставаться дома одна и на свободе заниматься стряпней. Если же мы были дома, то беспрестанно заглядывали в кухню, поднимали крышки с кастрюлек и даже иногда давали советы. В этих случаях она морщила нос и ворчала: «Ну что может мужчина понимать в приготовлении рождественского обеда? Пошли бы лучше ставить силки на зайцев. Или займитесь койотом, который в прошлую ночь сводил всех с ума своим воем».

В тот вечер мы сидели возле радио и слушали рождественскую службу из Ванкувера. Лилиан всегда нравилась органная музыка, а теперь орган сопровождал хороший хор. В наших желудках покоилась индейка, рождественский пудинг, рождественский пирог и кекс, и поэтому разговаривать нам было очень тяжело. Я растянулся на кушетке и лежал, полускрыв глаза. Я мысленно вспоминал все двадцать два года, что мы встречали рождество в самом сердце тайги. В комнате было тепло и покойно, и звуки церковной службы, доносившиеся по радио, были мягкими и чуть приглушенными. На кушетку вскочил кот и растянулся рядом со мной, громко и удовлетворенно мурлыкая. Его желудок тоже был полон индейкой. Возле горячей печки, положив нос на лапы, лежал Спарк — наша собака лабрадорской породы. Я подумал: «Странно, что этот пес может терпеть такой страшный жар от печки». Желудок Спарка был полон лосятиной, потому что собаки предпочитают лосятину индейке даже в рождество. Визи сидел с книжкой, которую ему подарила Лилиан, и перелистывал страницы.

Двадцать два рождества! Подумать только, даже не верится, что прошло столько лет и что мы провели их здесь в лесу. Я открыл глаза, окинул взглядом комнату, посмотрел на Лилиан. Она сидела в кресле возле радио, сложив руки, и слушала службу. И глядя на Лилиан, я понял, что действительно прошло много лет. Только годы могли прочертить на ее лице столько морщин и посебредить ее волосы. «Кто ты такой,— подумал я,— чтобы размышлять о том, что Лилиан начала седеть? Ты сам стал седым, как старый барсук». Скоро мне придется носить очки, потому что этой осенью я уже не мог увидеть стоящего спокойно оленя в лесу на расстоянии ста ярдов. Да, да, я не мог разглядеть оленя, пока он не срывался с места, чтобы убежать. Когда мы поселились на ручье, я мог разглядеть оленя, даже если он стоял за кустом. А теперь волосы Лилиан начали седеть, и мои — тоже. И может быть, весной я отправлюсь на Большую землю и разыщу окулиста, и может быть, он скажет мне, почему я не вижу оленя в лесу, когда тот стоит спокойно, глядя на меня.

Двадцать два года — это большой срок, если все эти годы прожиты в глуши, вдалеке от мира. Но если не считать седины в волосах и ослабевшего зрения — это случилось бы с нами в любом другом месте, — эти годы были для нас добрыми, и мы в долгу перед ними. Ни один из них не прошел даром — стоило только проехать вверх и вниз по ручьям и пересчитать, сколько семей бобров там живет, чтобы убедиться в этом.

Я снова закрыл глаза. Орган умолк, и теперь священник стал читать проповедь, торжественно и серьезно. Спарк отодвинулся в сторону от печки и снова растянулся на полу. Кот сладко потянулся во сне.

Глава XXIX

В то лето 1953 года мы провели оросительные каналы на луговину, скопили сено и убрали его на скотный двор. Затем после очень короткого перерыва наступило время копать картофель, собирать овощи и складывать их в погреб.

В ту осень мы не охотились на гусей, хотя у запруд собирались огромные стаи на отдых перед долгим путем на юг. Лилиан удивленно заметила:

— Эрик, уже два года или даже больше прошло с тех пор, как ты в последний раз охотился на гусей.

— Да, действительно. Ты что считаешь, что мне нужно пойти подстрелить гуся? — спросил я, поглаживая подбородок.

— Нет, — сказала она с ударением.

Лилиан испытывала к гусям нежные чувства. Даже в те годы, когда деньги, отложенные на рождественскую индейку, приходилось тратить на другие, более необходимые вещи, Лилиан лишь скупая сердце соглашалась на то, чтобы я подстрелил гуся.

Через некоторое время озера покрылись льдом, а там с севера к нам пришел снег.

— Помнишь медвежьи берлоги? — спросил я, пододвигая стул к печке и шаря по карманам в поисках кисета с табаком и папиросной бумаги.

Лилиан сморщилась.

— Я их никогда не забуду.

— Тебе когда-нибудь было хоть немногo страшно? — Я свернул сигарку и закурил.

— Всегда.

— Мне тоже, — сказал я. Затянувшись, я добавил, поддразнивая ее: — Ты предпочитала бы, конечно, покупать лярд в магазине, не правда ли?

— Теперь, когда у нас есть деньги, конечно.

В ту зиму я поставил мало капканов. Ровно столько, чтобы не слишком засидеться и каждый день проходить на снегоступах три — пять миль.

В марте я немного промышлял ондатру, не слишком много, хотя болота были усеяны хатками. Тоже лишь для того, чтобы размяться. А может быть, и для того, чтобы убедиться, что снегоступы не стали тяжелее, чем пять лет назад.

Зима тянулась долго, как это частенько случалось. Была середина апреля, когда я надел цепи на все четыре колеса джипа, выкатил его из старой бревенчатой избушки, которую мы превратили в гараж, и поехал через луговину, все еще покрытую снегом. Ярдов сто автомобиль мучительно пробирался через снег, затем колеса забуксовали, и мы остановились.

— Мы попали в сугроб, — заметил я, нимало не удивившись.

В глазах Лилиан появилось разочарование.

— Эрик, по-твоему, мы не сумеем проехать через Равнину Озерных Островов? — спросила она.

— Визи, может быть, и смог бы, но я... — я покачал головой. — Я даже и не буду пытаться. Мы можем застрять, и нам придется идти по снегу пешком. — Я никогда не был уверен в себе, если дело касалось того, чтобы вести джип по сомнительной дороге.

— Визи, — сказала она так тихо, что я едва расслышал ее. — Визи, — повторила она. — Где он сейчас?

Вот уже почти месяц, как мы последний раз ездили за почтой. Мы ездили верхом. Это был мучительный, изнурительный путь. Из-за сугробов и наста мы двигались очень медленно. По-видимо-

му, ездить верхом для Лилиан стало трудно: у нее болела спина, но надо было или ехать верхом, или вообще не ехать. Я не рискнул вести джип по глубокому снегу. Тогда мы получили от Визи письмо. Мальчик писал, что, по слухам, его батальон должен был вернуться в Канаду, хотя он и не знал, когда точно. Это было в середине марта.

Теперь, выбравшись из сугроба и поставив машину в гараж, я сказал:

— Если следующие три-четыре дня будет тепло и снег немного осядет, мы снова попытаемся проехать на машине.

Весь остаток дня Лилиан была очень спокойна. Это было спокойствие, порожденное огорчением, вдобавок она беспокоилась о Визи.

После ужина мы пошли прогуляться к озеру и вышли на лед. Он еще не начал таять и мог выдержать телегу, запряженную шестеркой лошадей. Я остановился, повернувшись к югу и прислушиваясь.

— Что это? — спросила Лилиан.

— Мне показалось, я слышу гусей, — сказал я, смущенно улыбаясь. — Но это, вероятно, что-нибудь другое. Наверное, тайга снова подшутила надо мной.

— Мне так хочется, чтобы гуси вернулись, — вздохнула Лилиан. — Тогда мы поверим, что вернулась весна.

— Какого черта... — Я опустил на колено и прикрыл глаза рукой, внимательно всматриваясь в юго-восточную часть озера.

— Ты что-нибудь видишь? — Лилиан тоже смотрела в ту сторону.

— Да, там, в пихтах. Видишь? Подходит к озеру. Наверное, лось. Нет, не лось. Гляди-ка, лошадь. Со всадником. Какого черта...

— Он выезжает на лед, — сказала Лилиан, тоже прикрывая рукой глаза. — Смотри, он направляет лошадь прямо на середину озера.

— Он знает эти края, — сказал я. — Он знает, что лед еще крепкий.

Теперь мы ясно видели всадника в толстой красной куртке и синем комбинезоне из грубой бумажной ткани. Он свободно сидел в седле, перебросив левую ногу через луку, как часто ездят ковбои, когда устанут.

— Он совсем не боится льда, — пробормотал я снова.

Всадник помахал рукой, я помахал в ответ.

— Кто же это, черт возьми? — и тут я его узнал и вскочил на ноги. — Это...

— Визи! — закричала Лилиан. Ее горечь испарилась, как снежинка, попавшая в костер. — Визи!

Она бросилась к нему навстречу и прижалась к нему, как только он спрыгнул с лошади. Я схватил его за руку и долго тряс ее, разглядывая его наряд. Куртка и комбинезон были ему слишком малы. Лошадь была старой и тощей.

— Где ты украл этот наряд? — спросил я.

— Я занял его у одного из фермеров. Я приехал в Вильямс-Лейк прошлой ночью и сегодня утром добрался на попутной машине до Риск-Крика. В четыре часа дня я выехал оттуда и загнал эту старую бедную клячу почти до смерти, чтобы добраться сюда засветло. — Он засмеялся. — Вы, конечно, не получили моей телеграммы?

— А разве мы когда-нибудь получали телеграммы здесь в лесу? — спросил я, удивленно подняв брови.

— Я так и думал, когда посылал ее из Ванкувера. Мы приплыли туда три дня назад...

— Ты распрощался с армией? — прервал его я. Мне было совершенно наплевать, куда их доставил корабль, в Ванкувер или в Монреаль.

— Через три недели я буду свободен.

Это было все, что я хотел узнать.

— Визи, сынок, ты с мамой иди прямо домой, а я присмотрю за лошадью.

Я взялся за уздечку и поставил левую ногу в стремя, собираясь сесть в седло, а правая еще стояла на льду. И вдруг я замер и прислушался, глядя напряженно на юг.

— Слушайте!

— Вечно тебе что-то кажется, — пробурчала нетерпеливо Лиллан.

— Гуси! — выдохнул я.

Сначала было слышно только далекое бормотание, и лишь через несколько секунд на горизонте показались темные точки. Бормотание переросло в хриплый, скрипучий крик. Точки обрели четкую форму. Гусей было более двух сотен, их эскадрилья летела, соблюдая строй и образуя правильный клин на фоне голубого неба. Они пролетели высоко над нами, держа курс на север.

Я сел в седло и направил лошадь к конюшне. Всю дорогу я улыбался и радостно повторял: «Все возвращаются в тайгу».

Глава XXX

Был вечер июня 1956 года. Лес еще окрашивал ярко-алые отблески заходящего солнца, но озеро уже прочертили длинные полосы теней, ложившиеся на воду темным веером. Вечерний патруль вышел из хатки с полчаса назад.

Через несколько минут после того, как бобр показался на поверхности воды, мне послышался тихий удар, а за ним — другой, как если бы чуткий бобр уловил течь в плотине, которую следовало устранить. Но поскольку плотина была приблизительно в полумиле от того места, где я сидел, и ее не было видно, я не мог видеть, как бобр устранил эту течь, я мог только предположить это.

Вот уже третий вечер подряд я выходил из дому, тихо закрывая за собой дверь, пересекал луговину между домом и берегом озера и садился на корточки у воды. Мои глаза и мысли были прикованы к большому тополю, который каким-то чудом продолжал стоять на другом берегу бухты. Дерево росло ярдах в пяти от берега и приблизительно в пятидесяти ярдах от того места, где я сидел. Даже в сгущающихся сумерках я все еще видел узкую темную протоптанную тропу между деревом и водой и белые щепки, разбросанные вокруг дерева. Тропинка была вытоптана в мягкой илистой земле старым бобром; он обгрызал дерево своими острыми, как долото, резцами. Дерево давно уже должно было повалиться, так как вокруг валялось множество щепок. Даже слабое дуновение ветерка заставило бы его покачнуться и с грохотом рухнуть на землю. Но последние три или четыре дня воздух был неподвижным, и, для того чтобы дерево упало, его нужно было еще подгрызть.

Тихонько скрипнула дверь и снова закрылась. Секунду или две спустя Лилиан села рядом со мной. Хотя самый длинный день года миновал всего лишь неделю назад, воздух становился прохладным, едва заходило солнце. Лилиан надела мягкий пушистый свитер и повязала голову старым шелковым платком.

— Привет! — сказал я, не сводя глаз с тополя. — Ты тоже хочешь смотреть? Оно, несомненно, упадет сегодня. Если бобр снимет еще десяток щепок, оно обязательно должно упасть.

— А может быть, оно застрянет, — сказала задумчиво Лилиан. Я подавил смехок.

— Ты предпочитаешь видеть все не только в розовом свете.

— Когда дело касается бобров и тополей, то да. — И улыбнувшись, она заметила: — У тебя на щеке комар, и он пирует.

Я рассеянно хлопнул себя по правой щеке.

— Нет, нет, на другой, — сказала она.

Да, если за последние двадцать пять лет мы и не достигли больших успехов, то уж во всяком случае научились не обращать внимания на зудящие укусы комаров.

Лилиан была абсолютно права относительно тополя. Именно сомнения заставляли меня три вечера подряд приходить на берег озера и тихо сидеть на траве, пока не становилось настолько тем-

но, что сидеть дольше уже не имело смысла. Мне хотелось быть на берегу в тот момент, когда дерево упадет.

Сзади тополя, на расстоянии всего семи ярдов от него, стояли тесно три высокие стройные ели. Если тополь будет падать не к озеру, он повиснет на елях, и весь пастойчивый труд бобра пойдет прахом. Это был старый тополь, и он, вероятно, впервые увидел солнце лет пятьдесят назад. Его кора стала серой от старости, и у корня он был диаметром более двадцати дюймов. Почти каждую ночь в течение целой недели бобр выходил из воды, шел по тропинке к дереву, становился на задние лапы и, двигаясь все время вокруг дерева, выгрызал из него щепки. Если бы дерево росло, наклонившись, оно бы упало три или четыре дня назад, но дерево росло прямо, и его нужно было перегрызть совсем, прежде чем оно упадет. Тогда оно могло с таким же успехом упасть в воду, чего желал бобр, как и в другом направлении и повиснуть на елях. Когда бобры валят дерево, они не подрубают его, как человек. Они просто ходят вокруг, выгрызая щепки и полагаясь исключительно на случай, в надежде, что оно упадет туда, куда они хотят.

У входа в залив, в нескольких ярдах от берега, была бобровая хатка. Вокруг нее в воде плавали короткие куски осины, очищенные от коры и целые. Часто на закате, если мы сидели неподалеку, мы видели, как бобриха выплывала на поверхность, подбирала кусок неочищенной осины и снова быстро ныряла. Несколько мгновений спустя слышалось тихое голодное урчание бобря, сгрызавших кору своими острыми резцами.

Снова скрипнула дверь и закрылась с громким стуком.

— Вы что, собираетесь сидеть здесь всю ночь? — послышался голос Визи.

Уже становилось темно, я едва различал подножки дерева, хотя его верхушка еще хорошо выделялась на фоне неба.

— Хочешь домой? — спросил я Лилиан.

— Мне бы хотелось еще немного посидеть здесь, — ответила она.

— Поставь кофейник на печку и позови нас, когда он будет готов! — крикнул я Визи.

Шаги Визи замерли в глубине дома, и мои мысли снова вернулись к тополю. Если дерево упадет так, как хотят бобры, оно упадет в воду, и через некоторое время, когда малыши в хатке достаточно подрастут, чтобы выходить на воду и самостоятельно искать корм, они смогут подплыть к дереву, ухватиться передними лапами за ветку и обгрызать с нее кору, не выходя на берег.

Пока они в воде, ни затаившийся койот, ни рысь с ее острыми, как бритва, когтями не могут причинить им вреда. Но на суше такие малыши еще слишком неуклюжи и неопытны, чтобы избежать зубов или когтей хищника, сидящего в засаде в ожидании легкой добычи. Может быть, именно об этом думал старый бобр, когда начал подгрызать дерево: свалить его в воду, чтобы малыши могли питаться в полной безопасности.

Мы с Визи добыли около сотни бобров весной 1956 года. Надо сказать, что охота на бобров не доставляла нам удовольствия. Я говорил Лилиан: «Они куда лучше выглядят в воде, чем на шее какой-нибудь дамы». Но на ручье Мелдрам развелось столько бобров, что мы были вынуждены охотиться на них, для того чтобы регулировать их поголовье. Поселений бобров стало так много, что, если бы человек не сдерживал их размножение капканами, они быстро истощили бы свои запасы пищи.

Весной 1956 года на территории наших охотничьих угодий и двух соседних было добыто около четырехсот шкурок бобров. Это было невероятно много, если учесть, что всего пятнадцать лет назад во всем Чилкотине едва ли можно было найти хоть одного бобра. Но теперь бобры расселились по всей округе, где только для них находилась вода, и многие индейцы-охотники тоже добывали бобров. И у каждой большой запруды, построенной бобрами, было столько различных уток, что осенью, снимаясь с болот на закате, они тучей закрывали все небо. На верхушках хаток прихорашивались гибкие выдры, одетые в бархатные шкурки, а к берегам подходили лоси, для того чтобы напиться и побарахтаться в воде. Хотя в ручье Мелдрам было еще мало форели, однако на одной или двух запрудах и на ручье, покрытом ключьями пены, попадались толстые радужные рыбки, стоило лишь забросить удочку. В начале июля фермеры пригнали почти три тысячи голов скота на летние лесные пастбища вдоль ручья. Вокруг запруд росла такая высокая и сочная трава, что скот набирал вес с каждым днем и ни одно животное не погибло в трясине. Ниже по ручью, в долине, где ручей впадал в реку, фермер с обветренным лицом и мозолистыми руками медленно шагал вдоль оросительной канавы, положив на плечо лопату и напевая что-то про себя. Направляя воду на посевы люцерны, он думал: «Покуда бобры несут вахту, на этом ручье всегда хватит воды для полива».

— Я замерзаю,— пожаловалась вдруг Лилиан, прервав мои мысли.

Я встал и размял ноги.

— Да, уже слишком темно, и ничего не видно.

— Кофе готов! — донесся до нас звонкий голос Визи, стоявшего у открытой двери.

Я взял Лилиан за руку и потянул ее.

— Вставай, пойдем.

Я вглядывался в ночь, пытаюсь рассмотреть верхушку тополя, но в темноте не было видно ни ветки. Может быть, он простоит до утра.

Мы уже почти дошли до двери, когда услышали, как в темноте бобр снова принялся грызть дерево. Я крепче ухватил Лилиан за руку.

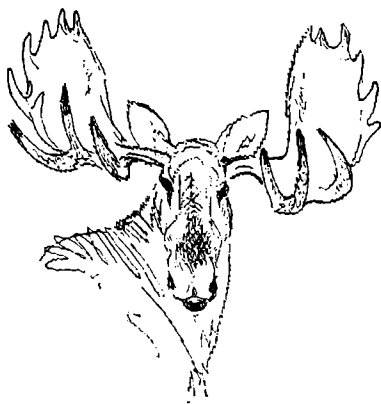
— Подожди, — сказал я, затаив дыхание.

Один, два, три... Ночь была такой тихой и спокойной, что я почти мог различить каждый звук, с которым бобр все глубже вгрызался в дерево. Шесть, семь, восемь... Затем на несколько секунд установилась напряженная тишина. Я услышал треск падающего дерева, подобный взрыву. С оглушительным всплеском оно рухнуло в воду. Затем все снова стихло.

Мы стояли неподвижно в темноте, глядя в сторону озера. Внезапно тишину нарушил торжествующий всплеск. Это старый бобр ударил хвостом по воде. Я посмотрел Лилиан в глаза. Мы улыбнулись друг другу.

— Что-то мы попытались сделать и чего-то мы достигли, — сказал я, проглотив подступивший к горлу комок. Больше я не нашелся, что сказать. Эти слова выразили все.

Мы вошли в дом вместе с Визи и сели пить кофе.

Примечания

¹ *Фрейзер* — река на западе Канады, в провинции Британская Колумбия. Длина — 1370 км, площадь бассейна — 232,5 тыс. км². Берет начало в Скалистых горах, пересекает плато Британской Колумбии, прорывается между Береговым хребтом и Каскадными горами. Впадает в пролив Джорджия (Тихий океан). Весенне-летнее половодье с максимумом в июне. Замерзает в ноябре — декабре, вскрывается в марте — апреле. Порожиста. Судоходна на отдельных участках в низовьях. Сейчас на ней — крупные ГЭС.

² *Британская Колумбия* — провинция на западе Канады. Площадь 948,6 тыс. км². Население — 1487 тыс. человек (1957 г.). Крупнейший город — Ванкувер. Почти вся поверхность гористая: на востоке — Скалистые горы, на западе — Береговой хребет. Между ними — Внутреннее плато, в центральной части которого (бассейн р. Чилкотин) и происходит действие книги. Климат суровый (средняя температура января на северо-востоке провинции — до -25° , июля — до $+15^{\circ}$). Большая часть территории покрыта хвойными лесами. Основная отрасль хозяйства на плато — мясо-молочное животноводство, местами — посевы зерновых. В горах развита добыча свинца, цинка, серебра. В Британской Колумбии оканчиваются две трансканадские железные дороги.

³ *Сосна Банкса* (*Pinus banksiana*) — сосна, распространенная в западной части Северной Америки. Достигает 25 м высоты. Ствол часто разветвлен от основания. Растет на бедных песчаных почвах. Часто образует вторичные леса на месте пожаров и вырубок.

⁴ *Черный медведь*, или *барибал* (*Ursus americanus*). До недавних пор американские зоологи считали, что в Северной Америке насчитывается несколько десятков разных видов медведей. Так, Мэрриам (1918 г.) выделил для Северной Америки 77 видов медведей. Лишь совсем недавно была ясно высказана мысль о видовом единстве всех американских медведей (Рауш, 1962 г., и др.). Даже знаменитые гризли и барибал теперь считаются всего лишь подвидами одного вида, сходного с нашим бурым медведем. На западе Канады, где жил Кольтер, распространены относительно не крупные медведи (длина тела — 1,2—1,6 м, высота в плечах — 68—91 см, вес — до 240—265 кг). В настоящее время в Северной Америке, в том числе и в Западной Канаде, ареал медведя сильно сократился. Медведь еще широко распространен на Аляске и в Северной и Западной Канаде, но в США он встречается в сущности только в Скалистых горах. Незбежно и дальнейшее сокращение его ареала.

⁵ *Канадский бобр* (*Castor canadensis*) — самый крупный из североамериканских грызунов, близкий родственник нашего бобра. Длина тела — 0,8—1,1 м, вес — до 30 кг и более. Когда-то бобры населяли почти всю Северную Америку, но затем были повсеместно уничтожены. Теперь в ряде районов США и Канады ведутся работы по их реакклиматизации. Самки начинают размножаться в возрасте около 2,5 лет. Пары обычно постоянны в течение всей жизни. На сушу бобры выходят только в темноте и передвигаются неуклюже, зато плавают и прыгают отлично. Бобр может провести под водой не менее 15 минут. Бобры строят плотины, каналы, хатки. В Америке известны бобровые плотины длиной до 700 м (США). Средняя их длина — 25 м. Плотины строятся из камней и ила, а также ветвей и кусков дерева. В толких местах (таких, как в округе Чилкотин) бобры живут в хатках. На лесных речках с крепкими берегами они могут жить и в норах. Бобровый мех высоко ценится. Значительная часть географических открытий в Северной Америке начиная с XVII в. проделана попутно с поисками бобровых шкурок. Спрос на них был так велик, что в большинстве районов бобры были уничтожены. Под охраной человека они успешно размножаются.

⁶ *Александр Маккензи* (1764—1820 гг.) — шотландский путешественник. В 1789 г., находясь на службе Северо-Западной пушной компании, первый из европейцев проплыл по р. Невольничьей. Большому Невольничьему озеру и реке, носящей теперь его имя. В 1792—1793 гг. пересек Канаду с востока на запад. Во время этого путешествия открыл неизвестную прежде реку (р. Фрейзер).

⁷ *Саймон Фрейзер* — служавший Северо-Западной пушной компании, исследовавший в начале XIX в. Западную Канаду. В 1805—1807 гг. он обследовал течение реки, названной впоследствии его именем, и спустился по ней, принимая ее за р. Колумбию.

⁸ *Чилкотин* — река, правый приток р. Фрейзер. Чилкотин также округ провинции Британская Колумбия.

⁹ *Вапити* (*Cervus elaphus canadensis*) — американский подвид нашего благородного оленя. Крупный олень. Длина тела — 2,3—2,9 м, высота в плечах — 1,5—1,65 м, вес самцов — 253—330 кг. Населяет в основном гористые местности, где совершает сезонные вертикальные миграции. Вместе с тем его биотопы достаточно разнообразны (тихоокеанские приморские влажные леса, сырые низменности, жаркие аридные равнины). Вапити наименее специализирован в питании из американских оленей: он кормится многими травянистыми растениями, ветвями кустарников и деревьев. В настоящее время среди вапити распространены болезни, связанные в основном с недоеданием. Вапити дает превосходное мясо. Численность его сокращается из-за перепромысла и пищевой конкуренции с домашним скотом.

¹⁰ *Чернохвостый олень* (*Odocoileus hemionus*). Во всех случаях, когда Коллер говорит об олене, он имеет в виду чернохвостого оленя — небольшого зверя, широко распространенного в западной половине материка Северная Америка, к северу до 60° с. ш. Длина тела чернохвостого оленя — 1,4—1,9 м, высота в плечах — 1—1,1 м, вес — 44—120 кг и более. Населяет леса и закустаренные территории, включая горы и скалы. По учетам 1948 г., в США было более 2 190 тыс. чернохвостых оленей. Лицензионный отстрел их в том же году равнялся более чем 325 тыс. голов. В Западной Канаде их численность также значительна. Чернохвостые олени часто вредят сельскохозяйственным угодьям. При тщательной охране они размножаются так сильно, что истощают свои зимние пастбища и часто гибнут от недоедания.

¹¹ *Канадская казарка* (*Branta canadensis*) — крупный американский

гусь. Длина тела — 60—100 см (у разных подвидов), вес — 5,2—6,1 кг. Одна из лучших охотничьих птиц Америки, широко распространенная на севере материка. На западе Канады встречается от южных границ страны до северных. Канадская казарка — умная, осторожная птица. Охота на нее сложнее, чем на других американских гусей. Численность ее уменьшается. Популяции, связанные с умеренными широтами, почти истреблены.

¹² *Чукучаны* — рыбы, близкие к карповым, из семейства чукучановых, или губачей (Catostomidae). Основная масса родов и видов этого семейства населяет пресные воды Северной Америки. Биологически они в значительной мере заменяют здесь бентосоядных карповых рыб.

¹³ *Рыба-скаво* (род *Ptychocheilus*) широко распространена в водах Западной Канады и прилегающих районах США (бассейны рек Фрейзер, Колумбии, Сакраменто и др.). Сорные рыбы, не имеющие промысловой ценности. Всеядны. Мелкие экземпляры питаются водными беспозвоночными, более крупные — мальками рыб. Достигают длины 30 см и более. Вредят лососевым рыбам (форели, нерке и др.), уничтожая их молодь. Обычно скапливаются вокруг рыбопроизводных заводов, поедая мальков лососей сразу же у мест их выпуска.

¹⁴ *Иглошерст*, или *древесный дикобраз* (*Erethizon dorsatum*), населяет большую часть Северной Америки, кроме юго-востока и крайнего севера материка. Крупный грызун с маленькой головой и толстым хвостом. Желтовато-белые иглы с темными концами (до 30 тыс. на одном зверьке) покрывают верхнюю сторону тела и хвост. Длина тела — 48—60 см, вес — 3,5—6,6 кг и даже до 15 кг. Живет в лесах, преимущественно с участием хвойных и тополой (осины). Весной рождается единственный детеныш. Глаза поворожденного открыты, иглы твердеют примерно через полчаса после рождения. Потрясенный иглошерст поворачивается к врагу задом, поднимает иглы и быстро бьет хвостом любой предмет, который к нему прикасается. Сам он никогда не нападает первым. Активен в основном ночью. Его характерные вздохи — стоны — типичный звук канадского ночного леса. Зимой в спячку не впадает. Летом питается травянистой растительностью, осенью и зимой обгрызает кору деревьев. Из хищников на него охотятся лиса, рысь и пума. Иглошерст — редкий зверь и потому не может причинить значительного вреда лесам или посевам.

¹⁵ *Нерка*, или *красная* (*Oncorhynchus nerka*), — один из видов тихоокеанских лососей, населяющих и наши дальневосточные моря. Длина — 60 см, вес — до 3 кг. Заходит на нерест в реки советского Дальнего Востока, Аляски и Западной Канады. От других тихоокеанских лососей отличается тем, что нерест ее происходит в основном в озерах, расположенных в верховьях рек, по которым рыбы поднимаются с моря. После нереста нерка подобно кете гибнет. Нерка наиболее ценный вид тихоокеанских лососей для консервирования. Основная масса отлавливаемой нерки приходится на Америку (по предвоенным данным: США — 64%, Канада — 16, СССР — 3,5, Япония — 16,5% общего вылова).

¹⁶ *Тополь* — у Колера речь может идти о двух видах тополей: *Populus balsamifera* и *P. tremuloides*. Последний вид можно называть и осиной, так как он ближе к нашей европейской осине, чем к остальным тополем.

¹⁷ *Чина* и *вика* — два рода бобовых растений (*Lathyrus* и *Vicia*), характерных и для Старого и для Нового Света. Есть вьющиеся лесные виды, обвивающие кусты по опушкам и прогалинам. Хорошие кормовые растения.

¹⁸ *Койот* (*Canis latrans*) — небольшой североамериканский волк, несколько напоминающий шакала, с длинной шерстью и пушистым хвостом.

Окраска рыжевато-серая, но встречаются и серые, и рыжие, и почти черные экземпляры. Койот мельче обычного волка (длина тела — 0,8—1 м, вес — 8,8—22 кг). Койоты населяют большую часть Североамериканского материка, кроме юго-восточных частей США и чистой тундры. В последние десятилетия их ареал расширяется к северу и востоку. Они предпочитают пересеченную местность с перемежающимися участками леса, кустарников и открытых пространств. Живут койоты и в пустынях, и в степях, и в сплошных лесах, и в горах на больших высотах. Число детенышей — 5—10, обычно — 6—7. Сперва самец кормит самку, а когда щенки перестают сосать мать, родители охотятся вместе. Многие койоты образуют постоянные пары на всю жизнь. В стае больше, чем одна семья, койоты не собираются. Около трех четвертей питания этого всеядного зверя составляют грызуны (особенно зайцы). При случае койот не брезгует и падалью, и разнообразной растительной пищей. мех койота груб и применяется в основном для отделки. В настоящее время специальной добычей шкурок койотов занимается мало. Койоты нападают на мелкий домашний скот и птиц, истребляют молодых охотничьих животных. Койот — неперенное действующее лицо индейских сказок, в которых он играет роль обманщика.

¹⁵ *Американский, или виргинский филин* (*Bubo virginianus*), близкий родственник нашего филина, — крупная сова с хорошо заметными ушными перьями — «рожками». Населяет большую часть Северной и Южной Америки. В Канаде встречается к северу до предела лесной растительности.

²⁰ *Красная белка, чикари, или бурундуковая белка* (*Tamiasciurus hudsonicus*), — единственная белка, встречающаяся в Северной Канаде и на Аляске, в систематическом отношении представляющая собой как бы переход от бурундуков (род *Eutamias*) к настоящим белкам (род *Sciurus*). Цвет меха — от буроватого до рыже-коричневого, зимой более тусклый, чем летом. Длина тела — 19—22 см. Широко распространена в Канаде и на Аляске. Населяет хвойные леса, особенно ельники и пихтарники. Гнездо делает в дупле, специально построенном гайне или в земляной норе, как бурундук. Красные белки очень активны, любопытны, порой шумливы. Они прекрасно лазают, но много времени проводят и на земле, особенно зимой. Имеют по несколько гнезд и убежищ. Зимой не выходят из гнезда лишь в сильные морозы и влажную погоду. На зиму делают большие запасы: прячут в земле шишки, семена, сушат на ветках деревьев грибы. Запасы используют не целиком, поэтому красные белки, как и бурундуки, играют большую роль в распространении семян. Питаются семенами ели, сосны, клена и других древесных пород, ягодами, грибами, орехами, яйцами и птенцами птиц, насекомыми. Весной прогрызают ветви берез и пьют сок. В Канаде и на Аляске шкурки красных белок заготавливают как пушнину. Мясо их съедобно.

²¹ *Скопа* (*Pandion haliaetus*) — хищная птица с широким ареалом, включающим большую часть Евразии, Северной Америки и Австралии. К северу идет до границы леса. Американская скопа — крупная птица (длина тела, включая хвост, — 58—60 см), темно-бурая, почти черная, с белым рисунком сверху и ярко-белая снизу. Питается рыбой, которую добывает, ныряя за ней на мелководье.

²² *Бурундук* (род *Eutamias*) — небольшие, похожие на белок зверьки с длинными хвостами. Вдоль спины на желтоватой шкурке резко выделяются 5 черных полос. Американские бурундуки относятся к тому же роду, что и наш сибирский бурундук. Американские зоологи насчитывают у себя более 10 видов этих зверьков. По всей вероятности, большая их часть имеет лишь подвидовое значение. По современным представле-

ниям, на плато Британской Колумбии, где жил Кольтер, могут встречаться два вида: бурундук-малютка (*E. minimus*) и желто-сосновый бурундук (*E. amoenus*). Бурундук-малютка (длина тела — 8,4—10,6 см, вес — 31—77 г) широко распространен по канадской тайге от северо-западных ее пределов до Великих озер. Он населяет осветленные и каменистые участки смешанных и хвойных лесов. В горах поднимается до высоты более 3500 м. Второй, более крупный вид бурундука населяет на Американском Западе леса из желтой сосны и к северу почти не выходит за пределы плато Британской Колумбии. На зиму бурундуки делают большие запасы семян.

²³ *Американский лось* (*Alces alces*) — американский подвид нашего лося. Самый крупный из наших оленей. Длина тела — 3,2 м, высота в плечах — 1,8—2,5 м, вес взрослого самца — 400—620 кг, а на Аляске и территории Юкон — даже до 790 кг. Самые крупные охотничьи трофеи — головы лосей — в Северной Америке известны из Британской Колумбии, территории Юкон и с Аляски. Лось населяет большую часть территории Канады, за исключением крайних северных районов. На востоке страны его ареал сократился, но на западе, где лоси прежде были почти уничтожены, в последнее время они восстанавливают свой ареал. При «переходе» лось становится собственным злейшим врагом, так как полностью уничтожает свою кормовую базу (ивняки, осинники и др.).

²⁴ *Американская летяга*, или *ассанан* (род *Glaucomys*), — маленькие, похожие на белок рыжевато-серые грызуны, имеющие между передними и задними лапками складку кожи, покрытую мехом. Прыгая, с помощью этой складки зверек планирует на большие расстояния (до 41,5 м). Американские летяги немного меньше наших. На большей части территории Канады распространен более крупный вид — *Glaucomys sabrinus*. Летяги — обычные зверьки, но из-за скрытного ночного образа жизни они редко попадают на глаза. Ночью в канадском лесу часто можно слышать голос летяги, напоминающий резкий свист маленькой птицы.

²⁵ *Воротничковый рябчик* (*Bonasa umbellus*) похож на нашего рябчика, но крупнее (длина тела — 43 см). На боках шеи мягкие черные перья образуют «воротничок». Населяет лесные районы Канады и севера США. Весной самец токует, сидя на валежнике. В небольших масштабах токование наблюдается и осенью. Массовый охотничий вид.

²⁶ *Белая куропатка* (*Lagopus lagopus*) широко распространена в Евразии и на севере Северной Америки. Длина тела — 38 см. Зимой птицы белые с черным хвостом. Летом самцы каштанового цвета с черными пятнами на груди и горле. В Северной Америке белые куропатки держатся летом в основном севернее границы леса, а зимой мигрируют к югу, иногда до прерий. В горах встречаются к югу до центра Британской Колумбии.

²⁷ *Дымчатый тетерев* (род *Dendragapus*) водится в лесах западных горных районов Канады, к северу до южного Юкона и долины р. Маккензи. Крупный темно-серый с голубоватым отливом самец имеет длину тела более 50 см.

²⁸ *Канадская дикуша* (*Canachites canadensis*) — родственник нашей дикуши (*Falci pennis falci pennis*). Внешне напоминает рябчика, но темнее и крупнее его (длина тела — 38 см). Канадская дикуша встречается в северных еловых лесах всего материка. Как и наша дикуша, очень доверчива: часто ее можно убить просто палкой или камнем. Поэтому это одна из первых птиц, исчезающих с появлением людей.

²⁹ *Канадский журавль* (*Grus canadensis*) — крупная светло-серая птица с красным лбом. Гнездится в Канаде к западу от Великих озер, от южных границ страны до Арктики. В настоящее время охота на него запре-

щена. Однако его продолжают усиленно уничтожать, так как считается, что журавли приносят ущерб урожаю зерновых. Теперь канадские журавли встречаются в основном в северных, слабоосвоенных районах.

³⁰ *Чинук* — местное название юго-западного фёна на восточных склонах Скалистых гор в Канаде и США. Особенно характерен для зимы, когда он несет влагу и тепло.

³¹ *Робин, американский краснозобый, или странствующий дрозд* (*Turdus migratorius*), в Канаде встречается всюду, к северу до границ лесной растительности. Верх темно-бурый, низ — яркий, кирпично-красный. Первые европейские поселенцы называли эту красногрудую птицу «робин» в честь знакомой им зарянки Старого Света. Ни одна из североамериканских птиц не живет в таком тесном контакте с человеком, как робин. Он постоянно гнездится в садах, парках, постройках. На маленькую европейскую зарянку он похож мало. Злейший враг робина — домашняя кошка. Робин приносит большую пользу уничтожением вредных насекомых, но может приносить и вред, расклеивая фрукты в садах. Около половины его рациона составляют животные корма (в основном насекомые). Остальное приходится на сочные плоды. Садовые фрукты и ягоды составляют обычно не более 4% его питания.

³² *Илька, или пекап* (*Martes pennanti*). — крупная куница типа нашей дальневосточной харзы. Длина тела — 53—63 см, вес — до 6 кг. Самки значительно (приблизительно на одну треть) меньше самцов и имеют более мягкий и нежный мех, который соответственно дороже ценится. Кольтер говорит о «старой ильке» и «настоящей маленькой ильке»: очевидно, речь идет о крупных ильках — самцах и маленьких — самках. Илька водится в лесах, горных и равнинных. Хорошо уживается в лиственных временниках на местах сплошных рубок, которые распространены на северо-западе Северной Америки. В основном наземный зверек. По деревьям лазает редко. Хорошо плавает, хотя, вероятно, нечасто. Ильки питаются всеми доступными им видами животных кормов, включая падаль, а также поедают некоторые растительные корма, например семена горного ясеня (*Fraxinus oregola*) и буковые орешки. Временами питаются рыбой, но ловят ли ильки ее самостоятельно или подбирают попавшую на мелководье — неизвестно. Излюбленная добыча — иглошерст. Известны случаи гибели илек от многочисленных ран, нанесенных им иглошерстами, а шкурки илек часто имеют многочисленные следы проколов. Как и американская куница, илька плохо размножается в неволе, и ни один из этих видов в Америке не удается разводить на зверофермах.

³³ *Древесные крысы* (род *Neotoma*) крысоподобные грызуны с большими, хорошо опушенными ушами, мягкой шерстью и полностью опушенным хвостом. Почти все виды этого рода распространены в западной части Северной Америки. В Британской Колумбии Кольтер имеет дело с пушистохвостой древесной крысой (*N. cinerea*). Она встречается к югу почти до Калифорнии, а к северу — до 60° с. ш. Цвет шкурки — от желтоватого до черно-бурого. Длина тела — 18—25 см, длина хвоста — 13—18 см. Прекрасно лазает по скалам. Предпочитает каменистые биотопы, но водится и в лесах. Число детенышей — 1—4. Менее чем за год молодые достигают размеров взрослых зверьков и способны размножаться. Древесные крысы — ночные и, по-видимому, колонизальные животные. Их большие гнезда напоминают уменьшенные хатки бобров. Обычно гнезда устраиваются на земле, в трещинах скал, в некоторых местностях — на деревьях и в постройках человека. В основном растительноядны. Поедают плоды, семена, кору молодых побегов, траву, иногда насекомых. На зиму делают запасы в кладовых при гнезде.

³⁴ *Луговой тетерев* (*Tympanuchus cupido*) — житель лесных, а также

открытых биотопов. Населяет центр материка, к северу до Южной Канады. В Канаде в большинстве случаев (по-видимому, и у Кольера) название «луговой тетерев» («луговая курочка» — *Prairie chicken*) неправильно дается другой птице — острохвостому тетереву (*Pedioecetes phasianellus*). Острохвостый тетерев характерен для освещенных участков еловых лесов и лесостепи Северной Америки. Встречается по всей Британской Колумбии.

³⁵ *Свидина* (род *Cornus*) — деревцо из семейства кизилковых с раскидистыми ветвями и пурпурными или желто-красными побегами, с голубыми или белыми ягодами.

³⁶ *Снежный, или толсторогий баран* (*Ovis canadensis*, или *O. nivicola*), населяет горы севера и северо-востока Сибири и северо-запада Северной Америки. Горный баран с массивными рогами, относительно тяжелого сложения. Длина тела самца — 1,4—1,9 м, высота в плечах 1—1,2 м, вес — 88—140 кг. Населяет относительно сухие горные территории, обычно с сильно пересеченным рельефом. Избегает даже незначительных участков леса. Основа питания — травянистая растительность, в меньшей степени веточные корма. Из-за перепромысла, пищевой конкуренции с домашним скотом и болезней снежный баран исчез из многих частей своего прежнего ареала, особенно в его южной части, а там, где он сохранился, численность его низка.

³⁷ *Пума, или кугуар* (*Felis concolor*), — крупный хищник из семейства кошачьих с однотонной рыжеватой или серо-коричневатой шкурой. Длина тела взрослого самца — 1,3—1,6 м, вес — 60—115 кг. Прежде пумы широко встречались в западной трети Американского материка — везде, где было достаточно много оленей. Теперь они сохранились в основном в недоступных участках гор.

³⁸ *Гагары* — крупные водные птицы с короткими узкими крыльями и плотным, жестким оперением. Длина тела — до 85 см, размах крыльев — до 1,5 м, вес 4—4,5 кг. Гагары прекрасно ныряют, легко и быстро плавают, но по суше передвигаются с большим трудом. Взлетают с воды с разбегу и только против ветра. Питаются рыбой. В Канаде встречаются три вида гагар: чернозобая, краснозобая и полярная. Кольер, по-видимому, имеет в виду типично американский подвид полярной гагары — черноклювую гадару (*Gavia immer immer*). В Британской Колумбии возможно также гнездование краснозобой гагары.

³⁹ *Чернеть*. Не совсем ясно, какой вид чернети Кольер имеет в виду — хохлатую или морскую чернеть. В округе Чилкотин хохлатая чернеть гнездится, а морская бывает на пролете. Хохлатая чернеть (*Aythya fuligula*) — нырковая утка средней величины, широко населяющая самые разнообразнейшие ландшафты Старого и Нового Света от тундр до полупустынь. Верх туловища у самца черный, низ белый. На голове — черный хохол. Распространенный охотничий вид СССР и Северной Америки.

⁴⁰ *Американские синие птицы* — широко распространенная в Северной Америке группа птиц из семейства дроздовых (род *Sialia*). Кольер, по-видимому, имеет в виду горную, или северную, синюю птицу (*S. sialis*). Самец весной имеет красивое светло-голубое оперение. Длина тела — 18 см. Распространена в Канаде от побережья Тихого океана к востоку до Манитобы, к северу — до р. Маккензи. Гнездится в дуплах, пустотах пней, трещинах скал, искусственных дуплянках. Эвритопная птичка, не избегающая человека и активно расселяющаяся к востоку.

⁴¹ *Американская куница* (*Martes americana*) и вышеше, и по образу жизни близка к нашей кунице и еще ближе — к соболу. Зимой это преимущественно наземное животное; летом в большей степени лазает по деревьям. Окраска шкурки варьирует от желтовато-коричневой до темно-

бурой. Мех красив и прочен. Живет в хвойных лесах, в горах и на равнине. Детенышей выводит в дупле дерева, в колоднике или реже в земляной норе. Поедает все живое, что встретит, не гнушается и падалью, питается также ягодами, плодами и орехами. Излюбленный корм — голубика и семена горного ясеня. Во многих районах основу питания составляют красные белки. Прежде американская куница населяла большую часть лесной Канады. В настоящее время во многих районах она полностью истреблена, в других — ее численность сведена до минимума в результате неумеренного промысла и изменения территории рубками и пожарами.

⁴² *Колибри*. Типично американский отряд тропических и субтропических птиц. В Канаде встречаются представители лишь одного семейства — Trochilidae. Оно представлено на востоке страны одним, на западе тремя видами. Колибри очень маленькие птицы (не более 9,5 см в длину) с длинным, игловидным клювом и блестящей окраской с металлическим блеском. В Британской Колумбии Кольер мог наблюдать два вида колибри: *Selasphorus rufus* и *Stellula calliope*. Рыжий колибри (*S. rufus*) распространен на западе Северной Америки от 60° с. ш. к югу до Нью-Мексико. Длина тела — 8,9 см. Оперение самца сверху яркое, кирпично-красное, на голове с легким зеленоватым отблеском. Горло красное, ниже горла — белая полоса. Великолепно сплетенное из лишайников и паутины гнездо рыжего колибри как бы «седлает» ветку дерева. Это обычный для Британской Колумбии вид. В подходящих биотопах его можно встретить всюду. Другой вид — *S. calliope* — еще меньше (длина тела — 7 см). Самец радужно-бронзовый сверху, беловатый снизу, горло розово-фиолетовое с металлическим оттенком. В Канаде населяет южную часть Британской Колумбии, а по Тихоокеанскому побережью встречается до Аляски. Обычен во внутренних долинах юга Британской Колумбии. Весной часто с другими птицами сосет березовый сок. Поврежденные березовые ветки с текущим соком бывают окружены целым «облаком» этих колибри.

Трое вместе с дикой природой (Послесловие)

Книга Эрика Кольера, на наш взгляд, представляет ценность в двух планах. С одной стороны, это интересное описание канадской природы, жизни диких животных и приключений профессиональных охотников. Одного этого было бы вполне достаточно, чтобы причислить книгу к хорошим географическим произведениям.

Однако ценность книги не только в этом. В повести излагается мысль, волнующая очень многих и в какой-то мере беспокоящая современных людей, особенно жителей города. Речь идет о стремлении человечества к общению с природой, все усиливающемуся со временем и становящемуся крайне необходимым одновременно с быстрым развитием урбанизации во всем мире, и в нашей стране в частности. Когда человек жил среди природы или когда она была всюду поблизости в необходимой дозе, потребность в контакте с ней остро не ощущалась. Теперь же особая тоска по природе, своеобразная жажда общения с ней приобретают все более конкретные формы. Эту особенность состояния психики современного человека стали не только специально отмечать, но также и изучать. Постепенно все более выясняется, что природа играет в жизни человека более серьезную психофизиологическую роль, чем предполагали. Все более очевидным становится тот факт, что жизнь без полноценного контакта с природой становится ущербной и потенциальные возможности человеческого организма реализуются не полностью. По-видимому, ученые стоят на пороге раскрытия конкретной сущности явления «тоски по природе». Возможно, что настало время специалистам особо квалифицировать это состояние человека так же определенно, как это сделано врачами и психологами для ностальгии, назвав его натуральгией.

Своеобразно и умно обрисовал свои мысли в этом направлении писатель В. А. Солоухин в ярком очерке о грибах и особой страсти к собиранию этих даров леса (книга «Третья охота»). Он считает, что у человека

самая яркая пора — детство. Человека всю жизнь манит эта золотая, но — увы! — недоступная больше страна. Но ведь детство было и у человечества в целом. Это была суровая и даже жестокая, но прекрасная пора, когда человек жил среди дикой природы, был по сути дела ее частицей и все для жизни добывал в лесу, в озере, на реке. Солоухин считает, что страсть к охоте, рыбалке, сбору грибов (и к дикой природе вообще) есть не что иное, как смутное воспоминание детства человечества, поэтому так сладка и желанна эта страсть. Говоря иными, более определенными и научными словами, можно заключить, что эволюционное прошлое, формировавшее человека, наложило неизгладимую печать и на современную сущность его организма и предъявляет совершенно определенные требования к его новой, изменившейся среде обитания, где зачастую уже не остается места для «колыбельной станции» — природы.

Мы как биологи идем еще дальше и, развивая эту понятную мысль, как видно из сказанного выше, переводим такое состояние человека не только в разряд сладкого воспоминания и страсти, как Солоухин, но и в разряд сильной биологической жажды, тоски и даже болезненного состояния.

Поскольку, как нам представляется, сам факт тоски по природе установлен, то жажду эту необходимо утолять. Форм «лечения» может быть много. Одна из очень важных — публикация различных материалов о жизни людей среди дикой природы. Книга Э. Кольера — прекрасный образец сочинения такого рода.

Книга основана на личных впечатлениях. По сути дела это описание жизни автора и его семьи, сделанное в хорошей художественной форме.

Эрик Кольер — англичанин. Сын коммерческого директора одной из компаний, он оказался неудачливым дельцом и служащим. Отец хотел, чтобы Эрик стал адвокатом, но из этой затеи ничего не вышло, и в 1919 г. семнадцатилетний Кольер покинул Англию. Отец предложил ему отправиться к кузену, владевшему участком земли в Канаде, в Британской Колумбии. Предполагалось, что Эрик займется разведением скота. Однако и это ему не удалось. Неудавшийся фермер долго искал себя, пробуя разные занятия. Он был клерком, служил в доме для приезжих, обслуживающем плато Чилкотин, и на почте в Риск-Крик. Иногда попутно с другими делами Эрик принимал пушнину у индейцев из соседней резервации. Это ему нравилось больше. Однако пушнины в этих краях было мало. Индейцы приносили шкурки койотов, изредка ондатр и даже норок.

В Риск-Крик Эрик встретился с Лилиан, своей будущей женой, и здесь наступил переломный момент в его жизни. Лилиан была на одну четверть индианкой. Ее бабушке — индианке Лале в эту пору было 97 лет (она родилась примерно в 1830 г.). Белый увел из семьи Лалу, когда ей было 15 лет, и с тех пор она не жила среди индейцев. Однако она прекрасно помнила, какой была страна и какими были охотничьи угодья до прихода белых. У индейцев были определенные родовые охотничьи участки. Семье

Лалы принадлежали верховья ручья Мелдрам, притока реки Фрейзер. Ручей тянулся примерно на 300 миль, и по его верховьям некогда располагались богатые охотничьи угодья. Во времена детства Лалы здесь бродили стада оленей, было много лосей, бобров, ондатр, уток и гусей, форели.

Бобровые плотины поддерживали благоприятный гидрологический режим всей местности и создавали удобные условия для жизни многих животных, в частности для водоплавающей дичи, форели, ондатры и лосей. Бабушка Лилиан рассказывала Эрику о былом обилии дичи. О тысячах пролетных гусей и гнездящихся уток, об огромных форелях, прыгавших во время миграций вверх по реке через бобровые плотины. Много чудесных рассказов слышал молодой Кольер о жизни бобров, о выдрах, норках и ондатрах. Рассказы эти манили его. Ведь он всегда увлекался дикой природой, охотой и рыбной ловлей, а в обычной цивилизованной жизни был неудачником. Пришли белые, уничтожили бобров, рассказывала старая индианка. Не стало бобров — не стало воды в реке. А нет воды — нет форели, нет мехов, нет травы. Дай снова реке бобров — и, может быть, вернется форель, поселятся утки и гуси, снова разольются заводи, придет исчезнувшая ондатра.

Как видно, мудрые лесные жители давно разгадали загадку структуры биоценозов северных лесов и водоемов и всегда понимали, как тесно связаны между собой отдельные обитатели охотничьих угодий. Истребили бобров — разрушились плотины, сооруженные лесными строителями, и стал прогрессивно разрушаться весь биоценоз, служивший основой жизни индейцев — охотников и рыболовов. Здесь есть над чем задуматься и нашим ученым. Ведь некогда почти всю нашу лесную зону сплошь населяли бобры, впоследствии повсеместно уничтоженные. Несколько десятилетий назад в лесные биоценозы нашей страны была вселена из Америки ондатра, которая сперва размножилась, а затем довольно быстро истребила водную растительность, служащую зверькам кормовой базой. Численность ондатры резко сократилась. Некоторые считают, что вслед за истреблением ондатрой растительности в водоемах уменьшилась и численность водоплавающей дичи, а может быть, и других животных, связанных с побережьями. На сибирских просторах численность ондатры не сдерживалась слабо развитым промыслом. В то же время в наших угодьях не оказалось некоторых природных врагов ондатры, ограничивавших ее численность в Америке (в частности, норки). С другой стороны, возможно, что почти всюду отсутствующие теперь бобры могли бы оказать благоприятное воздействие на угодья ондатры. Ведь бобры — упорные и трудолюбивые мелиораторы, неустанно создающие новые плотины, новые водоемы, а следовательно, и новые обрастающие растительностью побережья. Бобры настолько строго контролируют состояние подводомственных им угодий, что часто ученые, специально наблюдающие за ними, не успевают проследить «за ремонтом» биоценоза, который проводят эти животные.

Описание Кольером «бобровой мелиорации» угодий и по сути дела

всего ландшафта очень интересно для ученых географов и биологов. В данном случае мы имеем возможность познакомиться с опытом широкой таежной «биотехники», где главным регулятором и орудием направленного преобразования охотничьих угодий является бобр.

В июне 1931 г. семья Кольберов с двухгодовалым сыном Визи приехала на ручей Медрам с твердым намерением поселиться там. Охотничьи угодья оказались в плачевном состоянии. Речные заводи обсохли, много хороших лесов уничтожили частые пожары. Мало осталось водоплавающей дичи, бобры исчезли, а лоси, истребленные в первой половине XIX в., еще далеко не восстановили свою численность.

Департамент дичи Британской Колумбии выделил Кольеру охотничий участок площадью 60 000 га. Арендная плата за землю и право охоты была чисто символической и составляла 10 долларов в год. Охотник был обязан также отдавать небольшую сумму — долю от добытой пушнины. Арендатор обязывался охранять и способствовать размножению всех обитающих на участке полезных животных, в первую очередь пушных зверей.

Первое время Кольеры жили в палатке. Затем построили избушку, а впоследствии и более благоустроенный дом. Место было труднодоступным, удаленным от ближайшего населенного пункта на 30 миль. Поселенцы проложили и прочистили в лесу дороги, сделали через речки мосты, завели лошадей. Впоследствии семья даже приобрела автомобиль повышенной проходимости, способный передвигаться по лесным дорогам.

Жизнь лесных робинзонов была нелегкой, особенно в первое время. Кольеры были небогаты. Немногие, с трудом заработанные доллары уходили на покупку самого необходимого для жизни в глуши. Зато какую радость доставляли здесь простые и столь нужные предметы — инструменты, оружие, капканы, разное промысловое снаряжение, необходимый набор книг! В тайге вещи, обилие которых в цивилизованной жизни часто становится ненужным и даже тягостным, приобретали истинный смысл, пронизанный необходимостью их как орудий труда. Кольеры все для себя делали сами. И это тоже доставляло огромное моральное и физическое удовлетворение и наполняло жизнь простым и настоящим содержанием.

Постройка просторного и удобного дома была важной вехой в становлении их лесной жизни. Значение «своего дома» как настоящей основы для жизни приобретало в глуши свой изначальный, истинный смысл — прочного фундамента семейного очага.

Особенно трудно было наладить нормальную жизнь для маленького Визи, которому при переезде в лес не было и двух лет. Мальчик начал суровую и порой опасную, но полную интереса жизнь среди природы. Здесь не было разнообразия в пище, любое заболевание могло обернуться грозной опасностью для жизни. Однако мальчик не болел, рос крепким, смелым и самостоятельным. Родители сами обучали его наукам, и Визи легко и с интересом познавал то, что с трудом давалось детям города,

развивающийся интеллект которых был засорен массой шелухи от цивилизации.

В общем, природа отплатила Визи сторицей за любовь и преданность. Он вырос настоящим мужчиной, способным преодолевать серьезные трудности.

Кольеры сразу же стали мелпориловать угодья постройкой плотин на реке. По сути дела они не занимались устройством новых сооружений, а ремонтировали старые заброшенные бобровые плотины. После этого река стала более полноводной и появились возможности для вселения бобров. Угодья стали более благоприятными для обитания водяной дичи и ондатры. В центре внимания поселенцев были, конечно, бобры. В ручей Мелдрам было выпущено две пары бобров, и только через четыре года здесь появилось шесть активных колоний, в которых насчитывалось примерно 36 зверей. Бобры расселялись медленно и не хотели покидать первоначально освоенные места. Для того чтобы заставить бобров шире осваивать угодья, пробовали даже взрывать плотину. Бобры упорно восстанавливали ее. Тогда было признано более целесообразным отлавливать животных и самим переселять их в новые места. Так постепенно упорным трудом Кольеры создали на своем охотничьем участке мощное бобровое поселение, и промысел стал приносить ощутимый доход.

Кольеры всей душой полюбили новую жизнь, полную свободы и труда, доставляющего глубокое удовлетворение. Они охотились за пушным зверем, лосями, всевозможной дичью, ловили рыбу, строили. Полной мерой они познали свободную жизнь среди дикой природы и считали, что нет лучше места на Земле, чем их охотничий участок. Здесь они счастливо прожили почти 30 лет, т. е. жизнь целого поколения.

Конечно, счастливой была и мысль Кольера, когда он решил написать книгу о жизни трех людей среди дикой природы. Таким образом, их впечатления стали в известной мере достоянием многих людей.

Нет сомнения в том, что книга Кольера найдет множество почитателей в нашей стране, где имеется самая богатая в мире северная лесная природа, похожая на канадскую, а любителей природы, охоты и рыбной ловли — неисчислимое множество. Книга хороша не только с художественной стороны. Она имеет также большое познавательное общегеографическое значение. Книга насыщена интересными фактами о природе и диких животных Канады. С большим интересом и пользой для себя ее прочитают и взрослые, и молодежь. Очень интересна книга также и для специалистов в области охотоведения, ресурсоведения в целом и дела охраны и рационального использования природных богатств.

Не лишена повесть и некоторых недостатков. Так, по-видимому, Кольер иногда слишком увлекается при описании образа жизни диких животных, бывших его близкими соседями. Кажется не вполне правдоподобным, например, поведение лосей, превратившихся в повести в животных, почти не боящихся человека и даже докучающих поселенцам. Невероятно также,

что «голодный волк может съесть оленя за один присест...». Кольер склонен несколько преувеличивать суровость природных условий Британской Колумбии, где, на взгляд, например, сибиряка, климат довольно мягкий. Устрашающе неправдоподобно сделано описание лесного пожара в конце повести. Есть в книге и некоторые биологические неточности.

Перечислять недостатки такого рода, которых в книге немного, не имеет смысла. Их всегда можно найти практически у любого автора, включая наиболее известных писателей-натуралистов.

Книга Кольера, безусловно, хороший подарок советскому читателю. Она заставляет задуматься. Чем больше будет написано и издано подобных книг, тем больше внимания будет привлечено к одной из важнейших проблем современности — взаимоотношению человека и природы.

На наш взгляд, главный смысл книги не совсем точно отражен в ее названии. Истинное содержание основной идеи повести заключается не в том, что трое объединяются «против дикой природы», а в том, что они видят смысл жизни в единстве с ней.

*Е. Е. Сыроечковский
Э. В. Рогачева*

Кольер, Эрик
ТРОЕ ПРОТИВ ДЕБРЕЙ

Редактор *С. Н. Кумкес*
Младший редактор *Т. И. Кондрашова*
Редактор карты *Г. Н. Мальчевский*
Художественный редактор *В. А. Масленников*
Технический редактор *Г. И. Смирнов*
Корректор *Т. М. Ефимова*

Сдано в набор 12 мая 1972 г. Подписано в печать 12 октября 1972 г. Формат бумаги 60×84¹/₁₆, № 2. Усл. печатных листов 15,35 с вкл. Учетно-издательских листов 17,61. Тираж 65 000 экз. Цена 87 коп. Заказ № 595.

Издательство «Мысль».
117071, Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

«Союзполиграфпром» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени Ленинградской типографии № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская ул., 26 с матриц ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова. Москва, М-54, Валовая, 28.

Кольер, Э.

- К 62** Трое против дебрей. Пер. с англ. Научная редакция, послесл. и примеч. Е. Е. Сыроечковского и Э. В. Рогачевой. Изд. 2-е. М., «Мысль», 1973.
255 с.

Книга написана канадским траппером, поселившимся с семьей в дремучих лесах Крайнего Запада Канады. Это увлекательный рассказ о полной труда и опасностей жизни охотника, о ценном опыте автора по восстановлению естественных богатств лесов, истощенных хищническим промыслом. Особое место в книге занимает описание жизни бобров.

Книга адресуется широкому кругу читателей.

57 (069)

87 коп.

